

*Самый увлекательный роман Тайлер,
история любви и гимн семье.*

LIBRARY JOURNAL

роман автора "Катушки синих ниток"

ЭНН ТАЙЛЕР

Пулитцеровская премия

Annotation

За роман «Уроки дыхания» Энн Тайлер получила Пулитцеровскую премию.

Мэгги порывиста и непосредственна, Айра обстоятелен и нетороплив. Мэгги совершает глупости. За Айрой такого греха не водится. Они женаты двадцать восемь лет. Их жизнь обычна, спокойна и... скучна. В один невеселый день они отправляются в автомобильное путешествие – на похороны старого друга. Но внезапно Мэгги слышит по радио, как в прямом эфире ее бывшая невестка объявляет, что снова собирается замуж. И поездка на похороны оборачивается экспедицией по спасению брака сына. Трогательная, ироничная, смешная и горькая хроника одного дня из жизни Мэгги и Айры – это глубокое погружение в самую суть семейных отношений, комедия, скрещенная с высокой драмой. «Уроки дыхания» – негромкий шедевр одной из лучших современных писательниц.

- [Энн Тайлер](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
-

Энн Тайлер
Уроки дыхания

Часть первая

Глава 1

Мэгги и Айре Моран нужно было поехать на похороны в Дир-Лик, штат Пенсильвания. Умер муж школьной подруги Мэгги. Дир-Лик стоял на узком провинциальном шоссе милях в девяноста от Балтимора, похороны были назначены на десять тридцать субботнего утра; значит, выехать следовало, решил Айра, около восьми. Настроение из-за этого было у него сварливым – Айра был не из ранних пташек. К тому же суббота – самый бойкий в его работе день, а замену себе не найти. Да еще и машина находилась на станции техобслуживания. Машина нуждалась в серьезном ремонте, и получить ее назад раньше восьми часов субботнего утра (время, когда открывалась станция) было никак нельзя. Айра сказал, что, может, им лучше просто-напросто никуда не ехать, но Мэгги ответила: надо. Она и Серина дружили с младенчества. Или почти с младенчества – сорок два года, начиная с первого класса школы мисс Киммель.

Подняться они собирались в семь, однако Мэгги неправильно поставила будильник, и оба проспали. Одеваться пришлось второпях, а на завтрак обойтись наспех заваренным кофе и хлопьями. Проглотив их, Айра пешком отправился в свою мастерскую, чтобы прилепить к двери записку для клиентов, а Мэгги пошла за машиной. Она надела лучшее свое платье, синее с белым рисунком и рукавами наподобие пелерины, и новенькие черные туфли-лодочки – похороны все-таки. Каблуки у туфель были не очень высокие, тем не менее быстро идти не позволяли: Мэгги больше привыкла к каучуковым подошвам. А тут еще колготки как-то перекошились в промежности, отчего шажки ей приходилось делать мелкие, неестественно ровные, и по тротуару она продвигалась, точно какая-нибудь коренастая заводная игрушка.

На ее счастье, станция находилась всего в нескольких кварталах от дома. В этой части города все было перемешано – небольшие каркасные дома, такие же, как у Моранов, а рядом ателье фотографов-портретистов, маленькая, способная обслужить лишь одну клиентку за раз парикмахерская, водительская школа и ортопедическая клиника. Но погода была чудесная: теплый, солнечный сентябрьский денек, и ветерок такой приятный – в самый раз, чтобы освежить Мэгги лицо.

Она шла, приглаживая свою челку, которая все норовила закурчавиться и обратиться в вихор. Шла, сжимая под мышкой нарядную сумочку. Шла, потом повернула налево – вот и станция, «Кузов и Крылья». Облупившаяся зеленая дверь уже поднята, за ней, в пещерном нутре, стоит резкий запах краски, наводящий на мысль о лаке для ногтей.

Чек у Мэгги был заготовлен заранее, управляющий сказал, что ключи в машине, ничто ее не задерживало. Автомобиль – пожилой серовато-синий «додж» – стоял у задней стены гаража. Выглядел он лучше, чем в последние несколько лет: задний бампер выпрямлен, покореженная крышка багажника отрихтована, с полдюжины вмятин тоже, пятна ржавчины на дверцах покрашены. Айра прав: в конце концов, покупать новую машину им ни к чему. Мэгги уселась за руль, включила зажигание, и тут же заработало радио – «АМ Балтимор» Мела Спрюса, ток-шоу «Звоните – отвечаем». Ладно, пусть немного поработает. Она подправила сиденье – кто-то, выше Мэгги, слишком отодвинул его назад, – наклонила слегка зеркальце заднего вида. Собственное лицо уставилось на нее, круглое, чуть лоснящееся, с некоторой неуверенностью и как будто тревогой в голубых глазах, хотя на самом деле она всего лишь прищурилась, чтобы лучше видеть в полумраке. Включив передачу, Мэгги плавно поплыла к выезду на улицу, рядом с которым стоял, мрачно созерцая прикрепленную к двери его офиса доску извещений, хозяин станции.

Сегодня на «АМ Балтимор» обсуждался вопрос: «Что делает брак идеальным?» Позвонившая в студию женщина сказала: общность интересов. «Типа, когда вы смотрите по телику одни программы», – пояснила она. Мэгги вопрос об идеальном браке интересовал меньше всего, она уж двадцать восемь лет как замужем. Опустив стекло, Мэгги крикнула: «Ну, пока!» – и хозяин станции оторвал взгляд от доски.

Мягкий голос сказал по радио: «А я вот снова замуж собралась. В первый раз вышла по любви. По настоящей искренней любви, и ничего из этого не получилось. В следующую субботу выйду ради уверенности в завтрашнем дне».

Мэгги взглянула на шкалу настройки и спросила:

– Фиона?

Она собиралась нажать на тормоз, а нажала на акселератор и вылетела из гаража на улицу. Накативший слева фургон «Пепси»

вмазался в ее переднее левое крыло – единственную часть машины, с которой ничего хоть в малой мере дурного до сих пор не происходило.

В далеком детстве Мэгги играла с братьями в бейсбол и, если ей случалось пораниться, уверяла их, что все у нее хорошо, потому что боялась, как бы они не выкинули ее из игры. Собиралась с силами и бегала, не прихрамывая, несмотря на мучительную боль в колене. Теперь она вспомнила об этом, и когда хозяин станции подбежал к ней с криком: «Какого... Вы целы?» – Мэгги, величаво глядя вперед, ответила: «Разумеется. А почему вы спрашиваете?» – и отъехала еще до того, как водитель «Пепси» выбрался из кабины. Судя по его лицу, с ним тоже все было в порядке. Однако, сказать по правде, крыло издавало весьма неприятный звук, примерно как пустая консервная банка, когда ее волокут по гравию, и потому, свернув за угол (двое мужчин, один чесал в затылке, другой размахивал руками, исчезли из зеркальца заднего вида), Мэгги остановилась. Фионы в эфире больше не было. Вместо нее какая-то женщина скрипучим тенором проводила сравнительный анализ своих пятерых мужей. Мэгги выключила двигатель и вышла из машины. Причину неприятного шума она обнаружила сразу: крыло вдавилось внутрь и цепляло покрышку – удивительно, что колесо вообще вертелось. Мэгги присела на бордюрный камень, взялась обеими руками за край крыла и потянула его на себя. (И вспомнила, как сидела на корточках в высокой траве дальнего поля и воровато, наморщась, отлепляла штанину джинсов от окровавленного колена.) Несколько хлопьев серовато-синей краски упали на подол платья. Кто-то прошел за ее спиной по тротуару, однако она, притворившись, что ничего не замечает, снова потянула крыло. На сей раз оно поддалось – не так чтобы очень, но от покрышки отлипло, и Мэгги встала и отряхнула руки. Потом снова забралась в машину, но примерно минуту просто сидела в ней. «Фиона!» – повторила она. А когда запустила двигатель, радио уже рассказывало что-то о банковских ссудах, и Мэгги его выключила.

Айра ждал ее перед своей мастерской, непривычный и странно франтоватый в темно-синем костюме. Над ним покачивалась на ветерке железная вывеска: БАГЕТНАЯ МАСТЕРСКАЯ СЭМА. РАМЫ, ПАСПОРТУ. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОФРМЛЕНИЕ ВАШИХ ВЫШИВОК. Сэм был отцом Айры, но с тех пор, как обзавелся тридцать лет назад «слабым сердцем», бизнеса своего и

пальцем не коснулся. Мэгги всегда брала «слабое сердце» в кавычки. И подчеркнуто игнорировала окна расположенной над мастерской квартиры, где Сэм влачил в тесноте свои праздные, брюзгливые дни в обществе двух сестер Айры. Наверное, он стоял сейчас у одного из окон, наблюдая за Мэгги. Она притормозила у бордюра и переползла на пассажирское сиденье.

Подходя к машине, Айра внимательно осматривал ее. Для начала он с удовольствием и одобрением окинул взглядом капот, однако, увидев левое крыло, остановился. Длинное, худое, оливковое лицо его вытянулось. Глаза, и без того настолько прищуренные, что трудно было сказать черные они или просто темно-карие, превратились в озадаченные, уставившиеся вниз щелки. Он открыл дверцу, сел и направил на Мэгги полный печали взгляд.

- Непредвиденная ситуация, – сказала Мэгги.
- Всего лишь между автостанцией и мастерской?
- Я слышала по радио Фиону.
- Каких-то пять кварталов! Всего-навсего пять или шесть.
- Айра, Фиона выходит замуж.

Машину он из головы выбросил, с облегчением отметила она. У него даже лоб разгладился. Несколько мгновений он смотрел на Мэгги, а потом спросил:

- Какая Фиона?
- Твоя сноха, Айра. Ты много Фион знаешь? Фиона, мать твоей единственной внучки, выходит замуж за какого-то совершенно неизвестного человека ради уверенности в завтрашнем дне.

Айра сдвинул сиденье назад и отъехал от бордюра. Казалось, он к чему-то прислушивался – возможно, к стуку колеса. Но, по-видимому, с крылом она надрывалась не зря.

- Где ты об этом слышала? – спросил он.
- По радио, пока вела машину.
- Теперь о таких штуках по радио объявляют?
- Она позвонила в студию.
- Ну, если хочешь знать мое мнение, это свидетельствует о... несколько завышенной самооценке, – сказал Айра.
- Да нет, она просто... и потом Фиона сказала, что Джесси – единственный, кого она любила по-настоящему.
- Так прямо по радио и сказала?

– Это же ток-шоу.

– Не понимаю я, почему нынче каждый норовит раздеться догола на глазах у публики, – сказал Айра.

– Как по-твоему, Джесси мог ее услышать? – спросила Мэгги. До сих пор ей это в голову не приходило.

– Джесси? В такое-то время? Да если он просыпается до полудня, так уже праздник.

С этим Мэгги спорить не стала, хоть и могла бы. На самом деле Джесси вставал рано, к тому же он по субботам работал. Айра просто хотел сказать, что Джесси лентяй, и вообще относился к сыну куда суровее, чем Мэгги. Не желал видеть даже половины его достоинств. Мэгги смотрела вперед, на скользившие мимо дома и магазины, на редких пешеходов с собаками. Нынешнее лето было самым сухим на ее памяти, тротуары белели, точно намазанные известкой. И в воздухе словно кисея повисла. Перед «Бакалеей для бедных» мальчик нежно протирает тряпочкой спицы своего велосипеда.

– Значит, ты выехала на Эмпри-стрит, – сказал Айра.

– Ммм.

– Там расположена станция.

– Ну да, на Эмпри-стрит.

– Потом направо на Даймлер...

Он снова вернулся к крылу. Мэгги сказала:

– Все случилось, когда я выехала из гаража.

– Ты хочешь сказать, прямо там? Перед станцией?

– Хотела нажать на тормоз, а нажала на газ.

– Это как же?

– Просто услышала по радио Фиону и перепугалась.

– Я к тому, Мэгги, что о педали тормоза человеку и думать-то не приходится. Ты водишь машину с шестнадцати лет. Как же ты могла перепутать тормоз с газом?

– Ну вот перепутала, Айра. Тебя это устроит? Испугалась и перепутала. И хватит об этом.

– Я хотел сказать, что нажать на тормоз – это более-менее рефлекс.

– Если для тебя это так важно, оплати починку из моего жалованья.

Тут уж ему пришлось прикусить язык. Мэгги видела, он собирался сказать что-то, да передумал: жалованье-то у нее было смешное. Она ухаживала за стариками в доме престарелых.

Если бы нас предупредили пораньше, думала Мэгги, я бы хоть в машине прибралась. Приборная доска была завалена корешками парковочных квитанций; пол усеивали банки из-под прохладительных напитков и бумажные салфетки; под бардачком свисали петли черного и красного проводов. Зацепи их, перекрещивая ноги, – и отключишь радио. Она считала, что этим следовало заняться Айре. Мужчины, куда бы они ни попали, непонятно как сразу обрастают проводами, кабелями, изолянтами. Иногда и сами того не замечая.

Машина уже ехала по Белэр-роуд на север. Окрестные виды постепенно менялись, спортивные площадки и кладбища чередовались со скоплениями небольших предприятий – винных магазинов, пиццерий, маленьких темных баров и кабачков, обращенных в карликов огромными тарелками антенн на их крышах. А следом вновь внезапно появлялась спортивная площадка. Движение с каждой минутой становилось плотнее. Все куда-то ехали в праздничном, не сомневалась Мэгги, подобающем субботнему утру настроении. В большинстве машин задние сиденья занимали дети. Время уроков гимнастики и бейсбольных тренировок.

– Пару дней назад, – сообщила Мэгги, – я умудрилась забыть выражение «совместная машина».

– А зачем тебе его было помнить? – спросил Айра.

– Вот и я про то же.

– Пардон?

– Я говорю о том, как летит время. Я хотела сказать одному пациенту, что его дочь сегодня не придет. Сказала: «Сегодня ее очередь водить, э-э...» – и не смогла вспомнить, как это называется. А кажется, я только вчера везла Джесси на матч или в хоккейный лагерь, а Дэйзи – на слет девочек-скаутов... Господи, да я целые субботы за рулем проводила!

– Кстати, о руле, – сказал Айра. – Ты в другую машину врезалась? Или просто в телеграфный столб?

Мэгги рылась в сумочке, отыскивая солнечные очки.

– В фургон, – сказала она.

– О господи. Сильно его покорежила?

- Не обратила внимания.
- Не обратила внимания.
- Просто не остановилась, чтобы посмотреть.

Она надела очки, поморгала. Краски померкли, все стало более изысканным.

– Мэгги, ты скрылась с места аварии?

– Да какая там авария! Обычное мелкое... ну, происшествие, такие случаются сплошь и рядом.

– Так, давай посмотрим, правильно ли я все понял, – сказал Айра. – Значит, ты вылетаешь из гаража, врезаешься в фургон и катишь дальше.

– Нет, это фургон в меня врезался.

– Но виновата была ты.

– Ну да, наверное, раз уж тебе непременно нужны виноватые.

– И ты просто уехала.

– Да.

Он замолчал. Добра это молчание не предвещало.

– Это был здоровенный фургон «Пепси», – сказала Мэгги. – Практически танк бронированный! На нем и царапины не осталось, даже не сомневаюсь.

– Ты ведь не проверяла.

– Я боялась опоздать, – пояснила Мэгги. – Ты же сам твердил, что нам нужен запас времени.

– Ты понимаешь, что на станции есть твоё имя и адрес, не так ли? Все, что нужно водителю, – спросить их. Когда мы вернемся, у двери нас будет поджидать полицейский.

– Айра, ты не мог бы оставить эту тему? – спросила Мэгги. – Мне и без того есть о чем подумать. Я еду на похороны мужа моей самой старой, самой близкой подруги, Серине с чем только сейчас справляться не приходится, а нас с ней целый штат разделяет. А тут я еще слышу по радио о предстоящем замужестве Фионы, хотя и ежу понятно, что они с Джесси по-прежнему любят друг друга. Всегда любили, не переставали любить, просто им почему-то не удается, ну, достучаться друг до друга. Мало того, моей единственной внучке придется вдруг прилаживаться к новоиспеченному отчиму. Мы с ней словно разлетаемся в разные стороны! Все мои подруги, все родственники улетают от меня, как... как в расширяющейся вселенной

или еще где. Мы больше не увидим нашу девочку, хоть это ты понимаешь?

– Да мы ее и так не видим, – кротко ответил Айра. И остановился на красный свет.

– Откуда нам знать, может, этот ее новый муж – растлитель малолетних, – сказала Мэгги.

– Уверен, что Фиона выбрала бы кого-нибудь получше, Мэгги.

Она бросила на мужа косой взгляд. (Хорошо отзываться о Фионе – это на него не походило.) Айра смотрел на светофор. От уголков его прищуренных глаз расходились морщинки.

– Ну разумеется, она постаралась бы сделать выбор получше, – настороженно произнесла Мэгги, – но ведь даже самая разумная на свете женщина не способна предвидеть все проблемы до одной. Может быть, он такой, знаешь, вкрадчивый и льстивый. И будет ласков с Лерой – пока не пролезет в семью.

Светофор переключился. Айра повел машину дальше.

– Лерой, – задумчиво произнесла Мэгги. – Как по-твоему, сможем мы когда-нибудь привыкнуть к этому имени? Звучит совсем по-мальчишески. Такие имена у футболистов бывают. А как они его произносят: *Ли-рой*. Совершенно по-деревенски.

– Ты прихватила карту, которую я оставил на кухонном столе? – спросил Айра.

– Я иногда думаю, что нам следует просто начать произносить его по-нашему, – сказала Мэгги. – Ле-рой.

И призадумалась.

– Карта, Мэгги. Ты взяла ее?

– Она у меня в сумочке. Ле Руа. – На сей раз она произнесла «Р» с французской раскатистостью.

– Как-то не похоже, что нам теперь удастся часто общаться с ней, – сказал Айра.

– А стоило бы. Мы могли бы навестить ее сегодня под вечер.

– Как это?

– Ты же знаешь, где они живут – в Картуиле, Пенсильвания. Практически по пути к Дир-Лику. – Мэгги копалась в сумочке. – Мы могли бы побыть на похоронах, понимаешь? – а потом... Да где же эта карта? Побывать на похоронах, а потом поехать по Первому шоссе к... Знаешь, похоже, карту я все-таки не взяла.

– Отлично, Мэгги.

– Наверное, оставила на столе.

– Я же спросил у тебя, когда мы собирались, помнишь? Сказал: «Карту ты возьмешь или я?» И ты ответила: «Я. Положу ее в сумочку».

– Просто не понимаю, почему ты из-за нее такой шум поднимаешь, – сказала Мэгги. – Нам только одно и требуется – следить за дорожными знаками, а с этим кто угодно справится.

– Все немного сложнее, – ответил Айра.

– Кроме того, у нас есть указания, которые Серина дала мне по телефону.

– Мэгги. Ты действительно веришь, что указания Серины способны привести нас туда, куда мы должны попасть? Ха! Да мы скорее в Канаду заедем. Или в Аризону!

– Послушай, не надо так волноваться по пустякам.

– И никогда больше не увидим нашего дома, – пообещал Айра.

Мэгги вытряхнула из сумочки свой бумажник, пакетик салфеток «клинекс».

– По милости Серины мы на ее собственный свадебный обед опоздали, помнишь? – сказал Айра. – Нам пришлось целый час искать тот дурацкий банкетный зальчик.

– Нет, ну правда, Айра, ты всегда говоришь так, будто все женщины – пустоголовые болтуны. – Поиски в сумочке Мэгги прекратила, ясно было, что и указаний Серины там нет. И добавила: – Я думаю о том, как облегчить Фионе жизнь. Мы могли бы взять девочку к себе.

– К себе?

– На медовый месяц.

Айра бросил на нее взгляд, которого она не поняла.

– Она выходит замуж в следующую субботу, – объяснила Мэгги. – Нельзя же ехать в свадебное путешествие с семилетним ребенком.

Айра по-прежнему молчал.

Они уже миновали городскую черту, домов вокруг стало меньше. Проехали стоянку подержанных машин, реденькую рощицу, торговый пассаж с несколькими разбросанными по бетонной пустоши автомобилями ранних пташек. Айра начал насвистывать. Мэгги перестала теревить ремень сумочки и сидела неподвижно.

Бывали времена, когда Айра и десятка слов за день не произносил, а если и говорил что-то, понять, о чем он думает, было невозможно. Человеком он был замкнутым и нелюдимым – самый серьезный его недостаток. Но при этом не понимал, что его насвистывание способно много чего о нем рассказать. Однажды – не самый приятный пример – после жуткой ссоры в ранние еще дни их супружества они более-менее помирились, и Айра отправился на работу, насвистывая песенку, которую Мэгги узнала не сразу. Слова она вспомнила только потом. *Уж так ли крепко я люблю, как любил тогда...*^[1]

Впрочем, нередко ассоциация оказывалась тривиальной, отчасти случайной – тот же «Этот старый дом» исполнялся при мелком ремонте, а «Монтер из Вичито», когда Айра привозил из прачечной белье. А «Колдуй, колдуй, вуду...»^[2] бессознательно насвистывалась через пять минут после того, как он обходил оставленную собакой на тротуаре кучу. Но разумеется, бывало, что он свистел и нечто неизвестное Мэгги. Вот, скажем, сейчас: что-то тихое, проникновенное, такое передают по балтиморскому радио. Хотя, возможно, он просто услышал эту песенку, когда брился, и тогда она вообще ничего не значит.

Песня Пэтси Клайн, вот что это такое. «Чокнутая» Пэтси Клайн.

Мэгги резко выпрямилась и заявила:

– Совершенно нормальные люди присматривают за своими внуками, Айра Моран.

Он даже испугался слегка.

– Держат их у себя месяцами. Берут в дом на целое лето, – продолжала она.

Айра ответил:

– Но в гости без предупреждения все-таки не приезжают.

– Еще как приезжают!

– Энн Ландерс^[3] считает такие визиты неразумными, – сказал он.

Энн Ландерс, его личная героиня.

– И потом, мы же не кровные родственники, – продолжал Айра. – Мы теперь Фионе вообще никто.

– Мы дед и бабушка Лерой и останемся ими до самой смерти, – отрезала Мэгги.

Айра промолчал.

Этот участок дороги отличался редкой бестолковщиной. Чего на нем только не было – там закусочная барбекю, тут выставка-продажа плавательных бассейнов. На обочине стоял нагруженный тыквами пикап. ВСЕ, ЧТО СМОЖЕТЕ УНЕСТИ, ЗА 1,5 ДОЛЛАРА, – было написано от руки на листе картона. Тыквы напомнили Мэгги об осени, хотя было до того тепло, что у нее над верхней губой пот выступил. Она опустила стекло, отшатнулась от напора жаркого воздуха и подняла стекло снова. Хватит с нее и ветерка, задувающего со стороны Айры. Машину он вел одной рукой, локоть левой лежал на краю окна. Рукава пиджака отъехали вверх, выставив напоказ запястья.

Серина называла его загадочным. В те дни это считалось комплиментом. Мэгги даже на свидания с ним не ходила, у нее был другой молодой человек, но Серина твердила: «Как тебе удастся устоять против него? Он такой загадочный». «Что значит устоять? Он за мной не ухаживает», – отвечала Мэгги, хоть и думала о нем (Серина была права – загадочности в нем хватало). Впрочем, сама-то Серина выбрала самого открытого парня на свете. Смешной старина Макс! Вот уж в ком никаких загадок не наблюдалось. «Одно из самых счастливых моих воспоминаний, – рассказал однажды Макс (ему тогда было двадцать, он только что закончил учебу на первом курсе университета Северной Каролины), – я и двое ребят из студенческого братства отправились на вечеринку. Там я малость перебрал и по пути домой отключился на заднем сиденье машины, а когда очухался, оказалось, что они заехали в Каролина-Бич и бросили меня на песке у моря. Шутка: ха-ха. Было шесть утра, я сидел на берегу и видел лишь небо, пласт за пластом мглистого неба, которое сливалось с морем без малейшего намека на горизонт. И я встал, сбросил одежду и побежал в волны – на берегу-то никого, только я. Счастливейший день моей жизни».

Что, если кто-то сказал бы тогда Макс: тридцать лет спустя ты умрешь от рака, а то утро у океана останется для Мэгги самым ярким воспоминанием о тебе? Дымка, теплые дуновения воздуха на голой коже, первая дрожь от холодной воды, пахнувшая рассолом волна – Мэгги словно сама там побывала. Внезапно ей захотелось поблагодарить проскакавшее мимо скопление залитых солнцем рекламных щитов и даже виниловую обшивку сиденья, которая липла сзади к рукам.

Айра поинтересовался:

– Хотелось бы знать, за кого она выходит?

– Что? – не поняла Мэгги. Мысли ее как-то спутались.

– Фиона.

– А, – произнесла Мэгги. – Она не говорила.

Айра пытался обогнать бензовоз. Склонил голову налево – посмотреть, кто едет навстречу. И миг спустя сказал:

– Странно, что она и об этом не объявила, раз уж начала откровенничать.

– Она сказала только, что выходит замуж ради уверенности в завтрашнем дне. В первый раз вышла по любви, и ничего хорошего из этого не получилось.

– Любовь! – фыркнул Айра. – Ей было семнадцать лет. Она ни аза о любви не знала.

Мэгги взглянула на него. «И в чем эти азы состоят?» – хотелось спросить ей. Но Айра уже бурчал, ругая бензовоз.

– Может быть, на этот раз за человека постарше, – сказала она. – Который будет по-отечески ее опекать. Раз уж ей нужна уверенность в завтрашнем дне.

– Этот типчик отлично знает, что я пытаюсь его обогнать, и все время вылезает на соседнюю полосу, – сказал Айра.

– А может быть, замужество нужно ей, чтобы не ходить на работу.

– Вот уж не думал, что она работает.

– Она работает, Айра. Тебе это прекрасно известно! Отводит Лерой в детский сад и идет работать в косметический салон.

Айра гуднул бензовозу.

– Не понимаю, зачем ты сидишь с людьми в гостинной, если даже слушать их никакого труда себе не даешь, – сказала Мэгги.

Айра спросил:

– Мэгги, у тебя сегодня что-то не так?

– О чем ты?

– Уж больно ты раздражительная.

– Я не раздражительная. – Мэгги сдвинула немного выше темные очки и увидела кончик своего носа – маленький, круглый, торчащий из-под перемычки.

– Это все Серина, – сказал Айра.

– Серина?

– Ты расстроилась из-за Серины вот и пытаешься мне голову открутить.

– Конечно, расстроилась, – ответила Мэгги, – но только голову я тебе открутить не пытаюсь.

– Пытаешься. По той же причине и от Фионы никак отцепиться не можешь, хоть и не вспоминала ее годами.

– Неправда! Откуда тебе знать, как часто я вспоминаю Фиону?

Айра наконец обогнал бензовоз.

Теперь они въехали в местность по-настоящему сельскую. Двое мужчин рубили на просеке дрова; черная, лоснящаяся собака наблюдала за ними. Деревья еще не сменили окраску, но вид у них был уже чуть отрешенный, означавший, что это вот-вот случится. Мэгги смотрела на деревянную изгородь, что тянулась вдоль поля. Занятно, как некоторые картины застревают у тебя мозгу, а ты и не знаешь об этом. Увидишь оригинал и думаешь: боже! так она же все время сидела в моей голове, как сновидение, которое утром наполовину возвращается к тебе, кусочками. Эта изгородь, например. Машина ехала по дороге, ведущей к Картуилу, значит, она видела эту изгородь во время своих «шпионских вылазок» и бессознательно присвоила ее.

– Рифленный, – произнесла она.

– Ммм?

– Такие заборы называют «рифленными», верно?

Айра взглянул в окно, однако изгородь уже исчезла.

Мэгги парковала машину на некотором расстоянии от дома матери Фионы и сидела в надежде хоть мельком, хоть на минуточку увидеть Лерой. Айру удар хватил бы, узнай он об этом. Это было, когда Фиона только-только ушла из дома после сцены, которую Мэгги вспоминать не любила. (Про себя она называла ее «То Ужасное Утро» и старалась стереть из памяти.) Да, в те дни она была маньячкой – Лерой совсем еще малышка, а что Фиона понимает в малышах? Без Мэгги она была как без рук. Вот Мэгги и ездила по своим неполным рабочим дням в Картуил, и сидела в машине, и ждала, и вскоре Фиона выходила из дома с Лерой на руках, и шла в другую сторону, быстро, ее длинные светлые волосы спадали, словно завесы, на лицо малышки, казавшееся яркой пуговкой на плече Фионы. Сердце Мэгги взлетало вверх, как у влюбленной. Да она и была влюблена – и в Лерой, и в Фиону, она даже в собственного сына влюблялась, увидев, как он неуклюже укачивает

дочку, прижав ее к своей черной кожаной куртке. А признаться во всем боялась – по крайней мере, тогда. Просто приезжала домой и говорила Джесси: «Я сегодня в Картуиле была».

Лицо его словно распахивалось. Один пугающий миг он смотрел на нее, а потом отводил взгляд и спрашивал:

– Ну и?..

– Я не разговаривала с ней, но видела – она по тебе скучает. Она гуляла одна, с Лерой. Больше с ними никого не было.

– Думаешь, мне это интересно? – спрашивал Джесси. – По-твоему, меня это волнует?

Впрочем, на следующее утро он просил у нее машину, и Мэгги испытывала облегчение. (Он любящий, мягкий, добросердечный мальчик, одаренный сверхъестественным умением привлекать к себе людей. Все уладится, и очень скоро.) Джесси отсутствовал целый день – Мэгги каждый час звонила домой с работы – и возвращался, когда она готовила ужин.

– Ну что? – спрашивала она.

– Что – что? – говорил он, уходил наверх и запирался в своей комнате.

И Мэгги понимала – времени потребуется гораздо больше, чем она ожидала.

Три раза – в первые три дня рождения Лерой – она и Айра наносили Фионе традиционные визиты, заранее обговоренные, с подарками; но настоящими визитами были для Мэгги ее шпионские вылазки, которые она даже не планировала, просто некие длинные, незримые нити тянули ее на север. Она, скажем, думала, что едет в супермаркет, а оказывалась на Первом шоссе, уже пряча лицо в воротник плаща, чтобы ее не узнали. И околачивалась потом рядом с единственной в Картуиле детской площадкой – стояла у песочницы и бесцельно разглядывала свои ногти. А могла затаиться в проулке, напялив ярко-рыжий парик Айриной сестры Джуни. И чувствовала в такие мгновения, что стареет. Может быть, когда Лерой пойдет учиться, придется нанять кого-нибудь, кто будет регулировать перед школой движение транспорта? А может быть, ей стоит изобразить из себя вожатую девочек-скаутов, сколотить собственный отряд? Или заделаться распорядительницей выпускного вечера в школе Лерой? Ладно. Не надо отвлекаться. Она же понимала – по мрачному

молчанию Джесси, по вялости, с которой Фиона раскачивала на детской площадке качели, – что долго они прожить в разлуке не смогут. Ведь не смогут, правда?

Как-то после полудня она пошла по пятам за матерью Фионы, которая гуляла с коляской по Мейн-стрит. Миссис Стакки была неряшливой, бесформенной женщиной, курившей сигареты. Мэгги ей не доверяла, и правильно делала, потому что только посмотрите, что она учинила: поставила коляску с Лерой перед детской аптекой, а сама скрылась внутри. Мэгги просто в ужас пришла. Лерой же могли похитить! Любой прохожий мог. Мэгги подошла к коляске, присела перед ней на корточки. «Солнышко, – сказала она. – Хочешь, бабушка тебя увезет?» Девочка уставилась на нее. Ей было тогда года полтора или около того, однако личико ее казалось на удивление взрослым. И ножки уже лишились младенческой пухлости. Глаза такие же светло-голубые, как у Фионы, взгляд ровный, пустой, она не узнала Мэгги. «Это бабушка», – сказала Мэгги, но Лерой заерзала, вытянула шею и произнесла: «Мам-мам?» И посмотрела, тут уж не ошибешься, на дверь, за которой исчезла миссис Стакки. Мэгги встала и быстро ушла. Отвергнутая, она ощущала физическую боль, словно от настоящей раны в груди. На том ее шпионские вылазки и закончились.

Когда она проезжала здесь по весне, в рощах обильно цвел кизил. От его белых цветов зеленые холмы светлели, как от нескольких веточек гипсолюбки светлеет любой букет. А однажды Мэгги увидела зверушку, какую-то необычную – не кролика или енота, постройнее, поглаже, – и резко затормозила, и повернула зеркальце заднего вида, чтобы посмотреть на нее, оставшуюся позади. Но зверушка уже удрала в кусты.

– Заскучал без мороки – обращайся к Серине, – говорил тем временем Айра. – Могла же позвонить сразу после смерти Макса, так нет, дотянула до последнего. Он умер в среду, а она позвонила в пятницу вечером. И обращаться в «Три А»^[4], чтобы узнать, как до нее доехать, было уже поздно. – Он хмуро взглянул на дорогу. – Слушай, ты не думаешь, что ей хочется, чтобы я гроб помог нести или чего-то в этом роде, а?

– Она об этом не говорила.

– Но сказала же, что ей нужна наша помощь.

– Думаю, речь шла о моральной поддержке.

– А гроб нести – не моральная поддержка?

– Скорее, физическая.

– Ну, может быть, – согласился Айра.

Они проезжали через городок, где группка магазинчиков разделяла пастбища. Несколько женщин стояли у почтового ящика, разговаривая. Мэгги повернула голову, разглядывая их. Она чувствовала себя отвергнутой, жаждущей общества этих женщин – как будто знала их.

– Если она хочет, чтобы я нес гроб, так я одет неправильно, – сказал Айра.

– Одет ты как надо.

– Костюм-то на мне не черный, – напомнил он.

– Так у тебя и нет черного.

– На мне темно-синий.

– Сойдет и темно-синий.

– И вообще обман получится.

Мэгги повернулась к нему.

– Я же не был с ним так уж близок, – сказал Айра.

Мэгги потянулась к рулю, положила свою ладонь на ладонь мужа.

– Не думай об этом, – попросила она. – Наверняка ей хочется лишь одного: чтобы мы посидели в церкви.

Он скорбно улыбнулся. Вернее, просто дернул щекой.

Как странно он относится к смерти! Даже пустяковых болезней не выносит. Когда ей удаляли аппендикс, он нашел причину не навещать ее в больнице, заявил, что простужен и боится ее заразить. А всякий раз, как заболел кто-нибудь из детей, делал вид, будто ничего не случилось. Говорил, что у нее воображение разыгралось. От любого намека на то, что жить вечно ему не придется, – например, когда он вынужден был заниматься страховкой, – лицо его каменело, он становился упрямым и обидчивым. А вот Мэгги боялась жить вечно – может быть, из-за того, что ей приходилось видеть в доме престарелых.

Но если она умрет первой, Айра, скорее всего, тоже притворится, будто ничего не случилось. Станет по-прежнему заниматься своим делом и, как всегда, насвистывать.

Интересно – что именно?

Они пересекали Саскуэханну, справа тянулась в небо викторианского вида плотина Коновинго. Мэгги снова опустила стекло, высунулась из машины. Она слышала далекий шум падающей воды, почти дышала ею, впивала водяную пыль, поднимающуюся, словно дым, из-под моста.

– Знаешь, кто мне сейчас пришел в голову, – сказал, повысив голос, Айра. – Та женщина-художница... как же ее зовут-то? Она нынче утром должна была кучу своих картин в мастерскую принести.

Мэгги снова подняла стекло. И спросила:

– Разве ты не включил автоответчик?

– А толку-то от него? Она уже договорилась со мной, что придет.

– Может, нам остановиться где-нибудь, позвонить ей?

– У меня нет с собой ее номера, – сказал Айра. И добавил: – Можно, пожалуй, позвонить Дэйзи, попросить, чтобы она это сделала.

– Дэйзи уже должна быть на работе.

– Черт.

В сознании Мэгги вплыл образ Дэйзи, худощавой, хорошенькой, смуглой, как отец, с тонкими, как у матери, запястьями и щиколотками.

– Боже ты мой, – вздохнула Мэгги. – Ее последний день дома, а мы его пропускаем.

– Так она же все равно не дома, ты сама только что сказала.

– Сейчас не дома, а попозже придет.

– Еще насмотришься на нее завтра. Вдоволь.

Завтра они должны были везти Дэйзи в колледж – начинался первый год ее учебы и жизни вне дома. Айра сказал:

– Целый день просидишь с ней в машине, тебя еще тошнить от нее начнет.

– Нет! От Дэйзи меня тошнить не может!

– Ты мне это завтра расскажешь.

– Слушай, у меня идея, – сказала Мэгги. – Давай улизнем с приема.

– С какого приема?

– Ну как это называется, когда после похорон все идут в чей-то дом?

– Я бы с удовольствием, – согласился Айра.

– Так мы сможем пораньше попасть домой, даже если заглянем к Фионе.

– Господи боже, Мэгги, ты все еще цепляешься за эту чушь?

– Если похороны закончатся, ну, скажем, к полудню, и мы поедем оттуда в Картуил...

Айра резко взял вправо, машина, кренясь, понеслась по гравию. На миг Мэгги подумала, что у него случился припадок раздражения. (Ей часто казалось, что она вот-вот подберется к самым крайним пределам его терпения.) Но нет, он остановился у заправочной станции, старомодного здания, обшитого белой вагонкой, – двое мужчин в комбинезонах сидели перед ним на скамье.

– Карта, – коротко бросил Айра, вылезая из машины.

Мэгги, опустив стекло, сказала ему в спину:

– Посмотри, нет ли там торгового автомата, ладно? Я бы что-нибудь съела.

Он помахал ей, не оборачиваясь, и направился к скамье.

Теперь, когда машина стояла, через крышу внутрь, точно растаявшее масло, стекало тепло. Мэгги чувствовала, как нагревается ее голова, и представляла, что волосы у нее на макушке меняют цвет, становясь из каштановых какими-то металлическими, не то бронзовыми, не то медными. Пальцы правой руки вяло свисали из окошка.

Если ей удастся затащить Айру к Фионе, остальное будет несложно. В конце концов, он же не какой-нибудь бесчувственный чурбан. Он качал этого ребенка на колене. Отвечал на младенческое голубиное воркование Лерой – в тех же уважительных тонах, в каких разговаривал с собственными детьми, когда те были маленькими. «Да, верно. И не говори. Ну, когда ты упомянула об этом, я вспомнил, что слышал нечто похожее». Так оно и шло, пока Мэгги – всегда такая легковверная – не спрашивала: «Что? Что она тебе сказала?» И тогда он бросал на нее насмешливый, недоуменный взгляд, и малышка, как иногда казалось Мэгги, смотрела точно так же.

Нет, он не бесчувственный, вот увидит Лерой и сразу вспомнит, как они были близки. Просто люди нуждаются в напоминаниях, только и всего. Жизнь сейчас такая, что все легко забывается. И Фиона, должно быть, забыла, как была влюблена в самом начале, как таскалась повсюду за Джесси и его рок-группой. А может, нарочно выбросила это из головы, она ведь не более бесчувственная, чем Айра. Мэгги же видела, как вытянулось ее лицо, когда они приехали на

первый день рождения Лерой, а Джесси с ними не оказалось. Сейчас Фионой руководит гордость, уязвленная гордость. «Но ты помнишь? – спросила бы ее Мэгги. – Помнишь те первые дни, когда вы старались все время быть вместе? Помнишь, как ходили повсюду, держа ладони в задних карманах джинсов друг друга?» В те времена это казалось Мэгги чуть вульгарным, а теперь, как вспомнит – слезы на глаза наворачиваются.

Ох, какой это был до ужаса грустный день – из тех, когда понимаешь, что со временем все от всех отдаляются; вот и она сообразила, что уже больше года не писала Серине и даже голоса ее не слышала, пока та не позвонила ночью, рыдая так, что половины слов было не разобрать. И сейчас (ветерок протекал между пальцами Мэгги, как теплая вода) она почувствовала, что ей невмочь сносить пресловутое течение времени. «Серина, – захотелось ей сказать, – ты только подумай, как редко мы вспоминаем все те обещания, какие давали себе насчет того, чего никогда, никогда не станем делать, повзрослев. Мы обещали, что не будем семенить, ходя босиком. Обещали, что не будем валяться на пляже и загорать, вместо того чтобы плавать, и не будем плавать, задирая подбородки повыше, чтобы вода не испортила нам прически. Обещали, что не станем мыть тарелки сразу после ужина, потому что это занятие отвлечет нас от наших мужей, ты помнишь? Давно ты в последний раз оставляла тарелки до утра, чтобы побыть с Максом? И давно ли Макс перестал замечать, что ты не делаешь этого?»

Айра уже шел к ней, разворачивая карту. Мэгги сняла очки, промокнула глаза рукавом. «Нашел, что хотел?» – спросила она, и он ответил: «Ну...» – и, еще шагая, скрылся за картой. Наружную сторону ее украшали фото живописных видов. Айра подошел к машине, сложил карту, уселся за руль.

– Лучше бы я все-таки позвонил в «Три А», – сказал он. И включил мотор.

– Я бы на твоём месте не волновалась. У нас куча времени.

– Не такая уж и куча, Мэгги. И посмотри, машин на дороге все больше становится. Все старушечки выехали прокатиться по случаю уик-энда.

Нелепые слова – по дороге неслись главным образом грузовики. Их машина заняла место перед мебельным фургоном, а перед ними

оказался «бьюик» и еще один бензовоз, а может, и тот, который они недавно обогнали. Мэгги снова надела темные очки.

ОБРАТИСЬ К ИИСУСУ, НЕ ПОЖАЛЕЕШЬ – порекомендовал рекламный щит. Другой сообщил о **ШКОЛЕ КОСМЕТОЛОГИИ БУББЫ МАКЛУФФА**. Они въехали в Пенсильванию, на несколько сотен ярдов шоссе стало гладким, как благое намерение, но после снова покрылось какими-то струпьями, испещрилось ухабами. Виды вокруг раскрывались далекие, с изгибами и зеленью – такой рисует ребенок сельскую местность. **НАЧАЛО ТЕСТА ОДОМЕТРА**, – прочитала Мэгги. И села попрямее. Почти сразу мимо пролетел крошечный знак: 0,1 мили. Мэгги взглянула на одомер машины:

– Ровно ноль восемь.

– Ммм? – отозвался Айра.

– Я наш одомер тестирую.

Айра ослабил узел галстука.

Две десятых мили. Три десятых. На четырех Мэгги поняла, что их одомер преуменьшает пробег. Может быть, у нее воображение расшалилось, но ей показалось, что цифры сменяют одна другую с небольшим опозданием. На пяти десятых она в этом почти уверилась.

– Давно ты его проверял? – спросила она у Айры.

– Кого?

– Одомер.

– Никогда не проверял.

– Никогда? Ни разу? А говоришь, что я плохо обращаюсь с машиной!

– Нет, ты только глянь, – сказал Айра. – Они тут девяностолетних старух на шоссе выпускают. Ее из-за руля-то не видно.

Он обогнал «бьюик», и в результате один из знаков проскочил мимо не замеченным.

– Черт, – сказала Мэгги. – Из-за тебя проглядела.

Айра не ответил. Даже не притворился, что ему жаль. Она вглядывалась вдаль, ожидая знака «семь десятых». А когда тот появился, посмотрела на одомер – цифры в нем еле ползли. Мэгги разнервничалась, ей все это уже надоело. Как ни странно, следующая цифра выскочила намного быстрее. Может быть, даже слишком быстро.

– Ох-ох-ох, – произнесла она.

– Что такое?

– Нервы разгулялись, – сказала Мэгги.

Она ждала нового дорожного знака и следила за шкалой одометра, все сразу. Шестерка вылезла на шкалу за несколько секунд до знака, Мэгги готова была поклясться в этом. Она поцокала языком. Айра взглянул на нее.

– Помедленнее, – попросила она.

– Как?

– Помедленнее! Что-то у меня ничего не получается. Смотри, выползает семерка, вверх, вверх... а где знак? Знак-то где? Ну иди сюда, знак! Мы в недоумении! Мы слишком забежали вперед! Мы...

Знак точно из-под земли выпрыгнул.

– Ага! – выдохнула Мэгги.

Точно в тот же миг встала на место и семерка, Мэгги показалось, что она даже щелчок расслышала. Она аж присвистнула и откинулась на спинку сиденья:

– Слишком хорошо для полной уверенности.

– Ты же знаешь, все приборы проверены на фабрике, – напомнил Айра.

– Ну да, много лет назад. Я устала.

Айра сказал:

– Хотел бы я знать, как долго нам следует держаться Первого шоссе.

– Выжата так, точно под прессом для белья побывала, – сообщила Мэгги и щипками расправила платье на груди.

По сторонам то тут то там начали появляться скопления грузовиков и жилых фургонов – без единого человека рядом, без видимых объяснений причин, по которым они здесь остановились. Мэгги замечала их и во время прежних поездок, но понять, что они означают, так и не смогла. Наверное, водители уходили рыбачить, или охотиться, или еще куда. Может быть, у сельских жителей имеется своя тайная жизнь?

– Или еще их банки, – сказала она Айре. – Ты замечал, что в каждом из этих городишек есть банки, похожие на игрушечные кирпичные дома? С двориками, с клумбами. Ты бы такому доверился?

– Почему же нет?

– Я просто не чувствовала бы, что отдаю мои деньги в надежные руки.

– Твои несметные богатства, – усмехнулся Айра.

– Вид у них какой-то непрофессиональный.

– Так вот, согласно карте, – сказал он, – мы, проехав Оксфорд, могли бы еще довольно долгое время оставаться на Первом шоссе. Серина, если я правильно все расслышал, хотела, чтобы мы свернули с него в Оксфорде, однако... Проверь это, ладно?

Мэгги взяла лежавшую между ними на сиденье карту и начала квадратик за квадратиком раскрывать ее, надеясь, что всю разворачивать не придется. Айра будет потом ворчать, что карта неправильно сложена.

– Оксфорд, – сказала она. – Это Мэриленд или Пенсильвания?

– Пенсильвания, Мэгги. Оттуда уходит на север Десятое шоссе.

– А, ну да! Ясно помню, она сказала – поезжайте по Десятому.

– Да, но если мы... Ты хоть одно мое слово услышала? Если мы останемся на Первом, то потратим меньше времени, и, по-моему, там дальше есть еще один съезд – на дорогу, которая нас прямо в Дир-Лик и приведет.

– Но, Айра, должна же у нее быть причина упомянуть Десятое шоссе.

– Причина? У Серины? У Серины Гилл должна быть причина?

Мэгги встряхнула картой, та захрустела. Вот вечно он так говорит о ее подругах. Да он просто-напросто ревнует ее к ним. Мэгги подозревала, что Айра думал, будто женщины тайком собираются вместе и сплетничают о мужьях. Как это похоже на него: он буквально зациклен на себе. Хотя, конечно, бывает, что и сплетничают.

– Там на заправке торгового автомата не было? – спросила Мэгги.

– Он только конфеты продавал. А ты их не любишь.

– Умираю от голода.

– Я мог купить тебе конфет, но подумал, что ты не станешь их есть.

– А картофельных чипсов или еще чего не было? Я изголодалась.

– «Бэйби Рут», «Пятые авеню»...

Мэгги покривилась и вернулась к карте:

– Ну, я бы все-таки выбрала Десятое.

– Поклясться могу, что видел на карте еще один съезд.

– Вообще-то нет, – сказала она.
– Вообще-то нет? Что это значит? Съезд либо есть, либо его нет.
– Понимаешь, по правде сказать, я пока и Дир-Лику не нашла, – призналась Мэгги.

Он включил поворотник и сказал:

– Сейчас мы найдем место, где ты сможешь поесть, а я еще раз посмотрю карту.

– Поесть? Я не хочу есть!

– Ты только что сказала, что умираешь от голода.

– Да, но у меня диета! Мне нужно просто перекусить чем-нибудь!

– И хорошо. Значит, перекусишь, – сказал Айра.

– Ну правда же, Айра. Ты все время пытаешься подкопаться под мою диету. Мне это неприятно.

– Выпьешь чашку кофе, съешь что-нибудь. Мне нужно посмотреть карту.

Он съехал с шоссе на мощеную дорогу, вдоль которой выстроились новые односемейные дома; за каждым металлическая инструментальная кладовка – крошечный красный с белым сарайчик. Мэгги и представить себе не могла, чтобы в таком поселке нашлось место, где можно перекусить, тем не менее за следующим поворотом обнаружился каркасный дом, перед которым стояло несколько автомобилей. В окне его светилась запыленная неоновая вывеска: У НЕЛЛА: ПРОДУКТЫ И КАФЕ. Айра остановился около джипа, на бампере которого красовалась наклейка «Джудас Прист»^[5]. Мэгги открыла дверь, вошла в магазин, украдкой подтянув ластовицу колготок.

Здесь пахло несвежим хлебом и воценой бумагой. Запахи напомнили ей столовку начальной школы. Несколько стоящих посреди магазина женщин разглядывали консервные банки. Кафе располагалось немного дальше – длинная стойка, на стене за ней выцветшие красочные фотографии оранжевого омлета и связок бежевых сосисок. Мэгги и Айра уселись на соседние табуретки, Айра расстелил по стойке карту, Мэгги смотрела на мывшую сковороду подавальщицу. Та прыскала чем-то на дно, соскребала лопаточкой какую-то корку, прыскала снова. Со спины она выглядела как большой белый прямоугольник, узел седых волос был на скорую руку прихвачен черными заколками.

– Что будете? – в конце концов спросила она, не оборачиваясь.

Айра, не отрываясь от карты, сказал:

– Мне кофе, пожалуйста.

Мэгги принять решение было труднее. Она сняла очки, осмотрела цветные фото.

– И мне, пожалуй, кофе. А к нему... дайте подумать, да, я бы взяла салат или еще что, однако...

– Салатов у нас не бывает. – Подавальщица отставила в сторону бутылку с брызгалкой и подошла к Мэгги, вытирая руки о передник. Ее окруженные сеточкой морщин глаза отливали, точно обкатанная морем стекляшка, жутковатым зеленым светом. – Единственное, что могу предложить, это листик латука и помидор с сэндвича.

– Ну тогда, может быть пакетик чипсов «Тако» вон с той полки, – обрадовалась Мэгги. – Хотя я и знаю, что мне их нельзя. – Она смотрела, как подавальщица наливает в две кружки кофе. – Стараюсь сбросить ко Дню благодарения десять фунтов. Я с ними уже сто лет бьюсь, но теперь решила – все, хватит.

– Вот те на! Да зачем же вам вес-то сбрасывать? – удивилась женщина, ставя кружки перед Мэгги и Айрой. На ее нагрудном кармане было вышито красным «Мэйбл», Мэгги этого имени с детства не слышала. И куда только подевались все Мэйбл? Она попыталась представить себе, как дает это имя новорожденной. Между тем женщина рассуждала: – Нынче всем охота на зубочистки походить, меня это просто бесит.

– Вот и муж говорит, что я ему и с моим нынешним весом нравлюсь. – Мэгги оглянулась на Айру, однако тот с головой ушел в карту – или вид такой сделал. Его всегда смущали разговоры Мэгги с незнакомыми людьми. – Но ведь я как ни куплю новое платье, оно на мне плохо сидит, понимаете? Как будто те, кто их шил, никак не ждали, что у меня грудь найдется. Силы воли мне не хватает, вот в чем беда. Обожаю все соленькое. Маринованное. Острое.

Она приняла от подавальщицы пакетик чипсов и подняла его повыше, напоказ.

– Ну а возьмите меня, – предложила Мэйбл. – Доктор говорит, при моем лишнем весе меня скоро ноги носить перестанут.

– Да ну уж! Где это у вас лишний вес, покажите!

– Он считает, мне бы лучше не официанткой работать, а еще кем, а то это дело вредит моим венам.

– Наша дочь работала официанткой, – сказала Мэгги, вскрывая пакетик, и положила одну чипсину в рот. – Бывало, по восемь часов на ногах проводила, без перерыва. Сначала ходила на работу в сандалиях, но быстренько, знаете, перешла на туфли с каучуковой подошвой, хоть и божилась, что носить их ни за что не станет.

– Погодите, вы же не такая старая, чтобы у вас взрослая дочь была.

– Ну да, она еще подросток, это была летняя работа. А завтра она в колледж уезжает.

– В колледж! Какая умница, – поразилась Мэйбл.

– Даже и не знаю, – ответила Мэгги. – Хотя ей там полную стипендию дали. – Она протянула пакетик Мэйбл: – Хотите?

Мэйбл зачерпнула пригоршню чипсов.

– А у меня одни мальчики, – сообщила она Мэгги. – И учиться им так же легко, как летать.

– Вот и наш такой же.

– Я спрашиваю: «Почему вы уроки не делаете?» Так у них всегда десяток отговорок находится. Чаще всего, якобы им ничего не задали. Врут, конечно, без зазрения совести.

– В точности как наш Джесси, – подхватила Мэгги.

– А папаша их! – воскликнула Мэйбл. – Вечно за них заступается. Сговорились они все против меня, как будто я им чужая. Эх, чего бы я только не дала за дочку!

– Знаете, у дочерей свои недостатки. – Мэгги видела, что Айра ждет паузы, желая задать вопрос (он держал палец на карте и выжидающе смотрел на Мэйбл), однако, получив ответ, Айра соберется уходить, поэтому пусть потерпит немного. – У них, например, секретов больше. Ты-то думаешь, они тебе все выкладывают, а они мелочами отделиваются. Взять хоть нашу Дэйзи. Всегда была такой тихой, послушной, и вдруг бац: хочу уехать в университет. Я и понятия не имела, что она это замышляет! Сказала: «Дэйзи! Неужели тебе дома плохо?» Нет, я, конечно, знала, что она собирается поступать в колледж, но, по моим наблюдениям, других детей и Мэрилендский университет вполне устраивает. Вот я и спросила: «Почему нельзя учиться поближе к Балтимору?» А она

говорит: «Ну, мам, ты же знаешь, мне нужен университет из Лиги плюща». Ничего я такого не знала! И в мыслях не имела! А уж после того, как она стипендию получила, ее вообще узнать стало нельзя. Ведь так, Айра? Айра считает... – Мэгги заспешила (сразу пожалев, что обратилась к нему с вопросом), – Айра считает, она просто растет. Болезнь роста сделала ее такой колючей, всех критикующей, глупо принимать это близко к сердцу. Но с ней так трудно! Вдруг ни с того ни с сего, что мы ни сделаем, все неправильно; она словно ищет причины, чтобы не скучать по нам, когда уедет. И волосы-то у меня слишком вьются, и говорю я слишком много, и слишком налегаю на жареное. А у Айры костюм плохого покроя, и в бизнесе он ничего не смыслит.

Мэйбл кивала, сочувствуя, а Айра думал, конечно, что Мэгги чрезмерно разоткровенничалась. Он молчал, но ерзал по своему табурету так, что все было ясно. Она решила не обращать на него внимания.

– Знаете, что дочь мне заявила на днях? Я приготовила на пробу запеканку с тунцом. Подала ее на ужин и спрашиваю: «Ну разве не объедение? Скажи честно». А Дэйзи и говорит... – Веки защипало от слез. Мэгги глубоко вздохнула. – Нет, сначала она просто сидела, долго-долго, и разглядывала меня, и лицо у нее было такое... зачарованное, а потом сказала: «Мам? А было в твоей жизни точно осознанное тобой мгновение, когда ты решила стать посредственностью?»

Мэгги хотела продолжить, но у нее задрожали губы. Она отложила чипсы и полезла в сумочку за «клинексами». Мэйбл сочувственно квохтала. Айра сказал:

– Ради бога, Мэгги.

– Простите, – попросила она Мэйбл. – На меня это так подействовало.

– Ну еще бы, – мягко отозвалась Мэйбл. И пододвинула кофе Мэгги поближе к ней. – Конечно, подействовало!

– Я ведь себя посредственностью не считаю, – пояснила Мэгги.

– И правильно! – воскликнула Мэйбл. – Вы скажите ей, милочка! Вы ей вот что скажите. Пусть она перестанет так думать. Знаете, что я сказала Бобби, моему старшему? Он тогда тоже тунца ел, надо же, какое совпадение. И заявил, что сыт по горло едой, в которой все

перемешано. А я говорю, молодой человек, говорю, ты можешь просто встать из-за стола и покинуть этот дом. Покинь, раз уж ты об этом заговорил. Найди себе другой, говорю, и готовь там что хочешь, посмотрим, сможешь ли ты позволить себе кушать каждый вечер отборную телятину. И я это сказала на полном серьезе. Он думал, я просто языком мелю, но быстренько понял, что я не шучу. Я сложила все его вещи на капот его машины. И теперь он живет со своей девицей на другом краю города. А ведь не верил, что я и вправду могу выставить его из дома.

– Но в том-то и дело, я не хочу, чтобы она уезжала, – сказала Мэгги. – Мне хочется, чтобы она дома жила. Вот посмотрите на Джесси: он привел в наш дом свою жену и ребенка, и мне это понравилось! Айра считает Джесси неудачником. Говорит, что всю его жизнь погубил один-единственный приятель, но это же глупость. Дон Бернем всего-то и сказал Джесси, что он одаренный певец. Разве это значит – погубить жизнь? Вы возьмите мальчика вроде Джесси, учится он не блестяще, отец вечно твердит о его недостатках, возьмите и скажите ему, что есть одна область, в которой он может добиться огромных успехов, – думаете, он повернется к вам спиной и забудет ваши слова?

– Конечно, нет! – пылко ответила Мэйбл.

– Разумеется, нет. Он и начал петь в хард-рок группе. Школу бросил, набрал целую толпу поклонниц и в конце концов взял да и женился на одной из них, что же тут плохого? Привел ее жить к нам, потому что денег зарабатывал мало. Я прямо в восторг пришла. У них родилась такая прелестная малышка. А потом его жена и девочка уехали после одной ужасной сцены, снялись с места и уехали. Ничего особенного не случилось, они просто повздорили, но вы же знаете, чем это иногда оборачивается. Я сказала: «Айра, верни ее, она ушла из-за тебя». (Айра в той сцене очень даже участвовал, я его до сих пор за это виню.) Но Айра сказал – нет, пусть делает что хочет. Сказал – пусть продолжает в том же духе, пусть уходит, а я чувствовала, что она от меня эту малышку с мясом оторвала, оставила в моей душе рваную рану.

– Внуки, – сказала Мэйбл. – Я если начну о них говорить, так уж не остановлюсь.

Айра произнес:

– Вовсе не из желания сменить тему, но...

– Ах, Айра, – сказала ему Мэгги, – поезжай ты по Десятому, и хватит об этом.

Он смерил ее неторопливым ледяным взглядом. Мэгги уткнулась носом в «клинекс», она этот взгляд хорошо знала.

А он спросил у Мэйбл:

– Вам случалось бывать в Дир-Лике?

– Дир-Лик, – сказала Мэйбл. – Вроде слышала о таком.

– Я пытаюсь понять, где нам лучше съехать с Первого шоссе, чтобы попасть туда.

– Ну вот уж этого не знаю, – ответила Мэйбл. – Налить вам еще кофе, милочка?

– Нет-нет, спасибо, – сказал Мэгги. На самом деле она к нему и не притронулась. И теперь отпила немного, в знак благодарности.

Мэйбл выписала счет, протянула его Айре. Он встал, порылся по карманам в поисках мелочи, расплатился. Тем временем Мэгги сунула мокрый «клинекс» в опустевший пакетик от чипсов, аккуратно свернула его, чтобы не доставлять Мэйбл лишних хлопот.

– Что же, приятно было с вами поболтать, – сказала она.

– Берегите себя, лапушка, – ответила Мэйбл.

Мэгги почувствовала, что им следует расцеловать друг дружку в щеки, как двум женщинам после общего ленча.

Она больше не плакала, но ощущала недовольство Айры, который шел впереди нее к парковке. Мэгги это недовольство представлялось ровной стеклянной стеной, которой муж отгораживался от нее. Ему следовало жениться на Энн Ландерс, думала она, садясь в машину. Сиденье раскалилось до того, что обожгло ей спину сквозь платье. Айра тоже сел, хлопнул дверцей. Женится бы на Энн Ландерс, и была бы у него практичная, разумная жена, какая ему требуется. Временами, услышав, как он одобрительно похмыкивает, читая очередные умные рассуждения Энн Ландерс, Мэгги испытывала самую настоящую ревность.

Они снова ехали мимо односемейных домов, подпрыгивая на узкой мощеной дороге. Между ними лежала аккуратно сложенная карта. Что он решил насчет маршрута, Мэгги не спрашивала. Смотрела в окно, время от времени шмыгая носом и стараясь, чтобы это получалось как можно тише.

– Шесть с половиной лет, – сказал Айра. – Нет, уже семь, а ты все еще вытаскиваешь на белый свет историю с Фионой. Рассказываешь совершенно посторонним людям, что это я кругом виноват. Тебе просто необходимо кого-нибудь да винить, верно, Мэгги?

– Если есть за что, виню, – сказала она пейзажу.

– И тебе даже в голову не приходит, что, может быть, ты сама виновата.

– Нам обязательно снова затевать этот дурацкий разговор? – спросила она, резко повернувшись к нему.

– Ну а кто его начал, хотел бы я знать?

– Я всего-навсего перечислила факты, Айра.

– Тебя кто-нибудь спрашивал о фактах, Мэгги? Зачем тебе понадобилось изливать душу перед какой-то официанткой?

– Во-первых, быть официанткой не зазорно, – заявила она. – Вполне приличная профессия. Могу тебе напомнить, что наша дочь работала официанткой.

– О, превосходно, Мэгги, еще один пример твоей неукоснительной логики.

– Вот чего я в тебе действительно терпеть не могу, – сказала она, – так это твоего высокомерия. Мы не можем просто разговаривать, как цивилизованные люди, обмениваться мнениями, о нет. Нет, ты непременно должен напирать на то, какая я нелогичная, пустоголовая, а ты – невозмутимый и во всем меня превосходишь.

– Ну я, по крайней мере, не излагаю историю моей жизни в местах общественного питания.

– Ладно, высади меня, – потребовала Мэгги. – Я не желаю терпеть твое общество еще хотя бы секунду.

– С удовольствием, – сказал он, продолжая вести машину.

– Высади меня, я сказала!

Айра взглянул на нее, сбавил скорость. Она схватила сумочку и прижала ее к груди.

– Ты остановишь машину, – спросила она, – или мне придется выпрыгивать на ходу?

Он остановил.

Мэгги вылезла, хлопнула дверцей. И пошла назад, к кафе. С мгновение ей казалось, что Айра так и останется стоять на месте, но затем она услышала, как он переключил передачу и уехал.

Солнце обильно лило желтый свет, туфли Мэгги ворошили гравий. Сердце билось слишком быстро. Она ощущала странное довольство. Почти опьянение гневом и душевным подъемом.

Мэгги миновала первый дом – захиревшие цветы по краю двора и лежащий на подъездной дорожке трехколесный велосипед. Здесь стояла такая тишина. Мэгги слышала только далекий щебет птиц – их *чинк! чинк! чинк!* и *фьють! фьють! фьють!* в кронах деревьев за полями. И вдруг поняла, что провела всю жизнь посреди городского гула. Можно было подумать, что Балтимор приводит в движение гигантская, непрестанно работающая подземная машина. Как она это выдерживала? И Мэгги махнула рукой на любые мысли о возвращении. Она направлялась к кафе со смутным намерением выяснить, где тут ближайшая остановка автобусов, или, может быть, напроситься в попутчицы к едущему в Балтимор не опасному на вид водителю грузовика, но какой ей смысл возвращаться туда?

Вот второй дом с установленным перед ним почтовым ящиком, изображавшим крытый фургон. Изгородь вокруг – просто беленые пни, соединенные гирляндами беленых цепей, не забор, а украшение. Мэгги остановилась у одного пня, поставила на него сумочку – решила проверить ее содержимое. Главный недостаток этих парадных сумочек в том, что они слишком малы. В сумке, которой Мэгги пользовалась каждый божий день, большой, холщовой, хватило бы всякой всячины, чтобы продержаться не одну неделю. И все же предметы первой необходимости имелись и в этой: расческа, пакетик салфеток и губная помада. А также бумажник с тридцатью четыремя долларами, мелочью и незаполненным чеком. Плюс две кредитные карточки, но главное – чек. Нужно добраться до ближайшего банка и открыть счет, самый большой, какой этот чек позволит, – скажем, на триста долларов. Да, триста долларов дадут ей возможность продержаться долгое время. По крайней мере, достаточно долгое для того, чтобы найти работу. Кредитные карточки, полагала она, Айра очень скоро заблокирует. Хотя в этот уик-энд можно попробовать и ими попользоваться.

Она пересмотрела остальные пластиковые карманчики бумажника – водительские права, библиотечная карточка, школьный снимок Дэйзи, сложенный купон на покупку шампуня «Близость», цветная фотография стоящего на парадном крыльце их дома Джесси. Дэйзи снята с двойной экспозицией – в прошлом году все на ней

помешались, – ее аккуратный чеканный профиль маячил, полупрозрачный, за сфотографированным анфас лицом с надменно вздернутым подбородком. А на Джесси была огромная черная, купленная в секонд-хенде шинель и очень длинный, свисающий ниже колен, красный шарф с бахромой. Красота сына в который раз поразила ее – почти до боли. Он унаследовал от Айры каплю индейской крови, обратив ее в нечто изысканное, ошеломительное: высокие гладкие скулы, прямые черные волосы, продолговатые черные, лишенные блеска глаза. Однако смотрел он на Мэгги непонятно и бесстрастно – с той же, что у Дэйзи, надменностью. Никто в ней больше не нуждался.

Мэгги вернула все в сумочку, защелкнула ее. Пошла дальше. Туфли вдруг стали жесткими, неудобными, как будто со ступнями что-тостряслось, пока она стояла. Может, распухли, день уж больно теплый. Впрочем, такая погода ей на руку. В такую можно, если захочется, и под открытым небом заночевать. Залезть в стог сена и заснуть. Если еще существуют стога.

Вечером она позвонит Серине, извинится за свое отсутствие на похоронах. Позвонит за ее счет, с Сериной это можно себе позволить. Сначала она, наверное, не станет брать трубку, потому что Мэгги ее подвела, – Серина вообще легко обижается, – но в конце концов сдастся, и Мэгги ей все объяснит. Скажет: «Знаешь, сейчас я бы не возражала против участия в похоронах Айры». Хотя нет, это может показаться бестактностью – с учетом всех обстоятельств.

Вот и кафе, позади низкое шлакобетонное здание непонятного назначения, а дальше – то, что было, по ее догадкам, городом или хотя бы его подобием. Одним из тех бестолковых городков Первого шоссе, что стараются угодить всем проезжим сразу. Она поселится в простеньком, без затей, мотеле, в комнатке размером немногим больше стоящей там кровати, которую Мэгги вообразила – и не без радости – провалившейся посерединке, покрытой драным шенильным одеялом. Продукты будет покупать «У Нелла», готовить ничего не придется. Люди в большинстве своем не понимают, что очень многие суповые консервы можно есть холодными, прямо из банки, вполне сбалансированное питание, между прочим. (Консервный нож: не забыть бы купить его в магазине.)

Что касается работы – найти в таком городке дом престарелых надежды мало. Ну, может быть, офисная подвернется. Печатать она умеет, учет вести тоже – не блестяще, но это не страшно. Кое-чему научилась в багетной мастерской. А то и в магазине автомобильных запчастей для нее место отыщется, можно еще устроиться на станцию техобслуживания, принимать от людей кредитные карточки, выдавать им ключи. А то и официанткой. В конце-то концов, она и полы готова мыть. Ей всего-навсего сорок восемь, здоровье у нее отличное, и, что бы там о ней ни думали, она, если захочет, с любой работой справится.

Мэгги наклонилась, сорвала цветок цикория, сунула его в волосы над левым ухом.

Айра считал ее недотепой. И все остальные тоже. Непонятно как, но она приобрела репутацию какого-то клоуна, который спотыкается на ровном месте. В доме престарелых однажды раздался грохот, звон бьющегося стекла, и дежурная сестра первым делом спросила: «Мэгги?» Вот так вот! Могла бы сначала и выяснить, что к чему! Мэгги там и рядом не было, кто-то другой опростоволосился. Но это отлично показывает, как все к ней относятся.

Выйдя за Айру, Мэгги думала, что он вечно будет смотреть на нее, как в их первую ночь, когда она стояла перед ним в пеньюаре из ее приданого посреди комнаты, которая освещалась только горевшей у кровати лампой с матовым абажуром. Мэгги расстегнула тогда верхнюю пуговку, потом вторую, и пеньюар соскользнул с ее плеч, помедлил немного и упал к щиколоткам. А он смотрел ей в глаза и, казалось, даже не дышал. Она думала, что так всегда и будет.

На парковке перед «У Нелла» рядом с пикапом разговаривали двое мужчин. Один толстый, с ветчинным лицом, другой тощий, белый и хилый. Разговор у них шел о каком-то Дуге, который чуть что, сразу на стену лезет. Интересно, как это, подумала Мэгги, там же держаться не за что. Она понимала, что должна казаться им странной: пришла пешком, разодета по-городскому. «Привет!» – крикнула она совершенно как ее мать. Мужчины примолкли, уставились на нее. Тощий зачем-то стянул кепку, заглянул в нее. И снова напялил на голову.

Она могла бы зайти в кафе, поговорить с Мэйбл, спросить, нет ли в этих местах работы и где лучше остановиться, а могла напрямик отправиться в городок и найти что-то самостоятельно. Вообще-то

Мэгги предпочитала сама о себе заботиться. Признаваться, что ее бросил муж, было неловко. С другой стороны, вдруг Мэйбл известна какая-нибудь замечательная работа. Или отличный пансион, дешевле дешевого, в нем и готовить разрешается, и люди живут добрые. Мэгги полагала, что следует хотя бы спросить об этом.

Она захлопнула за собой сетчатую дверь. Магазин был ей уже знаком, и запахи его неприязни не вызывали. За стойкой кафе стояла Мэйбл, локти на вафельном кухонном полотенце, и беседовала с мужчиной в комбинезоне. Разговор велся почти шепотом. «Ну что ты тут можешь сделать, – говорила Мэйбл. – Чего они от тебя ждут?»

Мэгги ощутила себя незваной гостьей. Она вовсе не предполагала, что ей придется делить с кем-то внимание Мэйбл. И, пока та ее не заметила, отступила в проход между полками, на которых стояли крекеры и печенья, надеясь, что соперник вскоре уйдет.

– Я уж думал, думал, – скрипуче сказал мужчина, – но так и не понял, чего еще я мог сделать.

– Господи, ну конечно.

Мэгги сняла с полки коробку крекеров «Риц». Некоторые пекут яблочный пирог, в котором нет никаких яблок, их заменяют крекеры «Риц». Интересно, каков он на вкус, погадала Мэгги. Скорее всего, никакого сходства с яблочным пирогом. Может, эти крекеры сначала в сидре вымачивают или еще в чем. Она повертела коробку, надеясь увидеть рецепт, но таковой отсутствовал.

До Айры, наверное, уже начало доходить, что она ушла навсегда. Он уже заметил порыв пустого воздуха, который образуется, когда человек, к которому ты привык, вдруг исчезает.

Поедет он без нее на похороны? Вряд ли. Нет, Серина дружила скорее с Мэгги, чем с Айрой. А Макс был для него просто знакомым. По правде сказать, у Айры и друзей-то никаких нет. Это одна из его характерных черт, не нравившихся Мэгги.

Сейчас он сбавляет скорость. Пытается принять какое-то решение. А может быть, уже повернул назад.

Поймет теперь, каким голым и неприкаянным чувствует себя человек, когда вдруг остается один.

Мэгги вернула крекеры «Риц» на полку и перешла к «Инжирным Ньютонам».

Как-то раз, уже много лет назад, Мэгги влюбилась, в некотором смысле, в пациента дома престарелых. Даже представить себе это, и то смешно. Влюбилась! В мужчину, которому шел восьмой десяток! Которому приходилось, чтобы добраться куда-нибудь, ехать в инвалидной коляске! Но вот поди ж ты. Она была очарована его аскетичным бледным лицом, изысканными манерами, церемонными оборотами речи, создававшими впечатление, что он и с собственными словами никакой фамильярности не допускает. А еще она знала, какую боль он испытывал, облачаясь каждое утро в свой строгий наряд, какое выражение горделивой отрешенности появлялось на его лице, когда он просовывал поврежденные артритом, похожие на две булавы руки в рукава пиджака. Мистер Габриэль, так его звали. Для всех прочих он был «Беном», но для Мэгги только «мистером Габриэлем». Она догадывалась, как коробит его любое панибратство, и помогала ему почтительно, всегда прося разрешения. Старалась лишней раз не прикасаться к нему. Это можно было назвать ухаживанием наизнанку. Другие работники дома относились к нему с теплотой и некоторой снисходительностью, Мэгги же сохраняла определенную дистанцию между ним и собой и принимала замкнутость мистера Габриэля как должное.

Она прочитала в его личном деле, что он был владельцем известной на всю страну станкостроительной компании. Да, это она могла себе представить. Он обладал решительной властью бизнесмена, у него просто на лице было написано: уж я-то знаю, что к чему. Она выяснила также, что он вдов и бездетен, близких родственников, кроме живущей в Нью-Гэмпшире незамужней сестры, не имеет. До недавнего времени жил сам по себе, но после того, как у его кухарки загорелся на кухне жир, попросился в дом престарелых. В заявлении он написал, что озабочен своей беспомощностью, которая не позволит ему спастись, если в его доме случится пожар. Озабочен! Только зная его, можно было понять, что кроется за этим нейтральным словом. Болезненная, маниакальная огнебоязнь, которая пустила в нем корни после кухонного пожарчика и разрослась до того, что справиться с ней не могли ни жившие в его доме слуги, ни даже появившиеся там под конец круглосуточно дежурившие сиделки. (Мэгги видела, как застывало его лицо, как стекленели глаза во время

учебных пожарных тревог, – лишь тогда он и становился пациентом в подлинном смысле этого слова.)

Ох, и зачем только она прочитала его дело? Ей это вовсе не полагалось. Строго говоря, ей даже его историю болезни читать не следовало. Она была всего-навсего санитаркой гериатрического отделения, ей только и дозволялось, что купать своих подопечных, кормить их да отводить в туалет.

И ведь даже в своем воображении Мэгги всегда была самой верной из жен. Ее и искушения-то никакие не одолевали. А тут мысли о мистере Габриэле захватили ее, она проводила часы, придумывая, в чем еще может стать для него незаменимой. Он замечал это и всегда ее благодарил. «Представьте, – говорил он сестре, – Мэгги принесла мне помидоры из своего огорода!» А помидоры Мэгги страдали каким-то необычным заболеванием: круглые, похожие на маленькие красные резиновые мячики, которые, сталкиваясь, вдруг начинают раскисать. Справиться с несчастьем не удавалось уже годами, заболевание поражало самые разные сорта и гибриды. Мэгги винила в этом крохотный участок городской почвы, на котором они росли (а может, им света не хватало?), однако понимала, видя насмешливые, снисходительные взгляды, которые бросали на них люди, что все думают, будто помидорная хворь как-то связана с ней самой – с тем, как кривобоко и неуклюже продвигается она по жизни. А вот мистер Габриэль ничего не замечал. Он объявил, что ее помидоры пахнут, как летний день 1944 года. Нарезанные, они походили на салфетки – фестончики по краям, дырки, – однако он говорил лишь одно: «Я и сказать вам не могу, как много они для меня значат». Он даже солить их ей не позволял. Говорил, что они и так невероятно вкусны, какие есть.

Нет, ну она же не дура какая-нибудь. Она понимала, что ее тянет к нему – созданный им образ Мэгги, который ошарашил бы Айру. Да и всех, кто ее знал. Мистер Габриэль считал ее умелой, искусной и расторопной. Верил в совершенство всего, что она делала. Да так и говорил, прямо и недвусмысленно. А жизнь ее в то время складывалась из рук вон плохо: Джесси вступил в подростковый возраст и отрицал все на свете, сама Мэгги то и дело ругалась с Айрой. Однако мистер Габриэль ни о чем таком не догадывался. Мистер

Габриэль видел целеустремленную женщину, которая спокойно обходила его палату, раскладывая вещи по местам.

Ночами она лежала без сна и сочиняла диалоги, в которых мистер Габриэль признавался, что он от нее без ума. Говорил, что понимает – он слишком стар, чтобы привлекать ее физически, а она перебивала его, уверяя, что он не прав. Он и был не прав. От одной только мысли о том, как она опускает голову на его накрахмаленное белое плечо, Мэгги согревалась и таяла. Она обещала отправиться с ним куда угодно, в любой уголок земли. А Дэйзи они с собой возьмут? (Дэйзи было тогда лет пять или шесть.) Джесси они взять не смогли бы, конечно, он уже не был ребенком. Но ведь тогда Джесси подумает, что Дэйзи она любит больше, чем его, а этого Мэгги допустить не могла. И она отвлекалась на побочные мысли о том, что было бы, возьми они с собой Джесси. Он, конечно, тащился бы за ними в своей черной и всегда только черной одежде, отставая на несколько шагов и сгибаясь под тяжестью стереосистемы и стопки пластинок. И Мэгги начинала хихикать. А Айра шевелился, не просыпаясь, и спрашивал: «Хммм?» Тут она, опомнившись, одергивала себя – компетентная женщина с авантюристической жилкой и несчетными не использованными возможностями.

Родившимися под несчастливой звездой, вот кем они были, однако Мэгги, похоже, подобрала себе уж такую несчастливую, какой никто отродясь не видел. Как она смогла бы ухаживать за мистером Габриэлем, да при этом еще и на работу ходить? Он решительно не желал оставаться в одиночестве. Да и на какую работу? Она всю свою жизнь проработала в доме для престарелых, носящем название «Серебристые пряди». И если сбежит оттуда с одним из пациентов, получить там рекомендательное письмо ей удастся навряд ли.

И еще одна побочная мысль: а что, если она не сбежит, но цивилизованным образом уведомит обо всем Айру и спокойно организует свою новую жизнь? Она может поселиться в палате мистера Габриэля. Станет выбираться каждое утро из его постели и идти работать – благо до работы будет рукой подать. А разносящая таблетки ночная сестра будет заставлять Мэгги и мистера Габриэля лежащими бок о бок, глядящими в потолок, в то время как их сосед по палате, Эбнер Сокупс, дремлет в койке у противоположной стены.

Мэгги фыркала снова.

И все это каким-то образом пошло прахом.

Как всякая влюбленная женщина, она хваталась за любую возможность, чтобы упомянуть его имя. Рассказывала о нем Айре все: о его костюмах и галстуках, о его галантности и стоицизме. «Не понимаю, почему ты не проявляешь такого же интереса к моему отцу, он все-таки член семьи», – говорил совершенно не способный понять суть дела Айра. Его отец был нытиком, норовившим использовать в своих интересах всех и каждого. Ничего общего с мистером Габриэлем.

И вот как-то утром случилась очередная учебная пожарная тревога. Зазвенел звонок, громкоговорители проорали кодовую фразу: «Доктор Рыжий в палате два-двадцать». Произошло это в самый разгар дня, когда все пациенты разбредались кто куда. Те, кто еще владел обеими руками, сидели в мастерской, вязали букетики из цветных шелковых цветочков. Увечные – тот же мистер Габриэль – проходили дополнительные процедуры в кабинете физиотерапии. А прикованные к постели лежали, естественно, по своим палатам. С ними хлопот не было.

Правила гласили, что все коридоры и помещения следует очистить от любых препятствий; ходячих пациентов надлежит загнать в свободные палаты, а к дверным ручкам привязать красные тряпочки, говорящие: занято. Мэгги закрыла палаты 201 и 203, где лежали единственные ее неходячие пациенты. Привязала к дверям красные тряпочки, взятые из чулана для метел. Заманила в 202-ю одну из бродячих старушек, подопечную Джоэль Барретт. Рядом с 202-й стоял пустой сервировочный столик, Мэгги закатила внутрь и его, а затем, выскочив из палаты, перехватила Лотти Стейн, которая, немзыкально напевая, ползла в своих ходунках по коридору. Мэгги отвела ее в 201-ю, к Хепзибе Мюррей. Тут появилась и Джоэль, катившая в кресле Лоренс Данн, и воскликнула: «Упс! Тилли сбежала!» Тилли была той самой старушкой, которую Мэгги только что завела в 202-ю. Вечная история с такими учениями. Они напоминали Мэгги карманные игры, в которых пытаешься загнать по лункам все серебристые шарики сразу. Она изловила Тилли и вернула ее в 202-ю. Тем временем из 201-й понеслись неприятные звуки, там переругались Лотти и Хепзиба, поскольку Хепзиба не терпела присутствия посторонних в своей палате. Мэгги пришлось успокаивать их, потом она помогла Джоэль,

которой не удавалось справиться с Лоренс, а между тем из головы ее никак не шло нечто более важное. Она, разумеется, думала о мистере Габриэле.

К этому времени он наверняка впал от страха в прострацию.

И Мэгги покинула свой коридор, хотя делать это не полагалось ни при каких обстоятельствах. Она проскочила мимо поста дежурной сестры, спустилась по лестнице, повернула направо. Кабинет физиотерапии находился в дальнем конце холла. Обе его вращающиеся двери были закрыты. Мэгги побежала к ним, обогнув сначала складное кресло, а потом тележку с большим брезентовым мешком, в который собирали предназначенное для стирки белье, – тележку, которой делать здесь было решительно нечего. Тут она услышала шаги, скрип резиновых подошв. Остановилась, оглянулась. Миссис Уиллис! Это почти наверняка была миссис Уиллис, ее непосредственная начальница, а она здесь, бесконечно далеко от места, где ей положено быть.

И Мэгги сделала первое, что пришло ей в голову. Запрыгнула в мешок для белья.

Нелепость, это она поняла сразу. И, утопая в смятых простынях, обругала себя. Все же она еще могла выйти сухой из воды, да только ее прыжок привел тележку в движение. Чья-то рука затормозила ее, и раскатистый голос спросил: «Это еще что такое?»

Мэгги открыла глаза (перед этим она крепко зажмурилась, как ребенок, предпринимающий последнюю отчаянную попытку обратиться в невидимку). Над ней стояла, разинув рот, Берта Вашингтон, кухарка.

– Привет, – сказала Мэгги.

– Ничего себе! – остолбенела Берта. – Сатин, иди посмотри, кто у нас тут постираться надумал.

Рядом с лицом Берты появилось и расплылось в улыбке второе, Сатин Бишоп.

– Ну вы и даете, Мэгги! Интересно, что вы еще придумаете. Знаете, большинство предпочитает ванну принимать, – сказала она.

– Ошиблась немного, – сказала Мэгги. И встала, и стряхнула с плеч приставшее к ним полотенце. – Ладно, наверное, мне лучше...

Но Сатин ответила:

– Мы вас подвезем, девушка.

– Сатин! Не надо! – закричала Мэгги.

Сатин и Берта ухватились за тележку и, пофыркивая как маньячки, понеслись по холлу. Мэгги пришлось вцепиться в борта, иначе она вывалилась бы спиной назад на пол. Тележка накренилась, перекосилась, приближаясь к повороту, набок, однако эти женщины оказались куда быстрее на ногу, чем можно было подумать, глядя на них. Они ловко развернули тележку и побежали назад. Мэгги держалась за края тележки и кричала, наполовину смеясь: «Хватит! Ну хватит!» Толстуха Берта всхрапывала и била ногами в пол. Сатин словно шипела сквозь сжатые зубы. К кабинету физиотерапии тележка подкатила, погромыхивая, в тот миг, когда прозвучал сигнал отбоя – из громкоговорителей донесся хриплый рев. Двери кабинета мгновенно повернулись, и из них выехал мистер Габриэль – в инвалидной коляске, которую подталкивала миссис Инман. Не физиотерапевт, не санитарка или добровольный помощник – сама миссис Инман, начальница службы медсестер. Сатин и Берта резко затормозили. У мистера Габриэля отвисла челюсть.

Миссис Инман произнесла:

– Леди?

Мэгги, схватившись за плечо Берты, вылезла из мешка.

– Ну ей-богу, – сказала она двум женщинам и отряхнула подол своей юбки.

– Известно ли вам, леди, что у нас проводилась учебная пожарная тревога?

– Да, мэм, – ответила Мэгги. Она всегда до смерти боялась строгих женщин.

– Понимаете ли вы, насколько серьезны и важны такие учения для дома престарелых?

Мэгги начала:

– Я просто...

– Будьте добры, Мэгги, отвезите Бена в его палату. Мы с вами поговорим позже, у меня в кабинете.

– Да, мэм, – сказала Мэгги.

И покатила мистера Габриэля к лифту. Когда она наклонилась, чтобы нажать на кнопку, рука ее скользнула по его плечу, и мистер Габриэль резко отстранился.

– Извините, – сказала Мэгги; он не ответил.

В лифте он молчал, хотя, может быть, лишь потому, что с ними ехал один из врачей. Впрочем, даже когда они поднялись на второй этаж и расстались с врачом, мистер Габриэль не проронил ни слова.

Холл выглядел так, словно по нему ураган пронесся, обычное после учебной тревоги дело. Все двери были распахнуты, пациенты бесцельно блуждали, персонал растаскивал по местам то, что случайно попало во время тревоги в палаты. Мэгги завезла мистера Габриэля в 206-ю. Его сосед еще не вернулся. Она поставила коляску у кровати. Мистер Габриэль сидел и молчал.

– О боже, – сказала Мэгги и усмехнулась.

Взгляд мистера Габриэля медленно обратился к ее лицу. Быть может, он сочтет ее подобием героини «Я люблю Люси»^[6] – любящей повеселиться сумасбродкой, вечно пребывающей в приподнятом настроении? Увиденное им позволяло сделать и такой вывод. На самом деле Мэгги «Я люблю Люси» не нравился, сюжет казался ей слишком искусственным – головокружительные неудачи героини предопределенными, обещанными с самого начала. Но вдруг мистер Габриэль держался иного мнения?

– Я спустилась вниз, чтобы найти вас, – сказала Мэгги.

Он молча смотрел на нее.

– Беспокоилась за вас, – прибавила она.

«Так сильно, что решила покататься в тележке с грязным бельем?» – без обиняков сказал его взгляд.

И тут Мэгги, нагнувшейся, чтобы поставить коляску на тормоз, пришла в голову странная мысль. Ее породили морщины вокруг рта мистера Габриэля – глубокие складки, словно оттягивавшие кверху краешки губ. Такие же были и у Айры. Только потоньше. Они появлялись, когда Айра что-либо не одобрял. (Как правило, Мэгги.) И взгляд его становился точно таким же – сумрачным, трезвым, осуждающим.

Так ведь мистер Габриэль – это просто еще один Айра, вот и все. Такие же резкие, как у Айры, черты лица, такое же чувство собственного достоинства, такая же замкнутость, и по сей день физически привлекавшая ее. Он даже незамужнюю сестру содержит, готова поспорить, совершенно как Айра двух своих и дармоеда-отца. Признак благородства натуры, можно сказать. По сути дела, мистер Габриэль был ее попыткой найти более раннюю версию Айры. Ту,

какую она знала в самом начале их брака, когда еще не начала разочаровываться в муже.

Она влюбилась не в мистера Габриэля, она влюбилась в Айру.

Что же, Мэгги помогла мистеру Габриэлю перебраться из коляски в стоящее у его кровати кресло и отправилась посмотреть, как чувствуют себя прочие пациенты, и жизнь пошла дальше без особых перемен. Собственно, мистер Габриэль и сейчас еще жил в доме, хотя разговаривали они не так подолгу, как прежде. Теперь он вроде бы отдавал предпочтение Джоэль, хоть и был с Мэгги вполне дружелюбен. Вероятно, забыл, как она каталась в бельевой тележке.

Но Мэгги не забыла и временами, натыкаясь на стеклянную стену неодобрения Айры, проникалась немой, усталой уверенностью в том, что на этой земле настоящих перемен не бывает. Ты можешь менять мужей, но не свое положение в мире. Менять кого-то, но не что-то. Все мы носимся здесь по кругу, думала она, и представляла себе мир как маленькую синюю чашку, вращающуюся, подобно аттракциону, где каждый человек сидит, пришпиленный к своему месту центробежной силой.

Мэгги сняла с полки коробку «Инжирных Ньютонов», прочитала на ее обороте сведения об их пищевой ценности.

– Шестьдесят калорий в каждом, – сказал она вслух.

И Айра посоветовал:

– Наплюй на это и кутни.

– Не подкапывайся под мою диету, – ответила она и, не обернувшись, поставила коробку на полку.

– Эй, бэби, – сказал он, – не желаешь прошвырнуться со мной на похороны?

Она пожала плечами и не ответила, однако, когда Айра обнял ее, позволила отвести себя к машине.

Глава 2

Желая найти что-нибудь в Дир-Лике, вы просто останавливаетесь на первом попавшемся светофоре и оглядываетесь по сторонам. Парикмахерская, две станции техобслуживания, хозяйственный магазин, продуктовый, три церкви – вашим взорам открывается все. Дома расставлены здесь с нарочитой чинностью, совсем как в какой-нибудь деревеньке при игрушечной железной дороге. Деревья, выросшие до постройки домов, остались в целостности и сохранности, тротуаров хватает лишь на три квартала. Взглянув куда угодно с любого уличного перекрестка, вы увидите зеленые луга, кукурузные поля и даже, что, впрочем, редкость, выгон с толстой гнедой лошастью, зарывшейся мордой в траву.

Айра остановил машину на асфальтированной стоянке у одной из церквей, серовато-белого каркасного куба, в который вели невысокие ступеньки, составленные из похожих на ведьмины колпаки пней. Других машин на стоянке не было. Как выяснилось, догадка его была верной: упрямое передвижение по Первому шоссе сократило путь, что, однако ж, оказалось не такой уж и удачей, поскольку в Дир-Лик они приехали на полчаса раньше, чем следовало. И все-таки Мэгги рассчитывала увидеть хоть кого-то из прибывших на похороны людей.

– Может, мы днем ошиблись, – сказала она.

– Ну как это? Серина же сказала тебе: «Завтра». Тут уж не собьешься.

– Тебе не кажется, что нам лучше войти в церковь?

– Конечно, если она не заперта.

Когда они вылезли из машины, оказалось, что юбка Мэгги липнет сзади к ногам. Она чувствовала себя совершенно разбитой. Волосы спутал ветер, резинка колготок врезалась в живот.

Они поднялись по деревянным ступенькам, толкнули дверь. Та, жалобно заскрипев, распахнулась. Сразу за ней вытянулось тусклое помещение с голым полом и потолочными балками над темными скамьями. По обе стороны кафедры стояли большие букеты цветов, Мэгги они успокоили. Такие искусственные на вид букеты можно встретить лишь на венчаниях и похоронах.

– Алло! – наудачу позвал Айра.

Только его голос к нему и вернулся.

Они на цыпочках двинулись по скрипучим половицам прохода.

– Как по-твоему, полагается здесь соблюдать... стороны или еще что-то? – прошептала Мэгги.

– Стороны?

– Ну, знаешь, как бывает – сторона жениха и сторона невесты? Вернее...

Она захихикала над своей ошибкой. Правду сказать, большого опыта по части похорон у нее не было. Никто из ее близких пока не умер, постучи по дереву.

– Я хотела спросить, – пояснила она, – имеет ли какое-нибудь значение, где мы сядем?

– Главное, чтобы не в первом ряду, – ответил Айра.

– Ну конечно, не в первом, Айра. Я же не полная дура.

Дойдя до середины прохода, Мэгги опустилась на правую скамью, скользнула по ней, чтобы дать место мужу.

– Я думала, хоть музыка какая-нибудь играть будет, – заметила она.

Айра посмотрел на часы.

Мэгги сказала:

– Может быть, в следующий раз ты прислушаешься к указаниям Серины.

– Чтобы проблуждать половину утра по коровьим тропам?

– Все-таки лучше, чем приезжать первыми.

– Я ничего против первенства не имею, – ответил Айра.

Он сунул руку в левый карман пиджака и вынул оттуда перетянутую круглой резинкой колоду карт.

– Айра Моран! Ты же не будешь развлекаться картами посреди дома молитвы!

Он сунул руку в правый и вытащил вторую колоду.

– А если войдет кто-нибудь? – спросила Мэгги.

– Не волнуйся. У меня молниеносные рефлексy, – ответил он.

Айра стянул резинки, соединил обе колоды, перетасовал. Карты пощелкивали, как будто он из пулемета палил.

– Ну ладно, – сказала Мэгги, – придется притвориться, что я с тобой не знакома.

Она стиснула ручки сумочки и переползла на другой конец скамьи.

Айра опустил карты на освобожденное ею место.

Мэгги отошла к витражному окну. ПАМЯТИ ВИВИАНА ДЬЮИ, ЛЮБИМОГО МУЖА И ОТЦА – гласила табличка под ним. Муж по имени Вивиан! Мэгги подавила смешок. И вспомнила о мысли, которая часто посещала ее в шестидесятых, когда молодые мужчины отращивали длинные волосы. Неужели тебя не передернет, думала она, если ты запустишь пальцы в мягкие, свисающие локоны твоего любовника?

В церквях ей всегда лезут в голову мысли самые неподобающие.

Мэгги направилась вглубь церкви, каблучки ее резко постукивали – так, точно она хорошо знала, куда идет. Поднялась у кафедры на цыпочки, чтобы понюхать белый, словно восковой, цветок, названия которого не знала. Запаха у цветка не было, никакого, зато от него исходил совершенно явный холодок. Собственно говоря, ей и без того было немного зябко. Она развернулась и пошла к середине прохода, к Айре.

Он уже половину скамьи картами занял. И передвигал их, насвистывая сквозь зубы. «Игрок» – так называлась эта песня. До разочарования очевидная. Надо знать, что держать, а какие сбрасывать... Пасьянс, который он раскладывал, был до того запутанным, что отнимал иногда по несколько часов, однако начинался просто, и потому Айра перекладывал карты почти не задумываясь.

– Это довольно скучная часть, – сказал он Мэгги. – Для ее исполнения можно бы подрячать любителя, как старые мастера поручали ученикам подмалевывать фон на их картинах.

Мэгги об этом обыкновении мастеров не знала. Ей оно показалось мошенничеством.

– Ты не можешь положить эту пятерку на шестерку? – спросила она.

– Отвали, Мэгги.

Она снова пошла, помахивая сумочкой, по проходу.

Интересно, что это за церковь? Снаружи ничего написано не было. Мэгги с Сериной выросли методистками, но Макс принадлежал к другому вероисповеданию, и после замужества Серина перешла в него. Хотя венчались они в методистской церкви. Мэгги пела на ее

венчании – дуэтом с Айрой. (Тогда они только-только начали встречаться.) Церемония венчания была одной из самых диких выдумок Серины, подлинной кашей из тогдашних шлягеров и стихов Халиля Джебрана^[7] – и это в то время, когда все вокруг продолжали цепляться за «Обещай мне»^[8]. Что же, Серина всегда опережала свое время. И нипочем не угадаешь, какие она сегодня похороны устроит.

У двери Мэгги развернулась и снова направилась к Айре. Он покинул скамью, перешел в другой ряд и теперь склонился, изучая расположение карт. Видимо, добрался до интересной части пасьянса. Даже насвистывать стал медленнее. *Не считайте денежки, сидя за столом...* Мэгги он показался похожим на пугало: пиджак на плечах обвис, черный чуб взлохмачен, руки как-то странно разведены.

– Мэгги! Ты приехала! – позвала от двери Серина.

Мэгги обернулась, но увидела только желтое пятно, а на нем силуэт. И спросила:

– Серина?

Серина бросилась к ней, раскрыв объятия. Тело ее было целиком обернуто черной шалью с длинной атласной бахромой, которая почти касалась пола, и волосы Серины тоже были черными, не тронутыми сединой. Руки обнявшей ее Мэгги запутались в прядях, спадавших между лопаток Серины. Мэгги встряхнула пальцами, освобождая их, и с легкой усмешкой отступила от подруги на шаг. Серина при ее фигуре, полном овальном лице и ярких красках вполне могла быть испанской сеньорой – так всегда думала Мэгги.

– И Айра! – сказала Серина. – Как ты, Айра?

Айра встал (карты непонятно как исчезли), и она поцеловала его в щеку, что он безропотно вытерпел.

– Я ужасно огорчился, когда услышал о Максе, – сказал Айра.

– Спасибо, – ответила Серина. – Я так благодарна вам за приезд, вы даже не представляете. В дом набились родственники Макса, я прямо почувствовала, как они подавляют меня численным превосходством. И в конце концов удрала оттуда, сказала, что должна кое-что приготовить в церкви. Вы завтракали?

– О да, – ответила Мэгги. – А вот в уборную я бы заглянула.

– Я тебя отведу. Айра?

– Нет, спасибо.

– Ладно, мы через минуту вернемся, – сказала Серина. Она взяла Мэгги под руку и повела ее по проходу. – Из Виргинии приехали двоюродные братья и сестры Макса, ну и конечно, его брат Джордж с женой и дочерью. И Линда здесь уже с четверга, а с ней внуки...

Ее дыхание пахло персиками, а возможно, это у нее духи были такие. На ногах сандалии с кожаными ремешками, обвивавшими до середины голые, загорелые икры, платье (Мэгги не удивилась, увидев его) из сочно-красного шифона, с V-образным вырезом, в центре которого поблескивало украшение (солнце с лучами) из горного хрусталя.

– Может, оно и к лучшему, – продолжала Серина. – Мне эта сумятица хоть задумываться не дает.

– Ах, Серина, очень было ужасно? – спросила Мэгги.

– Ну... и да и нет, – ответила Серина. Она повела Мэгги через маленькую боковую дверь слева от входа, затем по узкой лестнице вниз. – Все тянулось так долго, Мэгги, и в первый миг – ужасно, конечно, – но я почувствовала облегчение. Знаешь, он ведь болел еще с февраля. Только мы тогда ничего не понимали. В феврале же все болеют, месяц такой, у кого грипп, у кого простуда, а тут еще крыша протекает или котел ломается. Так что мы в то время ничего и не смекнули. Ему немного нездоровилось, вот и все, что он сказал. То там побаливает, то тут... Потом он пожелтел. Потом у него верхняя губа словно впала. Ничего такого, чтобы обращаться к врачу. Такого, чтобы позвонить ему и сказать... Но как-то утром я пригляделась к нему и подумала: «Господи, как же он постарел! У него даже лицо другое стало». А был уж апрель, когда все нормальные люди отлично себя чувствуют.

Огибая длинные металлические столы и складные стулья, они пересекли по линолеумному полу неосвященный подвал с трубами и воздухопроводами на потолке. Мэгги чувствовала себя совершенно как дома. Как часто она и Серина секретничали в какой-нибудь классной комнате воскресной школы! Ей даже почудился запах мелованной бумаги – так пахли брошюры, по которым они изучали Библию.

– И вот как-то вернулась я из магазина домой, а Макса нет, – продолжала Серина. – Была суббота. Когда я уходила, он копался на дворе. Ну, я не придавала этому большого значения, стала раскладывать покупки...

Она подтолкнула Мэгги к облицованной белой плиткой уборной. К голосу Серины присоединилось эхо.

– Потом взглянула в окно, а там совершенно неизвестная мне женщина ведет его за руку. Она как-то... колебалась, явно думала, что он умственно отсталый или еще какой. Я выбежала из дома. Она сказала: «О! Это ваш?»

Мэгги вошла в кабинку, Серина прислонилась к раковине, сложила на груди руки.

– Мой ли! Точно соседка, которая притаскивает твоего пса с завязшими в бороде и усах отбросами и спрашивает: «Это ваш?» Но я сказала: да. Оказалось, что эта женщина увидела его бредущим по Дармор-роуд с садовыми ножницами в руках, а куда его несет, Макс, судя по всему, не знал. Она спросила, может ли чем-то ему помочь, а он ответил только: «Не уверен. Не уверен». Однако меня он, когда увидел, узнал. Я спросила у него, что случилось, и он ответил, что на него напало какое-то странное чувство. Он совершенно неожиданно обнаружил, что идет по Дармор-роуд. Потом та женщина завернула его назад, и он увидел наш дом и понял, что дом наш, однако к нему ни малейшего отношения не имеет. Он сказал, что на минуту словно отлучился куда-то из своей жизни.

Над держателем туалетной бумаги было написано мелом: МАРСИ + ДЭЙВ. У СБЮ ХАРДИ В ЛИФЧИКЕ ВАТА. Мэгги попыталась освоиться с новым образом Макса – ни в чем не уверенного, озадаченного, наверняка слабого в коленках, как один из пациентов ее дома престарелых. Но вместо этого представила себе Макса, какого знала всегда, – мужчину, который походил на дюжего футболиста, с ежиком светлых волос и широким, добродушным веснушчатым лицом; Макса, который вбегал голышом в прибой на каролинском пляже. Но за последние десять лет она видела его лишь несколько раз: Макс не был чемпионом мира по умению удерживаться на работе, и потому семья его часто переезжала. Однако на Мэгги он производил впечатление мужчины, который навсегда сохранит мальчишечьи черты. Трудно было вообразить его стареющим.

Покончив со своими делами, она вышла из кабинки и увидела, что Серина разглядывает одну из своих сандалий, поворачивая так и этак ступню.

– Ты когда-нибудь делала это? – спросила Серина. – Отлучалась из собственной жизни?

– Что-то не припомню, – ответила Мэгги и открыла кран горячей воды.

– Хотела бы я знать, на что это похоже, – сказала Серина. – Просто оглядеться однажды и понять, что все тебя изумляет – место, в котором ты оказалась, мужчина, за которого вышла, женщина, в которую превратилась. Скажем, такое нашло бы на тебя, пока ты... ну, не знаю, ходила с дочерью по магазинам, – и ты вдруг стала бы собой, но семи-восьмилетней, наблюдающей за всем, что ты делаешь. «Как это? – сказала бы ты. – Неужели это я? Вожу машину? Принимаю сдачу? Пилю какую-то молодую женщину, как будто имею на это право?» А потом вошла бы в свой дом и сказала: «Нет, это все мне не по вкусу». И подошла бы к зеркалу: «Господи, да у меня подбородок куда-то вниз съехал совсем как у моей матери». Ты увидела бы все не завуалированным, понимаешь? И сказала бы: «А муж-то у меня далеко не Эйнштейн, это верно». Сказала бы: «Моей дочери не мешает сбросить кое-какой вес».

Мэгги откашлялась. (Все это было неутешительной правдой. Дочери Серины, к примеру, очень даже не мешало сбросить кое-какой вес.) Она протянула руку к бумажному полотенцу и сказала:

– По-моему, ты говорила по телефону, что он умер от рака.

– Верно, – подтвердила Серина. – Но когда мы узнали про рак, он был везде. Все тело проел, даже мозг.

– Ах, Серина.

– В один день Макс, как всегда, отправился на работу, продавать рекламу на радио, а на другой уже лежал пластом. Говорить толком не мог, видеть тоже, что ни делал, все вкривь и вкось получалось. И все время повторял, что слышит запах домашнего печенья. Спрашивал: «Серина, когда испечется печенье?» А я его сто лет не пекла! Говорил: «Как вынешь его из духовки, принеси мне одно». Ну я и напекла целую кучу, а он удивился и сказал, что не голоден.

– Зря ты меня не вызвала, – сказала Мэгги.

– А что бы ты могла сделать?

Да в общем, ничего, подумала Мэгги. Она не могла бы даже уверенно сказать, что понимает, какие испытания выпали на долю Серины. Казалось, на каждом жизненном этапе Серина немного

опережала ее и на каждом описывала свой опыт правдиво, пугающе, прямо, словно какая-нибудь иностранка, ничего не знающая о принятых в обществе правилах. Как будто завесы сдирала! Это она сообщила Мэгги, что брак не похож на фильм с Роком Хадсоном и Дорис Дэй^[9] в главных ролях. Это она сказала, что материнство дело слишком тяжелое и, откровенно говоря, оно, может, и не стоит усилий, которые ты на него тратишь. А теперь новая напасть: у нее умер муж. И Мэгги было не по себе, хоть она и понимала, что это не заразно.

Посмотрев в зеркало, она обнаружила, что над ухом, перекосившись, торчит из волос голубой цветок цикория. Мэгги выдернула его и бросила в мусорную корзинку. Серина ничего о нем не сказала – верное доказательство смятенности ее души.

– Сначала я думала: как же мы это переживем? – сказала Серина. – Как справимся с этим? А потом поняла: справляться-то придется мне одной. Макс просто-напросто считал, что я все устрою. Налоговая служба угрожала нам проверкой, наша машина нуждалась в новой коробке передач? Это были мои дела, Макса они интересовать перестали. Ко времени, когда начнется проверка, он уже будет мертв, да и машина ему больше не понадобится. Вообще-то смешно, если подумать. Разве нас не предупреждали насчет того, чем оборачивается исполнение желаний? «Будь осторожен в желаниях» – разве нет такого предостережения? Я вот еще в детстве поклялась, что никогда не буду зависеть от мужчины. Чтобы я ждала, когда кто-то из них обратит на меня внимание, – да ни за что на свете! Я хотела получить мужа, который будет сходить по мне с ума, держаться за меня как приклеенный, вот точно такого и получила. Точно. Макс не мог глаз от меня оторвать, провожал меня взглядом по комнате. Когда ему в конце концов пришлось отправиться в больницу, он умолял не оставлять его одного, и я стала проводить там день и ночь. И начала злиться на него. Я же помнила, как вечно приставала к нему: занимайся спортом, следи за своим здоровьем, а он отвечал, что все это для чокнутых. Заявлял, что бег трусцой – дорога к инфаркту. Послушать его, так тротуары усыпаны трупами таких бегунов. Я смотрела на него, лежащего на больничной койке, и спрашивала: «Так что ты предпочитаешь, Макс, взять и внезапно помереть одетым в шикарный, теплый, красный спортивный костюм или валяться здесь утыканным иглами и

трубками?» Я говорила это, кричала во все горло! Вела себя с ним кошмарно.

– Ну ладно тебе, – жалко сказала Мэгги. – Я уверена, ты вовсе не имела...

– Я имела в виду каждое слово, – ответила Серина. – Вечно ты стараешься все приукрасить, Мэгги. Я кошмарно себя вела. А потом он умер.

– О господи... – полепетала Мэгги.

– Ночью, со среды на четверг. У меня словно тяжесть какая-то с груди свалилась, я отправилась домой и проспала двенадцать часов подряд. В четверг приехала из Нью-Джерси Линда, и это было хорошо – она, зять, ребяташки. Но мне все время казалось, что я должна что-то сделать. Что-то, о чем забыла. А это меня подмывало в больницу поехать, только и всего. Я себе места не находила. Это как фокус, который мы проделывали в детстве, помнишь? Встанешь в проеме двери, нажмешь руками на косяк, словно распереть его хочешь, а после шагнешь вперед, и руки сами собой взлетают вверх, как будто все это давление было, ну, запасено на будущее и сработало задним числом. Так вот, дети Линды принялись изводить кошку. Напялят на нее пижамку своего игрушечного медвежонка, а Линда этого даже не замечает. Она никогда их в узде держать не умела. Мы с Максом еле сдерживались, чтобы ничего ей не сказать. Каждый раз, как они приезжали, мы ей ни слова не говорили, только посматривали друг на друга через комнату, обменивались взглядами, знаешь, как это бывает? А тут вдруг мне переглядываться стало и не с кем. Так я впервые поняла, что и вправду потеряла его.

Серина перебросила со спины на грудь хвост волос, осмотрела его. Кожа под глазами у нее блестела. Собственно говоря, она плакала, но, похоже, не замечала этого.

– Ну я и выдула целую бутылку вина, – сказала она, – а после обзвонила всех давних знакомых, всех, кого мы с Максом знали, когда только еще встречались. Тебе позвонила, Сисси Партон, двойняшкам Барли...

– Двойняшки Барли! Они приедут?

– Конечно. И Джо Энн Дермотт с Нэтом Абрамсом, за которого она в конце концов вышла, если тебе это интересно...

– Я о Джо Энн годами не вспоминала!

– Она почитает нас из «Пророка». А ты и Айра споете.

– Мы... что?

– Споете «Нет ничего прекрасней любви на земле»^[10].

– Ох, помилуй, Серина! Только не «Любовь прекрасней всего на свете».

– Вы же пели ее на нашей свадьбе, так?

– Да, но...

– Ее как раз играли, когда Макс признался мне в любви, – сказала Серина. И, приподняв уголок шали, аккуратно промокнула кожу под глазами. – Двадцать второе октября пятьдесят пятого. Помнишь? Бал в честь Праздника урожая. Я туда с Терри Симпсоном пришла, но Макс меня отбил.

– Но ведь это его похороны! – сказала Мэгги.

– И что?

– Это же не... концерт по заявкам, – сказала Мэгги.

Над головами у них забренчало пианино. Аккорд, аккорд, еще аккорд – они плюхались на пол, словно кто-то столовые приборы раскладывал. Серина запахнула на груди шаль и сказала:

– Нам лучше вернуться.

– Серина, – сказала Мэгги, выходя вслед за ней из уборной, – мы с Айрой после твоей свадьбы ни разу на людях не пели!

– Не страшно. Я и не ожидаю профессионального исполнения, – ответила Серина. – Просто хочу повторить то, что было, как иногда делают на золотых свадьбах. Решила, что это будет красиво.

– Красиво! Ты же знаешь, как песни иногда, ну, стареют, – сказала, обходя вместе с подругой столы, Мэгги. – Почему не исполнить просто какие-нибудь утешительные гимны? Разве в вашей церкви хора нет?

У подножия лестницы Серина повернулась к ней.

– Послушай, – сказала она. – Я всего лишь прошу о малейшей, простейшей услуге самую близкую подругу, какая у меня есть на свете. Чего мы с тобой только не пережили вместе! Наши свадьбы, рождение наших детей! Ты помогла мне устроить мою мать в дом престарелых. Я сидела с тобой, когда арестовали Джесси.

– Да, но...

– Прошлой ночью я призадумалась и спросила себя: я для чего эти похороны устраиваю? На них и не придет никто, мы слишком недолго

здесь прожили. Мы Макса даже в землю опускать не будем, следующим летом я развею его прах над Чесапиком^[11]. На службе и гроба-то его не будет. Какой тогда смысл сидеть в церкви, спросила я, и слушать, как миссис Филбер гимны на пианино брэнчит? «Сколь тернист он, правый путь» и «Смерть похожа на тихий сон». Я и с миссис Филбер-то не знакома! Лучше уж Сисси Партон, которая играла на нашей свадьбе «Мою мольбу». А после подумала: да почему бы мне все не повторить? И Халиля Джебрана, и «Нет ничего прекрасней любви»?^[12]

– Тебя многие не поймут, – заметила Мэгги. – Например, те, кто не был на твоей свадьбе.

«Да и те, кто был, тоже», – подумала она про себя. Некоторые гости и тогда выглядели озадаченными.

– Ну и пусть удивляются, – сказала Серина. – Я не для них похороны устраиваю. – И, повернувшись к лестнице, стала подниматься по ней.

– Да, но Айра, – сказала Мэгги, поднимаясь следом. Бахрома шали хлестнула ее по лицу. – Конечно, я для тебя землю перевернуть готова, но не думаю, что Айра согласится петь эту песню.

– У Айры был хороший тенор, – сказала Серина. Она добралась до верха лестницы и снова повернулась к Мэгги: – А у тебя голос, как серебряный колокольчик, – помнишь, все так говорили? Самое время перестать это скрывать.

Мэгги вздохнула и пошла за Сериной по проходу церкви. Говорить, что этот колокольчик успел постареть почти на полвека, бесполезно, полагала она.

За время отсутствия Мэгги в церкви появились несколько гостей. Они сидели по разным скамьям. Серина склонилась к женщине в шляпе и узком черном костюме.

– Шугар? – произнесла она.

Остановившаяся прямо за ней Мэгги спросила:

– Шугар Тилгмэн?

Шугар обернулась. Она была первой красавицей класса, да и сейчас, полагала Мэгги, осталась красивой, хотя из-за плотной черной вуали, спадавшей с полей ее шляпы, сказать что-нибудь определенное было трудно. Она больше походила на вдову, чем сама вдова. Что же, Шугар всегда видела в одежде прежде всего маскарадный костюм.

– Вот и ты! – сказала она и встала, чтобы прижаться щекой к щеке Серины. – Я так сожалею, так сожалею о твоей потере. Только зовут меня теперь не Шугар, а Элизабет.

– Ты ведь помнишь Мэгги, Шугар, – сказала Серина.

– Мэгги Дейли! Какой сюрприз.

Укрытая вуалью щека Шугар была гладкой и тугой. Она оставляла ощущение одной из тех луковиц, что продают упакованными в сетку в продуктовых магазинах.

– Как все это печально, – сказала она. – Роберт приехал бы со мной, но у него совещание в Хьюстоне. Он просил передать тебе его соболезнования. Сказал: «Кажется, только вчера мы пытались найти дорогу на их свадебный обед».

– Да, вот об этом я и хочу с тобой поговорить, – сказала Серина. – Ты помнишь нашу свадьбу? Ты пела там после того, как мы принесли обеты.

– «Рожденную быть с тобой», – сказала Шугар. И усмехнулась. – Вы шли под нее к дверям. Переход оказался дольше песни, и под конец мы слышали только стук твоих высоких каблучков.

– Так вот, – сказала Серина. – Я хочу, чтобы ты снова спела ее сегодня.

От потрясения у Шугар даже лицо проступило из-под вуали. Выглядела она старше, чем думала Мэгги.

– Чтобы я – что? – переспросила она.

– Чтобы спела.

Шугар, повернувшись к Мэгги, приподняла брови. Мэгги отвела взгляд, вступать в какой бы то ни было сговор ей не хотелось. Какая-то женщина и впрямь заиграла на пианино «Мою мольбу». Но не может же это быть Сисси Партон, верно? Женщина с пухлой спиной и ямочками-сердечками над локтями. Помилуй, она похожа на самую обыкновенную церковную пианистку.

– Я уже двадцать лет как не пела, если не больше, – сказала Шугар. – Да и тогда-то петь не умела! Выпендривалась, и не более того.

– Шугар, это последняя услуга, больше я тебя никогда ни о чем не попрошу, – настаивала Серина.

– Элизабет.

– Одну песню, Элизабет! Для друзей. Мэгги и Айра тоже споют.

– Нет, подожди... – начала было Мэгги.

– Да еще и «Рожденную быть с тобой», – сказала Шугар.

– А что в ней плохого, хотелось бы знать? – спросила Серина.

– Ты слова ее помнишь? «Довольная, бок о бок с тобой»? И ты хочешь услышать их на похоронах?

– На поминальной службе, – сказала Серина, хотя и сама до сей поры называла это похоронами.

– А в чем разница? – спросила Шугар.

– Ну, гроба-то здесь не будет.

– В чем разница, Серина?

– Совсе не получится, что я вроде как лежу бок о бок с ним в гробу! Что я извращенка какая-нибудь или еще кто! Я буду бок о бок с ним в духовном смысле, вот и все.

Шугар посмотрела на Мэгги. А та пыталась припомнить слова «Моей мольбы». Во время похорон, думала она (или поминальной службы), самые невинные строчки могут приобретать совершенно новый смысл.

– Ты станешь посмешищем здешних прихожан, – категорически заявила Шугар.

– Да плевать мне на них.

Мэгги ушла по проходу, оставив их. Она настороженно приглядывалась к людям, мимо которых шагала, – каждый мог оказаться давним знакомым. Однако никого не узнала. Дойдя до скамьи Айры, она подтолкнула его локтем и сказала:

– Я вернулась.

Айра подвинулся. Он читал свой карманный календарь – ту его часть, где перечислялись знаки зодиака и соответствующие им драгоценные камни.

– Мне это мерещится или я на самом деле слышу «Мою мольбу»? – спросил он, когда Мэгги уселась с ним рядом.

– На самом деле, – сказала Мэгги. – И играет ее не просто какой-нибудь старичок-пианист. Это Сисси Партон.

– Кто такая Сисси Партон?

– Ну ей-богу, Айра! Ты же помнишь Сисси. Она играла на свадьбе Серины.

– Ах да.

– А мы с тобой пели «Нет ничего прекрасней любви», – сказала Мэгги.

– Уж этого я ни за что не забыл бы.

– И Серина хочет, чтобы сегодня мы спели ее снова.

У Айры даже выражение лица не изменилось. Он просто сказал:

– Жаль, что нам не удастся оказать ей такую услугу.

– Шугар Тилгмэн тоже петь отказывается, и Серина ей сейчас шею намыливает. Не думаю, что она позволит нам отвертеться, Айра.

– Шугар Тилгмэн здесь? – Он оглянулся.

От Шугар все мальчики были без ума.

– Вон там, в задних рядах, в шляпе, – сказала Мэгги.

– Разве Шугар пела на их свадьбе?

– Пела, «Рожденную быть с тобой».

Айра снова повернулся лицом к алтарю, подумал. Наверное, слова припоминал. И в конце концов коротко фыркнул.

Мэгги спросила:

– Ты помнишь слова «Нет ничего прекрасней любви»?

– Нет, и вспоминать не собираюсь, – ответил Айра.

Какой-то человек остановился в проходе рядом с Мэгги. И спросил:

– Как жизнь, Мораны?

– Дервуд! – воскликнула Мэгги. И повернулась к Айре: – Подвинься, дай Дервуду сесть.

– Дервуд. Привет, – сказал Айра и на фут отъехал по скамейке.

– Знал бы, что вы сюда поедете, напросился бы к вам в попутчики, – сказал, садясь рядом с Мэгги, Дервуд. – А так Пег пришлось на работу автобусом ехать.

– Ох, прости. Нам следовало подумать об этом, – сказала Мэгги. – Серина, должно быть, всех в Балтиморе обзвонила.

– Да, я здесь и старушку Шугар заметил, – сказал Дервуд и вытянул из нагрудного кармана шариковую ручку.

Он был человеком тихим, со взъерошенными, волнистыми седыми волосами, слегка длинноватыми. Волосы немного прикрывали уши, прядями спадали сзади на воротник, придавая Дервуду вид стесненного в средствах неудачника. В старших классах он Мэгги не нравился, однако многие годы прожил с ней по соседству, женился на Глен Берни, вырастил детей, и теперь она виделась с ним чаще, чем с

любим из тех, рядом с кем росла. Ну не смешно ли складывается жизнь? – думала Мэгги. Она уж и припомнить не могла, по какой причине они с самого начала не стали близкими друзьями.

Дервуд похлопал себя по карманам, что-то ища.

– У тебя случайно не найдется клочка бумаги? – спросил он.

Все, что смогла отыскать Мэгги, это купон на шампунь. Она отдала его Дервуду, и тот положил купон на сборник гимнов. А затем щелкнул ручкой и наморщил лоб.

– Что ты хочешь записать? – спросила Мэгги.

– Я пытаюсь вспомнить слова «Хочу, желаю, люблю».

Айра застонал.

Церковь наполнялась людьми. Скамью перед Моранами и Дервудом заняло какое-то семейство, детей усадили по росту, так что линия их круглых белобрысых голов шла вниз – как вопросительная интонация. Серина перепархивала от гостя к гостю, несомненно упрасывая и умасливая их. Бахрома ее шали успела где-то искупаться в пыли. Мелодия «Моей мольбы» повторялась и повторялась, становясь навязчивой.

Теперь, когда Мэгги поняла, как много здесь людей из ее прошлого, она пожалела, что не уделила своей внешности побольше внимания. Могла бы напудриться, к примеру, или намазаться каким-нибудь кремом – чтобы лицо не было таким розовым. Может быть, даже изобразить коричневатым тоном впадинки под скулами, как настойчиво советуют журналы. И платью стоило выбрать более молодежное, бросающееся в глаза, как у Серины. Правда, у нее такого нет. Серина всегда предпочитала яркие краски, у нее единственной в школе были проколоты уши. Балансировала на грани аляповатости, но каким-то образом ухитрялась эту грань не переступать.

И как лихо удавалось ей сопротивляться унылому времени, в которое они росли! В третьем классе она носила подобие балетных туфель, тоненьких, как бумага, с носками в ослепительной россыпи блесток, и другие девочки (в благоразумных «оксфордах» с коричневыми шнурками и толстых шерстяных гольфах) горько завидовали легкой походке и танцевальной грации голых ног Серины, покрывающихся в каникулы гусиной кожей и лиловыми синяками. Она притаскивала в пропахшую тушенкой школьную столовку рискованные завтраки, однажды он состоял из крошечных

серебристых сардинок в плоской серебристой консервной банке. (Серина съедала и рыбки хвосты. И мелкие косточки рыб. «Мм-мм! Хрусть-хрусть», – говорила она, поочередно облизывая пальцы.) Каждый год она гордо и неуклонно приводила на родительский день свою возмутительную мать Аниту, щеголяющую в ярко-красных, в обтяжечку, коротких, чуть ниже колен, брючках и работающую в баре. И никогда не стеснялась признаться, что отца у нее не было. Во всяком случае, женатого отца. Во всяком случае, женатого на ее матери.

В старших классах она разработала собственную концепцию модной одежды – искусственный шелк, машинные вышивки, облегающие филиппинские блузки, – другие девочки тогда еще чуть ли не кринолины носили. По школьным коридорам они проплывали в юбках, стоящих колом, точно оборчатые абажуры, а среди них светила Серина в непристойном, соблазнительном, сливовой расцветки облегающем платье, словно снятом с Аниты.

Но разве не странно, что в мальчиках, с которыми она появлялась на людях, ничего непристойного не отмечалось? Она выбирала не смуглых Лотарио^[13], как можно было бы ожидать, но веселых простаков вроде Макса. Мальчиков в клетчатых рубашках и кроссовках – вот кого к ней тянуло. Не исключено, что она втайне тосковала по будничности – и сильнее, чем готова была это признать. Могло ли так быть? Конечно, могло, только Мэгги в ту пору об этом еще не догадывалась. Серина так старалась ни в чем не походить на других. Она была такой придирчивой и колючей, такой готовой вспылить и приказать тебе навсегда убратся с глаз долой. (Сколько раз они с Мэгги переставали разговаривать – и Серина проходила мимо нее, величавая, как герцогиня?) Даже сейчас, обнимая приехавших на похороны людей, словно окутывая их своей театральной шалью, она источала густой, темный свет, от которого тускнели все, кто ее окружал.

Мэгги посмотрела на свои руки. В последние годы, зашипнув и оттянув кожу на тыльной стороне ладони, она замечала, что кожа в этом месте какое-то время остается морщинистой.

Дервуд что-то бормотал себе под нос, выписывал на купон строчки песни. Потом, уставившись на находящуюся прямо перед ним полочку со сборниками гимнов, забормотал что-то другое. Мэгги почувствовала беспокойство. И, соединив кончики пальцев,

прошептала: «Нет ничего прекрасней любви на земле. Это розы бутон – он весною рожден...»

– Имей в виду, – сказал Айра, – я это петь не собираюсь.

Мэгги и сама не так чтобы собиралась, но ей казалось, что ее тащит куда-то неодолимая сила. По всей церкви, как ей представлялось, немолодые уже люди бормочут сентиментальные фразы пятидесятых. «Чудо, любовь не слепа...» «Больше, чем цвета на яблоне в мае...»^[14]

Интересно, почему популярные песни так зациклены на романтической любви? Откуда взялась эта мания первых свиданий, печальных разлук, сладких поцелуев, разбитых сердец, когда в жизни с лихвой хватает рождения детей, поездок к морю, бородатых анекдотов, которыми мы перекидываемся с друзьями? Мэгги как-то видела по телевизору археологов, которые откопали фрагмент песни бог знает какого века до Рождества Христова, так и в ней юноша плакался по поводу девы, которая не отвечает ему взаимностью. А ведь кроме песен есть еще рассказы в журналах, романы, фильмы, даже реклама колготок и лака для волос. Мэгги это казалось каким-то несоразмерным. И даже вводящим людей в заблуждение.

Узкий черный клинок уперся коленом в скамью рядом с локтем Дервуда. Это была Шугар Тилгмэн, пытающаяся сдуть вуаль со своих липких от помады губ.

– Знай я, что меня попросят развлекать публику, ни за что не приехала бы, – сказала она. – О, Айра. Раньше я вас здесь не заметила.

– Как дела, Шугар? – спросил Айра.

– Элизабет.

– Пардон?

– Кто себя правильно повел, так это двойняшки Барли, – сказала Шугар. – Наотрез отказались петь, и дело с концом.

– Ну разве на них это не похоже? – сказала Мэгги. Двойняшки Барли всегда были воображалами и предпочитали общество друг дружки чьему-либо еще.

– А Ник Борн даже не приехал на похороны.

– Ник Борн?

– Сказал, что ему слишком далеко ехать.

– Я что-то не помню его на свадьбе, – заметила Мэгги.

– Ну в хоре-то он участвовал, верно?

– Ах да, правильно.

– И хор пел «Настоящую любовь»^[15], помнишь? Однако если двойняшки Барли петь отказываются, а Ника Борна и вовсе не будет, нас останется всего четверо и Серине придется обойтись без хора.

– Знаете, – сказал Дервуд, – я никогда не понимал, почему «Настоящая любовь» стала такой популярной. Мелодия у нее, если честно, попросту скучная.

– А тут еще «Рожденная быть с тобой», – подхватила Шугар. – Ну не смешна ли наша Серина? Иногда она заходит слишком далеко. Берет какую-нибудь заурядную песенку вроде «Рожденной быть с тобой» – ладно, пусть, всем нам она нравится, но Серина так носится с ней, что это начинает выглядеть жутковато. Эксцентрично. Вечный перебор, вот что такое Серина.

– Как на ее свадебном обеде, – заметил Дервуд.

– О этот свадебный обед! Гостей встречали всего-навсего ее мать, толстая двенадцатилетняя кузина и родители Макса.

– У которых был несчастный вид.

– Они никогда не одобряли Серину.

– Все время спрашивали, кто ее родители.

– Лучше вообще без встречающих обходиться, – сказал Дервуд. – Да и жениться лучше втихую. Не понимаю, зачем ей понадобились такие хлопоты.

– Ну, так или иначе, – сказала Шугар, – я заявила Серине, что спою сегодня, раз уж она настаивает, но песню придется выбрать другую. Более уместную. Я понимаю, что нам полагается потакать только что овдовевшей женщине, однако всему же есть предел. И Серина ответила: ладно, лишь бы песенка относилась к тем временам, когда мы с Максом только начали встречаться. К пятьдесят шестому, пятьдесят седьмому, никак не позже, сказала она.

– «Великий притворщик»!^[16] – неожиданно выпалил Дервуд. – Вот это была песня. Помнишь, Айра? «Великого притворщика»?

Айра изобразил томность и протянул:

– О-о-о-о-о-о-о, да...

– Вот ее и спой, – посоветовал Дервуд, глядя на Шугар.

– Ой, будь серьезным, – попросила она.

– Спой «Дэйви Крокетта», – предложил Айра.

После чего они с Дервудом затараторили наперебой:

– Спой «Желтую розу Техаса».

– Спой «Гончего пса».

– Спой «Папа любит мамбо».

– Вы хоть минуту способны быть серьезными? – спросила Шугар. – Кончится тем, что я буду стоять и беззвучно открывать рот.

– А как насчет «Отеля разбитых сердец»?^[17] – спросил Айра.

– Тсс, все умолкли. Начинается, – сказала Мэгги.

Она углядела идущих по проходу родственников. Шугар торопливо выпрямилась и вернулась на свое прежнее место, между тем Серина склонилась к двум женщинам, которые могли быть только двойняшками Барли, а затем села рядом с ними на скамью – далеко не первую – и продолжила что-то шептать. Она несомненно все еще надеялась уговорить их спеть. Желтые волосы двойняшек были острижены коротко, завиты и походили на шапочки – стиль, которому они отдавали предпочтение еще в старших классах, однако теперь загривки у них стали тощими, точно цыплячьи шейки, а гофрированные воротнички из розовых кружев придавали обеим сходство с Минни Перл^[18].

Родственников вела по проходу дочь Серины, Линда, толстая и веснушчатая; рядом с ней шагал ее бородатый муж, позади – пара мальчиков во взрослых костюмах и с застенчиво торжественными лицами. За ними следовали светловолосый мужчина – скорее всего, брат покойного – и разного рода строго и уныло одетые люди. У нескольких были широкие, как у Макса, лица, увидев которые Мэгги вздрогнула от неожиданности. Она немного отвлеклась от причины церемонии, а теперь вдруг вспомнила: Макса Гилла и вправду не стало, он умер. Одно из поразительных свойств смерти, думала она, это ее способность порождать события. Она заставляет тебя понять, что ты живешь настоящей жизнью. Наконец-то настоящей! – могла бы сказать ты. Может быть, потому я и читаю каждое утро некрологи, выискивая знакомые фамилии? Может быть, потому и веду с другими работницами дома негромкие, благоговейные разговоры, когда один из его пациентов уезжает на похоронных дрогах?

Родные расселись по передней скамье. Линда оглянулась на Серину, однако та, слишком занятая разговором с двойняшками Барли, не заметила взгляда дочери. Затем пианино смолкло и появился лысый священник в длинной черной мантии. Он прошел за кафедрой,

опустился в темное деревянное кресло и старательно расправил подол мантии поверх брюк.

– Это ведь не преподобный Коннорс, верно? – прошептал Айра.

– Преподобный Коннорс умер, – ответила Мэгги.

Ответила громче, чем собиралась. На скамье перед ней повернулась, как на шарнирах, череда белобрысых голов.

Пианино взялось за «Настоящую любовь». По-видимому, Сисси пришлось подменить собой хор. Серина наставила на двойняшек Барли требовательный, обвиняющий взгляд, однако они упрямо смотрели только вперед, притворяясь, что ничего не замечают.

Мэгги вспомнила, как Грейс Келли и Бинг Кросби пели «Настоящую любовь» в фильме. Они там сидели в яхте или в парусной лодке, что ли. Оба, как подумаешь, тоже мертвы.

Если музыка и удивила священника, он этого не показал. Дождался, когда затихнет последняя нота, а затем встал и произнес: «Обратимся теперь к Слову Божию...» Голос у него был высокий, тягучий. Мэгги пожалела, что он – не преподобный Коннорс. Голос преподобного Коннорса потрясал стропила. И кажется, Слов Божиих он на свадьбе Серины не читал, во всяком случае, она такого не помнила.

Этот же зачитал псалом, что-то о жизни под кровом Всевышнего, – Мэгги выслушала его с облегчением, поскольку ее опыт указывал, что наибольшая часть Псалтыри состоит из параноидальных обличений врагов и злодейских заговоров. Она представила себе Макса, как он полулежит под кровом Всевышнего вместе с Грейс Келли и Бингом Кросби, как его волосы поблескивают на фоне освещенных солнцем парусов. Он, наверное, рассказывает им какой-нибудь из своих анекдотов. Анекдоты Макс мог рассказывать часами, один за другим. Серина говорила обычно: «Ну хватит уже, Гилл». Они часто называли друг дружку по фамилиям – Макс, даже женившись на ней, использовал ее девичью: «Посмотри туда, Палермо», Мэгги и сейчас словно слышала его голос. И потому они казались более дружными, чем другие семейные пары, такими покладистыми приятелями, не ведавшими темного, беспомощного, гневного чувства узницы, что временами вторгалось в брак Мэгги.

Даже если Серина и догадывалась, что супружество – не фильм с Дорис Дэй, на публике она этого никогда не показывала, ибо ее

взрослая жизнь выглядела со стороны как самая развеселая из семейных комедий: ироничная, снисходительная Серина; веселый, любящий приятно провести время Макс. И став родителями, они по-прежнему казались сосредоточенными исключительно друг на друге супругами, Линда же – более-менее лишним довеском. Мэгги им завидовала. Ну не преуспел Макс в жизни, и что с того? «Ладно еще, если бы я не понимала, что его необходимо направлять и всегда быть главой дома, – как-то призналась Серина. Но тут же повеселела и махнула, клацнув браслетами, рукой: – Да и пусть! Все равно он у меня сладенький, верно?» И Мэгги с ней согласилась. Сладенький, дальше некуда.

(И она помнила, если Серина забыла об этом, как после пятого класса они потратили лето на слезку за роскошным гилфордским домом отца Серины, как ловко ходили по пятам за его сыновьями-подростками и элегантной женой. «Я могла бы обрушить мир этой женщины ей на темечко, – говорила Серина. – Постучать в дверь, а когда она откроет: „Здравствуйте, дорогая, это чья же такая милая девочка?“ – сказать – чья». Впрочем, говорила она это, укрывшись за одним из двух самодовольных каменных львов, которые охраняли дорожку к дому, и даже не шелохнувшись, чтобы выйти из-за него. А потом прошептала: «Я никогда не стану такой, как она, обещаю». Человек посторонний подумал бы, что Серина говорит о жене отца, но Мэгги знала: о своей матери. «Миссис» Палермо – жертва любви. Женщина, каждая черта которой – даже косоватый, странно смещенный от центра водопад черных волос – намекала на вечно выпадавшие ей несчастья.)

Священник сел и еще раз расправил мантию. Сисси Партон взяла несколько зловещих нот и взглянула на собравшихся в церкви. Дервуд произнес довольно громко: «Я?» Белобрысые головы повернулись снова. Дервуд встал и пошел по проходу. Предполагалось, по-видимому, что каждый сам сообразит, когда ему петь. А что для этого нужно мысленно вернуться на двадцать девять лет назад, так с этим справляйтесь сами.

Дервуд положив ладонь на крышку пианино, принял важную позу. Кивнул Сисси. И вибрирующим басом запел: «Обними и покрепче прижмись ко мне...»^[19]

Родители многих ее одноклассников запрещали детям слушать эту песню дома. Все эти «хочу» да «желаю», говорили они, звучат подозрительно. Поэтому Мэгги с приятелями приходилось отправляться к Серине или в магазин «Чистый звук», где в то время еще можно было набиться в кабинку для прослушивания и полдня проигрывать пластинки, ничего не покупая.

И тут она вдруг вспомнила, почему ей не нравился Дервуд, – помогло его оперное вибрато. В те давние времена его считали завидной добычей: волнистые темные волосы, глубокие карие глаза и обыкновение вопросительно приподнимать бровь. При каждом удобном случае он пел в школьной аудитории песню «О, поверь, если юные чары твои...»^[20] – всегда одну и ту же, с теми же театральными жестами, в той же задушевной эстрадной манере пятидесятых, при которой голос иногда прерывался от чувств. По временам прерывался даже слишком – первый в строчке слог проглатывался, до второго Дервуд добирался с опозданием, а между тем полненькая, очкастая учительница музыки загадочно взирала на него от пианино. «Голубая мечта» – так называлось эссе, опубликованное им в ежегоднике школы. А школьная газета определила его (путем голосования) как «Человека, в обществе которого я хотел бы потерпеть кораблекрушение». Он пригласил Мэгги на свидание и получил отказ, и подруги называли ее сумасшедшей: «Ты отказала Дервуду? Дервуду Клеггу?»

– Уж больно он смиренный, – ответила Мэгги, и они повторяли это слово, передавая его друг дружке на предмет рассмотрения. «Смиренный», – неуверенно шептали подруги.

Слишком уступчивый, хотела сказать Мэгги, слишком податливый. Ничего привлекательного она в этом не видела. Потому что если Серина принимала решения насчет того, кем она не будет, так ведь и Мэгги принимала такие же. И чтобы не стать своей матерью, Мэгги намеревалась избегать мужчин, хотя бы отдаленно похожих на отца – человека, которого она любила больше всех на свете. Мужчины мягкие и неповоротливые ей ни к чему, огромное вам спасибо; равно как неловкие, благонамеренные и сентиментальные, – чего доброго, они вынудят ее изображать чопорную недотрогу. Не бывать тому, чтобы Мэгги сидела, вытянувшись в ледяную струнку, за обеденным

столом напротив румяного от веселости мужа, распевающего дурацкие песенки.

Вот Мэгги и отказала Дервуду Клеггу в свидании и без сожалений наблюдала, как он ухаживает за Лу Бет Парсонс. Сейчас, в эту минуту, она видела Лу Бет ясно как день, яснее, чем Пег, на которой Дервуд в конечном счете женился. Видела она и его самого – в брюках-хаки с отпоротой эмблемкой Лиги плюща (это означало «занят», «встречается»), в рубашке с пуговицами на воротнике, в щеголеватых коричневых мокалинах с кожаными желудями. Но разумеется, нынче утром он был в костюме – мешковатом и немодном, недорогом свидетельстве бережливости. Несколько мгновений его лицо словно перескакивало из настоящего в прошлое и обратно, как у обманных портретов, меняющихся в зависимости от того, с какого боку на них смотришь. Вот прежний сердцеед Дервуд с насмешливо приподнятыми бровями и многозначительным взглядом, говорящим: дорогая, ты все, ради чего я живу, – а сразу за ним нынешний, потрепанный, держит перед собой в вытянутой руке купон Мэгги, отыскивает на нем следующий куплет и морщит лоб, силясь разобрать слова.

Белобрысые дети на скамье перед Мэгги хихикали. Наверное, голос Дервуда казался им потешным. Мэгги очень хотелось шлепнуть ближайшего к ней сборником гимнов по маковке.

Когда Дервуд допел, кто-то по ошибке захолопал – всего два резких, взрывных удара ладоней, – и Дервуд, с угрюмым облегчением кивнув, вернулся на свое место. Вздыхая, уселся рядом с Мэгги. На лице его выступил пот, он обмахивался купоном. Если она попросит вернуть купон – покажется это корыстным? Скидка двадцать пять центов, двойной купон все-таки...

Джо Энн Дермотт подступила к кафедре, держа в руке книжечку в переплете из тисненой кожи. В девичестве она казалась простушкой, однако зрелый возраст восполнил ее недочеты или что у нее там было. Теперь Джо Энн стала гибкой привлекательной женщиной, умело покрашенной, в гладком пастельных тонов платье. «На свадьбе Макса и Серины, – объявила она, – я читала слова Халиля Джебрана о супружестве. В нынешнем более печальном случае я прочитаю сказанное им о смерти».

На свадьбе она назвала Джебрана Гебраном. Сегодня «г» превратилось в «дж». Впрочем, что правильнее, Мэгги понятия не имела.

Джо Энн начала читать ровным учительским голосом, и Мэгги мгновенно занервничала. И не сразу поняла почему. Сами ритмы «Пророка» напомнили ей о том, что следующими в программе значились она и Айра.

Во время свадьбы они сидели на складных стульях за алтарем, а Джо Энн – перед ним, рядом с преподобным Коннорсом. Едва она приступила к чтению, Мэгги почувствовала в груди бездыханный трепет, предвещавший приступ страха перед публикой. Она вдохнула, глубоко и прерывисто, но тут ладонь Айры спокойно и ненавязчиво легла на ее поясницу. И это успокоило Мэгги. Когда пришло время петь, оба начали в одну и ту же долю секунды, с одной и той же ноты, как люди, предназначенные друг для друга. Так, во всяком случае, подумала тогда Мэгги.

Джо Энн закрыла книжку и вернулась на свою скамью. Сисси перелистнула ноты, пухлые «валентинки» на ее локтях дрогнули. Она заерзала, усаживаясь поудобнее, и сыграла вступительные такты «Нет ничего прекрасней любви».

Возможно, если бы Мэгги и Айра остались сидеть, Сисси так и играла бы себе дальше. Заменяла бы их собой, как заменила хор.

Однако пианино стихло, и Сисси оглянулась на зал. Руки ее остались лежать на клавишах. Серина обернулась тоже и, прекрасно зная, где сидит Мэгги, послала ей любящий, полный ожидания взгляд, в котором не содержалось и намека на подозрение, что Мэгги может ее подвести.

Мэгги встала. Айра остался сидеть. Он мог быть кем угодно – совершенно чужим человеком, случайно выбравшим одну с ней скамью.

И потому Мэгги, в жизни своей только не певшая, вцепилась в спинку скамьи перед собой и вскрикнула:

– «Нет ничегооо...»

Немного визгливо.

Пианино бросилось ей на помощь. Белобрысые дети обернулись, чтобы посмотреть Мэгги в лицо.

– «...Прекрасней любви на земле», – дрожащим голосом продолжила она.

Мэгги ощущала себя сиротливым, брошенным ребенком, однако спину держала прямо, а округлые носки лодочек решительно сдвинула.

Тут что-то зашебуршилось сбоку от нее – не справа, где сидел Айра, а слева, где сидел Дервуд. Он торопливо распрямился, словно вдруг вспомнив что-то.

– «Это розы бутон, – запел Дервуд, – он весною рожден...»

В такой близости голос его резонировал. Мэгги подумала о куске листовой стали.

– «Природа дает нам знак...» – вместе пропели они.

Слова оба знали от первого до последнего, что удивило Мэгги, поскольку минуту назад она не смогла припомнить, как именно природа превращает нас в королей. «Золотым венцом...» – уверенно пропела Мэгги. Надо выйти вперед, решила она, авось слова сами тебя потащат. Дервуд вел мелодию, Мэгги следовала за ним, голос ее уже не подрагивал, можно было петь немного громче. Да, верно, когда-то его сравнивали с колокольчиком. Она не один год пела в хоре – по крайней мере, пока не появились дети и жизнь не усложнилась – и испытывала, чисто выпевая ноту, подлинную радость, словно разглядывала жемчужину или замечала на ветке яблоко как раз перед тем, как оно падало на землю. Однако годы определенно не пошли ей на пользу. Интересно, слышит ли еще кто-нибудь, что верха у нее звучат надтреснуто? Трудно сказать. Каждый, кто сидел в церкви, чинно смотрел перед собой – ну, кроме этих чертовых белобрысыков.

Мэгги думала, что время вступило в один из его долгих, медлительных и тягучих промежутков. Она пронзительно сознавала каждую подробность того, что ее окружало. Чувствовала, как рукав Дервуда легонько шаркает по ее руке, слышала, как Айра отсутствующе пощелкивает круглой резинкой. Видела, насколько покладисты и безразличны ее слушатели, уверенные, что эта песня допоется, а за ней последует какая-то другая. «Мое сердце безмолвное ты пальцами тронул», – пропела Мэгги и вспомнила, как они с Сериной хихикали над этой строчкой, когда пели ее вдвоем – о, задолго до рокового Праздника урожая, – потому что где же у человека сердце, как не в груди? Выходит, они поют, что возлюбленный лапал их груди? Серина смотрела на кафедру, голова ее хранила

неподвижность внимательно слушающего человека. Хвостик Серины удерживался резинкой, скрепленной двумя красными пластмассовыми шариками, какие носят совсем юные девушки. И точно как совсем юная девушка, она собрала сегодня своих друзей по старшему классу школы – никого из времени более позднего, из дюжины городков, по которым Макс таскал ее в пору их семейной жизни, да ведь надолго они там и не задерживались. Вот это и есть, решила Мэгги, самое грустное во всем происходящем.

Песня закончилась. Мэгги и Дервуд сели.

Сисси Партон перешла напрямиком к «Дружескому увещеванию», однако двойняшки Барли, которые когда-то пели ее очень похоже на сестер Леннон, остались сидеть. Серина, по-видимому, сдалась; она даже не посмотрела в их сторону. Сисси сыграла один куплет, после чего священник встал и сообщил:

– Мы собрались сегодня, чтобы оплакать прискорбную утрату.

Мэгги казалось, что она сейчас просто стечет со скамьи на пол. Устала – до того, что колени подрагивают.

У священника нашлось что рассказать о работе Макса в Отопительном фонде. Однако лично он Макса, похоже, не знал. А может быть, именно в это Макс под конец и обратился – в ходячий деловой костюм с крепким рукопожатием. Мэгги стала думать об Айре. Как он мог сидеть здесь, такой непроницаемый? Он предоставил ей возиться с этой песней в одиночку. Она могла запнуться, сбиться, расплакаться, а он наблюдал бы за ней – спокойно, как будто к нему все это не относится. Почему бы и нет? – сказал бы Айра. Разве он обязан петь слащавую песенку пятидесятых на похоронах наполовину чужого ему человека? И был бы, как обычно, прав. И как обычно, заставил бы Мэгги спасовать перед ним.

Она окончательно решила, что после похорон отправится в избранном ею направлении. В Балтимор она с Айрой ни за что не вернется. Может быть, попросит Дервуда подбросить ее. При мысли о доброте Дервуда Мэгги омыла волна благодарности. Немногие поступили бы, как он. Отзывчивый, симпатичный, мягкий человек, ей следовало понять это с самого начала.

Ведь если бы она согласилась тогда на свидание с Дервудом, то была бы сейчас совершенно другой женщиной. Все дело в сравнении. В сравнении с Айрой она выглядит глупенькой и чувствительной; да и

любой бы выглядел. В сравнении с Айрой она слишком много говорит, слишком много смеется и слишком много плачет. Даже ест слишком много! И пьет! Такая неряшливая и жеманная!

Она так старалась не обратиться в свою мать, что взяла да и обратилась в отца.

Священник сел, довольно громко застонав. В нескольких рядах за спиной Мэгги зашелестела ткань, и вперед вышла Шугар Тилгмэн, несшая свою черную соломенную шляпу ровно, будто нагруженный поднос. Стуча каблучками, она приблизилась к Сисси, склонилась к ней, чтобы посоветоваться. Они пошептались немного. Потом Шугар выпрямилась и встала у пианино, держа руки в точности так, как требовал руководитель их хора – легко сжатыми на уровне талии, не выше, – и Сисси сыграла первый такт песни, которую Мэгги узнала не сразу. К Серине приблизился распорядитель похорон, она встала, приняла его руку и, потупясь, пошла с ним по проходу.

Шугар запела:

– «Когда я была девчонкой...»

Другой распорядитель предложил согнутую в локте руку дочери Серины – члены семьи один за другим выходили вперед. А Шугар, собравшись с духом, перешла на бравурный припев:

Que sera sera^[21],
Что будет, то будет.
Знать грядущее нам не дано,
Que sera sera.

Глава 3

Их выход из церкви напоминал выход зрителей из кинотеатра после дневного сеанса – внезапное потрясение от солнечного света, пения птиц и жизни, что шла без них своим чередом. Серина обнимала Линду. Муж Линды неловко стоял рядом с детьми и выглядел гостем, который ожидает приглашения войти в дом. А по всему церковному двору выпускники пятьдесят шестого года заново знакомились друг с другом. «Это ты?» – спрашивали они. И «Сколько же времени прошло...». И «Поверить не могу». Двойняшки Барли поклялись Мэгги, что она ни капельки не изменилась. Джо Энн Дермотт объявила, что изменились-то все, но исключительно к лучшему. Не странно ли, добавила она, насколько все они моложе, чем были в этом же возрасте их родители? Затем в двери церкви появилась Шугар Тилгмэн, спросившая у всех сразу, какую еще песню она могла, по их мнению, спеть?

– Я понимаю, что идеальной ее не назовешь, – сказала она, – но посмотрите сами, из чего мне пришлось выбирать! Была ли она абсолютно неуместной?

И все поклялись, что не была.

Мэгги сказала:

– Я в таком долгу перед тобой, Дервуд, ты меня просто спас. Спасибо.

– Не за что, – ответил он. – Кстати, вот твой купон. Нимало не пострадавший.

Полной правдой это, конечно, не было, купон немножко обмяк по краям и слегка отсырел. Мэгги убрала его в сумочку.

Айра стоял у парковки с Нэтом Абрамсом. Оба были когда-то старше всех на пару классов, ребятами из другого круга. Не то чтобы Айру это смущало. Судя по его виду, он вообще никаких затруднений не испытывал. Разговаривал с Нэтом о дорогах, которые вели сюда и отсюда. Мэгги уловила краем уха упоминания о «Трех А» и «Десятом шоссе». Это какая-то мания.

– Забавный городок, верно? – сказал, оглядываясь, Дервуд.

– Забавный?

- Его и городком-то не назовешь.
- Да, маловат немного, – согласилась Мэгги.
- Интересно, Серина останется здесь?

Оба посмотрели на Серину, которая пыталась, судя по всему, утешить дочь. Лицо Линды было мокрым от слез, и Серина, отведя ее подальше от всех, похлопывала Линду ладонью по разным частям одежды.

- У нее еще осталась родня в Балтиморе? – спросил Дервуд.
- Такой, чтобы признала ее, не осталось, – ответила Мэгги.
- По-моему, там жила ее мать.
- Мать умерла несколько лет назад.
- Вот оно как, – сказал Дервуд.
- У нее была одна из этих болезней, что-то мышечное.
- Когда-то все мы, мальчишки, ну, типа, с ума по ней сходили, – признался Дервуд.

Мэгги его слова поразили, но ответить она не успела: Серина уже направлялась к ним. Она снова плотно завернулась в шаль.

– Спасибо вам обоим за пение, – сказала она. – Для меня оно многое значило.

– Айра такой упрямец, – сказала Мэгги, – на него просто плюнуть хочется.

А Дервуд добавил:

- Прекрасная была панихида, Серина.
- Ну, если честно, все вы думали, что я помешалась, – ответила Серина. – Но потакали мне, и очень мило. Вообще все были такие чудесные!

Помада на ее губах немного размазалась. Она вытянула из выреза на груди скомканный «клинекс», приложила к одному глазу, потом к другому.

– Простите, – сказала она, – у меня все время меняется настроение. Чувствую себя... как, не знаю, экран телевизора в бурю. Картинка скачет.

– Дело вполне естественное, – заверил ее Дервуд.

Серина высморкалась и вернула «клинекс» на прежнее место.

– Так или иначе, – сказала она, – соседка накрыла стол у меня дома. Зайдете? Мне сейчас нужны люди рядом.

Мэгги сказала:

– Ну конечно.

А Дервуд:

– Как же не зайти, Серина.

Проговорили они это одновременно, и Дервуд добавил:

– Я только машину возьму.

– О, не стоит, мы все пешком пройдемся. Дом вон за теми деревьями, да и места для машин там маловато.

Она взяла Мэгги за локоть, слегка прижалась к ней.

– Все получилось неплохо, верно? – спросила она. И потянула Мэгги к улице.

Дервуд последовал за ними вместе с Шугар Тилгмэн.

– Я так довольна, что мне пришла в голову эта мысль. Преподобного Орбисона едва удар не хватил, но я сказала: «Разве церемония устраивается не для меня? Разве это не поминальная служба, которая должна утешить живых?» Он ответил: да. Понял, что я права. Но это еще не конец! Подожди, пока не увидишь сюрприз, который я приготовила дома.

– Сюрприз? Какой? – спросила Мэгги.

– Не скажу, – ответила Серина.

Они свернули на улочку поуже и пошли, держась поближе к обочине, поскольку тротуаров здесь не было. Дома, думала Мэгги, имеют вид отчетливо пенсильванский. В основном высокие каменные прямоугольники с плоскими фасадами, стоящие у самой проезжей части и снабженные скромным набором узких окон. Она вообразила себе скудную деревянную мебель внутри, никаких подушечек, или украшений, или современных удобств, – глупая, конечно, картинка, поскольку к каждому дымоходу была прикреплена телеантенна.

Остальные гости неторопливой процессией следовали за ними – женщины в туфлях на высоких каблуках ступали по гравию едва ли не на цыпочках, мужчины шли, сунув руки в карманы. Айра плелся за Нэтом и Джо Энн. Походило на то, что перемена их с Мэгги планов недовольства у него не вызвала, а если поначалу и вызвала, то Мэгги, на ее счастье, того не заметила.

– Дервуд спрашивал, останешься ли ты здесь, – сказала она Серине. – Есть какая-нибудь надежда, что ты вернешься в Балтимор?

– О, – произнесла Серина, – Балтимор кажется теперь таким далеким. Да и кого я там нынче знаю?

– Для начала, меня и Айру, – ответила Мэгги. – Дервуда Клегга. Двойняшек Барли.

Двойняшки Барли вышагивали, держась за руки, прямо за ними. Обе в накладных темных стеклах поверх обычных очков.

– Линда уговаривает меня переехать в Нью-Джерси, – сказала Серина. – Обзавестись квартирой рядышком с ней и Джеффом.

– Это было бы неплохо.

– Не уверена, – сказала Серина. – По-моему, каждый раз, как мы проводим вместе несколько дней, я начинаю понимать, что у нас нет ничего общего, ну совсем ничего.

– Да, но если ты будешь жить рядом с ними, тебе не придется проводить с ней по несколько дней, – сказала Мэгги. – Ты станешь просто заглядывать к ним. А как только разговор выдохнется – уходить. Кроме того, внуков будешь видеть почаще.

– Да, конечно, внуков. Никогда не чувствовала, что нужна им.

– Так ведь если их все время держат вдали от тебя, то и не сможешь понять, нужна, не нужна, – сказала Мэгги.

– Как твоя-то внучка, Мэгги?

– Понятия не имею, – ответила она. – Никто мне ничего не рассказывает. А Фиона снова выходит замуж, я узнала об этом по чистой случайности.

– Вот как! Что же, присутствие рядом мужчины пойдет Ларю на пользу.

– Лерой, – поправила ее Мэгги. – Ты понимаешь, по настоящему-то Фиона все еще любит Джесси. Она так сама и сказала, прямо этими словами. Просто у них временные недоразумения. И, выйдя за кого-то еще, она совершит страшную ошибку! А бедная маленькая Лерой... ох, меня просто мутит, когда я думаю, что пришлось вынести этой девочке. Жизнь в запущенном доме, пассивное курение...

– Курение! В шесть лет?

– В семь. Это ее бабушка курит.

– Ну да, понятно, – сказала Серина.

– А смола оседает в легких Лерой.

– Ох, Мэгги, оставь ее, – сказала Серина. – Пусть все идет, как идет! Я так всегда говорю. Нынче утром я посмотрела на мальчиков Линды, они на забор залезли, и сначала подумала: ой-ой-ой, позови-ка

их в дом, порвут ведь свои дурацкие костюмчики, – а после: не-а, не надо. Не мое это дело, подумала я. Пусть их.

– Но я не хочу, чтобы все шло, как идет, – сказала Мэгги. – О чем ты толкуешь?

– Так у тебя выбора нет, – ответила Серина. И переступила через валяющуюся ветку. – В конечном счете к этому все и сводится, хочешь не хочешь, ты просто отбрасываешь лишнее. Но ведь ты всегда этим и занималась, верно? Едва родив ребенка, начинаешь понемногу избавляться от него, вот в чем все дело. Это очень, очень важный момент, когда ты можешь взглянуть на детей и сказать: «Теперь, если я умру, они и без меня обойдутся. Значит, имею право умереть, – говоришь ты. – Какое облегчение!» Ты просто сбрасываешь карту за картой! Отправляешь в подвал игрушки. Переезжаешь в дом поменьше. А тут еще и климакс, какое счастье!

– Климакс! – сказала Мэгги. – Ты пережила климакс?

– И с большим удовольствием, – заверила ее Серина.

– Ох, Серина! – воскликнула Мэгги и даже остановилась, отчего двойняшки Баркли едва не врезались в нее.

– Боже ты мой, – сказал Серина, – тебя-то это почему так волнует?

– Просто я помню наши первые месячные, – сказала Мэгги, – как все мы их ждали. Помните, – спросила она, повернувшись к двойняшкам Баркли, – как мы тогда только о них и говорили? У кого началось, у кого нет? Что при этом чувствуешь? Как, боже ты мой, скрыть это от наших мужей, когда мы за них выйдем?

Двойняшки Баркли заулыбались, закивали. Глаза их были неразличимы за темными стеклами.

– А теперь она – раз, и избавилась от них, – объяснила им Мэгги.

– Мы не избавились, – весело пропела Дженни Баркли.

– Переменилась вся ее жизнь! – воскликнула Мэгги.

– Чудесно, объяви об этом на весь белый свет, – сказала Серина. Она взяла Мэгги под руку, и обе пошли дальше. – Поверь мне, я об этом почти и не думала. Сказала себе: «Ну и ладно. Еще кой без чего обойдусь».

– А я вот не хочу ни от чего избавляться, – сказала Мэгги. – Я чувствую, как у меня отнимают одно, другое. Сын вырос, дочь уезжает в колледж, в доме престарелых ходят разговоры о сокращении

сотрудников. Какие-то новые постановления штата – они собираются нанять профессионалов, а таких, как я, поувольнять.

– Вот как? Ну, эта работа всегда была ниже твоего достоинства, – сказала Серина. – Ты же была круглой отличницей, помнишь? Или почти круглой.

– Ничего она не ниже, Серина, и я люблю ее. А ты говоришь совсем как моя мать. Я люблю эту работу!

– Тогда походи подучись и сама стань профессионалкой, – сказала Серина.

Мэгги решила прекратить этот разговор. Она вдруг поняла, что слишком устала для споров.

Они прошли через маленькую калитку, ступили на плиточную дорожку. Дом Серины был новее других – из необожженного кирпича, одноэтажный, современный, компактный. Какая-то женщина стояла у окна, отведя, чтобы лучше все видеть, штору, а когда гости приблизились, отпустила ее и исчезла. Но вскоре появилась в двери – в узком темно-синем платье с корсетом.

– Ах вы бедняжка! – воскликнула она, глядя на Серину. – Входите, входите. Еды и питья на всех хватит. Кто-нибудь хочет привести себя в порядок?

Мэгги хотела. Следуя указаниям женщины, она прошла через заставленную тяжелой мебелью в стиле «Дикий Запад» гостиную, а оттуда коротким коридором в спальню. Убранством ее занимался, по-видимому, Макс: постельное покрывало расшито разноцветными номерными знаками автомобилей, на книжной полке коллекция пивных кружек с крышками. На столе фотография Линды в школьной форме, а рядом бронзовый ковбойский сапог, набитый карандашами и пожеванными пластиковыми палочками для размешивания коктейлей. Кто-то предусмотрительный вывесил в ванной комнате полотенца для гостей и выставил чашу с кусочками мыла в форме розочек. Мэгги вымыла руки, воспользовавшись бруском мыла «Айвори», который нашла в шкафчике под раковиной. Вытерла их сероватым полотенцем, висевшим за душевой занавеской, посмотрелась в зеркало. Прогулка от церкви на внешности ее никак не сказалась. Она встала боком к зеркалу, втянула живот. За дверью двойняшки Барли обсуждали фотографию Линды: «Как жаль, что внешне она пошла в Макса, а не в

Серину». Нэт Абрамс спросил: «Это здесь очередь в сортир?» – и Мэгги откликнулась: «Уже выхожу».

Выйдя, она увидела рядом с Нэтом Айру, теперь они беседовали о расходе бензина. Мэгги вернулась в гостиную. Гости толпились вокруг обеденного стола, заставленного бутылками и большими тарелками с едой – сэндвичами и кексами. Обязанности бармена исполнял муж Сисси Партон. Мэгги узнала его по шевелюре – ярко-рыжей, цвета свежего кедрового распила. Она не потускнела ни чуточки. Мэгги подошла к нему и сказала:

– Привет, Майкл.

– Мэгги Дейли! Ты хорошо спела, – сказал Майкл. – А куда Айра подевался?

– Ну... – неопределенно ответила она. – Налей мне джина с тоником, ладно?

Майкл налил, театрально взмахнув бутылкой джина.

– Терпеть не могу эти дела, – сказал он. – У меня уже вторые похороны за неделю.

– Кто-то еще умер? – спросила Мэгги.

– Да, мой давнишний покерный партнер. А в прошлом месяце – тетя Линетт, а еще месяцем раньше... Знаешь, все наши ребяташки сыграли в школьной пьесе, я побывал на спектакле, тут все и началось.

Подошел кто-то незнакомый, попросил скотча. Мэгги начала по кругу обходить гостиную. Разговоров о Максе она практически не услышала. Люди обсуждали бейсбольное первенство, рост преступности, правильные размеры тюльпанных луковиц. Две женщины, которых Мэгги никогда прежде не видела, составляли что-то вроде словесного портрета супружеской четы, которую хорошо знали.

– Он немного попивает, – сказала одна.

– Да, но от нее он без ума.

– Ну, без нее он как без рук.

– Ты ведь была на их пасхальном обеде?

– Ну еще бы! Ты про то шоколадное чудище на столе вспомнила?

– Она сказала, что это его подарок. Проснулась утром, а он там стоит.

– Кролик из шоколада, пустой внутри. Он туда рому налил.

– А она насчет рома ничего не знала.

– Он сказал, что хотел сделать что-то вроде швейцарской конфеты со спиртным внутри.

– А ром взял да и потек снизу.

– Шоколад подтаял и прохудился.

– Я такой грязищи сроду не видела. Всю скатерть залило.

– Хорошо еще, она бумажная была.

У стола двойняшки Барли беседовали с Майклом. Темные накладные стекла обе приподняли, и те торчали над очками словно залихватские антенны неких остролицых и миловидных маленьких пришельцев из космоса; разговаривая, двойняшки горячо кивали – одновременно. Джо Энн и Шугар обсуждали смешанные браки; Джо Энн они страсть как занимали и до замужества, которое, по-видимому, ничего в этом смысле не изменило. «Но скажи по правде, – говорила Шугар, – разве каждый брак временами не кажется тебе смешанным?» Маленькие внуки Серины исподтишка бомбардировали друг друга кусочками кекса. Кекс выглядел неплохо. Мэгги подумала, не съесть ли кусочек, но тут же вспомнила о своей диете. Желудок ее был добродетельно пуст. Она обошла вокруг стола, разглядывая выставленные на нем соблазны, и отказала себе даже в горстке чипсов.

– Сорный салат я сама приготовила, – сказала оказавшаяся бок о бок с ней соседка Серины.

– Сорный?

– Берете пакетик апельсинового «Джелл-О»^[22], баночку ананасовой мякоти, упаковку взбитых сливок...

Какая-то женщина с начесом на голове поздоровалась с соседкой, и та повернулась к ней, оставив Мэгги с ощущением, будто на зубах у нее похрустывает «Джелл-О».

Серина стояла с Линдой и ее мужем у буфета, под написанной маслом картиной – мертвая птица и корзинка зеленовато-желтых плодов.

– Когда все разойдутся, мам, – говорила Линда, – мы повезем тебя обедать куда твоя душа захочет.

Говорила она немного громче обычного, как будто Серина стала туговата на ухо.

– Накормим тебя настоящей едой.

– Ну, еды и в доме полным-полно, – ответила Серина. – Да если честно, я не так уж и голодна.

Ее зять сказал:

– Вы просто назовите ваш любимый ресторан, мама Гилл.

Джефф, вот как его звали. Фамилию Мэгги припомнить не смогла.

– Э-э... – Серина огляделась вокруг, словно надеясь на подсказку.

Взгляд ее скользнул по лицу Мэгги и поплыл дальше. В конце концов она сказала: – Ну, может быть, «Золотые палочки». Это хорошее место.

– Китайское?

– Да, но там и...

– Не люблю я китайскую еду, – сказала Линда. – И японскую тоже, к сожалению.

– И вообще восточную, – добавил Джефф. – Тебе ведь и тайская не по душе.

– Не по душе, это верно. И филиппинская с бирманской.

– Однако... – начала Серина.

– Индийскую ты тоже не перевариваешь, не забудь про индийскую, – сказал Джефф.

– Не перевариваю. Там такие специи.

– Специи ей на желудок действуют, – объяснил Серине Джефф.

– Наверное, он у меня слишком чувствительный или еще что, – сказала Линда.

– И с мексиканской кухней то же самое.

– Мексиканских ресторанов у нас тут нет, – сказала Серина. – И никаких других тоже.

– Хотела бы я знать, – сказала Линда, – как сами-то мексиканцы переносят эти их острые приправы.

– А они и не переносят, – ответил ей Джефф. – Мрут как мухи – тут-то и выясняется, что рты у них словно листовым железом обшиты.

Серина поморгала.

– Ладно, – сказала она, – сами-то вы какой ресторан имели в виду?

– Мы думали, может, в мясной заглянуть – в «Мак-Маннс» на Первом шоссе, – сказал Джефф.

– В «Мак-Маннс»? Ой.

– Да, в него, если вы не против.

– Ну, в «Мак-Маннсе» немного... шумновато, разве нет? – спросила Серина.

– Мне так никогда не казалось, – ответила Линда.

– По-моему, там всегда шумно и людей битком.

– Ну не хочешь – не надо, мам, – сказала, приподняв подбородок, Линда. – Господи, мы просто хотели сделать как лучше.

Стоявшая рядом с ними Мэгги ожидала, что Серина бросит на нее иронический взгляд и округлит глаза. Однако Серина в ее сторону даже не посмотрела. Она казалась какой-то притихшей, утратившей весь былой задор. И лишь подняла к губам свой бокал и задумчиво отпила из него.

Тут ее окликнул брат Макса:

– Серина? Ты готова?

Он указывал на старенький, немного заплесневелый даже футляр из искусственной кожи, который стоял на кофейном столике. В нем было что-то знакомое, но что – Мэгги припомнить не могла. Лицо Серины просветлело. Она повернулась к Мэгги и сообщила:

– Вот он, мой сюрприз.

– Что это? – спросила Мэгги.

– Мы будем смотреть фильм, снятый на моей свадьбе.

Ну конечно: кинопроектор. Мэгги уже много лет ничего такого не видела. Она смотрела, как брат Макса отщелкивает серебристые запоры. Тем временем Серина опустила оконные шторы.

– Самая большая будет экраном, – объявила она. – Ой, надеюсь, пленка не покорибилась и не выцвела.

– Ваша с Максом свадьба? – спросила Мэгги.

– Да. А снимал дядя Освальд.

– Я не помню, чтобы на свадьбе была кинокамера.

– Я этой ночью думала о песнях и вдруг вспомнила про фильм. И сказала себе: «Если он еще цел, занятно будет его посмотреть».

Занятно? В этом Мэгги уверена не была. Но все равно посмотреть стоит. Она села на ковер, поставила возле себя бокал, подобрала ноги, подогнула вбок. Рядом сидела в кресле очень старая женщина, Мэгги видела только толстые бежевые шерстяные носки, которые спадали, словно подтаяв, на туфли.

Уже и другие гости уяснили, что сейчас произойдет. Одноклассники Серины устраивались вокруг проектора, остальные начали разбредаться кто куда, точно микробы под микроскопом. Некоторые устремились к двери, бормоча что-то об оставленных дома детях и назначенных встречах, обещая Серине не терять ее из виду.

Кто-то вернулся к «бару» и, поскольку Майкл свой пост покинул, стал сам смешивать себе напитки. Майкл стоял посреди гостиной, и Нэт с ним. Айру Мэгги нигде не видела. Нэт спросил у Шугар:

– Как ты думаешь, там и я есть?

– Если ты пел на свадьбе, то есть.

– Нет, не пел, – мрачно сказал он.

Если немного напрячь воображение, думала Мэгги, можно представить себе, что мы сейчас в классе мистера Олдена, на уроке обществоведения. (Нужно только забыть об этой старушке, которая так и сидит, всем довольная, в кресле, держа позвякивающую чашку чая.) Она оглянулась и увидела полукруг поседевших мужчин и женщин – в них было что-то настолько усталое, настолько кроткое и непритязательное, что Мэгги ощутила к ним такую же близость, как к членам своей семьи. Странно, почему ей не приходило в голову, что все эти годы они старели вместе с ней, переживали более-менее то же, что она, – растили детей и расставались с ними, удивлялись, увидев в зеркале свои морщины, наблюдали за собственными родителями, которые становились все более слабыми и неуверенными в себе. А она почему-то воображала их все еще волнующимися по поводу выпускного вечера.

Даже звук проектора словно доносился из класса мистера Олдена – тарактенье, с которым начали вращаться барабаны, загоревшийся на оконной шторе квадрат исчерканного царапинками света. Что сказал бы мистер Олден, снова увидев их всех вместе? Он, наверное, уже умер. Да и фильм этот показывал не то, как работает демократия и рождаются законы, а...

Боже мой, Сисси! Сисси Партон! Молодая, стройная, аккуратная, с волосами, собранными в тугий пучок, украшенный, как у французской горничной, розеткой из искусственных маргариток. Она играет на пианино, ее запястья изогнуты с таким изяществом, что веришь: только благодаря мягкости прикосновений Сисси к клавишам фильм немой. Над белой мантией хористки едва-едва виднеется воротник блузки – точь-в-точь как у Питера Пэна – бледный, оранжево-розовый (на самом деле, вспомнила Мэгги, он был почти красным). Приподняв голову, Сисси взглянула в какую-то совершенно определенную точку, и камера последовала за ее взглядом, и экран вдруг заполнили, выстроившись в два ряда, до смешного подтянутые

молодые люди в складчатых мантиях. Они безмолвно пели, открыв совершенными овалами рты. Точно христославы с рождественской открытки. Мелодию определила Серина.

– «Настоящая любовь, – пропела она, – настоящая...» – Оборвала пение и сказала: – О! Смотрите-ка. Мэри Джин Беннетт! А я и не подумала ее пригласить. Совсем про нее забыла. Кто-нибудь знает, где сейчас Мэри Джин?

Никто не ответил, лишь несколько человек мечтательно, вполголоса продолжили песню: «...ибо у нас есть ангел-хранитель...»

– А вот и Ник Борн, крысеныш, – сказала Серина. – Заявил, что ему ехать слишком далеко.

Она сидела на подлокотнике кресла, вытянув шею к экрану. В профиль, подумала Мэгги, Серина выглядит внушительно, почти величаво: серебристые отсветы экрана словно стекали по ее крупному прямому носу и изогнутым губам.

Сама Мэгги стояла в переднем ряду хора, рядом с Шугар Тилгмэн. Волосы ее были завиты в крошечные колечки, отчего лицо казалось слишком большим. Да, вид унижительный. Но несомненно и другие чувствовали что-то в этом роде. Она ясно услышала, как застонала Шугар. А когда камера добралась до Дервуда – влажные с виду черные волосы собраны в высокую прическу с таким же хохолком, как на стаканчике мороженого «Дэйри Куин», – он издал короткий, лающий смешок. Этот юный Дервуд шел к пианино, и мантия развевалась у него за спиной. Вот он принял обычную позу, выдержал значительную паузу. И безмолвно запел «Хочу, желаю, люблю» – закрыв глаза и так страстно размахивая левой рукой, что в конце концов заехал ею по лилии в вазе из папье-маше. Мэгги едва не прыгнула, но удержалась. То же сделали и все остальные, только старушка сказала: «Ну и ну! Бог ты мой» – и звякнула чайной чашкой. Кое-кто подпевал и ему – из милосердия, подумала Мэгги.

Камера головокружительно переметнулась к стоящей за кафедрой Джо Энн Дермотт. Она, вцепившись в края кафедры, читала что-то из книжки, видеть которую ее слушатели не могли. Поскольку в хоре она не пела, одета Джо Энн была в платье – чопорное, с прямыми плечами и длинной юбкой, более степенное, чем что-либо, надевавшееся ею с того дня. Опущенные к книге глаза Джо Энн казались какими-то голыми. Подпеть «Пророку» никто не мог, поэтому чтение шло и шло

в совершенном молчании. У стола с напитками разговаривали и смеялись, потренькивая кубиками льда в бокалах, несколько гостей. «Боже милостивый, кто-нибудь, прокрутите побыстрее», – попросила Джо Энн, однако брат Макса не знал, судя по всему, как это сделать (если старые проекторы вообще способны прокручивать пленку побыстрее), и зрителям пришлось досмотреть чтение до конца.

Новый стремительный поворот камеры – Сисси с прилипшей ко лбу влажной прядью играет на пианино. Мэгги и Айра стоят бок о бок и серьезно наблюдают за ней. (Айра совсем еще мальчик, просто ребенок.) Они набирают в грудь воздуха. Запевают. Одетая в мантию Мэгги немного смахивает на гроздь винограда – она и тогда уже сражалась со своими лишними десятью фунтами, – Айра же выглядит то ли неоперившимся, то ли ошипанным. Он действительно стригся так коротко? В те дни Айра казался совершенно непроницаемым. Непроницаемость была самой привлекательной его чертой. Мэгги он напоминал гениальных математиков, которым не требуется записывать какие-то выкладки, они прямым ходом идут к результату.

Когда это снималось, ему был двадцать один год. А Мэгги девятнадцать. Где они познакомились, она решительно не помнила, ведь время тогда никакого значения не имело. Наверное, проходили мимо друг друга в коридорах школы, пока учились в старших классах, – а может быть, и в начальных. Он мог и домой к ней заглядывать, потому что водился с ее братьями. (Айра и ее брат Джо были почти одногодками.) И наверняка они пели вместе в хоре, уж это она знала точно. Его семья состояла в прихожанах той церкви, и мистер Николс, которому вечно не хватало мужских голосов, как-то сумел уговорить Айру вступить в хор. Правда, надолго его не хватило. Едва закончив школу, Айра ушел. А может быть, годом позже. Мэгги не запомнила точного дня, когда он перестал появляться.

В старших классах она встречалась со своим одноклассником Борисом Драммом. Он был невысок, смугл, с грубой кожей и курчавыми, коротко подстриженными черными волосами – мужиковатый уже тогда, а Мэгги больше ничего и не требовалось. Это Борис научил ее водить машину и во время одного урока заставил стремительно пересечь парковку универмага «Сирс, Робак», а сам вдруг выскочил чуть ли не под колеса – чтобы проверить, как она справляется с тормозами. И по сей день самым ярким воспоминанием

Мэгги о Борисе осталась решительная поза, в какой он стоял на ее пути, – руки протянуты вперед, ноги широко расставлены, зубы сжаты. Крепкий, как камень, такое он производил впечатление. Несокрушимый. Ей казалось, что даже если она переедет его, Борис все равно вскочит с земли, точно пластмассовая неваляшка, целехонький.

После школы Борис собирался поступить в колледж на Среднем Западе, и было условлено, что, как только он получит диплом, они с Мэгги поженятся. А Мэгги будет пока жить дома и учиться в Гаучере^[23]. Она этого не жаждала, идея принадлежала ее матери. Мать, преподававшая до замужества английский, заполнила бланки заявлений и даже написала за Мэгги вступительное эссе. Матери очень хотелось, чтобы ее дети вышли в люди. (Отец Мэгги зарабатывал на жизнь установкой гаражных дверей и вообще никакого колледжа не закончил.) Вот Мэгги и пришлось смириться с необходимостью провести четыре года в Гаучере, а чтобы оплатить учебу, она устроилась на лето мойщицей окон.

Окна Мэгги мыла в официально тогда еще не открывшемся доме престарелых «Серебристые пряди» – новеньком, с иголки, здании на Эрдман-авеню. Три длинных крыла, восемьдесят два окна. Большие окна состояли из двенадцати стеклянных панелек, окна поменьше – из шести. И в левом верхнем углу каждого было наклеено по белой бумажной снежинке с надписью: КРИСТАЛЛ КЛИП КО. За стекло снежинки держались с упорством, подобного которому Мэгги ни до того, ни после не видела. На какой бы там клей их ни посадили, думала она впоследствии, НАСА следовало взять его на вооружение. После того как отдирался верхний слой бумаги, нижний, ворсистый, оставался на стекле, а если ты пропитывала его горячей водой и затем отскребала бритвенным лезвием, под ним обнаруживались серые полоски словно бы резинового клея, когда же удавалось отодрать и их, стекло, разумеется, приобретало вид замаранный – следы пальцев, подтеки, – приходилось опрыскивать его «Уиндексом» и полировать замшей. Мэгги скребла их, и мыла, и снова скребла все лето, с девяти утра до четырех пополудни. Кончики ее пальцев покрылись нарывчиками. Ногти она совсем запустила. Поговорить ей во время работы было не с кем, поскольку дом престарелых только одну

мойщицу и нанял – ее. Компанию Мэгги составлял лишь радиоприемничек, игравший «Свет луны» и «Я почти сошел с ума».

В августе дом принял нескольких пациентов, хотя окончательного вида он еще и не приобрел. Разумеется, их поселили в палатах, окна которых были оттерты и отмыты полностью, и вскоре Мэгги обзавелась привычкой устраивать время от времени перерывы и обходить эти палаты. Она останавливалась то у одной койки, то у другой, спрашивала людей, как идут дела. «Вы не пододвинете, куколка, графин с водой поближе ко мне?» – могла попросить ее пациентка. Или: «Задерните штору, ладно?» Выполняя эти просьбы, Мэгги чувствовала свою значимость и компетентность. Кто-нибудь из передвигавшихся в инвалидных колясках разузнавал, в какой комнате она работает, и там появлялись трое-четверо пациентов, они сидели неподалеку и разговаривали. Ее они как будто и не замечали, но разгоряченно спорили друг с другом. (Был то буран 88-го или буран 89-го? И какое давление важнее – верхнее или нижнее?) Однако они прекрасно понимали, что у них имеется слушательница, и Мэгги знала – разговоры эти ведутся ради нее. Она смеялась, когда следовало, или сочувственно вскрикивала, и на лицах стариков появлялось благодарное выражение.

Никто в семье не понял ее, когда она сообщила, что намерена махнуть на колледж рукой и стать санитаркой в доме престарелых. Да это все равно что служанка, сказала мать, ничем не лучше уборщицы. А ведь у Мэгги такая хорошая голова, она же была в своем классе одной из первых. Неужели ей хочется стать посредственностью? Братья, которые и сами сделали примерно такой же выбор (трое работали на стройке, четвертый – сварщиком в железнодорожном депо «Маунт-Клэйр»), твердили, что ожидали от нее большего. Даже отец поинтересовался – и почти вслух, – понимает ли она, что делает. Но Мэгги твердо стояла на своем. Зачем ей колледж? На что бессмысленные обрывки заумных сведений вроде тех, что ей вдалбливали в старших классах: онтогенез вкратце повторяет филогенез, синекдоха – это использование частного как символа общего? Она записалась на учебные курсы Красного Креста – в те дни большего и не требовалось – и получила работу в «Серебристых прядях».

В восемнадцать с половиной лет Мэгги начала работать среди стариков, живя с пожилыми родителями и единственным неженатым братом, который и сам был человеком в определенном смысле пожилым. Борису Драмму приходилось оплачивать свое обучение самостоятельно, поэтому в Балтимор он приезжал лишь на Рождество, а каникулы проводил, продавая мужскую одежду в расположенном неподалеку от его кампуса магазине. Он присылал Мэгги длинные письма с рассказами о том, как учеба меняет его взгляды на жизнь. В мире столько несправедливости! – писал Борис. Раньше он этого не понимал. Отвечать ему было трудно, поскольку писать Мэгги было практически не о чем. С общими друзьями она теперь виделась редко: одни поступили в колледжи и приезжали оттуда сильно изменившимися, другие вышли замуж или женились, что изменило их еще сильнее. Очень скоро единственными, с кем она виделась постоянно, остались Шугар и двойняшки Баркли – просто потому, что они продолжали петь в хоре, – и, разумеется, Серина, ее ближайшая подруга. Однако о Серине Борис всегда держался мнения невысокого, поэтому в письмах Мэгги упоминала о ней редко.

Серина работала продавщицей в магазине женского белья. Приносила домой прозрачные кружевные трусики и лифчики бессмысленных расцветок (разве ярко-красный лифчик не будет просвечивать сквозь почти любую твою одежду?). Однажды, демонстрируя черную ночную рубашку со сквозистым лифом, Серина объявила, что в июне, когда Макс закончит первый курс Университета Северной Каролины, они поженятся. В УСК он учился по договоренности, так сказать, со своими родителями. Пообещал им провести там один год, и, если он действительно и по-честному возненавидит это дело, они позволят ему бросить учебу. Родители, конечно, надеялись, что сын познакомится в колледже с хорошей южной девушкой и избавится от слепого увлечения Сериной. Но не признавались в этом.

По словам Серины, Макс сказал, что после свадьбы она сможет уйти из магазина и вообще больше не работать; а кроме того, сообщила она (томно спуская одну черную кружевную бретельку, чтобы полюбоваться своим кремовым плечом), он умолял ее при следующем его приезде домой провести с ним некоторое время в мотеле «Сизая курица». Мы ничего там делать не станем, обещал он,

просто побудем вместе. Мэгги даже зависть взяла, ей это показалось очень романтичным.

– Ты ведь поедешь с ним туда, верно? – спросила она.

И Серина ответила:

– Я, по-твоему, что – очумела? Нет, я пока в своем уме.

– Но, Серина... – начала Мэгги. Она хотела сказать, что с историей Аниты тут нет ничего общего, совсем ничего, однако, взглянув в лицо подруги, смолчала.

– Меня на мякине не проведешь, – сказала Серина.

Мэгги задумалась: а как поступила бы она, позови ее Борис в мотель «Сизая курица»? Хотя, решила она, ему такое и в голову не пришло бы. Конечно, дело было, скорее всего, в том, что представления о нем Мэгги черпала ныне лишь из его длинных, скучноватых писем, однако в последнее время Борис начал казаться ей менее... ну, можно сказать, менее решительным, менее резким. Теперь он писал, что думает поступить после колледжа в юридическую школу, а затем заняться политикой. Только политика, уверял он, дает человеку силу, которая необходима для борьбы с несправедливостью мира. Но это же смешно: никакой силы Мэгги в политиках не видела. А видела обычное попрошайничество. Политики вечно выпрашивали голоса избирателей, изменяясь им в угоду, вели себя в жалких поисках популярности как бесхребетные лицемеры. Ей даже вообразить было противно, что и Борис станет таким.

Интересно, думала она, есть у Серины какие-то задние мысли о Максе? Наверное, нет. Серина и Макс выглядели идеальной парой. Серине здорово повезло.

Девятнадцатилетие Мэгги – День святого Валентина тысяча девятьсот пятьдесят седьмого – пришлось на четверг, и вечером состоялась, как всегда, репетиция хора. Серина принесла кекс, раздала после репетиции всем по кусочку, все спели «С днем рожденья тебя». Старая миссис Бритт, которой следовало, вообще-то говоря, давно уже бросить пение, просто ни у кого не хватало храбрости сказать ей об этом, огляделась по сторонам и вздохнула.

– Разве не печально, – сказала она, – что нас покидают молодые люди? Сисси как вышла замуж, здесь больше почти не появляется, Луиза переехала в округ Монтгомери, а теперь мне сказали, что погиб молодой Моран.

– Погиб? – спросила Серина. – Как это?

– Ну, несчастный случай во время армейских учений, – пояснила миссис Бритт. – Подробностей я не знаю.

Шугар, жених которой находился тогда в «Кэмп-Леджене»^[24], сказала: «Господи боже, хоть бы Роберт вернулся домой целым и невредимым», как будто он где-то в рукопашных боях сражался, чего, разумеется, не было. (Тогда как раз наступили редкие в истории полминуты, когда страна ни в каких серьезных военных действиях не участвовала.) Тут Серина предложила всем съесть еще по кусочку, однако хористы уже расходились по домам.

Лежа той ночью в постели, Мэгги невесть почему думала о «молодом Моране». Ближко она его не знала, однако представляла себе ясно: рослый, сутуловатый, с высокими скулами, прямыми и блестящими черными волосами. Ей следовало догадаться, что он обречен умереть юным. Единственный мальчик в хоре, не ерничавший, когда с ними разговаривал мистер Николс. У него было лицо человека, умевшего владеть собой. А еще он водил машину, которая ездила лишь потому, что помнила, как это делается, и состояла из выисканных на автомобильном кладбище запчастей, скрепленных изоляцией. Мэгги показалось даже, что она способна мысленно нарисовать его лежащие на руле руки – загорелые, с сухой кожей и необычайно широкими основаниями больших пальцев, – нарисовать морщинки на костяшках с въевшейся в них смазкой. Она увидела его в армейской форме с проглаженными до кинжальной остроты складками на брюках – мужчина, который, не дрогнув, пошел навстречу смерти.

Так она впервые смутно поняла, что людей ее поколения тоже несет общий для всех поток времени. Подобно тем, кто родился раньше них, они повзрослеют, постареют и умрут. Да их и теперь уж подталкивает в спину поколение помоложе.

Борис написал, что очень постарается приехать на весенние каникулы домой. Мэгги захотелось, чтобы он так не суетился. В нем отсутствовала спокойная уверенность Айры Морана.

Серина получила от Макса обручальное кольцо с бриллиантовым сердечком. И принялась проектировать и перепроектировать великое свадебное торжество, назначенное на восьмое июня – день, к которому она величаво приближалась, точно корабль с идущими за ней в кильватере взволнованными подругами. Мать Мэгги сказала, что

поднимать столько шума из-за свадьбы просто нелепо. Сказала, что людей, которые только ради свадьбы своей и живут, ждет впереди большое разочарование, и прибавила, но уже другим тоном: «Бедная, несчастная девочка, сколько сил она тратит; должна сказать, мне ее жалко». Мэгги это потрясло. Жалко! Ей казалось, что Серина уже вступила в настоящую жизнь, а вот она, Мэгги, все еще ждет чего-то на обочине. Тем временем Серина выбрала свадебное платье из кружев цвета слоновой кости, но потом передумала, решив что белый атлас будет лучше, а затем составила программу духовной музыки, а за ней программу светской и известила всех друзей, что на свадебном столе будут преобладать «земляничные мотивы».

Мэгги пыталась сообразить, что ей известно о родных Айры Морана. Утрата наверняка сокрушила их. Его мать, сколько она помнила, умерла. Отец был человеком непонятным, жалким, с такой же, как у Айры, сутулостью, а еще имелись сестры – две не то три. Мэгги точно помнила, какую скамью эта семья всегда занимала в церкви, и теперь обнаружила, что они там больше не появляются. Она провела в ожидании весь февраль и большую часть марта, однако Мораны так и не показались.

Весной приехал на каникулы Борис Драмм, в то воскресенье он пошел с ней в церковь. Мэгги стояла в хоре, глядя на него, сидящего между ее отцом и братом, Элмером, и думая о том, как хорошо он с ними сочетается. Слишком хорошо. Как и все мужчины ее семьи, при исполнении гимнов он выглядел виноватым и скорее проборматывал их, чем пел, а может, просто шевелил беззвучно губами, скосив глаза в сторону и надеясь, что никто ничего не заметит. По-настоящему пела только мать Мэгги, выставив вперед подбородок и четко выводя слова.

После воскресного обеда в ее доме, Мэгги и Борис вышли на веранду. Мэгги сидела на качелях, лениво отталкиваясь носком ноги, Борис говорил о своих политических устремлениях. Он сказал, что решил начать с малого, может быть, поработать в школьном комитете штата или еще где. А там и сенатором стать.

– Хмм... – выдавила Мэгги. И подавила зевок.

Тут Борис кашлянул и спросил, не думала ли она об учебе в школе медицинских сестер. Это неплохая идея, сказал Борис, раз уж она так жаждет посвятить себя заботам о стариках. Возможно, это поможет и его карьере, ведь женам сенаторов не к лицу выносить судно.

– Да не хочу я быть медсестрой, – сказала Мэгги.

– Ты же всегда так хорошо училась, – заметил он.

– Я не хочу сидеть на посту сестер и заполнять бумажки, я хочу работать с людьми! – ответила Мэгги.

Ответила резче, чем хотела, Борис даже отшатнулся немного.

– Извини, – сказала она.

Мэгги считала себя слишком крупной. Когда они садились, она оказывалась выше Бориса, особенно если тот сутуливался, вот как сейчас.

– Тебя что-то беспокоит, Мэгги? – спросил он. – Ты этой весной сама не своя.

– Ладно, прости меня, – сказала она. – Просто у меня случилось что-то вроде... утраты. Умер мой очень близкий друг.

Она вовсе не думала, что преувеличивает. Теперь ей казалось, что они с Айрой и были близки. Просто не признавали этого.

– Ну что же ты раньше не сказала? – спросил Борис. – Кто это был?

– Ты его не знал.

– Как ты можешь быть уверена в этом? Так кто же?

– Ну, – сказала Мэгги, – его звали Айрой.

– Айра, – повторил Борис. – Ты про Айру Морана?

Она кивнула, глядя в пол.

– Тощий такой? На пару классов старше нас?

Мэгги снова кивнула.

– Он ведь был немножко индейцем, так?

Этого Мэгги не знала, однако звучало оно убедительно. Идеально звучало.

– Конечно, я его знал, – сказал Борис. – Во всяком случае, мы здоровались. Настоящими друзьями не были. Вот не думал, что вы дружили.

Где она только набирает таких персонажей? – ясно говорило его словно смявшееся лицо. Сначала Серина Палермо, а теперь еще и краснокожий.

– Он был из моих любимых друзей, – сказала она.

– Правда? О. Ну ладно. Хорошо. Прими мои соболезнования, Мэгги. Жаль, что ты не сказала мне раньше. – Он ненадолго задумался, а после спросил: – Что с ним случилось?

– Несчастный случай во время учений, – ответила Мэгги.

– Учений?

– В военном лагере.

– Я и не знал, что его призвали, – сказал Борис. – Думал, он работает в мастерской отца. Мы ведь там наши выпускные фотографии в рамки вставляли? В «Багетной мастерской Сэма»? По-моему, Айра мне мою и выдал.

– Правда? – отозвалась Мэгги и представила себе Айру за прилавком – еще одно добавление к ее маленькой коллекции. – Да, так все и было. Ну то есть его призвали. А потом этот несчастный случай.

– Грустно об этом слышать, – сказал Борис.

Через несколько минут Мэгги объявила, что хотела бы провести остаток дня одна, и Борис ответил: конечно, он понимает.

Ночью, уже в постели, Мэгги расплакалась. А все потому, что впервые упомянула о смерти Айры вслух. Прежде она никому о ней не говорила, даже Серине, которая наверняка сказала бы: «О чем ты? Ты его почти и не знала».

Они с Сериной все сильнее отдаляются друг от друга, поняла Мэгги. И заплакала еще пуще, утирая слезы краешком простыни.

На следующий день Борис уезжал в колледж. Утро у Мэгги было свободно, она подвезла Бориса до автобусной станции. А после прощания с ним почувствовала себя одинокой. Ей вдруг показалось ужасно грустным, что Борис приехал из такой дали только для того, чтобы увидеться с ней. Жаль, что она так неласково обошлась с ним.

Дома мать затеяла весеннюю уборку. Она уже скатала ковры, расстелила летние циновки, а теперь снимала с окон шторы, щелкая зажимами. Дом постепенно наполнялся холодным белым светом. Мэгги поднялась в свою комнату, упала на кровать. Наверное, она обречена до конца своих дней так и жить незамужней в этой скучной, предсказуемой семье.

Через несколько минут она встала и пошла в комнату родителей. Вытащила из-под телефона «желтый справочник». Багеты... нет. Обрамление картин, вот. «Багетная мастерская Сэма». Она хотела просто увидеть этот адрес напечатанным, но зачем-то выписала его в блокнот и вернулась в свою комнату.

Бумаги с траурными рамками у нее не было, поэтому Мэгги взяла ту, что получила от школы на выпускном вечере, – белую с зеленым

листочком папоротника в одном углу.

Дорогой мистер Моран, – написала она.

Я пела в хоре с Вашим сыном и хочу, чтобы Вы знали, как опечалило меня известие о его смерти. Я пишу не просто из вежливости. Я считала Айру самым чудесным человеком, какого когда-нибудь знала.

В нем было что-то особенное, и мне хотелось сказать Вам, что, пока я жива, я буду с любовью вспоминать его.

С глубочайшим сочувствием,

Маргарет М. Дейли

Она заклеила конверт, надписала адрес и, не давая себе времени передумать, дошла до угла улицы и опустила письмо в почтовый ящик.

Поначалу Мэгги не надеялась, что мистер Моран ответит ей, но потом, на работе, подумала вдруг, что это возможно. Ну конечно – на выражения сочувствия полагается отвечать. Может быть, он расскажет про Айру что-то личное, и она запомнит это и сохранит. Может быть, напишет, что Айра упоминал ее имя. Почему бы и нет? Или, поняв, что она – одна из немногих, кто ценил его сына по достоинству, пришлет ей что-нибудь на память о нем, например старую фотографию. Жаль, что она не додумалась попросить об этом.

Поскольку письмо она отправила в понедельник, отец Айры должен был получить его, скорее всего, во вторник. Утром вторника она выполняла свою работу в лихорадочном нетерпении. В обеденный перерыв позвонила домой, однако мать сказала, что почту еще не принесли. (И спросила: «А что? Ты чего-то ждешь?») Вот такие вопросы и вызывали у Мэгги жгучее желание выйти замуж и покинуть родительский дом.) В два позвонила снова, и мать сообщила, что для нее ничего нет.

Вечером, идя на репетицию, она еще раз пересчитала дни и поняла, что во вторник мистер Моран письма ее получить все же не мог. Она ведь отправила его почти в полдень, вспомнила Мэгги. И ей стало полегче. Она зашагала быстрее, помахала рукой Серине, стоявшей на ступенях церкви.

Мистер Николс запаздывал, хористы, ожидая его, обменивались анекдотами и сплетнями. Весна всем им немного ударила в голову – даже старой миссис Бритт. Через открытые окна в церковь залетали голоса играющих на тротуаре соседских детей. Вечерний воздух пах свежескошенной травой. У мистера Николса, когда он появился, торчала из петлицы веточка лаванды. Должно быть, разжился у уличного продавца, который только этим утром и появился со своей тележкой – первый раз в году.

– Прошу прощения, леди и джентльмены, – сказал мистер Николс. И, поставив свой портфель на скамью, полез в него за заметками.

Дверь церкви отворилась, вошел Айра Моран.

Он был очень высок, серьезен, в белой рубашке с закатанными рукавами и узких черных брюках. Твердое выражение лица, словно удлинявшее его подбородок – как будто он держал что-то во рту. Мэгги почувствовала, что у нее останавливается сердце. Сначала она заледенела, потом вспыхнула, однако смотрела сквозь Айру сухими, широко открытыми глазами, держа большой палец в сборнике гимнов как закладку. Даже в тот первый миг она понимала, что это не призрак и не мираж, Айра был таким же настоящим, как липкие лакированные скамьи. Сложения не столь безупречного, как рисовалось ее воображению, но более богатого деталями – более материального, что ли, более замысловатого.

Мистер Николс сказал:

– О, Айра. Рад вас видеть.

– Спасибо, – ответил Айра. Он прошел между складными стульями к заднему ряду, в котором стояли мужчины, и сел за ними. Однако Мэгги заметила, как его взгляд скользнул по женскому ряду и остановился на ней. И поняла – про письмо он знает. Лицо Мэгги залила краска. Ее, обычно такую изящно сдержанную – из чистой осторожности, из застенчивости, – поймали на ошибке до того неловкой, что теперь она вряд ли сможет посмотреть кому-нибудь в глаза.

Пела она как оцепенелая, вставая и садясь по знаку мистера Николса. Спела «Когда-то любому из нас и народу», спела «Не собратся ли нам у реки». Потом мистер Николс велел, чтобы «Не собратся ли нам у реки» спели только мужчины, потом попросил

аккомпаниатора повторить определенное место. Пока это происходило, Мэгги склонилась к миссис Бритт и прошептала:

– Это ведь молодой Моран? Тот, что пришел позже всех?

– Ну да, по-моему, он, – приветливо согласилась миссис Бритт.

– Разве вы не говорили, что он погиб?

– Я? – спросила миссис Бритт. Она удивилась, немного обмякла на стуле. Но тут же выпрямилась и сказала: – Это мальчик Рэндов погиб. Монти Рэнд.

– О, – выдавила Мэгги.

Монти Рэнд был маленьким, бледным и вообще похожим на мочалку юношей с несоответственно глубоким басом. Мэгги он никогда особенно не нравился.

После хороших занятий она быстро, как могла, собрала вещи, первой выскочила из церкви и почти побежала по тротуару, прижав к груди сумочку, однако не успела добраться до угла, как услышала за спиной голос Айры.

– Мэгги? – позвал он.

Добежав до уличного фонаря, она замедлила шаг, потом остановилась, но оглядываться не стала. Айра подошел к ней. Ноги его отбрасывали на тротуар тень совершенно как от ножниц.

– Не будешь против, если я с тобой пройду? – спросил он.

– Как хочешь, – коротко ответила она.

– Ну, как поживаешь? – спросил Айра, идя рядом.

– Хорошо.

– Ты ведь уже закончила школу, верно?

Мэгги кивнула. Они перешли улицу.

– Работаешь? – спросил он.

– Да, в доме престарелых «Серебряная прядь».

– О. Да, хорошо.

Айра начал насвистывать последний спетый хором гимн: «Просто идти вблизи от Тебя». Неторопливо шагал рядом с ней, засунув руки в карманы. Они прошли мимо целовавшейся на остановке автобуса парочки. Мэгги откашлялась и сказала:

– Такая глупость! Я перепутала тебя с Рэндом.

– С Рэндом?

– С Монти Рэндом. Он погиб в военном лагере, а я подумала, что это о тебе говорили.

На Айру она по-прежнему не смотрела, хотя он был так близко, что Мэгги слышала запах его недавно поглаженной рубашки. Интересно, кто ее гладил? Наверное, одна из его сестер. Но какое отношение это имеет хоть к чему-нибудь? Она стиснула сумочку и пошла быстрее, однако Айра не отставал. Мэгги чувствовала его близость – смуглого, немного сгорбленного.

– Теперь ты напишешь отцу Монти? – спросил он.

Рискнув все же искоса взглянуть на Айру, Мэгги увидела в углу его рта юмористическую складку.

– Не стесняйся, смейся, – сказала она.

– Я не смеюсь.

– Давай! Скажи мне, что я сваляла дурочку.

– Разве ты слышала мой смех?

Они уже дошли до ее квартала. Мэгги увидела впереди свой дом, такой же, как другие, стоявшие рядом, – с крыльцом, залитым оранжевым светом лампочки в сетчатом колпаке, который защищал ее от насекомых. На этот раз она остановилась и посмотрела Айре прямо в лицо, и он ответил ей взглядом, в котором не было и намек на улыбку; руки он по-прежнему держал в карманах. Увидеть настолько узкие глаза Мэгги не ожидала. Он мог быть даже не индейцем, а азиатом.

– Твой отец, наверное, бока от смеха надорвал, – сказала она.

– Нет, он просто... просто спросил у меня, что бы это могло значить.

Она попыталась вспомнить выражения, в которых было написано ее письмо. «Особенное», – написала она. О господи. И еще того хуже: «чудесный». Ей хотелось провалиться сквозь землю.

– Я помню тебя по репетициям хора, – сказал Айра. – Ты ведь сестра Джоша, так? Но по-моему, мы с тобой по-настоящему знакомы не были.

– Нет, конечно, – ответила она. – Боже ты мой! Мы совершенно не знаем друг друга.

Она постаралась, чтобы голос ее прозвучал резко и здраво.

Он несколько мгновений смотрел на нее. Потом сказал:

– Так ты думаешь, что нам стоит узнать друг друга получше?

– Ну, – ответила она, – у меня уже есть молодой человек.

– Правда? Кто?

– Борис Драмм, – сказала она.

– Ах да.

Она посмотрела в сторону своего дома. И сказала:

– Мы с ним, наверное, поженимся.

– Понятно, – ответил Айра.

– Ну ладно, до свидания, – сказала она.

Он молча поднял руку, подумал немного, а потом повернулся и ушел.

Однако в следующее воскресенье появился, чтобы попеть в хоре, на утренней службе. Мэгги почувствовала облегчение – такое, точно она немалый вес сбросила, – ей словно дали второй шанс, но затем ее сердце снова упало, потому что по окончании службы Айра просто растворился в уличной толпе. Правда, в четверг он опять пришел на репетицию, а после проводил ее до дома. По пути они говорили о пустяках, о надтреснутом голосе миссис Бритт, к примеру. Мэгги успокаивалась все больше. Когда они дошли до ее дома, Мэгги увидела перед ним соседского пса, который писал на один из розовых кустов ее матери (сама соседка просто стояла и смотрела); Мэгги крикнула: «Эй, леди! Уберите псину с нашего двора, слышите?» Она шутила, то был грубоватый юмор, перенятый ею у братьев. Но Айра-то этого не знал, и слова Мэгги явно его ошеломили. Миссис Райт лишь засмеялась и ответила: «Ты и кто же еще собираются заставить меня, деточка?» – и Айра вмиг успокоился. Однако Мэгги почувствовала, что опять допустила неловкость, и, торопливо пробормотав «спокойной ночи», скрылась в доме.

Довольно скоро установилась традиция – воскресные утра и четверговые вечера. Люди стали обращать на Айру и Мэгги внимание. Мать как-то спросила: «Мэгги? А Борису известно о твоей новой дружбе?» – и Мэгги резко ответила: «Конечно, известно». То была ложь, в лучшем случае полуправда. (Мать считала Бориса первейшим даром Божиим, какой только может достаться любой женщине.) Зато Серина сказала:

– И правильно! Самое время тебе бросить мистера Святошу.

– Я его не бросала!

– Так брось! – сказала Серина. – Разве его сравнишь с Айрой? Айра такой загадочный.

– Конечно, в нем же есть индейская кровь, – согласилась Мэгги.

– И ты должна признать, что он привлекательный.

Ах, не одного только Джесси сбил с панталыку единственный друг! Конечно, Серина имела немалое отношение ко всему, что случилось потом.

Например, она попросила Мэгги и Айру спеть дуэтом на ее свадьбе. Ни с того ни с сего (Айра никогда не думал, что у него такой уж замечательный голос) вбила себе в голову, что перед обменом обетами они должны спеть «Нет ничего прекрасней любви на земле». Ну и разумеется, им пришлось репетировать; и разумеется, Айре пришлось приходиться к Мэгги домой. Они выразили друг другу соболезнования, посмеялись над музыкальными вкусами Серины, однако отказаться им и в голову не пришло. Мать Мэгги то и дело осторожно стучала в дверь, и входила, и выходила с постиранным бельем в руках, которому в гостиной делать было совершенно нечего. «Однажды двое влюбленных, – пели они, – на холме, где ветер и высь...» – и Мэгги прыскала, но Айра сохранял серьезность. В те дни Мэгги словно стала какой-то другой девушкой – ветреной, непостоянной, то и дело влипавшей в глупые истории. Иногда ей казалось, что посланное отцу Айры сочувственное письмо навсегда лишило ее душевного равновесия.

К тому времени она уже знала, что Айра управляется в багетной мастерской отца в одиночку – «слабое сердце» Сэма проявило себя во всей красе ровно через день после выпускного вечера сына, – а живет над мастерской, с отцом и двумя сестрами, которые намного старше его, одна была умственно неполноценной, а другая просто стеснительной, или склонной к уединению, или какой-то еще. Он, впрочем, хотел поступить в колледж – если удастся наскрести денег. Айра с детства мечтал стать врачом. Мэгги он сказал об этом тоном вполне безразличным, вообще казалось, что оборот, который приняла его жизнь, Айру не обескуражил. А еще он сказал, что, может быть, она как-нибудь зайдет вместе с ним к нему домой, познакомится с сестрами, им редко удается с кем-либо поговорить. Но Мэгги ответила: «Нет!» – и покраснела, и добавила: «Наверное, не стоит» – и притворилась, что не заметила его удивления. Просто она боялась нарваться на отца Айры. Она гадала, знают ли о письме и сестры, но спрашивать не хотела.

Никогда, ни разу за все то время поведение Айры не вышло за рамки мягкого дружелюбия. При необходимости он брал ее за руку – скажем, когда они попадали в толпу, – и ладонь его оставалась крепкой и теплой на коже Мэгги, однако, выйдя из толпы, сразу ее отпускал. Мэгги не знала даже, что он о ней думает. Впрочем, она не знала и того, что думает о нем сама. И в конце концов, не следовало забывать о Борисе. Она стала писать ему регулярно – во всяком случае, чаще обычного.

Репетиция свадьбы Серины состоялась в пятницу вечером и оказалась простой формальностью. Например, родители Макса прийти на нее не потрудились, не было даже его брата, хотя мать Серины с ее миллионом рыжих завитушек на голове присутствовала. Делалось все не по порядку. Мэгги, которая была дублершей невесты (что, говорят, приносит удачу), прошла по проходу церкви еще до того, как прозвучали музыкальные номера, – просто потому, что Максу нужно было через полчаса встретить приехавших поездом родственников. Вела ее Анита – одно из самых странных новшеств Серины. «А кто еще меня может вести? – спросила она. – Ты же не думаешь, что это сделает мой отец?» Саму Аниту роль ее, похоже, не радовала. Она спотыкалась и покачивалась на своих высоченных каблуках и, чтобы сохранить равновесие, впивалась длинными красными ногтями в запястье Мэгги. Стоявший у алтаря Макс обнял Мэгги за плечи и сказал, черт, может, мне на ней и жениться, и Серина, которая сидела на центральной скамье, крикнула: «Хватит об этом, Макс Гилл!» Макс был все тем же, что и всегда, веснушчатым, добродушным мальчиком-переростком. Представить его себе женатым человеком Мэгги затруднялась.

После «обмена обетами» Макс уехал на Пенсильванский вокзал, а прочие занялись музыкой. Пели все по-любительски, думала Мэгги, – и хорошо, потому что она и Айра в тот вечер не блистали. Начали оба несладно, к тому же Мэгги забыла, что в среднем куплете их голоса должны разделиться. Первые две строчки она пропела в унисон с Айрой и смущенно примолкла, а потом не успела вовремя вступить, и на нее напал смех. И, еще не отсмеявшись, она увидела на самой первой скамье Бориса Драма. Лицо у него было недоуменное, хмурое, волосы взъерошены – как будто он только что проснулся.

Ну да, она знала, что на лето Борис приедет домой, но не знала, в какой день. И притворилась, что не заметила его. Они с Айрой допели, после чего Мэгги снова вернулась к исполнению роли Серины и еще раз прошла по проходу, уже без встречи с Максом, а Шугар тем временем пела «Рожденную быть с тобой». Наконец Серина хлопнула в ладони и крикнула: «Закончили, ребята!» – и все одновременно заговорили, собираясь уйти. В пиццерию. И толпой повалили к уже стоящей у двери Мэгги – только Борис так и остался сидеть, глядя на алтарь. Наверное, ждал, что Мэгги подойдет к нему. Она взгляделась в его затылок, похожий на кирпич, неподвижный. Серина вручила Мэгги ее сумочку и сказала: «Вижу, у тебя провожатый появился». Прямо за Сериной шел Айра. Он остановился перед Мэгги и спросил:

– Ты пойдешь в пиццерию?

– Похоже, что нет, – ответила Мэгги.

Айра бесстрастно кивнул и удалился. Но не со всеми остальными, а в противоположную сторону, словно считая, что в компанию его без Мэгги не примут. Что было, конечно, глупостью.

Мэгги вернулась по проходу назад, села рядом с Борисом, они поцеловались. Мэгги осведомилась:

– Как доехал?

А он одновременно с ней спросил:

– Кто это с тобой пел?

Мэгги притворилась, что вопроса его не услышала.

– Как доехал? – повторила она, и Борис сказал:

– Разве это был не Айра Моран?

– Кто, тот, что пел? – переспросила она.

– Это же был Айра Моран! А ты говорила, что он погиб!

– Ошибка, – сказала Мэгги.

– Но я же тебя своими ушами слышал, Мэгги.

– Я хотела сказать, сообщение о его смерти было ошибкой. Его только, ммм, ранили.

– Ага, – сказал Борис. И задумался.

– Всего лишь легкая рана, не больше, – пояснила Мэгги. – В голову.

Постой, подумала она, а тут нет противоречия? И стала торопливо перебирать в уме фильмы, которые видела.

– И что было потом? Он просто взял да и объявился? – спросил Борис. – Выскочил невесть откуда, как привидение? Как это произошло, расскажи.

– Борис, – сказала Мэгги. – Я совершенно не понимаю, почему ты пристаешь ко мне с этим, да еще таким утомительным образом.

– О. Ладно. Прости, – сказал Борис.

(Неужели она и вправду говорила так властно? Оглядываясь назад, ей трудно это представить.)

В свадебное утро Мэгги встала пораньше и отправилась к Серине домой, в квартиру на втором этаже типового каменного дома, чтобы помочь подружке одеться. Серина казалась невозмутимой, а вот ее мать волновалась страшно. Занервничав, Анита начинала говорить очень быстро и практически без знаков препинания – как будто рекламное объявление зачитывала.

– Почему она не уложила волосы валиком как у всех я же ей еще на той неделе сказала солнышко никто больше длинных волос не носит сходи в парикмахерскую пусть они только выглядывают из-под вуали...

Одетая в грязный халат из розового атласа, Анита с сигаретой во рту металась по убогой, скудно обставленной кухне. Тарахтела много, но ничего толком не делала. Серина, казавшаяся в одной из великоватых ей рубашек Макса расслабленной и беззаботной, сказала:

– Спокойнее, мам, ладно? – И повернулась к Мэгги: – Мама считает, что нам лучше изменить всю церемонию.

– Каким образом? – спросила Мэгги.

– Никакие подружки невесты ей не нужны! – объявила Анита. – У нее даже свидетельницы нет и нет мужчины, который поведет ее по проходу, а что может быть хуже?

– Она расстроена тем, что вести меня придется ей, – объяснила Серина.

– Хоть бы твой дядя Мейнард приехал, он бы меня заменил! – воскликнула Анита. И зачастила: – Может нам лучше отложить венчание на неделю дать ему еще один шанс потому что если мы сделаем по-твоему получится нелепость совсем ни на что не похожая представляю себе как эти надутые Гиллы будут разглядывать меня и ухмыляться и потом когда я в последний раз делала перманент мне сожгли кончики волос ну не могу я идти с такими через всю церковь.

– Пошли, мне пора одеваться, – сказала Серина и увела Мэгги.

В своей комнате – это была просто отгороженная нечистой голубой простынкой половина комнаты Аниты – Серина уселась за туалетный столик и сказала:

– Я подумала, не дать ли ей стаканчик виски, да испугалась, что она еще сильнее разойдется.

А Мэгги спросила:

– Серина, ты уверена, что тебе стоит выходить за Макса?

Серина хохотнула и повернулась к ней. И сказала:

– Хоть ты меня допекать не начинай, Мэгги Дейли! У меня уже свадебный торт в холодильнике стоит.

– Я о том, что ты же не можешь знать все наверняка. Как ты можешь быть уверена, что выбрала правильного мужчину?

– Да никак не могу, просто я доехала до конечной станции, – ответила Серина и снова повернулась к зеркалу. И начала, умело постукивая пальцами по лбу, щекам и подбородку, наносить на них точки крема. – Мне просто пора замуж, вот и все, – сказала она. – Я устала от свиданий! Устала доказывать, что я привлекательная! Мне хочется следующую тысячу лет сидеть на диване и смотреть телевизор с нормальным мужем. Считай, что я просто перестаю носить корсет, – я себе так это и представляю.

– О чем ты говоришь? – спросила Мэгги. И почти испугалась возможного ответа Серины. – О том, что по-настоящему Макса не любишь?

– Конечно, люблю, – ответила Серина. Она уже втирала крем в кожу. – Но я и других точно так же любила. Того же Терри Симпсона, когда мы в выпускном классе учились, – помнишь его? Но тогда я замуж выйти не могла – вот и выхожу теперь не за Терри.

Мэгги не знала, что и думать. Неужели это у всех так? А взрослые просто сказки рассказывают? «Я только увидел Элеонор, – сказал ей как-то старший брат, – и говорю себе: „Когда-нибудь эта девушка станет моей женой“». Мэгги тогда и в голову не пришло, что он просто созрел для женитьбы, вот и выискивал кого-нибудь подходящего.

Серина и в тот раз, судя по всему, сумела изменить взгляды Мэгги на жизнь. «Мы же не в руках у судьбы, – словно говорила она. – А если и в руках, то всегда можем из них вырваться».

Мэгги сидела на кровати и смотрела, как Серина румянится. В рубашке Макса Серина выглядела такой же несерьезной и франтоватой, как любая из живущих по соседству с ней девушек.

– Когда все кончится, – сказала она Мэгги, – перекрашу свадебное платье в лиловый цвет. Может, оно мне еще пригодится.

Венчание должно было начаться в одиннадцать, однако Аните хотелось попасть в церковь намного раньше, мало ли какие могут случиться накладки. Мэгги приехала туда в древнем «шевроле» Аниты. Вела машину Серина – Анита заявила, что слишком нервничает, – а поскольку юбка Серины заняла оба передних сиденья, Мэгги и Анита ехали на заднем. Анита говорила без умолку и осыпала сигаретным пеплом подол своего переливистого персикового платья.

– Сколько ни думаю Серина не могу понять почему ты устраиваешь свадебный обед в здании «Ангелов милосердия» это же такая жуткая дыра я столько раз пыталась найти его и всегда запутывалась должна была у прохожих спрашивать куда ехать...

Они остановились у магазина «Соблазнительное белье», Серина припарковалась во втором ряду и вынесла из машины водопады своего атласного платья, чтобы показать их хозяйке магазина, миссис Наултон. Пока они ждали ее возвращения, Анита тараторила:

– Честно говоря если ты можешь нанять мужика чтобы он починил твой холодильник или там унитаз или выяснил почему у тебя дверь не запирается так что же тебе стоит подрядить на какие-то жалкие пять минут еще одного чтобы он прошелся с твоей дочерью по церковному проходу ведь так?

– Так, мэм. – Мэгги от нечего делать воткнула палец в дырку вишиловой обшивки сиденья и выковыряла оттуда кусочек набивочной ваты.

– Мне иногда кажется что она хочет меня на посмешище выставить, – сказала Анита.

Что ответить на это, Мэгги не знала.

В конце концов Серина вернулась с обернутым в бумагу подарком в руках.

– Миссис Наултон попросила не вскрывать его до брачной ночи, – сказала она. Мэгги покраснела и скосилась на Аниту. Анита просто смотрела в окно, выпуская из ноздрей две струйки дыма.

В церкви преподобный Коннорс увел Серину с матерью в боковую комнату. Мэгги осталась дожидаться остальных певцов. Мэри Джин уже пришла, вскоре появилась и Сисси с мужем и свекровью. А вот Айры не было. Ладно, времени еще хватает. Мэгги сняла с плечиков длинную белую мантию хористки, накинула ее через голову, запутавшись в складках и растрепав, естественно, волосы, – пришлось идти причесываться. Но и когда она вернулась, Айра так и не появился.

Начали подходить гости. Борис сидел на скамейке в неудобной близости к хору и слушал, уважительно, понимающе кивая, то, что говорила ему дама в пятнистой вуали, однако Мэгги уловила некоторое напряжение в наклоне его головы. Она взглянула на дверь церкви. Самые разные люди входили в нее – родители Мэгги, их соседи Райты, старик, когда-то учивший Серину управляться с булавой во время шествий. Но высокого, смуглого Айры Морана среди них не было.

Прошлым вечером она дала ему уйти одному. Может быть, он решил больше не возвращаться?

– Простите, – сказала она и, повалив целый ряд складных стульев, помчалась к вестибюлю. Один ее пышный рукав зацепился там за шишак открытой двери, по-дурацки дернул ее, развернул, однако Мэгги освободилась еще до того (понадеялась она), как кто-нибудь что-нибудь заметил. На ступеньках она остановилась. «Привет! – сказал ее одноклассник. – Э-э...» Мэгги пробормотала что-то, прикрыла ладонью глаза, оглядела улицу. И увидела лишь новых гостей. Они вызвали у нее раздражение – пустые, подумала Мэгги, люди. Все они улыбались, приветствовали друг друга с любезностью, которую только для церкви и приберегали, женщины шли, старательно разводя в стороны носки туфель, поблескивая под солнцем белыми перчатками.

Появившийся в двери Борис позвал ее:

– Мэгги?

Она не обернулась. Сбежала по ступенькам в развевающейся белой мантии. Ступеньки были широкие, на редкость мелкие, не подходящие для нормальной походки, и она спускалась по ним, запинаясь. «Мэгги!» – крикнул Борис, и ей, добравшейся до тротуара, пришлось перейти на бег. Она пробилась сквозь толчею гостей и

понеслась по улице, белая ткань плескалась за ее спиной, как парус под ветром.

«Багетную мастерскую Сэма» отделяли от церкви всего два квартала, но зато длинных, к тому же утро стояло жаркое, июньское. Добежав до мастерской, Мэгги вспотела и сбилась с дыхания. Она открыла толстого стекла дверь, вошла в тесное, унылое, выстланное потертым линолеумом помещение. С колышков желтоватой древесноволокнистой плиты, которая покрывала целую стену, свисали образчики рамок, прилавок был выкрашен в холодный серый цвет. За прилавком стоял сутулый старик с козырьком на лбу и торчащими во все стороны прядями белых волос. Отец Айры.

Увидеть его здесь Мэгги не ожидала. Насколько она знала, в мастерской он больше не показывался. Мэгги замаялась, а старик спросил:

– Чем могу быть полезен, мисс?

Она всегда думала, что глаза Айры – самые темные, какие только бывают, однако глаза старика оказались еще темнее. Куда они смотрят, сказать было невозможно, на миг ей показалось, что старик слеп.

– Я ищу Айру, – сказала она.

– Он сегодня не работает. Участвует в одном мероприятии.

– Да, в свадьбе, поет на ней, – сказала Мэгги. – Но он там еще не появился, вот я и пришла за ним.

– О, – произнес Сэм. И склонился к ней, как будто его за нос потянули, – ощущение слепоты при этом несколько не уменьшилось. – А вы случайно не Маргарет? – спросил он.

– Да, сэр, – ответила она.

Старик обдумал ее ответ. А затем хихикнул – коротко и хрипло.

– Маргарет Эм Дейли, – сказал он.

Мэгги не шелохнулась.

– Так это вы решили, что Айра умер, – сказал старик.

– Он здесь? – спросила Мэгги.

– Наверху, одевается.

– Вы не могли бы позвать его?

– С чего вы взяли, что он умер? – поинтересовался старик.

– Я перепутала его с другим. С Монти Рэндом, – промямлила она. – Монти погиб в военном лагере.

– В военном лагере!

– Пожалуйста, позовите Айру.

– Айра в военный лагерь попасть не мог, – сказал Сэм. – У него иждивенцы на руках, он все равно что женат. Хотя при нашем положении жениться он никогда не сможет. Меня сердце вот уже сколько лет допекает, а одна из его сестер – слабоумная. Я думаю, армия не взяла бы его, даже если бы он в добровольцы подался! Нам с девочками пришлось бы тогда жить на пособие, обременять нашими персонами государство. «Вали отсюда! – сказали бы ему в армии. – Возвращайся к тем, кому ты нужен. Мы с тобой возиться не желаем».

Мэгги услышала, как кто-то сбегает по лестнице, – приглушенный, барабанный звук. В желтой стене за прилавком открылась дверь, голос Айры произнес:

– Пап...

Он замер, глядя на нее. Темный, плохо сидящий костюм, тесная белая сорочка, из-под воротника свисает незавязанный темно-синий галстук.

– Мы опаздываем на свадьбу, – сказала Мэгги.

Он отдернул манжету, посмотрел на часы.

– Пойдем! – попросила она, думая не только о свадьбе. Мэгги чувствовала почему-то, что оставаться рядом с отцом Айры опасно.

И пожалуйста, Сэм сказал:

– Мы с твоей маленькой подружкой только что обсуждали твою службу в армии.

– В армии?

– Айра не может служить в армии, сказал я. У него есть мы.

Айра ответил:

– Ладно, пап, я отлучусь всего на пару часов.

– Так надолго? Это ж все утро пройдет! – Сэм повернулся к Мэгги и сказал: – Суббота у нас – самый оживленный день.

Интересно, подумала Мэгги, почему же тогда в мастерской так пусто? И пробормотала:

– Да, ну, мы...

– На самом деле, если бы Айра пошел в армию, ему пришлось бы это заведение закрыть, – сказал Сэм. – Распродать все до последнего гвоздя, а между прочим, в октябре исполнится сорок два года, как оно принадлежит нашей семье.

– О чем ты говоришь? – спросил Айра. – Зачем бы я пошел в армию?

– Твоя маленькая подружка думала, что ты вступил в армию и тебя там убили, – пояснил Сэм.

– А, – сказал Айра. Похоже, и до него дошло, что положение становится опасным, потому что на сей раз он сам сказал: – Нам пора.

– Она решила, что тебя разорвало на куски в армейском лагере, – сообщил ему Сэм. И снова хрипло фыркнул. В том, как он обходится со своим носом, подумала Мэгги, есть что-то кротовое, беспощадное. – Взяла да и написала мне соблезную письмо, – продолжал он. – Ха! – И повернулся к Мэгги: – Я даже испугался. На полсекунды задумался: минуточку, Айра умер? Если да, я бы узнал об этом первым. Вот так я впервые узнал о вас. На самом деле впервые за многие годы понял, что есть девушка, которой он интересен. У него же друзей-то теперь и нет. Школьные приятели были ребятами башковитыми, все разъехались по колледжам, связь с ними он потерял, и знакомых одних с ним лет у него не осталось. «Вот смотри! – сказал я ему. – Наконец-то девушка появилась». То есть сказал, когда у меня прошло первое потрясение. «Хватай ее обеими руками, пока не сбежала» – вот что я ему посоветовал.

– Пошли, – сказал Мэгги Айра.

Он поднял закрепленную на петлях часть прилавка, вышел из-за него, однако Сэм так и продолжал разглагольствовать.

– Горе в том, что теперь ты знаешь – она и без тебя обойдется, – сказал он.

Айра остановился, не вернув дверцу на место.

– Написала соблезную записочку и стала преспокойно жить дальше, вот и все дела, – сказал ему Сэм.

– А ты чего ожидал – что она будет рыдать на моей могиле?

– Ну, ты должен признать, что со своим горем она справилась образцово. Написала мне записку, наклеила на конверт марку и занялась приготовлениями к свадьбе своей подружки.

– И правильно, – сказал Айра и, опустив дверцу, повернулся к Мэгги. Неужели его ничем не проймешь? Глаза спокойные, ладонь, которой он взял ее за руку, не дрожит.

– Вы не правы, – сказала Мэгги Сэму.

– Да?

– Я вовсе не обходилась без него легко и спокойно! Я была едва жива от горя.

– Не стоило вам так уж распалиться по этому поводу, – сказал Сэм.

– И к вашему сведению, очень многие девушки считают его совершенно замечательным, я не одна такая, а говорить, что он не может жениться, просто смешно. Вы не имеете на это права, жениться может каждый, было бы желание.

– Он не посмеет! – заявил Сэм. – Потому как обязан думать обо мне и сестрах. Вы хотите, чтобы мы все в богадельню попали? Айра? Ты не смеешь жениться, Айра!

– Это почему же? – спокойно спросил Айра.

– Потому что ты обязан заботиться обо мне и о сестрах!

– И тем не менее я на ней женюсь, – сказал Айра.

После чего открыл дверь и отступил от нее, пропуская Мэгги вперед.

Выйдя на крыльцо, они остановились, Айра обнял ее и привлек к себе. Она почувствовала щекой узкие кости его груди, услышала, как бьется под ее ухом сердце Айры. Сэм, наверное, видел все сквозь стекло двери, и тем не менее Айра наклонился и поцеловал Мэгги в губы. Поцелуй получился долгим, теплым, проникновенным, у нее даже коленки ослабли.

А потом они пошли к церкви – с одной, впрочем, заминкой: дверь защемила подол хоровой мантии Мэгги. Чтобы освободить его, Айре пришлось снова открыть дверь (на отца он даже не взглянул).

Однако разве можно было догадаться, просматривая фильм Серины, что ему предшествовало? В нем они выглядели самой обычной парочкой, ну, может, по росту друг другу не очень подходили. Он слишком высокий и худой, она слишком низенькая и полненькая. Лица у обоих серьезные, но догадаться по ним, что совсем недавно произошло нечто, перевернувшее их жизнь, было никак нельзя. Они безмолвно открывали и закрывали рты, а зрители пели за них, с шутливой мелодраматичностью. «Природа дает нам знак, что живем мы не просто так...» И только Мэгги знала, как ладонь Айры легла ей на спину.

Следом двойняшки Барли запели псалом, прислонившись одна к другой и подняв, точно птенцы, лица кверху, а камера переметнулась

от них к одетой во все белое Серине. Она плыла по проходу с матерью, которая словно висела на ее руке. Занятно: оттуда, где стоял с камерой дядя Макса, ничего такого уж нетрадиционного ни в той ни в другой видно не было. Серина сосредоточенно смотрела вперед. Анита немного перестаралась с косметикой, но, в принципе, она могла быть чьей угодно матерью, взволнованной и выглядевшей старомодно в своем узком платье. «Ты только посмотри на себя!» – со смехом сказал кто-то Серине. Тем временем остальные пели: «Хоть я и не знаю, где взять слова...»

Камера снова переметнулась, появился Макс, стоящий перед алтарем с преподобным Коннорсом. Певшие один за одним примолкли. Милый Макс: в стараниях придать себе достойный, отвечающий моменту вид он поджал растрескавшиеся губы и сощурил голубые глаза, глядя на подходившую к нему Серину. Пленка немного выцвела, однако веснушки по-прежнему выделялись на широких щеках Макса, как металлические блески.

Слезы навернулись на глаза Мэгги. Некоторые в гостинной сморкались.

Никто же, подумала она, не знал тогда, насколько серьезным может все оказаться.

Но разумеется, вскоре зрители опять повеселели, потому что пение чересчур затянулось и новым супругам пришлось стоять, ожидая под лучезарной улыбкой преподобного Коннора, когда двойняшки Барли наконец закруглятся. Потом новобрачные обменялись обетами, и Шугар встала, чтобы исполнить заключительное песнопение, а большая часть сидящих сейчас вокруг Мэгги людей принялись подталкивать друг друга локтями, ожидая дальнейшего. Кто же мог забыть случившееся следом?

Макс повел Серину по проходу слишком медленно, размеренным, скованным шагом, который он, по-видимому, считал приличествующим случаю. И пение Шугар завершилось раньше, чем они добрались до дверей. Серина тянула Макса за локоть, торопливо говорила ему что-то на ухо, а последние несколько ярдов почти пропятилась, выволакивая его в вестибюль. И как только они скрылись из глаз, какое же там началось сражение! Шепот сменился шипением, шипение воплями! «Мог бы и побывать на чертовой репетиции, – кричала Серина, – а не уматывать за твоими бесконечными

родственниками на вокзал, я тут одна потела, а ты даже не знал, как быстро меня нужно вести...» Оставшиеся в церкви сидели, не зная, куда девать глаза. Глупо улыбались собственным коленям, но в конце концов рассмеялись.

– Серина, лапушка, – говорил Макс, – замолчи. Ради бога, Серина, тебя же все слышат, Серина, радость моя...

В фильме ничего этого, конечно, не было, он уже закончился, на экране замелькали какие-то корявые цифры. Но по всей комнате зрители его делились воспоминаниями, возрождая ту сцену к жизни.

– Жахнула дверью так...

– Аж вся церковь задрожала, помнишь?

– Мы только смотрели в сторону вестибюля и не знали, что делать.

Кто-то поднял штору – сама Серина. Комнату залил свет. Серина улыбалась, но щеки ее были мокры. К ней обращались со словами: «И тут, Серина...» и «А помнишь, Серина?» – и она кивала, улыбалась и плакала. Старушка рядом с Мэгги произнесла: «Милый, милый Максвелл!» – и вздохнула, не понимая, быть может, что все остальные грустить уже перестали.

Мэгги встала, взяла сумочку. Ей нужен был Айра, она как-то терялась без него. Мэгги огляделась в поисках мужа, но увидела только других людей, бессмысленных и пустых. Подошла к столу, однако и среди гостей, набравших с больших блюд еду, его тоже не было. Мэгги прошла по коридору, заглянула в спальню Серины.

Ну да, вот он, сидит у стола. Пододвинул к нему кресло, переставил выпускную фотографию Линды, чтобы расчистить место для пасьянса, который уже раскладывал по полированной столешнице. Одна согнутая в локте загорелая рука повисла над валетом, готовая переместить его. Мэгги вошла в спальню и закрыла дверь. Приблизилась к Айре, опустила сумочку на пол, обвила его сзади руками и сказал ему в волосы:

– Ты пропустил хорошее кино. Серина показывала фильм, снятый на ее свадьбе.

– Совершенно в духе Серины, – ответил он и переложил валета на даму. От волос Айры пахло кокосом – его прирожденный аромат, который всегда рано или поздно пробивался сквозь душок любого шампуня.

– Мы с тобой пели дуэтом, – сказала Мэгги.

– И ты, я полагаю, прослезилась и затосковала по прежним временам.

– Да, так и было, – признала она.

– А вот это совершенно в твоём духе, – сказал Айра.

– Верно, – согласилась она и улыбнулась в стоящее перед ним зеркало.

В своих последних словах она почувствовала едва ли не хвастовство. Если её чувства и легко всколыхнуть, думала Мэгги, она, по крайней мере, сама выбирает тех, кто это делает. Если она и не может выйти за определенные рамки, то, по крайней мере, определила эти рамки сама. Она чувствовала себя сильной, свободной, твердой. Айра сгреб сложенные рядком бубны, от десятки до туза, и поместил их поверх валета.

– Мы ходили на детей, – сказала ему Мэгги. – На младенцев. Мы же были совсем немногим старше, чем сейчас Дэйзи, ты только представь. И не думали тогда, где и с кем проведем следующие шестьдесят лет жизни.

– Ммммм, – отозвался он.

Он смотрел, раздумывая, на короля, Мэгги прижалась щекой к макушке Айры. Похоже, она снова влюбилась. В собственного мужа! А что, и удобно, и приятно – как будто находишь в кухонном шкафу всю утварь, какая нужна тебе, чтобы опробовать новый рецепт.

– Помнишь наш первый год после свадьбы? – спросил она. – Ужас. Мы каждую минуту ругались.

– Худший год моей жизни, – согласился Айра и, когда Мэгги переступила вперед, немного отодвинулся от стола, чтобы она могла сесть ему на колени. Бедрa Айры под ней были длинными, костлявыми – похожими на две доски. – Не смешай мне карты, – сказал он, однако Мэгги почувствовала, что в нем пробуждается некий интерес. Она положила голову ему на плечо, провела пальцем по шву нагрудного кармана рубашки.

– Помнишь, как мы пригласили Серину и Макса пообедать у нас в воскресенье? – спросила она. – Наши первые гости. До их прихода мы успели раз пять мебель переставить. Я вышла на кухню, вернулась, а ты уже все стулья в угол задвинул, и я сказала: «Ну что ты наделал?» –

и переставила их по-новому, но когда пришли Гиллы, кофейный столик лежал ножками вверх на кушетке, а мы орали друг на друга.

– Мы были до смерти испуганы, только и всего, – ответил Айра. Он уже обнял ее, Мэгги слышала, как веселый сухой голос Айры вибрирует в его груди. – Попытались вести себя как взрослые, но не знали, получится ли.

– А наша первая годовщина, – сказала Мэгги. – Какое фиаско! В маминой книге по правилам хорошего тона говорилось, что ее называют либо «бумажной свадьбой», либо «часовой», кому как нравится. И мне пришла в голову блестящая мысль смастерить для тебя подарок из набора, который рекламировали в одном журнале, – заводные бумажные часы.

– Вот этого не помню.

– Да потому что я их тебе даже не показала.

– А что с ними стало?

– Ну, наверное, я что-то там собрала неправильно, – ответила Мэгги. – Все инструкции я выполнила, но как полагалось часы не заработали. То отставали, то останавливались и снова шли, один край у них завернулся, под двенадцатью покоробилась бумага, я там перестаралась с клеем. В общем, штучка получилась... кустарная, любительская. Мне стало так стыдно, что я выбросила их в мусорный бак.

– И зря, милая, – сказал Айра.

– Я испугалась, что у меня получился такой символ или еще что – символ нашего брака, понимаешь? Мы тоже были тогда кустарями, а я этого боялась.

– Черт, мы просто учились, – сказал он. – И не знали, что нам друг с другом делать.

– Зато теперь знаем, – прошептала Мэгги. И уткнулась губами в одно из своих любимых мест – в теплую ямку там, где челюсть Айры встречалась с шеей.

А пальцы Мэгги сползли тем временем к пряжке его ремня.

Айра произнес:

– Мэгги? – но помешать ей не попытался.

Она выпрямилась, чтобы расстегнуть ремень и ширинку.

– Можно прямо здесь, в кресле, – прошептала она. – Никто не догадается.

Айра застонал, прижал ее к себе, поцеловал, губы у него были очень гладкие и твердые. Мэгги казалось, что она слышит, как ее кровь стремительно бежит по венам, гудя, точно морская раковина.

– Мэгги Дейли! – произнес голос Серины.

Айра дернулся, Мэгги спрыгнула с его колен. Серина неподвижно стояла, держа ладонь на дверной ручке. И во все глаза смотрела на Айру, на его расстегнутую ширинку, из которой торчал клоч рубашки.

Ладно, кончиться все может либо так, либо этак, подумала Мэгги. С Сериной заранее не скажешь. Она могла просто поднять их на смех. Но, наверное, похороны дались ей отнюдь не легко, или на нее фильм подействовал, или общее ощущение вдовства. Как бы там ни было, она сказала:

– Поверить не могу. Не могу поверить.

– Серина... – начала Мэгги.

– В моем доме! В моей спальне!

– Пожалуйста, прости нас, нам обоим так жаль... – пролепетала Мэгги, и Айра, приведя наконец в порядок свою одежду, добавил:

– Да, мы, честное слово, не...

– Вы всегда были несносными людьми, – сказала Мэгги Серина. – И подозреваю, намеренно. Невозможно быть такими тупыми по чистой случайности. Я не забыла, что ты устроила в доме престарелых с моей матерью. Теперь еще и это! На похоронах! В спальне, которую я делила с мужем!

– Это стечение обстоятельств, Серина. Мы совершенно не собирались...

– Стечение обстоятельств! – повторила Серина. – Ладно, убирайтесь вон.

– Что?

– Покиньте мой дом, – сказала она, повернулась на каблуках и ушла.

Мэгги, не глядя на Айру, подняла сумочку. Он собрал карты. В дверь она вышла первой, оба направились по коридору к гостиной. Люди расступались, пропуская их. Как много они слышали, Мэгги представить себе не могла. Вероятно, все. Они как-то притихли – испугались, наверное. Она открыла парадную дверь, повернулась к ним и сказала:

– Ладно, нам пора!

– До свидания, – забормотали они. – Пока, Мэгги, пока, Айра...

Снаружи ослепительно сияло солнце. Мэгги пожалела, что они не приехали сюда от церкви на машине. Она приняла предложенную Айрой руку и шла по гравии к дороге, не сводя глаз со своих туфель, покрывшихся тонким слоем пыли.

– М-да, – произнес наконец Айра, – мы несомненно внесли в это маленькое сборище некоторое оживление.

– Я ужасно себя чувствую, – сказала Мэгги.

– О, все пройдет, – пообещал Айра. – Ты же ее знаешь. – Потом коротко фыркнул и прибавил: – Смотри на вещи веселее. Как правило, встречи старых одноклассников...

– Но это была не встреча одноклассников, а похороны, – сказала Мэгги. – Поминки. Я заявила на поминки и все испортила! Серина, наверное, думает, что мы хотели выпендриться или, не знаю, ткнуть ее носом в то, что она овдовела. Ужасно...

– Она нас простит, – сказал Айра.

Мимо проскочила машина, он поменялся местами с Мэгги, заслонив ее от проезжей части. Теперь они шли отдельно, не соприкасаясь. Снова стали самими собой, обычными. Или почти стали. Не полностью. Не то свет, не то жара подействовали на зрение Мэгги – старый каменный дом, мимо которого она проходила, на мгновение замерцал. Растаял в мягкой светящейся дымке, но сразу собрался с силами и снова стал сплошным.

Часть вторая

Вот уже несколько месяцев Айра размышлял о людской расточительности. Люди проматывают свои жизни впустую, так ему казалось. Расходуют силы на мелкую зависть, тщетные амбиции или застарелую, горькую неприязнь. Мысль об этом возникала, куда ни повернись, словно жизнь пыталась сообщить ему что-то. Ну так ему и намекать даже не нужно. Разве сам он не пустил по ветру столь многое?

Ему пятьдесят, а совершил ли он хоть что-нибудь значительное? Когда-то он собирался найти лекарство от серьезной болезни, но разменялся на мелочи.

Его сын, которому медведь наступил на ухо, бросил школу в надежде стать рок-звездой. Дочь – одна из тех, кто попусту растрчивает время на никчемные тревоги; она до мяса сгрызает ногти, перед экзаменами у нее мигрени, от которых она чуть не слепнет, и так мучительно переживает из-за оценок, что доктор предупредил их: дело пахнет язвой.

А жена! Он любит Мэгги, но не может мириться с ее нежеланием принимать собственную жизнь всерьез. Похоже, она верит, что это своего рода практические занятия, на которых можно пошалить, получив затем вторую, а то и третью возможность все поправить. Всегдашние неуклюжие, бурные порывы невесты к чему – уклонения от прямого пути на окольные, авось куда-нибудь да вывезет.

Взять хоть сегодняшний день: историю с Фионой. Она им больше не родственница, не невестка и даже, по мнению Айры, не знакомая. Однако Мэгги, молчавшая, пока они мчались домой по Первому шоссе, – о чем она снова заговорила (Айра-то думал, что она успела забыть об этом), как не о своей прихоти – заехать к Фионе. Мало того, что они потратили субботу на похороны Макса Гилла, – тоже, между прочим, уклонение от прямого пути, – так теперь ей явилась блажь броситься в совершенно новом направлении. Заскочить в Картуил, штат Пенсильвания, – и только затем, чтобы предложить посидеть с ребенком, когда Фиона отправится в медовый месяц. Идея совершенно бессмысленная, поскольку у Фионы есть мать, ведь так? Она

ухаживает за Лерой, и, конечно, на нее можно рассчитывать и в дальнейшем. Айра указал на это Мэгги:

– А чем нехороша, как ее? Миссис Стакки?

– Ха, миссис Стакки, – сказала Мэгги так, точно это было вполне достаточным ответом. Потом убрала руку из окна и подняла стекло. Лицо Мэгги горело в солнечном свете, круглое, хорошенькое, напряженное. Ветерок взъерошил волосы, и пряди встали по всей голове торчком. Горячий, пропахший бензином ветерок, Айра был рад обойтись без него. Но постоянное открывание-закрывание окна действовали ему на нервы. Мэгги, думал он, делает то, что приходит ей в голову сейчас – в эту секунду, в следующую, а дальше не заглядывает. Судорога раздражения щекотнула виски.

Вот женщина, которая как-то позволила неверно набранному номеру отнять у нее целый вечер. «Алло?» – сказала она в трубку, и какой-то мужчина ответил: «Лаверна, сиди дома, там безопаснее. Я только что поговорил с Деннисом, он уже едет за тобой». И отсоединился. Она крикнула: «Постойте!» – в намертво молчащую трубку, типично для Мэгги. Кто бы это ни был, сказал ей Айра, он получил по заслугам. Если встретиться Деннису и Лаверне не удастся, ладно, это их проблема, не твоя. Но Мэгги ни о чем другом и говорить не могла. «„Безопаснее“, – стонала она. – Он сказал: „В доме безопаснее“. Одному лишь Богу известно, что сейчас переживает бедная Лаверна». И провела весь вечер, набирая в надежде найти Лаверну все возможные комбинации цифр их номера, все перестановки. Не нашла, конечно.

Послушать ее, Картуил так близко, что можно высунуть руку в окно и схватить его.

– Съезд с шоссе сразу за границей штата. Забыла, как он называется, – говорила Мэгги. – Только на карте, которую ты купил, его нет.

Неудивительно, что как от штурмана толку от нее мало – она занята поисками Картуила.

Движение было на редкость свободным для субботы. Все больше грузовики – маленькие, перевозящие бревна или старые покрышки, не глянцевого чудища, какие встречаются на I-95. Вокруг раскинулись фермерские земли, и каждый проносящийся мимо грузовик оставлял

новую пленку пыли на блеклых, выжженных солнцем желтоватых полях.

– Мы вот как поступим, – говорила Мэгги. – Заглянем к Фионе всего на секунду. На маленькую-маленькую секунду. От ледяного чая откажемся. Скажем ей о нашем предложении и уедем.

– Ты можешь сказать о нем и по телефону, – заметил Айра.

– Нет, не могу!

– Раз тебе так охота сидеть с ребенком, позвони ей, когда мы вернемся, из Балтимора.

– Девочке всего семь лет, – сказала Мэгги. – Она почти наверняка нас не помнит. Мы не можем просто забрать ее на неделю! Сначала нужно заново познакомиться с ней.

– Почему ты думаешь, что на неделю? – спросил Айра.

Она уже искала что-то в сумочке. И ответила:

– Ммм?

– Почему ты решила, Мэгги, что медовый месяц продлится неделю?

– Ну, не знаю. Может, две. Может, месяц. Не знаю.

Он сразу подумал: не миф ли замужество Фионы, просто-напросто выдуманый Мэгги по каким-то непонятным причинам? С нее станется.

– И кроме того, мы не можем отлучиться из дома на такой срок. У нас же работа.

– Зачем отлучаться? Мы заберем ее в Балтимор.

– Тогда она школу пропустит, – сказал Айра.

– Ничего страшного. Будет ходить в школу, которая рядом с нами, – ответила Мэгги. – В конце концов, второй класс – это всего-навсего второй класс, он везде одинаков.

На этот счет у Айры имелось столько возражений, что он даже дара речи лишился.

Мэгги перевернула сумочку, вытряхнула содержимое себе на колени.

– О господи, – сказала она, глядя на свой бумажник, губную помаду, расческу, пакетик «клинексов». – И как я эту карту дома забыла?

Еще один вид расточительности, подумал Айра, – искать что-то в сумочке, содержимое которой ты знаешь наизусть. Его даже Айра

наизусть знал. И продолжать заботиться о Фионе – тоже пустая трата времени, Фиона определенно не питает к ним никаких чувств и ясно дала понять, что хочет сама распоряжаться своей жизнью. Разве она этого не говорила? «Я всего лишь хочу сама распоряжаться моей жизнью» – что-то такое он от нее точно слышал. То ли когда она кричала, уходя от Джесси, то ли во время их жалких визитов к ней после развода, – Лерой выглядела тогда смущенной и чужой, а миссис Стакки смотрела на них из-за двери гостиной обвиняющим взглядом. Айра поморщился. Траты, траты и новые траты, и все впустую. Долгая поездка, натянутый разговор, долгое возвращение домой – и совершенно зазря.

А разве не пустая трата – отдавать жизнь людям, которые забывают тебя, едва ты отходишь от их коек? Айра всегда так и говорил. Да, в этом есть также прекрасная самоотверженность, полагал он. И все же не мог понять, как Мэгги выносит эту неустойчивость, это отсутствие результатов – немощных, дряхлых пациентов, которые путают ее с давно умершей матерью или сестрой, оскорбившей их в одна тысяча девятьсот двадцать восьмом году.

И так беспокоиться за детей тоже дело пустое. (Они к тому же давно уж не дети – даже Дэйзи.) Взять хотя бы историю с папиросной бумагой, которую Мэгги обнаружила прошлой весной в столе Дэйзи. Она тогда вытирала пыль, увидела эту бумагу и сразу помчалась к Айре. «Что нам делать? Как быть? – вопила Мэгги. – Наша дочь курит марихуану, это же первый признак, о котором говорится в раздаваемых школой брошюрах!» Она и Айру разволновала и растревожила, впрочем, это случалось гораздо чаще, чем он готов был признать. Они просидели до поздней ночи, обсуждая свои возможные действия. «В чем же мы ошиблись?» Мэгги плакала, Айра обнимал ее и говорил: «Ну будет, милая. Обещаю, мы во всем разберемся». Как потом выяснилось, и эти волнения были пустыми. Папиросная бумага предназначалась для флейты Дэйзи. Ее подкладывают под клапаны, когда те начинают залипать, небрежно пояснила Дэйзи. Она даже обидеться не потрудилась.

Айра тогда почувствовал себя нелепым человеком. Словно он растратил нечто редкостное и значительное – твердую валюту.

Тут ему вспомнилось, как вор однажды украл сумочку Мэгги, – просто вперся на кухню, где она раскладывала по полкам покупки, и

наглым образом сдернул сумочку со стола, – и Мэгги побежала за ним. Ее же убить могли! (Самым правильным и разумным было пожать плечами и решить, что она и без сумочки обойдется, – Мэгги никогда ею особо не дорожила, а несколько мятых долларов и бумажник не такая уж и потеря.) Был февраль, тротуары покрылись сверкающим льдом, по которому особо не разбежишься, и возвращающийся домой Айра изумился, увидев молодого человека, который, шаркая ногами, приближался к нему со скоростью улитки, а за ним медленно трусила Мэгги, так усердно стараясь сохранить равновесие, что даже кончик языка между губ выставила. Они напоминали двух мимов, которые изображают быструю ходьбу, не сдвигаясь при этом с места. Как вспомнил теперь Айра, выглядело все довольно комично. Губы его дрогнули. Он улыбнулся.

– Что? – требовательно спросила Мэгги.

– Все-таки бежать тогда за воров было чистой воды безумием, – ответил он.

– Нет, ей-богу, Айра, и как у тебя мозги устроены?

В точности тот вопрос, какой мог бы задать ей и он.

– Как бы там ни было, сумочку я вернула, – сказала она.

– Случай помог. А если бы он был вооружен? Или оказался покрепче? Или не испугался, увидев меня?

– Знаешь, по-моему, этот мальчишка приснился мне пару дней назад, – сказала Мэгги. – Сидел на кухне, которая и походила на нашу, и не походила, если ты понимаешь, о чем я...

Айре не нравилось, что она то и дело пересказывает ему свои сны. У него от этого нервы разыгрывались.

Может быть, если бы он не женился. Или хотя бы обошелся без детей. Но нет, цена получилась бы слишком высокой, это он понимал даже в самом мрачном своем настроении. Ладно, если бы он отправил сестру, Дорри, в лечебницу – государственную, не слишком дорогую. И сказал отцу: «Больше я тебя содержать не буду. Слабое у тебя сердце или не слабое, забирай свою чертову мастерскую, а я вернусь к моему начальному плану, если сумею вспомнить, в чем он состоял». И заставил бы другую сестру выйти наконец из дома и найти себе работу. «Думаешь, кто-нибудь из нас не боится? – спросил бы он у нее. – Но мы же выходим и зарабатываем себе на хлеб, вот и ты давай».

Да только она умерла бы от ужаса.

Мальчиком он нередко играл, лежа в постели, в прием больных. Приподнятые колени были его письменным столом, он смотрел поверх них и добрым голосом спрашивал: «Что вас беспокоит, миссис Браун?» А однажды ему пришло в голову, что он может стать ортопедом, ведь, вправляя кость, ты сразу получаешь результат. Это вроде починки мебели, думал он. И воображал, как кость, щелкнув, встает на свое место, а пациент в тот же миг избавляется от боли.

– Лосиный лес, – сказала Мэгги.

– Как ты сказала?!

Мэгги сгребла с колен свои вещи, ссыпала их в сумочку и поставила ее на пол у своих ног.

– Съезд к Картуилу, – пояснила она. – Он ведь как-то так называется, верно?

– Понятия не имею. Ни малейшего.

– Гусиный лук. Гусиный плёс.

– Как бы он ни назывался, я в Картуил ехать не собираюсь.

– Осиный луг.

– Хотел бы напомнить тебе о других наших визитах, – сказал он. – Помнишь, во что они выливались? Особенно второй день рождения Лерой, когда ты позвонила заранее, договорилась с Фионой, а она все равно забыла, что ты приезжаешь. Они укатили в Херши-парк, а нам пришлось целую вечность прождать на их крыльце и в конце концов уехать домой.

И увезти купленный для Лерой подарок, едва не сказал он, – огромную, глупо улыбающуюся «Тряпичную Энн»^[25], при каждом взгляде на которую у него сердце кровью обливалось.

– А третий, когда ты без спроса привезла туда котенка, хоть я и просил тебя поговорить сначала с Фионой, и Лерой расчихалась, а Фиона сказала, что не может его оставить. И Лерой прорыдала до вечера, помнишь? Когда мы уезжали, она еще плакала.

– Они могли бы ей уколы делать, – сказала Мэгги, упорно не желающая понимать, о чем он говорит. – Куча детей получает уколы от аллергии и держит дома каких угодно зверушек.

– Да, но Фиона не хотела ее колоть. Не хотела, чтобы мы к ней лезли, да и чтобы мы приезжали – тоже, потому я и сказал, что больше нам туда ездить не следует.

Мэгги бросила на него быстрый, подозрительный взгляд. Гадает, наверное, известно ли ему о других поездках, которые она предпринимала в одиночку. Ну, если ей хотелось держать их в секрете, могла бы, наверное, возвращаясь, бензин в бак доливать.

– Я хочу сказать... – начал он.

– Я знаю, что ты хочешь сказать! – воскликнула она. – Вовсе не обязательно талдычить одно и то же!

Некоторое время он вел машину в молчании. Шоссе перед ним пересекали пунктирные линии. Десятки маленьких птичек поднялись над рощей, словно припорошив синее небо пеплом, Айра следил за ними, пока они не исчезли.

– У моей бабушки Дейли висела в гостиной картинка, – снова заговорила Мэгги. – Маленькая сцена, вырезанная на чем-то желтоватом вроде слоновой кости, хотя скорее всего на целлулоиде. Пара стариков сидит в креслах-качалках у камина, внизу на рамке вырезано название: «Старики у себя дома». Женщина вяжет, а мужчина читает огромную книгу, сразу понятно, что Библию. И понятно было, что где-то у них есть взрослые дети, ну, в общем, идея была такая, что старики остаются дома, а дети разъезжаются. Но они были такие старые! Лица как засохшие яблоки, тела как мешки с картошкой. Можно было мгновенно понять, что это за люди, и отмахнуться от них. Я никогда и представить себе не могла, что стану «старухой у себя дома».

– Ты задумала переселить девочку к нам, – сказал Айра. Мысль эта словно сама влетела с глухим ударом ему в голову, такая ясная, точно Мэгги уже высказала ее. – Вот на что ты нацелилась. Дэйзи ты теряешь и хочешь, чтобы ее место заняла Лерой.

– Ни на что я не нацелилась! – ответила Мэгги как-то уж слишком, показалось ему, быстро.

– Да я же тебя насквозь вижу, – сказал он. – Я все время подозревал, что в твоих разговорах насчет «посидеть с ребенком» есть что-то сомнительное. Ты рассчитываешь, что Фиона согласится на это, потому как у нее появляется новый муж.

– Ну, в таком случае это показывает, как мало ты понимаешь, потому что я вовсе не собиралась брать к нам Лерой навсегда. Я хочу только одного – заглянуть к ним сегодня и сделать Фионе предложение, которое может заставить ее передумать насчет Джесси.

– Джесси?

– Джесси – это наш сын, Айра.

– Да, Мэгги, я знаю, Джесси наш сын, но и вообразить не могу, о чем, по-твоему, она может передумать. С их браком покончено. Фиона ушла от него. Ее адвокат прислал Джесси документы на подпись, и тот подписал их все до единого и отослал обратно.

– И с тех пор никогда, никогда не был таким, как прежде, – сказала Мэгги. – Да и Фиона тоже. Всякий раз, как он делает шаг к примирению, она отказывается разговаривать с ним, а когда она делает такой шаг, Джесси укатывает куда-то в расстроенных чувствах и даже не узнает о ее попытках. Это какой-то ужасный танец, они исполняют его вразнобой, и каждое их движение неправильно.

– Ладно. И что? – спросил Айра. – По-моему, ты могла бы сделать отсюда определенный вывод.

– Какой?

– Да такой, что эта парочка безнадежна, Мэгги.

– Ах, Айра, ты просто недостаточно веришь в удачу, – ответила она. – Как и в неудачу. Поосторожнее с машиной, которая идет перед нами.

Она говорила о красном «шевроле» – устаревшей модели, большом, как баржа, краска его потускнела до цвета красного резинового ластика. Айра и так уж следил за ним. Не нравилось Айре, как тот вихляется из стороны в сторону и все время меняет скорость.

– Погуди, – сказала Мэгги.

Айра ответил:

– Да я просто...

Он собирался сказать, что просто обгонит эту машину. «Шеви» управляет какой-то безрукий идиот, таких лучше оставлять позади. Айра нажал на акселератор, взглянул в зеркальце заднего вида, и в этот миг Мэгги протянула руку к рулю и нажала на гудок. Клаксон заревел, испугав Айру. Он схватил руку Мэгги и решительно вернул ее назад, на колени. И только тут сообразил, что водитель «шеви», тоже несомненно испуганный, резко сбросил скорость, оказавшись всего в футах перед ними. Мэгги вцепилась в приборную доску. Выбора у Айры не было, он круто свернул направо и вылетел на обочину.

Пыль поднялась вокруг них, точно дым. «Шеви» набрал скорость и скрылся за поворотом.

– Господи Иисусе, – сказал Айра.

Машина каким-то образом остановилась, хоть Айра и не помнил, как нажал на тормоз. Собственно, он и двигатель успел выключить. Айра по-прежнему стискивал руль, в замке зажигания покачивались, тихо звякая друг о друга, ключи.

– Ты просто не можешь не встрять куда не надо, правда, Мэгги? – спросил он.

– Я? Снова я виновата? Да что я сделала?

– О, ничего. Всего лишь загудела, хотя машину вел я. Всего лишь напугала этого малого до того, что он последние остатки разумения потерял. Хоть раз в жизни, Мэгги, постарайся не совать нос в то, что тебя не касается.

– Если бы я не гуднула, то кто бы гуднул? – спросила она. – И как ты можешь говорить, что меня это не касается, если я сижу на месте, которое все называют «сиденьем смертника»? Да и произошло все не из-за моего гудка, а потому что этот полоумный без всякой причины сбавил скорость.

Айра вздохнул.

– Ну ладно, – сказал он. – Ты цела?

– Прямо задушила бы его! – сказала Мэгги.

По-видимому, это означало, что цела.

Он включил двигатель. Тот пару раз кашлянул, но заработал. Айра глянул назад – что там с движением? – и выехал на шоссе. После гравия обочины дорожное покрытие казалось почти лишенным трения, слишком гладким. Айра заметил, что его руки подрагивают на руле.

– Маньяк какой-то, – сказала Мэгги.

– Хорошо, что мы пристегнуты были.

– Надо полиции о нем сообщить.

– Да ладно. Никто же не пострадал.

– Поезжай быстрее, Айра, ладно?

Он посмотрел на нее.

– Я хочу его номер узнать, – сказала она. Спутавшиеся волосы Мэгги придавали ей сходство с дикаркой.

– Знаешь, Мэгги, – сказал Айра, – если вдуматься, мы виноваты не меньше него.

– Как ты можешь это говорить. Он вел машину рывками, болтался туда-сюда, ты забыл?

И откуда в ней столько энергии? – подивился Айра. Тратит ее без зазрения совести. Ему было жарко, левое плечо, в которое впился ремень, побаливало. Он немного сдвинулся – ремень слишком давил на грудь.

– Ты же не хочешь, чтобы он устроил серьезную аварию, верно? – спросила Мэгги.

– Нет, не хочу.

– Он наверняка пьяный. Помнишь, по телевизору обращение передавали? Наш гражданский долг – сообщить о нем. Прибавь скорость, Айра.

Он подчинился, главным образом от усталости.

Они обогнали фургон электрической компании, который и сам обогнал их недавно, и, поднявшись на холм, увидели впереди «шеви», который катил себе как ни в чем не бывало. Айра ощутил прилив гнева и сам ему удивился. Чертов дурак этот водитель. Хотя откуда следует, что там мужчина? Куда вероятнее женщина, бездумно сеющая хаос, где бы она ни появилась. Он посильнее нажал на акселератор. Мэгги сказала: «Хорошо» – и опустила стекло.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Езжай быстрее.

– Зачем ты опустила стекло?

– Быстрее, Айра! Мы его упустим.

– Вот будет весело, если нас за это оштрафуют, – сказал Айра.

Однако увеличил показание спидометра до шестидесяти пяти, потом до шестидесяти восьми. «Шеви» был уже близко. Его заднее окно покрывала такая пыль, что разглядеть сквозь него что-либо Айре не удалось. Все, что он мог сказать, – на голове водителя сидит какая-то шляпа и росту он маленького. Пассажиры в «шеви» вроде бы не было. Номерной знак тоже зарос пылью – пенсильванский, синий с желтым, желтый цвет посерел, словно от плесени.

– Игрек, два, восемь... – прочитал Айра.

– Да, да, я вижу, – сказала Мэгги. (Она была из тех, кто еще способен назвать телефонный номер, который был у них в детстве.) – Теперь обгони его.

– Ладно...

– Ты же видишь, что это за водитель. По-моему, его лучше обогнать.

Да, это имеет смысл. Айра взял влево.

А когда они поравнялись с «шеви», Мэгги высунулась в окно и ткнула указательным пальцем вниз.

– Ваше колесо! – крикнула она. – Ваше колесо! Переднее, оно отваливается!

– Боже мой, – сказал Айра.

Он посмотрел в зеркальце. Все правильно, «шеви» сбавил ход и сдал к обочине.

– Ну вот, он тебе поверил, – сказал Айра.

Нельзя не признать, что некоторое удовлетворение Айра испытал.

Мэгги оглянулась, посмотрела в заднее окно. А потом повернулась к Айре, и лицо у нее было, непонятно почему, потрясенное.

– Ох, Айра, – сказала она.

– Теперь-то что?

– Он такой старенький, Айра.

Айра ответил:

– Я бы этим престарелым водителям...

– Мало того что старенький, – сказала Мэгги. – Он черный.

– И что?

– Я еще не разглядела его, когда сказала про колесо, – пояснила она. – Он вовсе не собирался сбросить нас с шоссе! Наверняка даже не понял, что произошло. У него такое морщинистое, достойное лицо, а когда я крикнула про колесо, у него челюсть отвисла, и все же он не забыл прикоснуться к полям шляпы. А шляпа! Из серого фетра, такую мой дедушка носил!

Айра застонал.

– Теперь он думает, что мы над ним посмеялись. Что мы расисты или еще кто и наврали насчет колеса из подлости.

– Ничего он такого не думает, – сказал Айра. – На самом деле он не может выяснить, отваливается у него колесо или нет. Как это проверишь? Тут надо посмотреть на него в движении.

– Ты хочешь сказать, он там так и стоит?

– Нет-нет, – торопливо ответил Айра. – Скорее всего, опять едет по шоссе, но немного помедленнее, хочет убедиться, что все в порядке.

– Я бы так не сделала, – сказала Мэгги.

– Ну, ты – не он.

– И он бы тоже не сделал. Он старый, он сбит с толку и совсем один, сидит сейчас в машине, слишком испуганный, чтобы проехать еще хоть дюйм.

– О господи, – сказал Айра.

– Мы должны вернуться и сказать ему.

Айра уже успел понять, что к этому дело и идет.

– Мы не станем говорить, что соврали нарочно, – продолжала Мэгги. – Скажем, что были не уверены. Попросим его проехаться на пробу, чтобы мы могли посмотреть, а потом скажем: «Опа! Наша ошибка. С колесом у вас полный порядок, мы что-то напутали».

– Откуда взялось это «мы»? – поинтересовался Айра. – Начнем с того, что я ему ни слова про разболтавшееся колесо не сказал.

– Айра, на коленях тебя умоляю, разверни машину, этого старика нужно спасать.

– Сейчас половина второго, – сказал Айра. – Если повезет, мы сумеем попасть домой к трем. Может, даже к половине третьего, и я смогу на пару часов открыть мастерскую. Не бог весть что, но лучше чем ничего.

– Несчастный старик сидит в машине, смотрит перед собой и не знает, как ему быть, – сказала Мэгги. – Сидит, все еще вцепившись в руль. Я его просто вижу, яснее ясного.

Как, строго говоря, видел и Айра.

Показалась большая, на вид процветающая ферма, и Айра сбавил скорость. Травянистая дорожка вела к амбару, Айра свернул на нее, даже не посигналив, чтобы произвести внезапный, негодующий разворот. Солнечные очки Мэгги проехали по всей приборной доске. Айра сдал назад, пропустил неизвестно откуда взявшийся поток машин и снова выехал на Первое шоссе, направляясь теперь уже на север.

Мэгги сказала:

– Я знала, ты не можешь быть таким бессердечным.

– Ты только представь, – ответил Айра. – По всему этому шоссе катят другие супружеские пары, собравшиеся вместе провести уик-энд. Едут из пункта А в пункт Б. И ведут цивилизованные разговоры о... не знаю... о текущих событиях. О разоружении. Об апартеиде.

– Он, наверное, думает, что мы из Ку-клукс-клана, – сказала Мэгги и начала покусывать нижнюю губу. Она всегда так делала, разволновавшись.

– Ни остановок, ни изменений маршрута, – продолжал Айра. – А если они и останавливаются, то ради завтрака в каком-нибудь классном старом ресторанчике. Который выбрали заранее, а может, и места в нем заказали.

Вообще-то он проголодался. Ни кусочка у Серины не съел.

– Где-то здесь, – сказала, вытягивая шею, Мэгги. – Я помню эти силосные ямы с заборами из сетки. Как раз перед ними все и было. Да, вот он.

Да, это был он – в машине, правда, не сидел, а описывал вокруг нее неровные круги. Сутулый мужчина с кожей цвета темной древесины, одетый в стариковский костюм из тех, что спереди кажутся длиннее, чем сзади. Он разглядывал покрышки «шеви», которые следовало снять и выбросить не один год назад, – одна немного осела и выглядела смилившейся со своей участью. Айра посигналил, развернулся, аккуратно остановил машину за «шеви» – так, что их бамперы почти соприкоснулись. Открыл дверцу, вышел и спросил:

– Вам помочь?

Мэгги вышла тоже, но, судя по ее лицу, предпочитала, в кои-то веки, чтобы разговор вел Айра.

– Мое колесо, – объяснил старик. – Одна леди на шоссе, неподалеку отсюда, сказала, что у меня колесо отваливается.

– Это были мы, – сказал ему Айра. – Вернее, моя жена. Но знаете, я думаю, она могла ошибиться. Мне это колесо кажется вполне исправным.

Теперь старик смотрел прямо на Айру. Покрытое глубокими морщинами лицо походило на череп, белки глаз были желтыми, такими желтыми, что почти уж и карими.

– О, ну да, верно, кажется, – сказал он. – Когда машина стоит неподвижно, вот как сейчас.

– Нет, я хотел сказать – и раньше казалось, – пояснил Айра. – Когда вы еще ехали по шоссе.

Старика это, судя по всему, не убедило. Он пнул носком башмака покрышку и сказал:

– Ну, все едино. Очень мило, что вы, люди, остановились.

Мэгги ответила:

– Мило! Это самое малое, что мы могли сделать. – Она подступила к старику: – Я Мэгги Моран. А это мой муж Айра.

– А я прозываюсь мистер Даниил Отис, – сказал старик и прикоснулся к полям своей шляпы.

– Мистер Отис, послушайте, когда мы проезжали мимо вашей машины, я увидела, ну, вроде как мираж, – начала Мэгги. – Подумала, что ваше колесо вихляется. Но в следующий миг сказала себе: «Нет, мне это наверняка почудилось». Правда, Айра? Вы вот у Айры спросите. «По-моему, я заставила этого водителя остановиться без всякой надобности» – так я ему сказала.

– Добрых объяснений, почему вы увидели, что оно вихляется, многое множество, – сказал мистер Отис.

– Ну конечно! – воскликнула Мэгги. – Может быть, тепловые волны рябили над шоссе. Или... не знаю...

– Но это могло быть и знамением, – сказал мистер Отис.

– Знамением?

– Возможно, Господь старался предупредить меня.

– О чем предупредить?

– Предупредить, что мое левое колесо надумало отвалиться.

– Да, но... – начала Мэгги.

– Мистер Отис, – сказал Айра, – я думаю, куда вероятнее, что моя жена ошиблась.

– Ну так знать-то вы того не можете.

– Ошибка понятная, – продолжал Айра, – но тем не менее ошибка. Давайте сделаем так: вы сядете в машину и проедете по обочине несколько ярдов. А мы с Мэгги посмотрим. Если колесо не разболталось, вы сможете спокойно ехать дальше. Если разболталось, мы отвезем вас на автостанцию.

– О, ну что же, премного благодарен, – сказал мистер Отис. – Может быть, в Бафорд, если вас это не очень затруднит.

– Пардон?

– На бафордскую «Тексако». Она впереди, недалеко, там мой племянник работает.

– Да, конечно, куда угодно, – сказал Айра, – но я готов поспорить...

– Собственно говоря, если вас это не затруднит, вы могли бы отвезти меня туда и сейчас, – сказал мистер Отис.

– Сейчас?

– Я не склонен вести машину, у которой того и гляди колесо отвалится.

– Мистер Отис, – сказал Айра, – колесо мы проверим. Я же вам об этом и говорил.

– Я проверю, – вызвалась Мэгги.

– Да, Мэгги его проверит. Мэгги? Милая, может, лучше я?

– Черт возьми, да; слишком рискованно для леди, – сказал ей мистер Отис.

Айра полагал, что рискованно это скорее для «шеви», но сказал лишь:

– Ладно. Вы с мистером Отисом посмотрите, а я поведу.

– Нет, сэр, я не могу это допустить, – сказал мистер Отис. – Премного благодарен, но допустить не могу. Слишком опасно. Вы, люди добрые, просто подбросьте меня до «Тексако», прошу вас, а мой племянник приедет сюда на тягаче и заберет машину.

Айра посмотрел на Мэгги. Она ответила ему беспомощным взглядом. Шум пронесившихся мимо машин напомнил ему о телевизионных триллерах, в которых шпионы назначали друг другу свидания на современных пустырях, на обочинах сверхскоростных шоссе или посреди ревущих промышленных комплексов.

– Послушайте, – сказал Айра. – Я бы просто попробовал...

– О, не подвозите меня! – вскричал мистер Отис. – Не надо. Я и так доставил вам много хлопот, я понимаю.

– Дело в том, что мы чувствуем себя ответственными за случившееся, – попытался объяснить ему Айра. – Сказанное нами о колесе было не столько ошибкой, сколько простым, э-э, преувеличением.

– Мы это выдумали, – сказала Мэгги.

– О нет, – покачал головой мистер Отис, – вы просто пытаетесь успокоить меня.

– Незадолго до того вы... вроде как... ну, более или менее внезапно затормозили прямо перед нами, – сказала Мэгги, – заставили нас слететь с дороги. Не намеренно, я понимаю, но...

– Неужели я так поступил?

– Не намеренно, – заверила его Мэгги.

– А кроме того, – сказал Айра, – затормозили вы, скорее всего, потому, что мы случайно гуднули. Так что это не...

– Ну доложу я вам. Флоренс, это племянница моя, все пристает ко мне, чтобы я сдал права, но я, конечно, никак уж не ожидал...

– Во всяком случае, я поступила очень неумно, – продолжала Мэгги. – Сказала, что у вас отваливается колесо, хотя на самом деле оно было исправным.

– Да что вы, я бы назвал это самым что ни на есть христианским поступком, – возразил мистер Отис. – Я же вас чуть с дороги не сбросил! Вы, люди, вели себя ужасно по-доброму.

– Но послушайте, колесо же было...

– Многие так и оставили бы меня ехать на встречу со смертью, – сказал мистер Отис.

– Колесо было исправным! – воскликнула Мэгги. – Ни капельки оно не болталось.

Мистер Отис откинул голову назад, чтобы взглядеться в нее. Набрякшие веки придавали его лицу выражение столь надменное и замкнутое, что казалось – он вот-вот поймет смысл сказанного Мэгги. Однако он стоял на своем:

– Нет, не может оно быть исправным. Куда там. Я вам так скажу: теперь-то я вспомнил, эта машина все утро вела себя странно. Я знал это и все же как будто не знал, понимаете? И сдается мне, вы это заметили – точно как я, – углядели краешком глаза и по доброте вашей сказали мне, хоть и не поняли почему. Ну хорошо, это мы обсудили; пора браться за дело.

– Ладно, – сказал Айра. – Осталось только проверить его. Ключи в машине?

Он торопливо подошел к «шеви», открыл дверцу и сел за руль.

– Ой, погодите! – вскричал мистер Отис. – Вы ради меня шеей рискуете, мистер!

– С ним ничего не случится, – сказала ему Мэгги.

Айра успокоительно помахал мистеру Отису.

Хоть окошко «шеви» и было открыто, внутри пульсировала жара. Светлое пластиковое покрытие сидений казалось наполовину расплавившимся, кроме того, сильно пахло перезрелым бананом. И

неудивительно: на пассажирском сиденье лежали остатки завтрака – смятый кулек, шкурка банана, целлофановый пакетик.

Айра повернул ключ зажигания. А когда мотор заработал, высунулся в окошко и сказал Мэгги и мистеру Отису:

– Смотрите внимательно.

Они не ответили. Лица их стали странно схожими для двух столь разных людей: опасливыми и настороженными, как если бы оба приготовились к худшему.

Айра включил сцепление и поехал по обочине. Ему казалось, что он ведет нечто чрезмерно раздавшееся во все стороны – двуспальную кровать, что ли. И в выхлопной системе что-то брэнчало.

Проехав несколько ярдов, он затормозил и снова высунулся в окно. Парочка не сдвинулась с места, только лица к нему повернули.

– Ну что? – спросил он.

Пауза. Затем мистер Отис сказал:

– Да, сэр, похоже, я видел, как оно малость вихляется.

– Видели? – переспросил Айра. И, насмешливо приподняв брови, посмотрел на Мэгги: – А ты не видела.

– Ну, я не уверена, – ответила Мэгги.

– Прошу прощения?

– Может, мне просто показалось, – пояснила она, – но, по-моему, было небольшое, ну, вроде, не знаю...

Айра переключил передачу и резко сдал машину назад. А снова оказавшись рядом с ними, сказал:

– Хорошо, теперь смотрите очень, очень внимательно.

На этот раз он проехал большее расстояние, около десяти ярдов. Им пришлось пойти следом. Взглянув в зеркальце заднего обзора, он увидел Мэгги, поспешавшую за машиной, сложив руки под грудью. Айра остановился, вылез и направился к ним.

– Ну теперь колесо точно вихлялось, – сказал, когда он подошел, мистер Отис.

Айра спросил:

– Мэгги?

– Похоже на волчок, перед тем как он перестает крутиться и падает, – сказала она.

– Послушай меня, Мэгги...

– Я знаю! Знаю! – ответила она. – Но что я могу поделаться, я вправду видела, как колесо болтается. И по-моему, оно обмякло.

– Ладно, это совсем другая история, – сказал Айра. – Может быть, недокачана шина. Но колесо держится крепко, клянусь. Я это почувствовал. Поверить не могу, что ты себя так ведешь, Мэгги.

– Ну извини, – упрямо ответила Мэгги. – Не могу же я сказать, что ничего не видела, когда видела собственными глазами. По-моему, нам придется отвезти его на эту «Тексако».

Айра перевел взгляд на мистера Отиса и спросил:

– Найдется у вас балонный ключ?

– Э-э... сэр?

– Если у вас есть балонный ключ, я смогу сам подтянуть колесо.

– О, ну да... А балонный ключ сильно отличается от обычного?

– Скорее всего, он лежит в багажнике, – сказал Айра. – Там же, где домкрат.

– О! Хотел бы я знать, где у меня домкрат, – сказал мистер Отис.

– В багажнике, – упорствовал Айра. Он сунул руку в машину, вынул ключи, передал хозяину. Айра очень старался, чтобы лицо его оставалось бесстрастным, но испытывал то же чувство, какое овладевало им каждый раз, как он останавливался около Мэггиного дома престарелых, – полное отчаяние. Ему не по силам было понять, как этот тип, мистер Отис, ухитряется проживать день за днем, портя любое дело, за какое берется.

– Балонный ключ, балонный, – бормотал между тем мистер Отис. Он отпер багажник, поднял крышку. – А ну-ка посмотрим...

На первый взгляд, внутренность багажника представлялась монолитным блоком тряпья. Одежда, одежда, подушки – все это было утрамбовано так плотно, что едва ли не окаменело.

– Ой-ой, – сказал мистер Отис и потянул за край посеревшего лоскутного одеяла. Край даже с места не сдвинулся.

– Ну ладно, – сказал ему Айра. – Я возьму свой ключ.

Он вернулся к «доджу», который вдруг показался ему очень ухоженным – если забыть о том, что натворила Мэгги с левым передним крылом. Вынув ключи из замка зажигания, он открыл багажник.

Пусто.

Прежде здесь лежало аккуратно накрытое половым ковриком запасное колесо, теперь его не было. И никаких следов серой виниловой сумки, в которой он держал инструменты.

– Мэгги? – позвал он.

Она, так и стоявшая у «шеви», неторопливо повернулась к нему, наклонила голову.

– Куда подевалось запасное колесо? – спросил Айра.

– Его на машину поставили.

– Поставили?

Мэгги с силой покивала.

– Ты хочешь сказать, мы на нем ездим?

– Именно так.

– А прежнее где?

– Его латают в нашем «Эксоне».

– Это каким же образом... – Ладно, неважно. Лучше не отвлекаться. – Но где мои инструменты? – спросил он.

– Какие инструменты?

Айра захлопнул багажник, вернулся к «шеви». Кричать бессмысленно, ясно же, что своего балонного ключа он все равно не получит.

– Инструменты, с помощью которых ты меняла колесо, – сказал он Мэгги.

– О, я его не меняла. Один мужчина остановился и помог мне.

– Инструменты он из багажника брал?

– Наверное... да.

– А обратно положил?

– Ну, должен был, – сказала Мэгги. И наморщила лоб, видимо пытаясь припомнить, как было дело.

– Их там нет, Мэгги.

– Не мог же он их украсть, если ты об этом. Такой был симпатичный мужчина. Он даже деньги взять отказался, сказал, что у него тоже есть жена и...

– Я не говорю, что он их украл. Я просто спрашиваю, где они.

Мэгги ответила:

– Может быть, на... – Последовало нечто неразборчивое.

– Что-что?

– Я говорю, может быть, на углу Чарльз-стрит и Северной Парковой! – прокричала она.

Айра повернулся к мистеру Отису. Старик смотрел на него полужакрытыми глазами; походило на то, что он стоя спит.

– Боюсь, нам придется разобрать ваш багажник, – сказал ему Айра.

Мистер Отис несколько раз кивнул, однако даже не шевельнулся, чтобы приступить к этой процедуре.

– Может, мы просто разгрузим его? – спросил Айра.

– Вообще-то попробовать можно, – с сомнением в голосе ответил мистер Отис.

Пауза.

– Так что? – сказал Айра. – Начнем?

– Начать можно, ежели хотите, – согласился мистер Отис. – Да только я здорово удивлюсь, если мы найдем там балонный ключ.

– Балонный ключ есть у каждого, – сказал Айра. – Балонник. Он прилагается к автомобилю.

– Ох, Айра, – сказала Мэгги. – Почему бы нам не подвезти мистера Отиса до «Тексако» и не попросить его племянника, чтобы он починил колесо по-настоящему?

– И как, по-твоему, он это сделает, Мэгги? Возьмет ключ и подтянет зажимные гайки, хоть они в этом и не нуждаются?

Тем временем мистеру Отису удалось извлечь из багажника единственный предмет – фланелевые пижамные штаны. Он поднял их перед собой, разглядывая.

Возможно, причиной было написанное на его лице сомнение, возможно, сами штаны – мятые, поношенные, с болтающимся потертым шнурком, – так или иначе, но Айра вдруг сдался.

– Да какого черта, – сказал он. – Поехали в «Тексако».

– Спасибо, Айра, – ласково произнесла Мэгги.

А мистер Отис сказал:

– Ну, если вы уверены, что это не очень вас затруднит.

– Нет-нет. – Айра провел ладонью по лбу. – Вам, пожалуй, лучше запереть «шеви».

– Какую шеви? – спросила Мэгги.

– Так называется эта машина, Мэгги.

– Вряд ли стоит ее запереть, если у нее колесо того и гляди отвалится, – сказал мистер Отис.

На краткий миг Айра задумался, не мог ли сам мистер Отис создать всю эту ситуацию, чтобы на пассивный, дьявольски изощренный манер свести с ними счеты.

Он развернулся и пошел к своей машине. За его спиной хлопнула крышка багажника «шеви», зашуршали по гравию шаги, однако останавливаться, чтобы его нагнали, он не стал.

Теперь и в «додже» стояла такая же, как в «шеви», жара, а хромированная ручка передач обожгла Айре пальцы. Он сидел, запустив мотор на холостой ход, а Мэгги тем временем помогала мистеру Отису устроиться на заднем сиденье. По-видимому, она инстинктивно поняла, что ему потребуется помощь: мистера Отиса пришлось буквально складывать, и довольно сложным образом, в середине сиденья. Последними в машину попали его ноги, которые он переносил туда по одной, подцепляя колени руками. Затем он выпустил из груди воздух и снял шляпу. Айра увидел в зеркальце костлявый пластинчатый скальп и два торчащих над ушами пучка белых, как вата, волос.

– Премного вам благодарен за хлопоты, – сказал мистер Отис.

– Ну что вы, какие тут хлопоты! – ответила, плюхнувшись на переднее сиденье, Мэгги.

Не говори за других, кисло подумал Айра.

Он подождал, пока мимо пронесется кавалькада мотоциклистов (сплошь мужчины, все без шлемов; свободные, как птицы, они выписывали по шоссе непринужденные зигзаги), и выехал на шоссе.

– Так куда мы направляемся? – спросил он.

– О, ну что же, вам нужно проехать мимо молочной фермы и повернуть направо, – ответил мистер Отис. – Это мили три-четыре, не больше.

Мэгги, обернувшись к нему, сказала:

– Вы, должно быть, живете в этих краях.

– Ну да, если взять отсюда назад и проехать немного по дороге Мертвой Вороны, – сказал мистер Отис. – Вернее сказать, жил до прошлой недели. Сейчас-то я у сестры остановился, у Лурены.

И он завел рассказ о сестре Лурене, которая работала в супермаркете «Кмарт» – урывками, когда ее отпускал артрит, что,

разумеется, привело к обсуждению собственного артрита мистера Отиса, подкравшегося к нему медленно, по-воровски незаметно, и других болезней, за которые мистер Отис свой артрит поначалу принял, и доктора, который изумился состоянию мистера Отиса и очень старался помочь, когда тот надумал все же к нему обратиться.

– Ох, видели бы вы то, что пришлось видеть мне, – сказала Мэгги. – В доме престарелых, где я работаю, люди от артрита просто шишками обрастают, мне ли этого не знать.

Она имела свойство перенимать, разговаривая с людьми, ритм их речи. Закрой глаза, подумал Айра, и почти поверишь, что она тоже черная.

– Злая, подлая болезнь, и говорить не о чем, – сказал мистер Отис. – Вот она, молочная ферма, мистер. Теперь вам потребуется направо повернуть.

Айра сбавил скорость. Они проехали мимо реденького стада коров, которые мечтательно чавкали, глядя на проезжающих, и свернули на дорогу шириной всего в две полосы. Покрытие ее было латаным-перелатаным, из травянистой обочины криво торчали самодельные щиты: **ОСТОРОЖНО ВСТРЕЧАЕТСЯ НЕ ПРИВЯЗАННЫЙ СКОТ, ТИШЕ ЕДЕШЬ ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ** и **ДОРОГУ ПЕРЕХОДЯТ СОБАКИ И ЛОШАДИ**.

Тем временем мистер Отис рассказывал, как артрит заставил его уйти на покой. По его словам, у себя дома, в Северной Каролине, он работал кровельщиком. Скакал по коньковым балкам что твоя белка, а нынче и на нижнюю ступеньку стремянки забраться не может.

Мэгги сочувственно хмыкала.

Айру удивляло обыкновение Мэгги втягивать в круг их семейной жизни совершенно посторонних людей. Одного только мужа ей просто-напросто не хватает, подозревал он. Число два ее не устраивает. Он вспомнил всех побродяжек, которых она привечала в ходе лет, – брата Мэгги, который провел зиму на их кушетке, когда его жена влюбилась в лечившего ее дантиста, потом Серину в ту пору, когда Макс искал работу в Виргинии, и, конечно, Фиону с младенцем и грудой потребных младенцу вещей: коляской, манежем, заводными качелями. В нынешнем его настроении Айра мог причислить сюда и собственных детей – разве не были посторонними и Джесси с Дэйзи, вторгавшиеся в самые интимные мгновения родителей, норотившие

вбить между ними клин? (Трудно поверить, что есть люди, которые заводят детей ради сохранения брака.) Ни один из детей не появился на свет потому, что так было задумано; вернее, задумано-то было, но на срок более поздний. До рождения Джесси Айра все еще надеялся вернуться к учебе. Предполагалось, что он сделает это, как только оплатит счета за лечение сестры и новый обогреватель отца. А Мэгги тем временем будет работать на полной ставке. Но затем обнаружилось, что она беременна, и работу ей пришлось оставить. После этого у сестры появились совсем новые симптомы, что-то вроде припадков, которые требовали ее госпитализации, а как-то раз под Рождество в мастерскую врезался мебельный фургон, повредивший весь дом. Затем Мэгги забеременела Дэйзи, новый сюрприз. (Было, пожалуй, неразумно позволять женщине, с которой вечно что-то приключается, самой заботиться о предохранении.) Но это случилось через восемь лет после рождения Джесси, а к тому времени Айра уже более-менее отказался от прежних планов.

Иногда – скажем, в дни вроде нынешнего, долгого, жаркого дня в пыльной машине, – на него нападала совершенно сокрушительная усталость. Она давила на голову неподдельной тяжестью, как будто потолок становился ниже. Впрочем, Айра полагал, что время от времени такое случается со всяким.

Мэгги рассказывала мистеру Отису о цели их поездки.

– Моя самая давняя, самая близкая подруга потеряла мужа, – говорила она, – и нам пришлось отправиться на похороны. Такой печальный случай.

– Боже милостивый! Ну что же, да, хочу принести вам мои искренние соболезнования, – сказал мистер Отис.

Айра замедлил ход: перед ним ехала округлая, скромного вида машина сороковых годов, за рулем которой сидела старушка – до того сгорбленная, что голова ее едва-едва возвышалась над рулем. Первое шоссе, среди скоростных магистралей – оно все равно что дом престарелых. Тут Айра вспомнил, что едет вовсе не по Первому шоссе, что их отнесло в сторону, а то и назад, и его охватило дремотное чувство свободного парения. Такое же возникает при смене времен года, когда на миг забываешь, какое из них сейчас стоит на дворе. Весна или осень? Самое начало лета или конец весны?

Они миновали современный двухуровневый дом с двумя гипсовыми статуями во дворе: голландские мальчик и девочка нежно склонялись друг к другу, почти соприкасаясь губами. За ним последовала стоянка трейлеров и указатели направлений к разного рода церквям и светским организациям: «Лужайка Эла», «Мебель для патио». Мистер Отис, кряхтя, выпрямился, сжал пальцами спинку сиденья.

– А вон и «Тексако» впереди, – сказал он. – Видите?

Айра видел – маленькое белое прямоугольное здание очень близко к дороге. Над заправочными колонками парили в небе надувные шарики из майлара – по три над каждой, красный, серебристый и голубой, они лениво покачивались один над другим.

Он свернул на бетонированную площадку, постаравшись не зацепить протянутой поперек нее кабель, затормозил и оглянулся на мистера Отиса. Однако тот остался сидеть, из машины вышла Мэгги. Она открыла заднюю дверцу, взяла старика под локоть, и мистер Отис начал понемногу расправляться.

– Ну так где же ваш племянник? – спросила она.

– Где-нибудь тут, – ответил мистер Отис.

– Вы уверены? А вдруг он сегодня не работает?

– Да как же, должен работать. Как же иначе?

О господи, они с этой историей никогда не покончат. Айра выключил двигатель и сидел, глядя, как Мэгги и мистер Отис пересекают площадку.

Возле площадки полного обслуживания белый юноша с собранными в толстый хвост каштановыми волосами выслушал их вопрос и покачал головой. Потом что-то сказал и махнул рукой в восточном примерно направлении. Айра застонал и обмяк на сиденье.

Мэгги направилась, цокая каблуками, к нему, и Айра воспрянул духом; однако, подойдя к машине, она всего лишь склонилась к пассажирскому окошку.

– Придется немного подождать, – сказала она.

– Чего?

– Племянник отправился по вызову, но должен с минуты на минуту вернуться.

– Так почему же нам просто не уехать? – спросил Айра.

– Я не могу! Мне покоя не будет, если я не узнаю, что из этого выйдет.

– А что из этого может выйти? Колесо у него в полном порядке, ты забыла?

– Оно вихлялось, Айра. Я сама видела.

Он вздохнул.

– А вдруг его племянник по какой-то причине не появится, – сказала она, – и мистер Отис застрянет здесь? Или это денег будет стоить? Я должна быть уверена, что у него есть деньги.

– Послушай, Мэгги...

– Почему бы тебе не наполнить бак? Бензин нам не помешает.

– У нас нет кредитной карточки «Тексако», – ответил Айра.

– Заплати наличными. Заполни бак, а тем временем и Ламонт наверняка приедет.

Уже и «Ламонт». Ты ахнуть не успеешь, как она его усыновит.

Бормоча ругательства, Айра включил двигатель, подъехал к площадке самообслуживания и вылез из машины. Колонки здесь были старые, в Балтиморе таких уже не увидишь, – колесики с печатными циферками вместо светодиодного экрана, простой шарнирный механизм включения. Чтобы привести колонку в действие, Айре пришлось перестроиться, мысленно вернуться на пару лет назад. Пока бак наполнялся, он наблюдал, как Мэгги устраивает мистера Отиса на низенькой беленой стене, которая отделяла «Тексако» от чьего-то огорода. Мистер Отис вернул шляпу на голову и сидел под ней, как кошка под столом, задумчиво глядя перед собой, по-стариковски жуя пустым ртом. Совсем дряхлый, а ведь не исключено, что он не так уж и многим старше Айры. Как тут не призадуматься. Айра услышал щелчок – подача бензина закончилась – и повернулся к машине. Воздушные шарики терлись над его головой друг о друга с шуршанием, которое навело его на мысль о дождевиках.

Расплачиваясь внутри станции, он увидел торговавший разного рода закусками автомат и вернулся к своим, спросить, не хотят ли они чего-нибудь съесть. Они с головой ушли в разговор. Мистер Отис то и дело поминал кого-то по имени Дулут.

– Тут есть картофельные чипсы, Мэгги, – сказал Айра. – Тебе такие нравятся – «барбекю».

Мэгги отмахнулась от него.

– По-моему, вы совершенно правы, – сказала она мистеру Отису.

– И шкварки! – продолжал Айра. – Их теперь нигде не найдешь.

Мэгги смерила его холодным, отстраненным взглядом и спросила:

– Ты забыл о моей диете?

– Ладно, а как вы, мистер Отис?

– О, ну что же, нет, спасибо, сэр; покорнейше благодарю, сэр, – ответил мистер Отис. И, повернувшись к Мэгги, продолжал: – Ну так вот, я и спрашиваю: «Дулут, как ты можешь обвинять меня в этом, женщина?»

– Жена мистера Отиса взъелась на него за то, что он сделал в ее сне, – объяснила Айре Мэгги.

Мистер Отис сказал:

– Я знать ничего не знаю, спускаюсь как невинный младенец на кухню и говорю: «А где же завтрак?» А она говорит: «Сам себе готовь». А я говорю: «Хэ?»

– Это так несправедливо, – сказала ему Мэгги.

– Ладно, а я, пожалуй, перекушу, – сказал Айра и, сунув руки в карманы, направился к станции, чувствуя себя отодвинутым в сторону.

Вот и диета тоже, думал он, еще один пример расточительности Мэгги. Водная диета, белковая диета, грейпфрутовая диета. Отказывает себе то в одной еде, то в другой, а между тем, по мнению Айры, она и так хороша – ее даже пухлой не назовешь, – мягкие шелковистые груди, приятно в руках подержать, кремовые округлости попки. Но когда же она слушала Айру? Он мрачно спустил в автомат монеты и ткнул в кнопку под пакетом сушек.

Когда он вернулся, Мэгги говорила:

– Я хочу сказать, если бы мы все так поступали, это что же было бы! Если бы мы путали наши сны с настоящей жизнью. Возьмите меня: два-три раза в год, около того, мне снится, что я целуюсь с нашим соседом. С совершенно пресным соседом по имени мистер Симмонс, который и выглядит-то как коммивояжер или еще кто, не знаю, агент по недвижимости или страховой, в этом роде. Днем я про него и думать не думаю, а ночью мне снятся его поцелуи, и я прямо горю от желания, чтобы он расстегнул мою блузку, а утром, на автобусной остановке, так смущаюсь, что глазами с ним встретиться не могу, но уже вижу его таким, как всегда, – мужчина с пресным лицом и в деловом костюме.

– Ради бога, Мэгги, – сказал Айра. Он и попытался бы представить себе этого Симмонса, но совершенно не понимал, о ком она могла говорить.

– Я хочу сказать, что, если бы меня винули за это? – спросила Мэгги. – Какой-то тридцатилетний... мальчишка, который мне ни капельки не интересен! Выходит, я не сама этот сон придумала!

– Понятное дело, не сами, – сказал мистер Отис. – Так опять же, он ведь Дулут приснился, это ее был сон. Даже и не мой. Она заявила, что я будто забрался на ее вязальное кресло, на сиденье, где она всегда работает, и она велела мне слезть, а я тогда наступил на ее связанную крючком шаль и на расшитый халатик, загреб ногами кружева, и оборки, и ленточки. «Разве это на тебя не похоже», – говорит она мне утром, а я спрашиваю: «Да что я сделал? Покажи мне, что я сделал. Покажи хоть одну растоптанную мной вещь». А она говорит: «Просто ты такой мужчина, Даниил Отис, который все вокруг себя портит, и если бы я знала, что мне придется столько лет терпеть это, я бы крепко подумала, прежде чем выйти за тебя, и вышла бы за другого». Тогда я говорю: «Ну, раз у тебя такие мысли, так я ухожу», а она: «Смотри вещички не забудь». Я и ушел.

– Последние несколько дней мистер Отис живет в своей машине, переезжает от одного родственника к другому, – объяснила Айре Мэгги.

– Да что ты, – удивился Айра.

– Сами, стало быть, видите, до чего мне важно, чтобы колесо не отваливалось, – добавил мистер Отис.

Айра вздохнул и присел на стену рядом с Мэгги. Купленные сушки глянцево поблескивали и липли к зубам, однако он проголодался до того, что продолжал их жевать.

Юноша с хвостом направился в их сторону, каблуки его кожаных сапог постукивали набойками по бетону – решительно, целенаправленно, – и Айра встал, подумав, что предстоит какой-то серьезный разговор. Однако юноша всего лишь смотал воздушный рукав, все это время шипевший на земле, не замечаемый ими. Но Айра все-таки подошел к юноше, не желая, чтобы тот счел его малодушным слабаком.

– Итак, – сказал Айра. – Что там с этим Ламонтом?

– Уехал, – ответил юноша.

– Насколько я понимаю, вы нам помочь не сможете. Необходимо съездить на шоссе, посмотреть на колесо мистера Отиса.

– Не-а, – сказал юноша и повесил смотанный шланг на крюк.

– Понятно, – сказал Айра.

Он возвратился к стене, а юноша пошел к станции.

– По-моему, она называется Крысиный Лаз, – говорила Мэгги мистеру Отису. – Так? Дорога, которая ведет к Картуилу.

– Ну, насчет Крысиного Лаза я ничего не знаю, – ответил мистер Отис, – а про Картуил мне рассказывали. Я только не могу вам объяснить, как туда доехать. Понимаете, в этих краях так много мест вроде него, называют себя городами, а там кроме продуктового да заправки и нет ничего.

– Точно, и Картуил таков же, – сказала Мэгги. – Одна главная улица. Без светофоров. Фиона живет в жалком проулке, где и тротуаров-то нет. Фиона – это наша невестка. Вернее, бывшая невестка. Она была женой нашего сына Джесси, но они развелись.

– Да, в наши дни такое не редкость, – сказал мистер Отис. – Ламонт вон тоже развелся, и Салли, дочурка моей племянницы Флоренс. Не знаю, зачем только они семьи заводят.

Можно подумать, его семья – в полном ажуре.

– Возьмите сушку, – сказал Айра. Мистер Отис рассеянно покачал головой, зато Мэгги сунула руку в пакетик и сгребла аж полдюжины.

– Все из-за того, что они не понимали друг друга, – сказала она мистеру Отису. И надкусила сушку. – Такая была идеальная пара. Даже внешне – он смуглый, темноволосый, она светленькая. Просто Джесси – музыкант, работал по ночам, жизнь вел, ну, не знаю, не устоявшуюся. А Фиона была такая молодая, вспыльчивая. Ох, у меня за нее прямо душа болела. Она ушла от Джесси и разбила ему сердце – забрала их маленькую дочурку и вернулась в дом своей матери. И у Фионы сердце тоже разбито, не сомневайтесь, но, думаете, она в этом признается? А теперь они в разводе, да в таком, что можно подумать – никогда и женаты не были.

Пока что все правда, думал Айра, однако Мэгги многое опускает. Вернее, не столько опускает, сколько приглаживает. Взять хотя бы их сына, «музыканта», до того занятого своим делом, что ему приходится пренебрегать «женой» и «дочерью». Айра никогда не считал Джесси музыкантом; он видел в сыне недоучку, которому следует найти

постоянную работу. И Фиона казалась ему не женой, а подростковой зазнобой Джесси – с завесой мерцающих светлых волос, не сочетававшейся с коротковатой футболкой и тесными джинсами. Что касается бедной маленькой Лерой, она была для них не более чем домашним зверьком, плюшевым мишкой, которого они выиграли на какой-то ярмарке.

Айра хорошо помнил, как выглядел Джесси, когда его арестовали, мальчишке было в то время шестнадцать лет, его задержали вместе с несколькими друзьями за пьянство в общественном месте. Как выяснилось потом, случилось оно в первый и единственный раз, однако Айра хотел убедиться в этом и, желая обойтись с сыном постороже, настоял, чтобы Мэгги осталась дома, и отправился вносить залог в одиночку. Сидел в приемной полиции, пока не появился Джесси – его, согнувшегося в три погибели, вели под руки двое полицейских. По-видимому, руки ему сковали за спиной наручниками и в какой-то момент он попытался протиснуть сквозь их кольцо ноги, чтобы руки оказались впереди, однако в разгар этой попытки его прервали. В результате он ковылял, скособоچась, как балаганный уродец, с застрявшими между ног запястьями. Айру, когда он увидел сына, обуяла сложная смесь эмоций: гнев на него и на полицейских, которые выставили напоказ унижение Джесси, неумное желание расхохотаться и мучительный наплыв жалости. Рукава куртки Джесси были подвернуты, обнажая, по тогдашней моде, предплечья (в пору юности Айры никто такого не делал), и это придавало ему вид еще более уязвимый, как и его лицо, когда наручники сняли и он смог выпрямиться, – впрочем, лицо выражало яростное непокорство, тем более что отца он еще не заметил. Ныне, думая о Джесси, Айра всегда представляет его себе таким, как в тот вечер, одновременно и разъяренным, и жалким. Интересно, какая картина возникает в сознании Мэгги. Возможно, извлеченная из более раннего прошлого. Возможно, Мэгги видит его четырех– или шестилетним – красивым, на редкость привлекательным мальчуганом с ничуть не большим, чем у среднего ребенка, набором проблем. В любом случае Мэгги наверняка видит его не таким, каким он был на самом деле.

Так же, как и дочь, подумал Айра. В Дэйзи Мэгги усматривает версию собственной матери – доведенную до совершенства, умеющую добиваться своего – и недопустимым образом трясется над ней.

Тряслась уже в то время, когда Дэйзи была маленькой девочкой, которая содержала свою комнату в жутковатом порядке, а уроки делала в разноцветных тетрадках – для каждого предмета свой цвет. Однако и Дэйзи по-своему жалка. Айра ясно видел это, хоть она и была ему ближе, чем сын. Она словно лишила себя юности – у нее даже мальчика, сколько знал Айра, никогда не водилось. В детстве Дэйзи каждый раз, как Джесси случалось набедокурить, неодобрительно поджимала губы, а между тем Айре почти хотелось, чтобы она присоединилась к его проказам. Разве не предполагается, что дети должны вести себя именно так? Разве не так они и вели себя в других семьях, тех веселых, шумных семьях, за которыми Айра завистливо наблюдал маленьким мальчиком? Теперь она собиралась в колледж – сборы тянулись уже не одну неделю – и упаковала всю свою одежду, кроме совсем уж бросовой, отчего расхаживала по дому унылая и безрадостная, как монахиня, в жалких, обтрепанных блузках и выцветших юбках. А Мэгги на нее налюбоваться не могла. «Я в ее возрасте еще и думать о том, кем хочу стать, не начинала», – говорила она. Дэйзи хотела стать квантовым физиком. «Потрясающе», – твердила Мэгги, пока Айра не спросил: «Что такое квантовая физика, Мэгги? – Он честно желал узнать это. – Ты хоть отдаленное представление о ней имеешь?» Тогда Мэгги решила, что он пытается унижить ее, и заявила: «О, признаю, я ничего не понимаю в науке! Я и не говорила никогда, что понимаю! Я всего-навсего санитарка гериатрического заведения, куда уж мне!» – и Айра ответил: «Я всего лишь хотел... Господи Иисусе! Я всего лишь...» – и Дэйзи просунула в дверь голову и сказала: «Вы не могли бы обойтись без очередного скандала? Пожалуйста. Я пытаюсь читать».

– Скандала! – воскликнула Мэгги. – Я произнесла только два простых слова и...

А Айра сказал дочери:

– Послушайте, мисс, если вас отвлекают подобные пустяки, почему бы вам не пойти в библиотеку?

Дэйзи в очередной раз поджала губы и удалилась, а Мэгги схватилась руками за голову.

«Все та же свистопляска» – вот как отозвался однажды о браке Джесси. В то утро Фиона в слезах выскочила из-за накрытого для завтрака стола и Айра спросил у Джесси, что случилось. «Ты же

знаешь, как это бывает, – ответил Джесси. – Все та же свистопляска, что и всегда». И Айра (задавший вопрос не из праздного любопытства, собиравшийся сказать что-то вроде: «Это не шутки, сынок, будь к ней повнимательнее») задумался, что означает это «ты же знаешь»? Не хотел ли Джесси сказать, что их браки имеют нечто общее? Потому что, если хотел, он сильно обманывался. Эти браки были совершенно различными. Его и Мэгги супружество было крепким, как дерево в полном соку, Айра даже сказать не взялся бы, насколько широко и глубоко пустило оно корни.

И все же слова Джесси застряли у Айры в памяти: все тот же дым коромыслом. Все те же споры, те же упреки. Те же шутки и любовные, понятные только двоим, словечки да неизменная верность, старания поддержать и утешить друг друга, на которые никто больше не способен, но и те же старые обиды, вспоминаемые год за годом, ничто ведь не забывается полностью. Как Айра не восхитился, услышав о беременности Мэгги; как Мэгги не пожелала оградить Айру от нападков ее матери; как Айра отказался навещать Мэгги в больнице; как Мэгги забыла пригласить родных Айры на рождественский обед...

И эта неизменность – ах, господи, кто упрекнет Джесси за то, что он против нее возроптал? Может быть, мальчик все его детские годы искоса посматривал на родителей и клялся себе, что он с такой жизнью мириться не станет, они же день за днем тянут одну и ту же лямку: Айра каждое утро отправляется в мастерскую, Мэгги – в дом престарелых. Не исключено, что послеполуденные часы, которые Джесси проводил, помогая отцу в мастерской, оказались для мальчика наглядным уроком; наверное, они внушали ему отвращение. Айра бесконечно сидит на высоком деревянном табурете, вырезая паспарту для картинки или отпиливая багет и насвистывая мелодии, которые передают по радио; приходят женщины, которые просят вставить в рамку вышитые ими крестиком изречения, их дилетантские морские пейзажики и свадебные фотографии (двое серьезных людей, в профиль, неотрывно глядят друг на друга). Приносят они и вырезанные из журналов картинки – щенячий выводок или утенок в корзине. Айра, подобно портному, снимающему мерку с полураздетой клиентки, остается уважительно незрячим, воздерживается от суждений о фотографии грустного, запутавшегося в пряже котенка. «Ему нужно какое-нибудь пастельное паспарту, верно?» – могла

спросить такая женщина. Они часто прибегали к личным местоимениям, как будто картинки были одушевленными.

– Да, мэм, – отвечал Айра.

– Может быть, бледно-голубенькое, под цвет его ленточки.

– Да, это мы можем.

И он глазами Джесси тут же видел в себе обобщенного персонажа под названием Лавочник – серого, раболепного человека неопределенных лет.

Сверху в мастерскую доносился скрип, пауза, скрип отцовского кресла-качалки, а временами неуверенные шаги одной из сестер, пересекавшей гостиную. Их голоса, разумеется, слышны не были, по этой причине Айра привычно воображал, что в течение дня его родные не произносят ни слова – хранят тишину, пока не появится он. Айра был стержнем их жизни и сознавал это. Они целиком зависели от него.

Детство он провел как ненужный довесок семьи – запоздалый ребенок, на половину поколения отставший от сестер. Ребенок настолько простодушный, что звал членов семьи «детками», ведь так обращались к нему все взрослые и почти взрослые, и он считал эту форму обращения общепринятой. «Детка, мне нужно шнурки на ботинках завязать», – говорил он отцу. Впрочем, обычных привилегий ребенка он не имел, центром внимания не был. Если кто-то в семье и занимал это положение, то его сестра Дорри – умственно отсталая, хрупкая, нервная, с выступающими кроличьими зубами, неуклюжая, – хотя и Дорри вид имела какой-то запущенный и целые дни просиживала где-нибудь в углу. Мать страдала прогрессирующей болезнью, которая прикончила ее, когда Айре было четырнадцать, после чего он стал нервничать и пугаться в присутствии любого больного; да как бы там ни было, никакими материнскими дарованиями она не отличалась. Мать посвятила себя не семье, а религии, радиопроповедникам и вдохновительным брошюркам, которые оставляли на ее пороге обходившие дом за домом миссионеры. Ее представления о еде ограничивались солеными крекерами и чаем – для всех. Сама она, в отличие от обычных смертных, голода никогда не испытывала и не понимала, как это кто-то может быть голоден, она просто принимала питание, когда часы напоминали ей о такой необходимости. За настоящей едой следовало обращаться к отцу, поскольку Дорри ни на какие сложные

манипуляции способна не была, а Джуни донимала своего рода фобия, все обострявшаяся с годами, вследствие которой она и за пакетом молока выходить из дома отказывалась. Добычей молока и прочего занимался отец – после того, как закрывал мастерскую. Он устало поднимался наверх, брал список продуктов, устало спускался, уходил, возвращался с несколькими консервными банками и вяло копошился с девочками на кухне. Даже когда Айра подрос, помощи от него никто не требовал. Он был своего рода незваным гостем, грубым красочным пятном на сепиевой фотографии. Прочие члены семьи сторонились его, обращались с ним отчужденно, однако по-доброму. «Ты уже сделал уроки, детка?» – спрашивали они; спрашивали и летом, и в рождественские каникулы.

Потом Айра закончил школу – он даже успел заплатить Мэрилендскому университету задаток за обучение, мечтая о медицинском факультете, – и отец внезапно отошел от дел. Как говорится, схлопнулся, так это называл для себя Айра. Объявил, что у него слабое сердце и продолжать работать он не может. Уселся в кресло-качалку да там и остался. Семейным делом пришлось заняться Айре, что было для него нелегко, поскольку до той поры он ни малейшей роли в мастерской не играл. Он вдруг стал человеком, к которому обращалась вся семья. Распоряжался деньгами, бегал по поручениям, у него просили советов, он возил родных по врачам и приносил в дом новости внешнего мира. «Детка, это платье не отстало от моды?» или «Детка, мы можем купить новый коврик?» В определенном смысле его это радовало, особенно поначалу, когда Айра думал, что все это временно, своего рода летние каникулы. Он больше не был запасным игроком, стал центральным нападающим. Он рылся в ящиках стола Дорри, отыскивая второй ее любимый красный носок; расчесывал седеющие волосы Джуни; опускал на колени отца месячную выручку, постоянно помня, что он, Айра, единственный, к кому они могут обратиться.

Однако лето перешло в осень, университет дал ему отсрочку на семестр, потом на год, а по прошествии некоторого времени и вовсе перестал задавать вопросы.

Ну, сказать по правде, существуют занятия и похуже распиливания позолоченных реек под углом в сорок пять градусов. К тому же со временем он получил Мэгги – чудесный подарок, словно

свалившийся ему в руки. У него двое нормальных, здоровых детей. Может быть, его жизнь сложилась не так, как мечталось ему в восемнадцать лет, но о ком можно сказать иное? Так уж жизнь устроена – как правило.

Впрочем, он знал, что Джесси держится иного мнения.

Джесси Моран ни на какие компромиссы идти не желает, нет, сэр. Что-либо менять в себе, довольствоваться малым – это не для Джесси. «Я отказываюсь верить, что умру в неизвестности», – заявил он однажды Айре, и тот не улыбнулся терпимо, как оно и следовало, но чувствовал себя так, будто получил пощечину.

В неизвестности.

Мэгги спросила:

– Айра, ты не обратил внимания, на станции есть автомат, который торгует напитками?

Он молча смотрел на нее.

– Айра?

Он встряхнулся, сказал:

– Вроде бы да.

– И диетическими тоже?

– Ммм...

– Пойду проверю, – сказала Мэгги. – На меня от твоих сушек жажда напала. Мистер Отис? Вы попить не хотите?

– О нет, мне и так хорошо, – ответил мистер Отис.

Мэгги легко и быстро пошла к зданию, юбка ее покачивалась. Айра и мистер Отис смотрели ей вслед.

– Хорошая, хорошая женщина, – сказал мистер Отис. Айра на миг закрыл глаза, потер занывший лоб. – Истинный ангел милосердия, – добавил мистер Отис.

Иногда, в магазинах, Мэгги, набрав то, что ей требовалось, относила все к кассе и поддельно грубоватым тоном, который использовали для шуток ее братья, спрашивала: «Полагаю, вы ожидаете, что я это оплачу?» Айра вечно пугался, что на сей раз она переборщила, однако кассирша лишь усмехалась и отвечала что-нибудь вроде: «Да, такая мысль приходила мне в голову». Очевидно, мир был все же не таким, каким представлялся Айре. Походило на то, что представления Мэгги были вернее. Она лучше других умела находить общий язык с этим миром, едва ли не коллекционировала

одинок, которые льнули к ней как мухи, заводила задушевные разговоры с людьми совершенно посторонними. Вот этот мистер Отис, к примеру: лицо восторженное, глаза как обтянутые крепом треугольники. Он между тем говорил Айре:

– Она напомнила мне леди с трубой. Я все думал, на кого она похожа? – а сообразить не мог.

– С трубой?

– Белую леди, с которой я прежде никогда не знался, – ответил мистер Отис. – Она сказала, что у нее дымоход прохудился, вызвала меня – посмотреть, что к чему. Я шел по крыше, да оступился и полетел вниз. Как после выяснилось, у меня только дыхание перебило, но, господи, поначалу я думал, что мне крышка, лежу на земле, ни вдохнуть ни охнуть, а эта леди, она твердит, что отвезет меня в больницу. Ну а по дороге туда дыхание мое наладилось, я и говорю: «Миссис, все же не надо нам туда ехать, они только сбережения мои прикарманят, а после скажут, что у меня все путем», она говорит – ладно, а потом купила мне в «Макдоналдсе» чашку кофе да картофельные оладьи, а там рядом магазин игрушек, и она спрашивает, не против ли я, как поем, зайти туда, ей надо красный автомобильчик купить племяннику, у которого завтра день рождения? Я говорю – не против, и она покупает две машинки, одну для сына моей племянницы Элберта, а рядом еще садовый магазин...

– Да, это Мэгги, все верно, – сказал Айра.

– Она не какая-нибудь там дуболомка.

– Это точно, – согласился Айра.

Чем имевшиеся у них темы для разговора, похоже, и исчерпались. Оба замолчали и стали смотреть на Мэгги, которая возвращалась, держа в вытянутой руке банку с напитком.

– Эта чертова штука всю меня облила, – весело сообщила она. – Айра? Хочешь глоточек?

– Нет, спасибо.

– Мистер Отис?

– О, ну что вы, нет, полагаю, что нет, но все равно премного благодарен.

Она устроилась между ними, откинула голову назад, сделала долгий, шумный глоток.

Айре захотелось разложить пасьянс. Это бездельничанье действовало ему на нервы. Хотя, судя по тому, как плясали воздушные шарики, карты могло сдуть, поэтому он просто сунул ладони под мышки и, сгорбившись, привалился к стене.

Такие же шарики продавали в «Харборплейсе»^[26] или где-то рядом. Одинокие, угрюмые мужчины стояли на уличных углах, а над их головами колыхались в воздухе майларовые ромбы. Он помнил, как они очаровали сестру, Джуни, когда та впервые их увидела. Бедная Джуни: в каком-то смысле с головой у нее даже хуже, чем у Дорри, – она более ограничена, более замкнута в своем мирке. Одно время они пытались растолковать ей это. Произносили бессмысленные фразы: «Ну что может произойти в самом худшем случае?» и «Я же буду с тобой». Но понемногу перестали. Сдались – пусть сидит на одном месте.

Все, кроме Мэгги. Мэгги слишком упряма, чтобы сдаваться. И после нескольких лет неудачных попыток у Мэгги появилась мысль: Джуни можно уговорить выйти из дома, если ее переодеть до неузнаваемости. Мэгги купила ей ярко-рыжий парик, облегающее платье с рисунком из маков и лакированные туфли на застёжках и с высокими каблуками. Лицо Джуни она густо покрыла косметикой. И, к общему изумлению, – это сработало. Испуганно и безрадостно хихикая, Джуни позволила Мэгги и Айре вывести ее на крыльцо дома. На следующий день – немного дальше. А там и до конца квартала. Правда, всякий раз это требовало присутствия Айры. С одной лишь Мэгги она выходить отказывалась – Мэгги не была кровной родственницей. (Собственно говоря, и отец Айры никогда Мэгги по имени не называл, только «Мадам». «Мадам тоже придет, Айра?» – титул, точно отражавший насмешливое, скептическое отношение к ней, которое отец усвоил с самого начала.)

«Ты понимаешь, что происходит? – говорила Мэгги. – Когда Джуни переодевается, из дома выходит не она, а кто-то другой. Настоящая Джуни остается дома, где ей ничто не грозит».

Очевидно, она была права. Обеими руками вцепившись в предплечье Айры, Джуни дошла до аптеки и попросила номер «Дайджеста мыльной оперы». Дошла до продуктового и потребовала куриной печени – повелительно и развязно, как будто обратилась совершенно в другую женщину – яркую, а то и шлюховатую, –

женщину, которой все равно, что о ней думают. Затем она снова расчихикалась и спросила у Айры, как у нее получается. Что же, Айра был, конечно, доволен ее успехами, однако некоторое время спустя происходящее стало ему надоедать. Ей хотелось побывать и там и сям, и всякий раз это напоминало постановку пьесы: приготовления, переодевание, грим, уверения, которыми ему приходилось осыпать Джуни. Да еще эти нелепые каблуки, которые ей шагу ступить не давали. Она словно по свежевывытому полу шла. Честное слово, было бы проще, если бы она по-прежнему сидела дома, думал Айра. Но стыдил себя за эту мысль.

Затем ей приспичило посетить «Харборплейс». Джуни смотрела по телевизору, как его открывали, и почему-то пришла к заключению, что он – одно из чудес света. Поэтому естественно, что, набравшись кое-какой уверенности в себе, она надумала увидеть его своими глазами и ни о чем другом слышать не желала. Да только Айре не хотелось везти ее туда. Он не был поклонником «Харборплейса», и это еще мягко сказано. Айра считал его небалтиморским – просто-напросто торговым центром с раздутой репутацией. И за парковку там бешеные деньги дерут. Может быть, она выберет что-то другое? Нет, не выберет, сказала Джуни. А одна только Мэгги ее отвезти не может? Нет, ей нужен Айра. Он и сам это знает, зачем же предлагать кого-то другого? Потом с ними захотел поехать отец, потом и Дорри, которая возбудилась до того, что даже уложила для такого случая свой «чемодан» (одежную коробку из «Хацлерса»). Айре пришлось стиснуть зубы и согласиться.

Поездку назначили на воскресенье – единственный свободный день Айры. К сожалению, утро выдалось мглистым, прохладным, а после полудня обещали дождь. Айра предложил отсрочить ее, но никто и слышать ничего не хотел, даже Мэгги, тоже успевшая распалиться. Что же, он отвез их в центр города, где ему чудом удалось запарковаться на улице, все вылезли из машины и дальше пошли пешком. Туман висел такой, что на расстоянии в несколько ярдов ничего уже видно не было. Дойдя до угла Пратт-стрит и Лайт-стрит, они взглянули в сторону «Харборплейса» и даже павильонов не разглядели, просто серые пятна. Зазеленевший светофор был единственным цветным пятнышком. И людей не было, кроме единственного продавца воздушных шаров на противоположной

стороне улицы, приобретающего, пока они подходили к нему, призрачные очертания.

Шары-то и приковали внимание Джуни. Они казались сделанными из жидкого металла – серебристые, собранные в плотную гроздь, со складочками, как у диванных подушек, по краям. Джуни воскликнула: «Ой!» И встала, приоткрыв рот, на бордюр. «Что это?» – вскричала она. «Воздушные шары, разумеется», – сказал Айра. А когда он попытался повести ее дальше, она все время оглядывалась, вытягивая шею, и Дорри, которая висела у него на другой руке, тоже.

Он понимал, в чем дело. Телевизор оповещал Джуни о происходящих в мире важных событиях, но не о мелочах наподобие майлара; вот эти-то мелочи и заставляли ее удивленно замирать на месте. Все вполне объяснимо. Однако в те мгновения Айра не испытывал желания угождать ей. Он вообще сюда приезжать не хотел и потому погнал всех вперед, а затем вокруг первого павильона. Джуни сжимала его руку точно клешней. Дорри, чья левая нога была частично парализована последним припадком, опиралась на другую его руку и нелепо ковыляла, «чемодан» при каждом шаге шлепал ее по бедру. А за их спинами Мэгги бормотала что-то ободряющее отцу, чье дыхание становилось все более громким и натужным.

– Но тут не такие воздушные шарики, к каким я привыкла! – сказала Джуни. – Из чего они? Как это называется?

Однако все уже достигли променада, что тянулся вдоль кромки воды, и Айра, не ответив, подчеркнуто обвел взглядом открывшийся с него вид.

– Разве тебе не это так не терпелось увидеть? – напомнил он сестре.

Впрочем, увидеть здесь можно было лишь непроглядные полотнища белой мглы, размытые очертания плывущего, словно на облаке, «ЮСС Констеллэйшн» да «Харборплейс», обратившийся в массивный, безмолвный сгусток тумана.

Поездка закончилась, разумеется, плачевно. Джуни заявила, что по телевизору все выглядело красивее, отец сказал, что сердце у него словно трепыхается в груди, а затем что-то расстроило Дорри, она расплакалась, и пришлось везти ее домой, не успев даже носа сунуть в павильон. Что ее расстроило, Айра припомнить уже не мог, зато вспомнил ощущение, которое придавило его, когда он стоял между

своими сестрами, – вспомнил так живо, что даже ослепительная, залитая солнечным светом станция «Тексако» и та потемнела. У него сперло дыхание. Окружавший их туман как будто заключил всех в крошечную камеру, душную, затянутую паром, – вроде тех домиков, которые иногда ставят в центре бассейна. Здесь приглушался каждый звук, кроме близких, тягостно знакомых голосов его родных. Туман обволакивал их, запирали в этой камере, а между тем руки сестер тянули Айру вперед, как утопающие утягивают на дно всякого, кто пытается их спасти. О боже, я провел всю жизнь в западне, расставленной этими людьми, и никогда не получу свободу. В тот раз Айра понял, что он неудачник, да еще какой, что стал им в день, когда взял в свои руки бизнес отца.

Стоит ли удивляться, что расточительность так ранит его? Он отказался от единственной серьезной мечты, какая у него была. Больше расточительности и не придумаешь.

– Ламонт! – произнесла Мэгги.

Она смотрела на желтый фонарь, который вращался над бензоколонками, – на приземистый тягач, ничего сейчас не тягавший. Он с мучительным скрипом остановился, мотор стих. Чернокожий мужчина в джинсовой куртке выпрыгнул из кабины.

– Верно, он самый, – сказал мистер Отис, привставая на дюйм над стеной.

Ламонт прошел к задней части тягача, что-то там проверил. Пнул крышку, направился к кабине. Вопреки ожиданиям Айры он был далеко не мальчик, а крепкого сложения, не так чтобы дружелюбный мужчина со сливово-черной кожей и грузной походкой.

– Эй, там! – позвал мистер Отис.

Ламонт остановился, посмотрел в его сторону.

– Дядя Даниил? – сказал он.

– Как ты, сынок?

– Ты что здесь делаешь? – спросил, приближаясь, Ламонт.

Когда он подошел к стене, Мэгги с Айрой встали, однако Ламонт на них и не взглянул.

– Ты все еще не вернулся к тете Дулут? – спросил он у мистера Отиса.

– Мне понадобится твой грузовик, Ламонт, – сказал мистер Отис.

– Зачем?

– У меня вроде как левое переднее колесо разболталось.

– Что? А где машина?

– Там, на Первом шоссе. Вот этот человек был настолько добр, что подвез меня.

Ламонт быстро скользнул взглядом по Айре.

– Просто мы проезжали мимо, – сказал ему Айра.

– Хмм, – недружелюбно промычал Ламонт и снова обратился к своему дядюшке: – Так, посмотрим, правильно ли я тебя понял. Твоя машина стоит где-то на шоссе...

– А вот эта миссис все и заметила, – сказал мистер Отис и повел рукой в сторону Мэгги, которая доверчиво улыбалась Ламонту. Вдоль ее верхней губы тянулась тонкая ниточка пены из банки; Айре жена показалась беззащитной.

– Руки я вам не предлагаю, – сказала она Ламонту. – Меня всю «пепси» обрызгала.

Ламонт некоторое время разглядывал ее, опустив уголки губ.

– Она высунулась в окно и крикнула: «Ваше колесо!» – сказал мистер Отис. – «У вас колесо отваливается!»

– На самом деле это была ложь, – сказала Мэгги. – Я все придумала.

Иисус милосердный.

– Как так? – спросил Ламонт.

– Я соврала, – жизнерадостно сообщила Мэгги. – Мы признались вашему дяде, однако... не знаю... его трудноубедить.

– Вы говорите, что обманули его? – спросил Ламонт.

– Верно.

Мистер Отис застенчиво улыбался своим ботинкам.

– Ну, на самом деле... – начал Айра.

– Это было после того, как он почти остановился прямо перед нами, – сказала Мэгги. – Мы едва не слетели с дороги, и я до того разозлилась, что, как только мы его нагнали, крикнула про колесо. Я не знала, какой он старый! И какой беспомощный!

– Беспомощный? – переспросил мистер Отис, и в улыбке его несколько поубавилось самоуверенности.

– А кроме того, потом выяснилось, что колесо ведет себя немного странно, – объяснила Ламонту Мэгги. – Ну мы и привезли вашего дядюшку сюда, на «Тексако».

Айра с облегчением отметил, что лицо Ламонта более угрожающим, чем до сей поры, не стало. Ламонт даже словно бы утратил к ним обоим всякий интерес. И повернулся к дяде.

– Ты слышал? – спросил он. – Понял? Дошло уже до того, что ты людей с дороги сбрасываешь.

– Я тебе, Ламонт, всю правду скажу, – ответил мистер Отис. – Я припомнил, как все было, и сообразил, что это колесо вот уж несколько дней как барахлило.

– Разве я не говорил тебе, что с вождением пора завязывать? Разве все мы не говорили это? Разве Флоренс не умоляла тебя сдать права? В следующий раз тебе может и не повезти так сильно. В следующий раз какой-нибудь припадочный белый возьмет и прострелит тебе башку.

Мистер Отис как будто усох и стоял, прикрыв полями шляпы лицо.

– Если бы ты сидел дома с тетей Дулут, а там тебе самое место, ничего такого не случилось бы, – продолжал Ламонт. – А ты разъезжаешь по трассе! Спишь где придется, точно хиппи какой-нибудь!

– Ну, я думал, что вожу машину осторожно и аккуратно, – сказал мистер Отис.

Айра откашлялся.

– Так насчет колеса... – начал он.

– Тебе следует вернуться домой и помириться с женой, – сказал мистеру Отису Ламонт. – Хватит тянуть, извинись перед тетей Дулут и убери свою ржавую колымагу подальше от приличных людей.

– Я не могу извиняться! Я ничегошеньки плохого не сделал, – ответил мистер Отис.

– Да какая разница, старик? Все равно извинись.

– Ты пойми, не мог я этого сделать, ей все приснилось. Дулут спала, ей привиделся сон, понимаешь...

– Ты женат на этой женщине пятьдесят с хвостиком лет, – сказал Ламонт, – и половину их вы с ней из-за чего-то грызетесь. То она с тобой не разговаривает, то ты с ней. То она от тебя уходит, то ты от нее. Черт подери, старик, в конце концов вы оба уйдете и оставите дом пустым. Многие отдали бы правую руку, чтобы получить хороший домишко вроде вашего, а что делаете вы? Оставляете его пустовать: ты

мотаешься в твоём «шеви», тетя Дулут ночует на кушетке Флоренс, причиняя неудобства ее семье.

Улыбка воспоминания скользнула по лицу мистера Отиса.

– Это правда, – сказал он. – В тот раз я думал, что это я от нее ухожу, а Дулут – что она от меня.

– Ведете себя как бестолковые дети, – сказал ему Ламонт.

– Ну, по крайности, я все еще женат, заметь! – ответил мистер Отис. – По крайности, все еще женат – в отличие от некоторых других, которых мог бы назвать!

– Ладно, так или иначе... – попытался вставить Айра.

– Хуже, чем дети, – продолжал, словно не услышав его, Ламонт. – У детей хоть времени навалом, а вы старики, ваша жизнь к концу идет. В скором времени один из вас помрет, а тот, что останется, скажет: «Почему я вел себя так паршиво? Этот человек каким был, таким и был, но он жил со мной рядом, так чего ж мы разбрасывались зазря, злобились друг на друга?» – вот как вы скажете.

– Ну, первым-то, наверное, я помру, – сказал мистер Отис, – так мне на этот счет и беспокоиться нечего.

– Я говорю серьезно, дядя.

– И я говорю серьезно. А может, то, чем ты разбрасываешься, и есть самое главное, может, в нем-то самая суть и есть, возможно такое? Ну скажи! Скажи, говорю тебе! Сказать-то придется, без этого никак. И вообще, ты посмотри, какую мы жизнь прожили. Может быть, под самый конец я буду думать: «Господи, вот это было времечко. Мы были сногшибательной, долговечной парой, душа в душу жили». Мне будет о чем поразмыслить в доме престарелых.

Ламонт закатил глаза к небу.

Айра сказал:

– Не хочу вас прерывать, но скажите, история с колесом улажена?

Двое мужчин уставились на него.

– О, – сказал, помолчав, мистер Отис. – Я так понимаю, вам с женой охота двинуться дальше.

– Только если вы уверены, что у вас все в порядке, – сказала Мэгги.

– С ним все будет хорошо, – сказал Ламонт. – Давайте, поезжайте.

– Да, обо мне можете больше не беспокоиться, – сказал мистер Отис. – Позвольте сопроводить вас до машины.

И он пошел между Айрой и Мэгги. Ламонт остался стоять, с отвращением глядя им вслед.

– И всем-то он недоволен, этот мальчик, – сказал Айре мистер Отис. – Не знаю, в кого он такой.

– Думаете, он согласится помочь вам?

– О, конечно. Просто ему охота сначала речь сказать да покуражиться.

Они подошли к «доджу», мистер Отис настоял на привилегии открыть перед Мэгги дверцу. Времени он потратил на это больше, чем ушло бы у нее, потому как ему потребовалось и место у дверцы правильно выбрать, и с силами собраться. Прodelывая это, он говорил Айре:

– И ладно бы имел он право меня критиковать. Разведенный муж! А советы раздает, что твой эксперт!

Он закрыл за Мэгги дверцу, хлопок получился вялый, бестолковый, Мэгги пришлось раскрыть ее и захлопнуть как следует.

– Человек, который пасует при первой же мелкой неудаче, – продолжал мистер Отис. – Живет один, вянет, пропадает да сохнет, как старый изюм. Сидит вечерами перед телевизором, женщину себе новую не ищет, боится, что она обойдется с ним, как жена обошлась.

– Ай-ай, – сказала Мэгги, глядя на него сквозь окно. – Такое всегда грустно видеть.

– Думаете, сам-то он видит? – спросил мистер Отис. – Не-а.

И пошел вслед за Айрой к водительскому месту, объясняя:

– Он думает, что ведет нормальную жизнь.

– Ладно, послушайте, – сказал, усаживаясь за руль, Айра. – Если тягач потребует каких-то расходов, я хочу узнать о них, понимаете? – Он захлопнул дверцу и высунулся в окошко: – Давайте я вам адрес наш запишу.

– Расходов не будет, – сказал мистер Отис, – но я признателен вам за такую мысль. – Он немного сдвинул шляпу назад, почесал голову. – Знаете, у меня собака была, – сказал он. – Самая умная из всех моих собак. Бесси. Очень любила гоняться за резиновым мячиком. Я его бросал, а она гонялась. И если мячик падал на кухонное кресло, Бесси просовывала нос между прутьями его спинки и скулила, и стонала, и плакала, но чтобы обойти кресло и схватить мячик спереди, такое ей никогда в голову не приходило.

– Ммм... – промычал Айра.

– Это напоминает мне Ламонта, – пояснил мистер Отис.

– Ламонта?

– Кое-чего он просто не видит.

– О! Да, Ламонт! – сказал Айра. Уловив аналогию, он испытал облегчение.

– Ну что же, не хочу вас задерживать, – сказал мистер Отис и протянул Айре руку. Она оказалась очень легкой и хрупкой, как птичий скелет. – Будьте осторожны на дороге, слышите? – Он поклонился Мэгги. – Будьте осторожны!

– И вы, – сказал она. – Надеюсь, с Дулут у вас все уладится.

– О, уладится, уладится. Рано или поздно.

Он хмыкнул, отступил на шаг от машины, Айра включил двигатель. Мистер Отис стоял, точно провожающий гостей призрак, глядя им вслед, пока они не выехали на дорогу.

– Ну, – сказала Мэгги, подпрыгивая на сиденье, чтобы устроиться поудобнее, когда он исчез из зеркала заднего вида, – так или иначе...

Как будто все их приключение было маленьким перебоем в длинной истории, которую она рассказывала.

Айра включил радио, однако ничего, кроме самых что ни на есть местных новостей, отыскать не смог – цены на зерно, пожар в здании «Рыцарей Колумба». И выключил. Мэгги рылась в сумочке.

– Да куда же они подевались? – сказала она.

– Ты что ищешь?

– Очки.

– На приборной доске.

– О, верно.

Она взяла очки, пристроила на кончик носа. Повертела головой, посматривая туда-сюда словно для проверки их работоспособности. И наконец спросила:

– Тебе солнце глаза не режет?

– Нет, все хорошо.

– Может, давай я поведу?

– Нет-нет...

– Я за весь день ни одного поворота не прошла, – сказала она.

– Ничего страшного. Но все равно спасибо.

– Ладно, если передумаешь, скажи, – попросила она и откинулась на спинку сиденья, любуясь пейзажем.

Айра выставил локоть в окошко и начал насвистывать.

Мэгги напряглась, посмотрела на него.

– Просто ты думаешь, что водитель из меня никудышный, – сказала она.

– Что? – спросил он.

– Сидишь и прикидываешь, каким надо быть ослом, чтобы даже подумать – не посадить ли ее за руль?

Айра поморгал. Он полагал, что эта тема закрыта.

– Господи, Мэгги, – сказал он, – почему ты все на свой счет принимаешь?

– Потому что принимаю, вот почему, – ответила она, но без горячности, как будто собственные слова были ей неинтересны, а затем вернулась к изучению пейзажа.

Выехав на Первое шоссе, Айра прибавил скорость. Машин стало больше, но шли они быстро. Фермы уступили место коммерческим участкам – горы лысых покрывал; угловатые утесы, сложенные из плит шлакобетона; поля, заставленные кабинками, которые крепят на кузовах пикапов, превращая их в домики на колесах. Айра не помнил, как они называются. Это досаждало ему, он любил знать названия всяких вещей, конкретные, точные, отвечающие их назначению.

– Еловый Лог, – сказала Мэгги.

– Не понял?

Она повернулась на сиденье, посмотрела назад. И сказала:

– Еловый Лог! Дорога, которая ведет к Фионе! Мы только что проехали поворот на нее.

– Ах да, Еловый Лог, – сказал Айра. Никаких ассоциаций.

– Айра, – сказала Мэгги.

– Ммм?

– Совсем же недалеко отсюда.

– Нет, – сказал он.

И посмотрел на нее. Ладони сжаты, лицо повернуто к нему, губы подобраны, словно она ждет от него определенных слов (как ждала правильного ответа от Джесси, когда заставляла его зубрить таблицу умножения).

– Ведь так? – спросила она.

– Нет, – ответил он.

Мэгги не поняла, набрала воздуха в грудь, чтобы заспорить. Однако Айра сказал:

– Нет. По-моему, недалеко.

– Так ты хочешь сказать, что отвезешь меня туда?

– Ну... – А следом: – Ладно, день мы и так уже, считай, потеряли, верно?

Он включил поворотник и начал искать место, где можно развернуться.

– Спасибо, Айра, – сказала Мэгги, сдвинулась по сиденью, насколько позволил ремень, и легонько чмокнула его за ухом.

– Хмф, – буркнул Айра, однако недовольство в его тоне было больше того, какое он испытывал на деле.

Развернув машину, для чего пришлось заехать на двор лесного склада, Айра поехал назад и свернул налево, на дорогу под названием «Еловый Лог». Пыльные лучи как будто пленкой затянули ветровое стекло. Мэгги сдвинула очки повыше, Айра опустил солнечный козырек.

Не затуманившееся ли ветровое стекло снова вернуло его мысли к той поездке в «Харборплейс»? Так или иначе, а по какой-то причине он вдруг вспомнил, что именно вызвало в тот день слезы Дорри.

Стоя у кромки воды, окутанная туманом Дорри надумала открыть свой «чемодан» и показать его содержимое Айре. Ничего так уж сильно отличавшего эту поклажу от других подобных она в тот раз с собой не взяла. Обычные два или три сборника комиксов, вспомнил он, что-то из ее любимого сладкого – возможно, помятый кексик с размазанной по целлофану глазурью – и, конечно, принадлежавшая когда-то их матери шляпная лента со стразами. И наконец, главное ее сокровище: музыкальный журнальчик с Элвисом Пресли на обложке. Под фотографией шла надпись: «Король рока». Дорри обожала Элвиса Пресли. Обычно Айра ей потакал и даже покупал плакаты с Элвисом, когда те ему попадались, однако на сей раз был до того угнетен, что просто не мог не выйти из себя. «Элвис», – сказала счастливая Дорри, и Айра ответил: «Ради бога, Дорри, разве ты не знаешь, что он умер?»

Улыбка сошла с ее лица, глаза наполнились слезами, и Айру пронзили угрызения совести. Все в Дорри мгновенно опечалило его: короткая стрижка, потрескавшиеся губы, тонкое лицо, такое

невзрачное и милое, хоть этого никто не замечал. Он обнял сестру за плечи, прижал к себе ее костлявое тельце и взглянул поверх головы Дорри на плававший в тумане «Констеллэйшн». Верхушки его мачт истончились, канаты и цепи растаяли в дымке, и старый корабль, окутанный клубами тумана, которые можно было по ошибке принять за пелену времени, в кои-то веки выглядел на свои настоящие года. Джуни потеснее прижалась к Айре с другого боку, Мэгги и Сэм не сводили с него глаз, ожидая, когда он скажет им, что делать дальше. В те мгновения он понял, в чем состоит настоящая расточительность. Господи, да. Не в том, что ему приходится содержать этих людей, а в его неспособности уяснить, как сильно он их любит. Он любил даже своего обшарпанного неудачника-отца, даже память о своей бедной матери, такой хорошенькой, но никогда об этом не узнавшей, потому что всякий раз, как она подходила к зеркалу, у нее от застенчивости перекашивался рот.

Затем это чувство растаяло (наверное, в следующий миг, когда Джуни заканючила, что пора возвращаться), и Айра забыл то, что узнал о себе. И несомненно забудет снова, так же как Дорри забыла ко времени приезда домой, что Элвис Пресли больше не «Король рока».

Часть третья

Глава 1

Была одна песенка, которую Мэгги любила напевать вместе с Айрой во время их общих поездок. «Снова в дороге» – так она называлась. То был не банальный мотивчик Вилли Нельсона, а блюзовая композиция из принадлежащего Джесси старого альбома «Кэнд Хит», забойная и напористая. Айра отбивал ритм: «Бум-да-да, бум-да-да, бум-да-да, бум! бум!» – а Мэгги выводила мелодию. «Намек мой пойми, мама, и больше не рыдай», – пела она. Казалось, и телефонные столбы проскакивали мимо в этом ритме. Мэгги чувствовала себя свободной от всего побродяжкой. Она откинула голову на спинку сиденья и покручивала одним коленом в такт песни.

В давние дни, когда Мэгги ездил по этой дороге одна, окрестные места казались ей неприветливыми – вражеской территорией. Среди здешних лесов и каменистых пастбищ держали в заточении ее единственную внучку, и Мэгги (задыхавшаяся под шарфами, или закутанная в неведомо чью шинель, или наполовину укрытая вскипавшим завитушками рыжим париком Джуни) вела машину так, точно пыталась проскользнуть между чем-то и чем-то. Она представлялась себе существом ползучим, изворотливым. Думала только о девочке, крепко держа перед мысленным взором ее личико, – умное, круглое, как пенни, младенческое личико, глаза, которые восторженно расширялись, когда к ней в комнату входила Мэгги, покрытые ямочками кулачки, начинавшие при появлении бабушки вертеться в воздухе. Я еду, Лерой! Не забывай меня! Однако поездки снова и снова оборачивались такими неудачами, вплоть до последней, ужасной, когда Лерой вся перекрутилась в коляске и позвала: «Мам-мам?» – отыскивая другую свою бабушку, ничего не значащую бабушку-самозванку; после этого Мэгги наконец сдалась и ограничилась в дальнейшем редкими официальными визитами в компании Айры. Да и те довольно скоро прекратились. Лерой начала выцветать в ее памяти, уменьшаться, пока не стала меньше человека, которого видишь сквозь телескоп, глядя в него не с той стороны, – все еще дорогая, но очень и очень отдалившаяся.

Мэгги вспомнила прежнее лето, когда умер ее старый кот Тыквик. Уход кота стал для нее ударом настолько сильным, что его можно было приравнять к приходу чего-то совсем нового, – отсутствие пушистого тельца, которое вилось между ее лодыжками всякий раз, как она заглядывала в холодильник, отсутствие в ее постели урчания словно бы моторной лодки всякий раз, как она просыпалась ночью. Глупо, но это напоминало ей время, когда ушли Лерой и Фиона, хотя тут, конечно, и сравнения никакого быть не могло. Однако можно вспомнить и кое-что поглупее: примерно месяц спустя, когда наступили холода, Мэгги выключила, как делала каждый год, стоявший в подвале влагопоглотитель, и даже его «уход» поразил ее в самую душу. Она оплакивала, точно близкого человека, устойчивый, добросовестный рокот, от которого потренькивали половицы. Что, о боже, со мной такое? – дивилась она. Мне что же, придется провести остаток жизни, с одинаковой силой оплакивая любую утрату – невестки, малышки, кота, машинки, которая сушит воздух?

Наверное, так и дает о себе знать приближение старости?

Поля вокруг приобрели медный оттенок, красивый, как на картинке в календаре. Для Мэгги они особого значения не имели. Возможно, ей помогало присутствие рядом Айры – союзника. А возможно, даже самая резкая боль рано или поздно стихает.

«Но больше я не хочу идти этой давней дорогой один», – машинально пела она, и Айра подпевал: «Бум-да-да, бум-да-да...»

Если Фиона выйдет замуж, у нее почти наверняка появится новая свекровь. Об этом Мэгги не подумала. Интересно, сойдутся ли близко Фиона и эта женщина? Станут ли проводить вместе каждую свободную минуту – уютно, как две подруги?

– А вдруг еще одна малышка появится! – произнесла Мэгги.

Айра прервал свои «бум-да-да», чтобы спросить:

– Что?

– Я присматривала за ней все девять месяцев! Как она обойдется без меня?

– О ком ты говоришь?

– О Фионе, конечно. О ком же еще, по-твоему?

– Ну, она как-нибудь управится, не сомневаюсь, – сказал Айра.

– Может, управится, может, нет, – ответила Мэгги. Она отвернулась от Айры, чтобы еще раз взглянуть на поля. Те показались

ей неестественно бесплотными. – Я возила ее на занятия для будущих мам. Обучала упражнениям. Была официальной помощницей при ее родах.

– Значит, теперь она все про это знает, – сказал Айра.

– Но все же необходимо повторять при каждой беременности, – объяснила ему Мэгги. – Нужно заставлять себя делать это.

И она вспомнила, как заставляла делать это Фиону, чья беременность казалась какой-то вялой, неопределенной. Если бы не Мэгги, Фиона провела бы все ее первые три месяца на кушетке перед телевизором, однако Мэгги резко хлопала в ладоши: «Начинаем!» – выключала очередной показ «Корабля любви» и раздергивала шторы, впуская в сумрачную гостиную солнечный свет, заливавший мешанину рок-журналов и бутылок «Фрески».

– Время упражнений для таза! – восклицала она, а Фиона съезживалась и прикрывала ладонью глаза от света.

– Упражнения для таза, черт возьми, – говорила она. – Абдоминальные наклоны. И названия-то какие гнусные.

Однако, вздохнув, поднималась на ноги. Даже во время беременности тело ее оставалось подростковым – худощавым и почти гуттаперчевым, напоминавшим Мэгги скудно одетых девушек, которых она встречала на пляжах и которые принадлежали, похоже, к совершенно отличным от ее биологическим видам. Разросшийся из-за младенца живот Фионы был просто отдельным бременем, своего рода торчавшей из нее упаковочной тарой.

– Уроки дыхания – надо же, – говорила Фиона, с глухим шлепком опускаясь на пол. – А им не приходило в голову, что дышать я к этому времени наверняка уже научилась?

– Ах, милочка, тебе просто повезло, что ты их получила, – говорила ей Мэгги. – Во время моей первой беременности никаких курсов не было и в помине и я просто помирала от страха. Я бы таким урокам ужас как обрадовалась. А потом! Помню, я вышла из больницы с Джесси на руках и подумала: «Постой. Они просто позволяют мне уйти? Я же ничего в малышах не смыслю! У меня и лицензии нет на такие дела. Мы с Айрой просто дилетанты, любители». Я к тому, что нам каких только уроков не дают, и все по поводу ерунды – игры на пианино, машинописи. Мы годами учимся решать уравнения, но в нормальной-то жизни нам этого делать не приходится, ни разу. А как

же насчет материнства? Да и брака тоже, если на то пошло. Прежде чем тебе позволят водить машину, ты должна пройти одобренный государством курс обучения, но ведь вождение – это ничто, ничто в сравнении с каждодневной жизнью рядом с мужем и с воспитанием нового человеческого существа.

По-видимому, рассуждения ее были не самыми утешительными, потому что Фиона произнесла: «Черт возьми!» – и уронила голову на руки.

– У тебя-то, уверена, все пройдет хорошо, – поспешила сказать Мэгги. – Опять же, и я поблизости, есть кому помочь.

– Ах, черт возьми! – повторила Фиона.

Айра свернул на узкую боковую дорогу под названием Элм-лейн – двойную цепочку невзрачных одноэтажных коттеджей с жилыми автофургонами на большинстве подъездных дорожек, а иногда с косо стоящим жестяным трейлером на заднем дворе. Мэгги спросила:

– Кто станет будить ее по ночам, приносить ребенка, чтобы она его покормила?

– Муж, надо полагать, – ответил Айра. – А может быть, на сей раз она будет держать малыша в своей спальне, как ты Дэйзи. – Тут он легко передернул плечами, словно избавляясь от чего-то, и поинтересовался: – Какого малыша-то? Фиона же не ждет ребенка, просто выходит замуж, во всяком случае, ты так сказала. Давай не отвлекаться от главного.

Ну, в прошлом-то отвлекься как раз и пришлось: когда Фиона выходила за Джесси, она была на втором месяце. Хотя Мэгги не хотелось напоминать мужу об этом. Кроме того, она уже думала о другом – ее посетило неожиданное, пронзительно телесное воспоминание о том, как она в два часа ночи приносила малышку Лерой Фионе на кормежку. Мэгги вспомнила пушистую мягкую головку, которая покачивалась на ее плече, птичий ротик, искавший под воротом ее халата изгиб шеи, уединенное, пахнувшее сном тепло спальни Джесси и Фионы. «Ох», – произнесла она, ничего произносить не собираясь, и еще раз: «Ох!» Потому что увидела двор миссис Стакки (с твердой, утрамбованной землей – и на двор-то не похоже), а на нем худощавую девочку со светлыми волосами, короткими, до линии подбородка. Она только что запустила желтый

фрисби, который, подрагивая, доплыл по воздуху до их свернувшей на подъездную дорожку машины и глухо ударил ее по капоту.

– Это же не... – начала Мэгги. – Это...

– Должно быть, Лерой, – сказал Айра.

– Не может быть!

Но разумеется, это была она, кто же еще? Мэгги пришлось всего за пару секунд совершить такой скачок во времени – от младенца на ее плече до этого нескладного ребенка, – что она испытывала некоторые затруднения. Девочка опустила руки вдоль тела и смотрела на приезжих. Хмуро, собрав лоб в складки. Она была в розовой безрукавке с красным пятном на груди – от ягодного сока или какого-то другого питья – и мешковатых шортах с ослепительным гавайским рисунком. Лицо до того худое, что уже и треугольное, кошачье лицо, а руки и ноги как узенькие белые стебли.

– Может быть, это соседская девочка, – сказала мужу Мэгги – последняя отчаянная попытка сопротивления.

Ответить он не потрудился.

Едва Айра выключил двигатель, Мэгги открыла дверцу, вышла из машины. И позвала:

– Лерой?

– Что.

– Ты Лерой?

Девочка поразмыслила немного, словно сомневаясь в этом, потом кивнула.

– Так, – сказала Мэгги, а следом воскликнула: – Ну, здравствуй!

Девочка продолжала смотреть на приехавших. Подозрительности в ее взгляде стало чуть меньше.

На самом деле, думала Мэгги (уже начав приспосабливаться к новым для нее обстоятельствам), она сейчас в самом интересном возрасте. Семь с половиной, достаточно выросшая, чтобы с ней разговаривать, но еще готовая восхититься взрослым, если тот правильно разыграет свои карты. Мэгги осторожно обогнула машину и направилась к девочке, держа сумочку обеими руками, сопротивляясь жгучему желанию раскинуть их для объятия.

– Думаю, ты меня не помнишь, – сказала она, остановившись на продуманном расстоянии от Лерой.

Та покачала головой.

– Так вот, солнышко, я твоя бабушка!

– Ты? – произнесла Лерой. Она напоминала Мэгги девушку, выглядывающую из-под вуали.

– Другая твоя бабушка. Бабушка Моран.

Какое все же безумие – представляться твоей собственной плоти и крови. А еще большее, подумала Мэгги, в том, что и Джесси придется сделать это. Он не видел своей дочки с... с какого времени? С тех пор как он и Фиона порвали, а Лерой тогда и года не исполнилось. Какую грустную жизнь вели они все – каждый сам по себе!

– Я бабушка со стороны твоего отца, – пояснила Мэгги, и Лерой ответила:

– А.

По крайней мере, ей известно, что у нее есть отец.

– А это твой дедушка, – продолжала Мэгги.

Лерой перевела взгляд на Айру. В профиль нос ее выглядел крошечным и до крайности острым. Мэгги полюбила бы ее за один только носик.

Айра уже выбрался из машины, но сразу к Лерой не подошел. Сначала он снял с капота фрисби. И направился с ним через двор, на ходу разглядывая диск, вертя его в руках, словно никогда прежде не видел. (Разве это не в его духе? Предоставить Мэгги броситься к девочке, а самому отстать, изображая сдержанность, – но вот увидите, он еще подойдет, чтобы разделить с женой блага всего, чего она сможет добиться.) Немного не дойдя до Лерой, Айра легко бросил ей фрисби, и обе ее тоненькие, как у паучка, лапки взвились, чтобы поймать диск.

– Спасибо, – сказала она.

Мэгги пожалела, что не сообразила прихватить фрисби.

– Мы тебе совсем знакомыми не кажемся? – спросила она у Лерой.

Девочка покачала головой.

– Надо же! Я присутствовала при твоём появлении на свет, знай это. Ждала в больнице, когда ты родишься. Первые восемь или девять месяцев своей жизни ты провела у нас.

– Правда?

– Ты не помнишь этого?

– Как она может это помнить, Мэгги? – спросил Айра.

– Да так и может, – ответила Мэгги, поскольку сама-то очень ясно помнила платице с кусачим воротником, в которое ее запихивали младенцем. А кроме того, можно же верить, что любовный уход за ребенком должен оставлять в нем какие-то следы, разве не так? И сказала: – Ей Фиона могла говорить об этом.

– Она говорила, что я жила в Балтиморе, – сказала Лерой.

– Ну да, с нами, – согласилась Мэгги. – Твои родители жили у нас в прежней детской твоего папы.

– А.

– Ну а потом вы с мамой уехали.

Лерой потеряла икру подъемом голый ступни. Стояла она очень прямо, по-военному, и от этого казалось, что ее удерживает на месте лишь чувство долга.

– И как мы после приезжали на твои дни рождения, ты тоже не помнишь?

– Нет.

– Она была такой маленькой, Мэгги, – сказал Айра.

– Мы приезжали в первые три дня рождения, – упорствовала Мэгги. (Иногда можно, если у тебя правильный крючок, зацепить им воспоминание и выудить его словно из ничего.) – Правда, на второй ты уехала в Херши-парк, поэтому мы не увиделись.

– Я в Херши-парке шесть раз была, – сказала Лерой. – А Минди Брант только два.

– На третий мы привезли тебе котенка.

Лерой склонила голову набок. Волосы девочки упали на сторону – золотистый, легче воздуха шелк.

– Тигрового, – сказала она.

– Верно.

– Он был весь в полосках, даже на животике.

– Ты помнишь!

– Так это вы его приносили?

– Мы, – ответила Мэгги.

Кожа Лерой казалась посыпанной цветной сахарной пудрой, какой украшают кексы, – это ее покрывали нежные веснушки. Она их, должно быть, от Стакки получила. В семье Мэгги веснушки не водились, в семье Айры с ее индейскими корнями тем более.

– А что было потом? – спросила Лерой.

– Когда потом?

– Что случилось с котенком? Вы, наверное, себе его забрали.

– О нет, голубка, мы его не забирали. Вернее, забрали, но только потому, что у тебя обнаружилась аллергия. Ты начала чихать, глазки заслезились.

– А потом-то что?

– Ну, я хотела снова приехать к тебе, – ответила Мэгги, – но твой дедушка сказал, что мы это делать не должны. Я всей душой хотела, однако твой дедушка...

– Нет, что вы сделали с котенком? – спросила Лерой.

– А, с котенком. Ну да. Мы отдали его двум сестрам твоего дедушки, твоим... двоюродным бабушкам, по-моему, их так называть полагается. О господи.

– Так он еще у них?

– Нет, его машина задавила, – сказала Мэгги.

– А.

– Он не привык к улице, а кто-то забыл закрыть дверь, и он выскользнул из дома.

Лерой остановившимися глазами смотрела перед собой. Мэгги надеялась, что рассказ о котенке не расстроил девочку. И попросила:

– Так скажи! Твоя мать дома?

– Мама? Конечно.

– Мы можем ее повидать?

– Возможно, она занята, – сказал Айра.

– Нет, не занята, – ответила Лерой, повернувшись и пошла к дому.

Мэгги не могла сказать, полагала ли девочка, что они последуют за ней. Она взглянула на Айру. Тот стоял, ссутулившись, засунув руки в карманы брюк, и Мэгги, взяв с него пример, осталась на месте.

– Ма! – крикнула Лерой, поднявшись по двум ступенькам. Голос ее стал тонким, как у комара, под стать худому лицу. – Ма? Ты здесь? – Она открыла сетчатую дверь: – Эй, ма!

В двери появилась и прислонилась к косяку, вытянув руку, чтобы не дать ей захлопнуться, Фиона. В обрезанных до шорт джинсах и футболке с какой-то надписью на груди.

– Ну что ты кричишь, – сказала она. И тут увидела Мэгги с Айрой и выпрямилась.

Мэгги, стиснув сумочку, шагнула вперед. И сказала:

– Как поживаешь, Фиона?

– Ну... хорошо, – ответила та.

И взглянула им за спины. О, в значении этого взгляда Мэгги ошибиться не могла. Глаза Фионы пробежались по двору, совсем ненадолго остановились на машине. Она хотела понять, не приехал ли и Джесси. Все еще ждала этого.

Взгляд Фионы вернулся к Мэгги.

– Надеюсь, мы не оторвали тебя от дела, – сказала та.

– О, ммм, нет...

– Мы проезжали мимо и надумали заглянуть к тебе, поздороваться.

Фиона подняла свободную руку, смахнула тылом ладони волосы со лба, показав при этом атласную белизну на запястье, – жест, выдавший растерянность, даже смятение. Волосы ее были по-прежнему довольно длинны, однако она что-то сделала с ними, теперь они словно кустились, а не спадали широкими прядями. И в весе она немного прибавила. Лицо стало чуть шире в скулах, ямочка между ключицами была не так заметна, и хоть кожа Фионы осталась просвечивающей и бледной, как прежде, она, должно быть, начала пользоваться косметикой: Мэгги заметила на ее веках полумесяцы рассыпчатых теней – розоватого оттенка, они в последнее время вошли в моду и придавали женщинам такой вид, точно они страдают сильной простудой.

Мэгги поднялась по ступенькам, встала рядом с Лерой, по-прежнему стискивая сумочку и давая этим понять, что протянутой для пожатия руки не ожидает. Ей удалось прочитать надпись на майке Фионы: ЛИПОВЫЕ ПАУКИ^[27] – что бы та ни означала.

– Я этим утром тебя по радио слышала, – сказала Мэгги.

– По радио, – произнесла все еще не пришедшая в себя Фиона.

– По балтиморскому, на длинных волнах.

– По балтиморскому, – повторила Фиона.

Лерой между тем поднырнула под руку матери, а затем повернулась лицом к Мэгги и стояла бок о бок с Фионой, глядя вверх такими же, как у той, неземными глазами цвета чистой морской воды. Ничего от Джесси в ее внешности не было. А ведь можно было надеяться, что она хотя бы цвет его волос унаследует.

– Вот я и сказала Айре: «Почему бы не заехать к ней, не навестить?» – продолжала Мэгги. – Мы же все равно ехали по этой дороге с похорон Макса Гилла. Помнишь Макса Гилла? Мужа моей подруги Серины? Он умер от рака. Да, так я и сказала: «Почему бы не заехать, не навестить Фиону? Заглянем всего на минутку».

– Так непривычно вас видеть, – сказала Фиона.

– Непривычно?

– Я насчет... Да что же вы? Входите.

– О, я ведь понимаю, ты, должно быть, занята, – сказала Мэгги.

– Не занята. Входите.

Фиона развернулась, пошла внутрь дома. Лерой за ней, Мэгги за Лерой. Айра слегка задержался. Оглянувшись, Мэгги увидела, что он стоит во дворе на колене, завязывает шнурок на полуботинке, на лоб свесилась косая прядь волос.

– Пойдем же, Айра, – позвала она.

Он молча встал, посмотрел на нее. Раздражение Мэгги сменилось чувством более мягким. Иногда в Айре проступает что-то нескладное, подумала она, сходство с застенчивым юношей, который неловко чувствует себя на людях.

Парадная дверь вела напрямиком в гостиную; солнце, пробивавшееся туда сквозь венецианские жалюзи, полосовало зеленый ворс ковра. На обтянутом выцветшей тканью с тропическим рисунком диванчике сгрудились подушки в вязанных крючком наволочках. Кофейный столик утопал под кипой грозивших съехать на пол журналов и сборников комиксов, сверху стояла зеленая керамическая пепельница в виде лодки. Мэгги помнила ее по прошлым приездам. Помнила, как смотрела на нее во время неловких пауз и гадала, может ли она плавать, если так, из нее вышла бы прекрасная игрушка для купающейся в ванне Лерой. Сейчас эта мысль, по-видимому годами хранившаяся в каком-то чулане ее мозга, вернулась к ней.

– Садитесь, – сказала, взбивая подушку, Фиона. И спросила у Айры, просунувшего в дверь голову: – Ну, как идут ваши дела?

– Да терпимо, – ответил он.

Мэгги отдала предпочтение диванчику – в надежде, что Лерой присоединится к ней. Однако Лерой плюхнулась на ковер и вытянула перед собой тростинки ног. Фиона устроилась в кресле, Айра остался на ногах. Он по кругу обошел комнату, задержавшись перед

фотографией двух щенков бассета в шляпной коробке. Провел кончиком пальца по золоченой рамке.

– Попить не хотите? – спросила Фиона.

– Нет, спасибо, – ответила Мэгги.

– Может быть, содовой? – спросила Фиона.

– Мы не чувствуем жажды, честно.

– А я бы содовой попила, – сказала Лерой.

– Я не у тебя спрашивала, – ответила ей Фиона.

Мэгги пожалела, что не купила Лерой никакого подарка. У них так мало времени, чтобы наладить отношения; Мэгги было не по себе, ей казалось, что ее отвергают.

– Лерой, – с чрезмерной живостью спросила она, – тебе нравится фрисби?

– Да не очень, – сообщила своим босым ступням Лерой.

– О.

– Я пока что учусь, – пояснила Лерой. – Никак не могу заставить его лететь, куда мне хочется.

– Да, верно, это очень непросто, – сказала Мэгги.

К сожалению, сама она фрисби в руках никогда не держала. Мэгги с надеждой посмотрела на Айру, однако он перешел к какому-то стоящему в углу коричневому металлическому бытовому прибору – закрытому вентилятору, что ли, не то нагревателю. И Мэгги снова повернулась к Лерой.

– А в темноте он светится? – с надеждой спросила она.

– Чего? – удивилась Лерой.

– Как, простите? – поправила ее Фиона.

– Как, простите?

– Твой фрисби светится в темноте? По-моему, есть такие.

– Этот не светится, – ответила Лерой.

– Ага! – воскликнула Мэгги. – Тогда нам, может быть, стоит купить тебе светящийся.

Лерой обдумала эту идею. А потом сказала:

– С чего это я буду играть с фрисби в темноте?

– Хороший вопрос, – согласилась Мэгги.

Иссякнув, она откинулась на спинку диванчика. Что бы еще такое спросить? И опять посмотрела на Айру. Он уже присел рядом с прибором на корточки и внимательно изучал ручки управления.

Ладно, нельзя же бесконечно избегать главной темы. Мэгги заставила себя улыбнуться. Склонила голову набок, подчеркивая свою готовность понять и принять все что угодно, и сказала:

– Мы так удивились, Фиона, когда услышали о твоих брачных планах.

– О чем?

– О брачных планах.

– Это шутка?

– Шутка? – переспросила Мэгги. И неуверенно спросила: – Разве ты не выходишь замуж?

– Насколько мне известно, не выхожу.

– Но я слышала об этом по радио!

– По какому еще радио? – спросила Фиона. – Не понимаю, о чем вы.

– По WNTK, – ответила Мэгги. – Ты позвонила туда и сказала...

– Я слушаю WXHR, – перебила ее Фиона.

– Нет, это было...

– Отличный «Рок круглые сутки». Бриттстаунская станция.

– Это было WNTK, – сказала Мэгги.

– И они объявили, что я выхожу замуж?

– Ты сама объявила. Позвонила и объявила, что у тебя в следующую субботу свадьба.

– Это не я, – сказала Фиона.

Произошло что-то вроде сбоя ритма.

Мэгги почувствовала прилив облегчения, но сразу страшно смутилась. И с какой стати она была настолько уверена? Господи, что на нее нашло, почему она даже не усомнилась, что услышала голос Фионы? У них и приемник-то хрипучий, никудашный – теперь Мэгги отлично понимала, какой он никудашный, – с миниатюрными автомобильными динамиками, которые с хорошим качеством звука и рядом не лежали.

Она ожидала услышать от Айры «а-что-я-тебе-говорил». Однако он все еще увлеченно изучал прибор, очень мило с его стороны.

– Наверное, я ошиблась, – наконец сказала она.

– Наверное, – согласилась Фиона.

А Лерой сказала: «Замуж!» – и изумленно присвистнула, и повертела пальцами ступней. На ногте каждого, заметила Мэгги,

сохранилось крошечное пятнышко красного лака, почти полностью облезшего.

– И как звали счастливирика? – спросила Фиона.

– Ты не сказала, – ответила Мэгги.

– То есть просто вышла в эфир и сообщила о моем венчании?

– Это было шоу «Звоните – отвечаем», – сказала Мэгги. Теперь она говорила медленно, приводила свои мысли в порядок, в новый порядок. Вдруг, здравствуйте вам, замуж Фиона не выходит. Но в таком случае еще есть надежда! Все можно поправить! И тем не менее на какой-то алогичный манер Мэгги продолжала верить, что свадьба *была* задумана, и удивлялась непоследовательности Фионы. – Люди звонили туда, чтобы обсудить с ведущим свою супружескую жизнь.

Фиона свела светлые брови, словно обдумывая возможность того, что и она могла оказаться в их числе.

Какая она хорошенькая, наша Лерой, – какая ершистая, необычная; Мэгги прямо-таки глаз оторвать не могла от нее и от Фионы. Так было в первые дни и с ее детьми – каждая складочка на их шеях, суставы каждого пальчика погружали Мэгги в мечтания. Посмотри на локоны Фионы, они сияют, как ленточки, как тесемки, которыми обвязывают подарки! Посмотри на прелестные золотые штифтики в мочках ушек Лерой!

Айра спросил, обращаясь к решетке прибора:

– От этой штуки и вправду есть прок?

Прибор возвращал его голос, снабдив жестяным отзвуком.

– Насколько мне известно, – ответила Фиона.

– Она действительно сберегает энергию?

Фиона подняла перед собой ладони:

– В этом я ничего не понимаю.

– Сколько БТЕ^[28] она дает?

– Это просто машинка, которая зимой греет маме ноги, – сказала Фиона. – Я на нее, по правде сказать, и внимания не обращаю.

Айра склонился еще дальше, чтобы прочитать переводную картинку на задней стенке прибора.

А Мэгги ухватилась за возможность сменить тему. И спросила:

– Как поживает твоя мама, Фиона?

– О, прекрасно. Она сейчас за продуктами поехала.

– Чудесно, – сказала Мэгги. Чудесно, что у нее все прекрасно, хотела сказать она. Впрочем, чудесно и то, что миссис Стакки отсутствует. – Ты тоже прекрасно выглядишь. Волосы стала начесывать, верно?

– Это такая укладка, – сказала Фиона. – Я завела для нее специальные бигуди. Сами знаете, чем пышнее волосы, тем худощавее кажешься.

– Худощавее! Тебе и худеть-то некуда.

– Еще как есть. Я за нынешнее лето семь фунтов набрала.

– Да ну. Не может быть! Ты просто... – «Просто хворостинка», собиравшись сказать она, или «палочка». Но сбилась и сказала: – Ты просто хворочка!

Фиона бросила на нее быстрый и резкий взгляд – и неудивительно, в последнем слове присутствовало нечто невнятно оскорбительное.

– Я хотела сказать, просто кожа да кости, – поправились Мэгги, одолевая желание захихикать. Она уже вспомнила, какими ненадежными были их отношения, какой раздражительной и обидчивой нередко становилась Фиона. Мэгги сложила ладони и аккуратно соединила ступни на зеленом ворсе ковра.

Значит, замуж Фиона все-таки не выходит.

– Как там Дэйзи? – спросила Фиона.

– Дэйзи делает большие успехи.

Лерой спросила:

– Дэйзи – это кто?

– Дэйзи Моран, – ответила ей Фиона. И без дальнейших пояснений вновь обратилась к Мэгги: – Подросла, наверное.

– Дэйзи – это твоя тетя. Младшая сестра твоего папы, – сказала Мэгги, повернувшись к Лерой. А затем Фионе: – Да, она завтра в колледж уезжает.

– В колледж! Что же, голова у нее всегда была хорошая.

– Ну, не знаю... хотя полную стипендию она получила.

– Крошка Дэйзи, – сказала Фиона. – Подумать только.

Айра закончил изучение прибора, подошел к кофейному столику и взял фрисби, который Лерой положила поверх стопки комиксов, еще раз осмотрел со всех сторон. Мэгги украдкой взглянула на него. Он так

и не сказал: «А что я тебе говорил», и она подумала, что различает в постановке его спины что-то благородное, сдержанное.

– Знаете, я сейчас и сама учусь, в некотором смысле, – сказала Фиона.

– Да? Чему же?

– Изучаю электропиляцию.

– О, так это же прекрасно, Фиона, – сказала Мэгги.

Ей очень хотелось избавиться от этого подхалимского тона. Казалось, голос ее принадлежит кому-то совершенно другому – пожилой, степенной, переслащенной женщине, бесконечно удивляющейся и восклицаящей.

– Учебу оплачивает салон красоты, в котором я клиенткам головы мою, – пояснила Фиона. – Ему нужен собственный оператор. Они говорят, что я наверняка буду хорошие деньги огребать.

– Ну просто отлично! – сказала Мэгги. – Может быть, тогда ты сможешь съехать отсюда, найти себе отдельную квартиру.

А самозваную бабушку здесь оставить, вот о чем она подумала. Однако Фиона ответила ей лишь непонимающим взглядом.

Лерой сказала:

– Покажи им учебный набор, ма.

– Да, покажи, – попросила Мэгги.

– Ой, там и смотреть-то не на что, – сказала Фиона.

– Очень даже есть на что. Правда, Айра?

Айра откликнулся:

– Ммм? А, да, безусловно.

Держа перед собой фрисби – ровно, как чайный поднос, – Айра задумчиво поворачивал его.

– Ладно, тогда подождите секунду, – сказала Фиона и, встав, покинула комнату. Ее сандалии грациозно зашлепали по деревянному полу коридора.

– Они собираются особую табличку с именем ма выставить в витрине салона, – сообщила Лерой. – Ее настоящий художник нарисует.

– Надо же!

– Ма говорит, это самая настоящая наука. Научить других только правильные мастера и могут.

Лицо Лерой стало высокомерным, торжествующим. Мэгги боролась с искушением протянуть руку и сжать хрупкие косточки ее коленки.

Фиона вернулась, принеся желтую прямоугольную кухонную губку и металлический стержень длиной с шариковую ручку.

– Мы сначала упражняемся с моделью инструмента, – сказала она и плюхнулась на диванчик рядом с Мэгги. – Нужно научиться точно выбирать угол, чтобы он совершенно правильный был.

Она опустила губку себе на колено, сжала стержень пальцами. Мэгги увидела на его кончике иглу. По непонятной причине эпиляция всегда казалась ей, ну, не вполне приличной для обсуждения темой, однако Фиона вела себя так прозаично и мастеровито – выбрала на губке пору и ввела в нее иглу под точно выверенным углом, – что Мэгги волей-неволей почувствовала уважение к ней. Это дело, которое требует специальных познаний, поняла она, – может быть, что-то вроде зубной гигиены. Фиона сказала: «Мы вводим ее в волосяную луковицу, видите, легко-легко... – А затем: – Ах ты! – и приподняла ладонь. – Будь это живой человек, я бы сейчас его насквозь проткнула. Прошу прощения, леди, – сказала она губке. – Я не хотела вас придавить». Губку пересекала крапчатая черная надпись: **ТЕМНОЕ ПИВО СТАБЛЕРА. ИЗГОТОВЛЕНО НА ВОДЕ ГОРНЫХ РОДНИКОВ.**

Айра уже стоял рядом, фрисби покачивался в двух его пальцах. Он спросил:

– Губку на курсах выдали?

– Да, входит в плату за обучение, – ответила Фиона.

– Сами-то ее небось бесплатно получили, – задумчиво сказал Айра. – Любезно предоставлена Стаблером. Интересно.

– Вы про Стаблера? В общем, сначала мы упражняемся на губках, а после на людях, друг на друге. Выщипываем брови, усы и так далее. Моя напарница, Хилари, хочет, чтобы я ей лобок выщипала.

Айра с мгновение поразмыслил над этим сообщением и поспешил отойти.

– Вы ведь знаете нынешние купальники, они почти ничего не скрывают, – сказала Фиона Мэгги.

– Ой, это становится невыносимым! – воскликнула Мэгги. – Пока мода не переменится, я уж буду моим старым обходиться.

Айра, откашлявшись, спросил:

– Ты не желаешь поиграть во фрисби, Лерой? Я показал бы, как пускать его, куда тебе хочется, – прибавил он.

Решение девочка принимала так долго, что Мэгги стало больно за Айру, но в конце концов сказала:

– Ну ладно. – Поднялась с пола, посмотрела на Фиону: – Расскажи про табличку настоящего художника.

Лерой вышла из комнаты следом за Айрой. Сетчатая дверь запела, как аккордеон, потом захлопнулась.

Ну, так.

С того ужасного утра Мэгги впервые осталась с Фионой наедине. В кои-то веки они были свободны от стеснявшего обеих воздействия Айры и от присутствия враждебной, подозрительной миссис Стакки. Мэгги наклонилась вперед, крепко сжала ладони, повернула колени в сторону Фионы.

– На табличке будет написано: ФИОНА МОРАН, – говорила та. – ДИПЛОМИРОВАННЫЙ ЭПИЛЯТОР. БЕЗБОЛЕЗНЕННОЕ УДАЛЕНИЕ ЛИШНИХ ВОЛОС.

– Как же мне хочется увидеть ее, – сказала Мэгги.

Тут ей пришло в голову: Моран. Если бы Фиона и вправду ненавидела Джесси, разве она носила бы его фамилию столько лет?

– Ты говорила по радио, – сказала она, – что выходишь замуж ради уверенности в завтрашнем дне.

– Мэгги, клянусь, я слушаю станцию...

– WXHR, – согласилась Мэгги. – Да, я знаю. Просто у меня застряло в голове, что это была ты, вот я и...

Она смотрела, как Фиона устраивает губку с иглой в лодке-пепельнице.

– Так или иначе, – продолжала она, – кто бы туда ни звонил, она сказала, что в первый раз вышла замуж по любви и ничего из этого не получилось. А потому в этот раз выходит только ради уверенности в завтрашнем дне.

– Ну и дура, – сказала Фиона. – Если семейная жизнь была для нее обузой, когда она любила мужа, что же у нее с нелюбимым получится?

– Точно, – сказала Мэгги. – Ах, Фиона, я так рада, что это была не ты.

– Черт, у меня даже мужика постоянного нет, – сказала Фиона.

– Нет?

Впрочем, эта формулировка слегка встревожила Мэгги. И она спросила:

– Это значит, что есть... не постоянный?

– Я и на свидания почти не хожу, – сказала Фиона.

– Да! Это обидно, – признала Мэгги и постаралась соорудить на лице сочувственное выражение.

– Не постоянный? Марк Дерби. Я ходила с ним около трех месяцев, а потом мы поругались. Я взяла у него машину и помяла ее, вот в чем причина. Но я и виновата ни в чем не была. Начала поворачивать налево, а тут эти мальчишки стали обходить меня слева, конечно, я в них врезалась. А им хватило наглости заявить, что виновата во всем я, что я включила правый поворотник вместо левого.

– Ну, с тем, кто злится из-за такой ерунды, мало кому встречаться захочется, – сказала Мэгги.

– Я говорю: «Я левый сигнал включила. Тебе не кажется, что левое от правого я отличать умею?»

– Конечно, умеешь, – заверила ее Мэгги. Для проверки она подняла левую руку и щелкнула воображаемым тумблером поворотника. – Да, левый – вниз, а правый... хотя, может быть, это так не во всех моделях машин.

– Во всех одно и то же, – ответила Фиона. – По крайней мере, я так думаю.

– Тогда, может быть, дворники? – предположила Мэгги. – Я сколько раз так делала – включала вместо поворотников дворники.

Фиона поразмыслила. Потом сказала:

– Нет, сигнал-то зажегся. Иначе они не сказали бы, что я правый включила.

– Я однажды задумалась, потянулась к тумблеру поворотников, а вместо этого передачу переключила, – сказала Мэгги. И засмеялась. – На шестидесяти милях в час переключилась на задний ход. О господи. – От этого воспоминания уголки ее рта поползли вниз. – Ладно. Я вот что скажу: без такого мужчины тебе только спокойнее будет.

– Без какого? А, без Марка. Да, не похоже, чтобы мы были влюблены или еще чего. Я только потому и ходила с ним, что он меня

приглашал. Плюс наши мамы дружат. Мать у него милейшая. Лицо такое славное, и заикается немного. Я всегда считала, что заикание говорит об искренности, а вы?

Мэгги ответила:

– А как же, к-к-конечно.

Фионе потребовалась секунда, чтобы врубиться. Затем она рассмеялась.

– Ох, вы такая прикольная, – сказала она и пристукнула Мэгги по запястью. – Я уж и забыла, какая вы.

– Так, значит, все закончилось? – спросила Мэгги.

– Что?

– Эта... история с Марком Дерби. Я о том, что... вдруг он тебя снова пригласит.

– Ну уж нет, – ответила Фиона. – Он и его драгоценный «субару», никуда я с ним больше не пойду.

– Очень разумно, – сказала Мэгги.

– Черт! Тут надо совсем идиоткой быть.

– Это он был идиотом, что не оценил тебя, – заметила Мэгги.

Фиона сказала:

– Эй. Как насчет пива?

– О, пива с большим удовольствием!

Фиона спрыгнула на пол, подтянула шорты и вышла из комнаты. Мэгги сползла на диванчике чуть ниже и вслушалась в долетавшие из окна звуки – шум проезжавших мимо машин, горловой смешок Лерой. Если бы это был мой дом, думала Мэгги, я избавилась бы от всего здешнего сора. Поверхности кофейного столика видно не было, подушки неприятно давили на поясницу.

– У нас только «Буд Лайт» есть – годится? – спросила вернувшаяся Фиона. Она принесла две банки и пакет картофельных чипсов.

– Идеально. Я на диете, – сказала Мэгги.

Она приняла банку, с треском оторвала язычок, Фиона тем временем снова опустилась на диванчик.

– Надо бы и мне на диету сесть, – сказала она, надрывая целлофановый пакет. – Главный мой грех – вечные перекусы.

– О, и мой тоже, – сказала Мэгги и отпила пива.

Шипучее и горьковатое, оно породило целый поток воспоминаний, как это умеет делать запах некоторых духов. Давно ли она в последний раз пила пиво? Может быть, когда Лерой была младенцем. В те времена (припомнила Мэгги, отмахнувшись от картофельных чипсов) она иногда выпивала, составляя Фионе компанию, по две-три банки в день, потому что, как обе слышали, пиво помогает в производстве материнского молока. Возможно, нынче эта идея вызывает неодобрительную усмешку, но в ту пору они, попивая «Миллер», пока малышка сонно сосала грудь, ощущали себя добродетельно исполняющими свой долг. Фиона говорила, что просто чувствует, как пиво со свистом летит напрямик в ее груди. Пить обе начинали, когда Мэгги возвращалась с работы – в предвечерние часы или немного позже. Пиво согревало их, и они поверяли друг другу свои секреты. Ко времени, когда Мэгги приступала к готовке ужина, она чувствовала себя – о нет, не пьяной, но полной оптимизма, а после, за столом, могла впадать в большую, чем обычно, разговорчивость. Впрочем, никто ничего не замечал. Кроме, может быть, Дэйзи. «Ну правда, мам. В самом деле». Но ведь она всегда так говорила.

Как и мать Мэгги, если правду сказать. «Ну в самом деле, Мэгги». Она как-то вечером заехала к ним и застала Мэгги развалившейся на кушетке и с банкой пива на животе, а Фиона сидела рядом и пела малышке «Пыль на ветру»^[29]. «Почему ты позволяешь себе так опускаться?» – спросила, озираясь, миссис Дейли, и Мэгги, тоже оглядевшись, удивилась не меньше. Повсюду валяются измятые дешевые журнальчики, скомканные мокрые подгузники, рядом сидит невестка-приживалка – картина и вправду трущобная. И как она до такого дошла?

– Интересно, поженились все-таки Клодин и Питер? – сказала Мэгги и еще отпила пива.

– Клодин? Питер? – не поняла Фиона.

– Из сериала, который мы смотрели. Помнишь? Его сестра, Наташа, все норовила их поссорить.

– О господи, Наташа. Подлая была дамочка, – сказала Фиона. И покопалась в пакете чипсов.

– Когда ты ушла от нас, они как раз обручились, – сказала Мэгги. – Собирались устроить большой праздник, но тут Наташа раскопала то самое – помнишь?

– Она была похожа на девчонку, которую я ненавидела в начальной школе, – сказала Фиона.

– Тут-то ты нас и покинула, – сказала Мэгги.

Фиона вздохнула и ответила:

– На самом деле, раз уж вы об этом вспомнили, рассорить их ей, похоже, не удалось, потому что года через два у них был ребенок, которого похитила чокнутая стюардесса.

– Я сначала не верила, что ты и вправду ушла навсегда, – призналась Мэгги. – Несколько месяцев, приходя домой, включала телевизор, чтобы узнать, что случилось с Клодин и Питером, а когда ты вернешься, рассказать тебе об этом.

– Какая разница, – сказал Фиона и опустила банку на кофейный столик.

– Глупо, правда? Куда бы ты ни ушла, там, конечно, был телевизор. Ты же не могла покинуть цивилизованный мир. Не знаю, возможно, мне просто хотелось самой быть в курсе, чтобы после твоего возвращения мы смогли жить как раньше. Я не сомневалась, что ты возвратишься.

– Ладно. Что прошло, то прошло, – сказала Фиона.

– Нет, ничего не прошло! Люди вечно повторяют эти слова, но ведь прошлое никогда не проходит, не проходит насовсем, – ответила ей Мэгги. – Мы сейчас говорим о вашем браке, Фиона. Вы оба так много вложили в него, все, что имели. А потом вдруг поругались на пустом месте, и поругались-то не сильнее, чем в прошлые разы, но ты ушла. Вот и все! Пожала плечами и ушла. Как это могло случиться?

– Случилось и случилось, ладно? – сказала Фиона. – Черт подери! Разве обязательно мусолить все это?

Она потянулась к пивной банке, отпила из нее, закинув назад голову. Фиона, заметила Мэгги, носила теперь по кольцу на каждом пальце – одни из простого серебра, другие с бирюзовыми камушками. Что-то новенькое. А вот ногти у нее по-прежнему отливали жемчужной розовизной, личным цветом Фионы, – где бы Мэгги такой ни увидела, сразу вспоминала о ней.

Мэгги задумчиво вертела в руках банку, украдкой поглядывая на Фиону.

– Хотела бы я знать, куда подевалась Лерой, – сказала Фиона.

Еще одна попытка уклониться от разговора. Очевидно же, где она – прямо за окном.

«Подкрути его немного», – сказал Айра, и Лерой ответила: «Осторожнее, этот и убить может!»

– Ты сказала по радио, что в первый раз вышла замуж по настоящей, истинной любви, – сказала Мэгги.

– Послушайте. Ну сколько раз...

– Да, да, – торопливо согласилась Мэгги, – я понимаю, это была не ты. И все же что-то из сказанного той девушкой... походило на то, что она говорит не только о себе. А как будто о том, что происходит с каждым. «В следующую субботу выйду ради уверенности в завтрашнем дне», – сказала она, и мне вдруг показалось, что весь мир вроде как умирает, или чахнет, или еще что, становится маленьким, тесным, сдавленным. Я почувствовала такую... не знаю... такую безнадежность. Может, мне и не стоит это говорить, Фиона, но прошлой весной Джесси привел на ужин молодую женщину, с которой недавно познакомился, – нет, там ничего серьезного не было! ничего! – и я подумала: ладно, все это хорошо и прекрасно, но она же не настоящая. Он выбрал ее за неимением лучшего, подумала я. Это всего-навсего временная замена. Ах, ну почему каждый соглашается довольствоваться малым? – вот что я подумала. И то же самое я почувствовала, когда ты рассказывала об этом, как его, о Марке Дерби. Зачем встречаться с кем-то лишь потому, что он тебя попросил, когда ты и Джесси так сильно любите друг друга?

– Он подписал все, что получил от адвоката, и отправил обратно, пальцем не шевельнул, чтобы побороться, – по-вашему, это любовь? – спросила Фиона. – А после на два, три, а то и четыре месяца запоздал с чеком, а в конце концов прислал его по почте и даже моего имени на конверте не написал, просто «Ф. Моран».

– Это он из гордости, Фиона. Вы оба слишком...

– А то, что он собственной дочери с пятого дня ее рождения не видел? Попробуйте объяснить это ребенку. «Ох, Лерой, милочка, просто он слишком гордый...»

– С пятого? – переспросила Мэгги.

– Она все время удивляется, почему у других детей есть отцы. Даже у тех, чьи родители развелись, – они, по крайней мере, по выходным отцов видят.

– Он приезжал на ее пятый день рождения? – спросила Мэгги.

– Ну вот! Он не потрудился сказать вам об этом.

– Погоди. Он просто появился? Или как?

– Появился без предупреждения в машине, до отказа забитой самыми неподходящими подарками, какие вы когда-нибудь видели, – сказала Фиона. – Всякие звери, куклы, плюшевый медведь, которого пришлось пристегнуть, как человека, ремнем к пассажирскому сиденью, потому что в заднюю дверцу он не пролезал. Слишком большой, чтобы ребенок смог его обнять, да Лерой этого и не захотела бы. Она обниматься не любит. Лерой девочка скорее спортивная. Вот и привез бы ей что-нибудь для спорта, например...

– Но, Фиона, откуда ж ему было знать? – спросила Мэгги. В груди ее разрасталась боль, ей было жалко сына с его кучей непригодных подарков, на которые он, должно быть, потратился до последнего пенни, потому что, видит бог, человек он вовсе не обеспеченный. И она сказала: – Все-таки он не пожалел сил. Просто не знал.

– Конечно, не знал! Ни малейшего понятия не имел. Когда он приезжал в последний раз, Лерой была малышкой. Ну и вот, он приехал со своей целлулоидной куклой, которая кричала «Мама», а увидев Лерой в ее парусиновых брючках, просто на месте замер – и сразу видно было, удовольствия не испытал. И говорит: «Кто это?» Говорит: «Но она такая...» Мне пришлось сбегать за ней к соседям, пригладить ей волосы, пока мы шли по улице. Я ей сказала: «Заправь рубашку, лапушка. Возьми-ка мою заколку». И пока я закалывала ей волосы, Лерой стояла смирно, большая редкость для нее, поверьте. А заколов, я сказала: «Отступи на шаг, дай я на тебя посмотрю», и она отступила, облизала губы и спросила: «Все в порядке? Или нет?» Я сказала: «Ох, лапушка, ты прекрасна», и после этого она входит в дом, а Джесси говорит: «Но она такая...»

– Он удивился, что она так выросла, вот и все, – сказала Мэгги.

– Я чуть не расплакалась, до того мне ее жалко стало, – сказала Фиона.

– Да, – мягко ответила Мэгги. Ей это чувство было знакомо.

– «Какая „такая“, Джесси? – спрашиваю я. – Какая? Как ты смеешь вваливаться сюда и говорить мне, что она такая или этакая, если мы от тебя с декабря ни одного чека не получили? Вместо этого ты тратишь деньги на такую дребедень, на мусор, – говорю я ему, – на

пухлую куклу, когда единственная кукла, которая ей интересна, это „Солдат Джо“».

– Ах, Фиона, – сказала Мэгги.

– Ну а чего он ждал?

– Ах, ну почему между вами всегда происходит что-нибудь подобное? Он любит тебя, Фиона. Любит вас обеих. Он просто не умеет выразить это, таких неумех больше нет на свете. Если бы ты знала, чего ему стоило решиться на ту поездку! Сказать тебе не могу, сколько раз я его просила, говорила: «Ты рассчитываешь, что Лерой просто уплывет из твоей жизни? Потому что так она и сделает, Джесси, предупреждаю тебя», а он говорил: «Нет, но я не... не могу придумать, как... не могу я быть одним из этих искусственных отцов, – говорил он, – ходить с ней в зоопарк, изображать там восторг, а после вести пустые разговоры в „Макдоналдсе“». А я говорила: «Все-таки лучше, чем ничего, верно?» – а он: «Нет, не лучше. Ничем не лучше. И вообще, что ты в этом понимаешь?» Так все и идет, ты сама видела, как он бесится, но если ты посмотришь ему в глаза, то увидишь под ними темные круги, которые появлялись, когда он маленьким старался не расплакаться.

Фиона поникла. И начала водить пальцем по ободку пивной банки.

– В первый день рождения Лерой, – продолжала Мэгги, – он совсем уж собрался поехать с нами, точно тебе говорю. Я сказала: «Джесси, я правда думаю, что если ты приедешь, то для Фионы это будет очень большим событием», и он сказал: «Ладно, тогда я, может, и поеду. Да, – сказал он, – пожалуй, смогу», а потом раз пятьдесят спрашивал у меня, какой подарок обрадует годовалую девочку. Мы с ним всю субботу ходили по магазинам, купили коробку с набором для составления разных форм, но в понедельник он пошел и обменял ее на ягненка из шерсти, сказал, что не хочет показаться хлопочущим об интеллектуальном развитии Лерой или как его там. «Не хочу походить на бабушку Дейли, которая вечно лезла ко мне с развивающими игрушками», – сказал он, а потом, в четверг, – тот день рождения пришелся на пятницу, помнишь? – спросил у меня, в каких словах ты нас пригласила, только точно. «Тебе не показалось, – спросил он, – может, она рассчитывает, что я останусь на весь уик-энд? Я бы тогда занял у Дэйва фургончик и поехал отдельно от тебя и папы». И я

сказала: «Что же, ты мог бы сделать так, Джесси. Да, это хорошая мысль, сделай». А он сказал: «Но какие были ее слова, вот о чем я тебя спрашиваю», и я сказала: «Ой, слова я забыла», а он: «Вспомни». Я сказала: «Ну, на самом деле...» Сказала: «Мм, на самом деле она об этом не говорила, Джесси, не говорила прямо», а он: «Постой. Помоему, ты сказала, что если я приеду, это будет для нее большим событием». А я: «Нет, это я так сказала, но я знаю – это правда. Знаю, что это будет для нее большим событием». И он сказал: «Что тут происходит? Ты же говорила, я помню, что это были слова Фионы». Я ответила: «Ничего я такого не говорила! По крайней мере, не думаю, что говорила. Разве что по случайности...» А он: «То есть она меня не звала?» Я говорю: «Ну, я точно знаю, что позвала бы, если бы вы оба не пеклись так невиданно о своем достоинстве. Я точно знаю, она хотела, Джесси...» Однако он уже ушел. Хлопнул дверью и исчез и в четверг дома не ночевал, поэтому в пятницу нам пришлось уехать без него. Я так расстроилась.

– *Вы* расстроились! – сказала Фиона. – Вы обещали привезти его. Я ждала, расфуфырилась, меня накрасили в нашем салоне, причесали. А потом приехала ваша машина, а его в ней нет.

– Да, я рассказала ему, когда мы вернулись домой. Сказала: «Мы старались как могли, Джесси, однако Фиона не для нас принарядилась, это уж будь уверен. Для тебя, и видел бы ты, какое у нее стало лицо, когда тебя не оказалось в машине».

Фиона хлопнула ладонью по диванной подушке и воскликнула:

– Мне следовало знать, что вы так и сделаете!

– Как?

– Внушите Джесси, что я выглядела жалкой.

– Я ничего ему не внушала! Просто сказала...

– Поэтому он мне и позвонил. Я сразу причину поняла. Говорит: «Фиона? Милая?» Я услышала в его голосе жалость. И поняла, *что* вы ему нарасказали. И говорю: «Чего тебе надо? Ты по какой-то причине звонишь?» А он: «Нет, ээ, без причины...» А я: «Ну тогда не трать зря деньги, ладно?» – и повесила трубку.

– Ради бога, Фиона, – сказала Мэгги. – А тебе не приходило в голову, что он мог позвонить, потому что ему тебя не хватало?

– Ха! – ответила Фиона и снова отхлебнула пива.

– Жалко, что ты не могла видеть его таким, каким видела я. После твоего ухода, понимаешь? Он был раздавлен! Обратился в развалину. Его главным сокровищем стала твоя черепаховая мыльница.

– Что?

– Ты помнишь свою мыльницу, ту, с черепаховой крышкой?

– Ну помню.

– Он иногда открывал ее и нюхал, – сказала Мэгги. – Я видела! Слово даю! В тот день, когда ты ушла, вечером, я застала Джесси в ванной – он закрыл глаза и уткнулся носом в мыльницу.

– Господи, с чего это он? – спросила Фиона.

– Думаю, он унаследовал мое отношение к запахам, – ответила Мэгги.

– Это же просто пластмассовая коробочка, в которой я мыло для лица держала.

– Он, как увидел меня, спрятал ее за спину, – сказала Мэгги. – Смутился, что я его застукала. Всегда любил делать вид, что ему все нипочем, ты же знаешь, как он себя вел. Но через несколько дней, когда твоя сестра пришла за вещами, я эту мыльницу где только ни искала, нигде не нашла. Она укладывала твою косметику, потому я о мыльнице и вспомнила. «Давайте посмотрим, она где-то тут», – говорю ей, но мыльница как сквозь землю провалилась. А у Джесси я спросить не могла, он ушел, как только появилась твоя сестра, ну я и стала открывать ящики его стола, там ее и нашла, в ящике, где он держит свои сокровища, вещи, которые никогда не выкинет, – старые бейсбольные открытки, газетные вырезки насчет его группы. Но твоей сестре я ее не отдала. Просто закрыла ящик. И я уверена, Фиона, он эту мыльницу и до сих пор хранит, и не говори мне, что это из жалости. Ему нужна память о тебе. А память для него, как и для меня, в запахах. Запах позволяет ему вспомнить человека яснее всего.

Фиона смотрела на свою пивную банку. Тени для век придавали ей, заметила Мэгги, странную привлекательность. Такие... персиковые. Они делали веки нежно-розоватыми, бархатистыми, как персик.

– А выглядит он так же? – спросил Фиона.

– Так же?

– Ну, как раньше?

– Да, а что?

Фиона коротко вздохнула.

Недолгая пауза, во время которой Лерой сказала: «Черт! Промазала!» Проехала машина, тянувшая за собой шлейф музыки кантри. «Видал я и дурные времена, живал я и в печальные...»

– Знаете, – сказала Фиона, – иногда я просыпаюсь ночью и думаю: как все могло настолько запутаться? Начиналось-то все очень просто. Он был пареньком, по которому я сходила с ума, ездила везде за его группой, открыто и прямо. Сначала он не обращал на меня внимания, и я послала ему телеграмму, он когда-нибудь рассказывал об этом? «Фиона Стакки хочет поехать с тобой в Дип-Крик-Лейк», – вот что в ней говорилось, я знала, что он собирается съездить туда с друзьями. Он взял меня с собой, там все и началось. Разве не просто? А потом, не знаю, все перекрутилось, запуталось, и я даже не понимаю, как это произошло. И бывает, думаю: черт подери, может, мне взять и послать еще одну телеграмму? «Джесси, – написала бы я, – я все еще люблю тебя, да, и, похоже, это навсегда». Мне даже ответ не нужен, просто хочется, чтобы он знал. Или я могла бы поехать в Балтимор к сестре, а там мне пришло бы в голову: почему не забежать к нему, не повидаться? Взять да и огорошить его? И посмотреть, что будет?

– Ох, ты должна это сделать, – сказала Мэгги.

– Ну да, а он спросит: «Ты зачем приперлась?» Или что-нибудь похожее. Нет, решено и постановлено, наша история добром кончиться не может. Весь цикл начнется сначала, только и всего.

– Ах, Фиона, разве не пора кому-то из вас взять да и разрушить этот цикл? – спросила Мэгги. – Допустим, он так скажет, хоть я и сомневаюсь. Разве ты не можешь в виде исключения настоять на своем, сказать: «Я здесь, Джесси, потому что хотела тебя увидеть»? Преодолеть все твои колебания, обиды, недоразумения и сказать: «Я здесь, потому что соскучилась по тебе. Вот так!»

– Да, может, мне и стоит это сделать, – медленно произнесла Фиона.

– Конечно, стоит.

– Может быть, стоит поехать с вами.

– С нами?

– А может, и не стоит.

– Ты говоришь о... сегодня?

– Нет, наверное, нет, и куда это меня занесло? О господи! Знаю же, что не следует мне пить днем, у меня от этого всегда в голове мутится...

– Но это же чудесная мысль! – воскликнула Мэгги.

– Что же, если со мной поедет Лерой, к примеру, и если это будет всего лишь короткий визит. Я хочу сказать, к вам двоим, не к Джесси. В конце концов, вы же ее дедушка с бабушкой, верно? Самое естественное дело. Потом переночуем у моей сестры...

– Ну нет, не у сестры. Зачем? В нашем доме места хватит.

Снаружи захрустел гравий: подъехала машина. Мэгги напряглась, однако Фиона, похоже, ничего не услышала.

– А завтра после ленча сядем в автобус, в «Гринхаус», – продолжала она, – или, постойте, ближе к вечеру, самое позднее. Послезавтра рабочий день, и Лерой, разумеется, в школу нужно...

Лязгнула дверца машины. Высокий, жалобный голос позвал:

– Лерой?

Фиона выпрямилась.

– Мама, – сказала она и смутилась.

Голос спросил:

– С кем это ты, Лерой? – А затем: – О, мистер Моран.

Ответа Айры Мэгги не расслышала. Сквозь венецианские жалюзи до нее донеслось лишь короткое бормотание.

– Ну и ну, – сказала миссис Стакки. – Это же...

И еще что-то.

– Мама приехала, – сказала Фиона.

– О, как приятно, наконец-то мы снова вместе, – безрадостно ответила Мэгги.

– Ее удар хватит.

– Удар?

– Если я поеду к вам в гости, она меня убьет.

Неопределенность этой словесной конструкции не понравилась Мэгги.

Сетчатая дверь открылась, вошла, грузно ступая, миссис Стакки – седая женщина с грубыми волосами и в кокетливом сарафане. Она тащила два пластиковых пакета с покупками, с ее бесцветных потрескавшихся губ свисала сигарета. О, Мэгги никогда не понимала, каким образом такая женщина могла произвести на свет Фиону –

тоненькую Фиону. Миссис Стакки установила пакеты в центре ворсистого ковра. Но и после этого на гостью не посмотрела.

– Чего я терпеть не могу, – сказала она, перекаывая в губах сигарету, – так это новомодные пластиковые пакеты. У них такие ручки, что пальцы просто пополам режут.

– Как поживаете, миссис Стакки? – спросила Мэгги.

– Они еще и падают в багажнике, и все из них вываливается, – продолжала миссис Стакки. – Да вроде бы хорошо.

– Мы заскочили на минутку, – сказала Мэгги. – Нам пришлось побывать на похоронах в Дир-Лике.

– Ммм. – Миссис Стакки затянулась сигаретой. Из рта она ее вынула и держала, как иностранка, большим и указательным пальцами. Одежды еще более ей не подходящей она выбрать не могла – если не сделала это нарочно. Сарафан целиком открывал ее руки – тестообразные, усыпанные сверху пятнами.

Мэгги ждала, когда Фиона упомянет о поездке в Балтимор, но та лишь вертела самое большое свое кольцо с бирюзой. Сдвигала его до костяшки пальца, покручивала и задвигала назад. Значит, говорить придется Мэгги. И она сказала:

– Я тут пыталась уговорить Фиону съездить к нам в гости.

– Ну это уж дудки, – сказала миссис Стакки.

Мэгги посмотрела на Фиону. Та продолжала играть с кольцом.

– Она думает, что съездить может, – наконец сказала Мэгги.

Миссис Стакки осмотрела длинный столбик пепла на конце сигареты. Затем ткнула окурочек в лодку, в опасной близости к желтой губке. Струйка дыма поплыла, завиваясь, к Мэгги.

– Мы с Лерой можем поехать туда на уик-энд, – еле слышно произнесла Фиона.

– На что?

– На уик-энд.

Миссис Стакки нагнулась, взяла пакеты и направилась к двери, как-то по-крабьи, на полусогнутых, отчего руки казались слишком длинными для ее тела. А у двери сказала:

– Лучше бы я тебя в гробу увидела.

– Но, мам! – Фиона пошла за матерью. И уже в коридоре сказала: – Мам, уик-энд наполовину закончился. Мы говорим всего об одной ночи. Одной ночи в доме дедушки и бабушки Лерой.

– А Джесси Морана, я так понимаю, там и близко не будет, – ответила откуда-то издалека миссис Стакки. Хрусткий удар – по-видимому, пакеты с покупками плюхнулись на кухонный стол.

– Ну, может, и будет, но...

– Ага, ага, – выдохнула миссис Стакки.

– Опять-таки, если и будет, то что? Ты не думаешь, что Лерой следует лучше узнать своего дедушку?

Ответила миссис Стакки негромко, однако Мэгги ее расслышала:

– Каждого, кто приходится папашей Джесси Морану, к девочке лучше и близко не подпускать.

Ну, знаете ли! Лицо Мэгги вспыхнуло. Ее так и подмывало пойти на кухню и показать миссис Стакки, где раки зимуют. «Вы думаете, мне не случалось клясть вашу дочь? Она ранила моего сына до глубины души! Да мне иногда хотелось ей шею свернуть, а слышали вы, чтобы я о ней хоть слово дурное сказала?»

Она даже на ноги вскочила, да так стремительно, что в диване зазвенели пружины, и все-таки сдержалась. Разгладила спереди платье. Это немного ее успокоило – и вместо того, чтобы поскакать на кухню, она взяла сумочку и отправилась, плотно сжав губы, на поиски уборной. Хоть бы ванная комната не оказалась по другую сторону кухни. Не оказалась – вон она, открытая дверь в конце коридора. Мэгги увидела водянистую зелень душевой занавески.

Попользовавшись туалетом, она смочила ладони холодной водой и похлопала себя по щекам. Наклонилась поближе к зеркалу. Да, лицо у нее возбужденное. Нужно держать себя в руках. Пиво она не допила, но, наверное, оно на нее все же подействовало. Главное сейчас – правильно разыграть свои карты.

Вот, скажем, Джесси. Фионе она про это не сказала, но Джесси живет теперь в собственной квартире на окраине города, и просто так рассчитывать, что он будет в доме, когда приедет Фиона, нельзя. Его нужно позвать. Остается надеяться, что у Джесси ничего не намечено. Суббота: это чревато осложнениями. Она посмотрела на часы. В субботний вечер Джесси вполне может петь где-то со своей группой или просто отправиться куда-нибудь с друзьями. А то и на свидание – ничего такого уж серьезного, но все-таки...

Она спустила воду и, пока та шумела, выскользнула из уборной и открыла соседнюю дверь. Должно быть, это комната Лерой. Везде

грязная одежда и комиксы. Мэгги закрыла дверь и попробовала противоположную. Ага, тут живет кто-то взрослый. Благоприличное, вышитое «фитильками» постельное покрывало, а на тумбочке – телефон.

– После всех твоих стараний получить свободу ты хочешь вернуться к этому мальчишке и снова залезть по уши в грязь, – говорила на кухне, гремя консервными банками, миссис Стакки.

– Какая грязь? Я просто еду в гости на уик-энд.

– И он опять заставит тебя бегать вокруг него кругами.

– Мама, мне двадцать пять лет. Я не та пустышка, какой была.

Мэгги беззвучно закрыла за собой дверь и направилась к телефону. О боже, аппарат-то не кнопочный. Она морщилась каждый раз, как диск возвращался, скрипя, в исходное положение. Ну ничего, разговор на кухне продолжался. Мэгги прижала трубку к уху.

Один звонок, другой.

Хорошо, что Джесси сегодня работает. Телефон в его квартире уже недели две как онемел. Звонить по нему Джесси мог, но если кто-то звонил ему, он просто не слышал этого. «Почему ты его не починишь? Или не купишь новый, их теперь за бесценок отдают», – говорила Мэгги, а он отвечал: «Да не знаю, уж больно клево получается. Я, как прохожу мимо, снимаю трубку и говорю: „Алло?“ И уже два раза попадал на людей, которые мне звонили». Вспомнив это сейчас, Мэгги улыбнулась. Джесси был таким... ну, удачливым, что ли. Везучим, забавным, бесшабашным.

– Мотоциклетный магазин Чика, – произнес юношеский голос.

– Будьте добры, Джесси.

Трубку на том конце линии бесцеремонно бросили на какую-то жесткую поверхность.

– Джесс! – крикнул, отходя, юноша. Тишина, пропитанная шорохами междугородной связи.

Конечно, это воровство, строго говоря, – звонить по чужому телефону в другой штат. Может быть, оставить на тумбочке пару четвертаков? Или их сочтут оскорблением? На миссис Стакки не угодишь.

– Алло, – произнес Джесси.

– Джесси?

– Ма?

Голос у него совсем как у Айры, только на много лет моложе.

– Джесси, я долго говорить не могу, – прошептала она.

– Что? Говори громче, я тебя еле слышу.

– Не могу, – сказала она.

– Что?

Мэгги ладонью прикрыла трубку.

– Я подумала, – сказала она, – как по-твоему, ты не смог бы прийти сегодня к ужину?

– Сегодня? Ну, у меня вроде как другие планы...

– Это важно, – сказала она.

– Почему?

– Да просто важно, – ответила, пытаясь выиграть время, Мэгги.

Необходимо принять решение, и быстро. Можно притвориться, что это касается Дэйзи, ее отъезда. (Вполне безопасно. Несмотря на их детские перебранки, Дэйзи он любил – вот только на прошлой неделе спросил у сестры, забудет ли она его, когда уедет.) А можно сказать правду, что приведет еще к одной нелепой сцене.

Но разве сама она не говорила, что настало время все преодолеть?

Мэгги набрала полную грудь воздуха. И сказала:

– Я пригласила на ужин Фиону с Лерой.

– Что ты сделала?

– Не бросай трубку! И не говори «нет»! Это твоя единственная дочь! – торопливо воскликнула Мэгги. А следом опасливо оглянулась на дверь – не слишком ли она повысила голос?

– Так, помедленней, ма, – сказал Джесси.

– В общем, мы сейчас в Пенсильвании, – уже негромко сказала она, – пришлось съездить на похороны. Макс Гилл умер – не знаю, сказала тебе Дэйзи. Ну а поскольку мы были рядом... и Фиона недвусмысленно сказала мне, что очень хочет увидеть тебя.

– Ох, ма. Ведь опять же получится, как в прошлые разы.

– В какие прошлые разы?

– Да вот когда ты сказала, что она звонила, а я поверил и перезвонил ей...

– Она звонила тогда! Клянусь!

– Кто-то позвонил, а кто – ты не знала. Анонимный звонок. Но об этом ты мне не сказала, правда?

Мэгги ответила:

– Зазвонил телефон, я сняла трубку, сказала: «Алло?» Ответа не было. Это случилось всего через несколько месяцев после ее отъезда – кто же еще мог нам звонить? Я сказала: «Фиона?» Она повесила трубку. Если это была не Фиона, зачем она трубку повесила?

– В тот раз ты сказала мне только одно: «Джесси, сегодня звонила Фиона», и я чуть шею не свернул, пока бежал к телефону, и оказался в полных дураках. Сказал: «Фиона? Ты чего хотела?» А она: «Простите, кто это?» Я сказал: «Черт побери, Фиона, ты же отлично знаешь, это Джесси», а она: «Будь так добр, Джесси Моран, не сквернословь», а я: «Ладно, послушай, позволь тебе напомнить, что первым позвонил не я», а она: «Но сейчас, Джесси, звонишь ты, верно?» И я сказал: «Да черт бы все побрал...»

– Джесси, – прервала его Мэгги, – Фиона говорит, что иногда ей хочется послать тебе еще одну телеграмму.

– Телеграмму?

– Вроде первой. Ты помнишь первую?

– Да, – ответил Джесси. – Помню.

– Ты никогда мне о ней не рассказывал, но неважно, – заспешила она, – в телеграмме было бы сказано: «Я все еще люблю тебя, Джесси, да, и, похоже, это навсегда».

Недолгое молчание.

Затем Джесси:

– Ты никак не можешь смириться с тем, что все закончилось, верно?

– По-твоему, я могла такое придумать?

– Если она действительно хочет ее послать, что ей мешает? – спросил Джесси. – Почему я так никакой телеграммы и не получил? А?

– Как я могла это придумать, если я и про первую телеграмму не знала, а, Джесси? Я процитировала ее дословно, в кои-то веки я могу точно передать тебе ее слова. Я запомнила их, потому что они содержат ненамеренную рифму. Ты же знаешь, иногда слова рифмуются сами собой. Тут присутствует ирония, потому что, если тебе не хочется, чтобы они рифмовались, ты несколько дней роешься у себя в мозгу, копаешься в словарях...

Мэгги плела что в голову взбретет, лишь бы дать Джесси время обдумать ответ. Ну есть ли на свете другой человек, который так

боится ударить лицом в грязь? Не считая Фионы, естественно.

Тут ей показалось, что она услышала какие-то изменения в тональности его молчания – переход от недоверчивости к чему-то менее определенному. И потому примолкла. И стала ждать.

– Если я смогу прийти, – наконец сказал он, – на какое время ты назначила ужин?

– Так ты придешь? Придешь? Ах, Джесси, до чего же я рада! Ну, скажем, половина седьмого. Пока! – И Мэгги положила трубку, прежде чем он успел снова впасть в несговорчивость.

Краткий миг она простояла у кровати. Во дворе Айра воскликнул: «Вот так!»

Она взяла сумочку и покинула комнату.

В коридоре стояла на коленях и рылась на нижней полке стенного шкафа Фиона. Она вытянула оттуда пару галош, отбросила их в сторону. Порылась еще и вытащила большую брезентовую сумку.

– Ну вот, я поговорила с Джесси, – сообщила ей Мэгги.

Фиона застыла. Сумка повисла в воздухе.

– Он очень обрадовался твоему приезду, – сказала Мэгги.

– Он так и сказал? – спросила Фиона.

– Конечно.

– Вот прямо такими словами?

Мэгги сглотнула.

– Нет, – ответила она, потому что если существовал цикл, который следовало разрушить, то и сама она была его частью и признавала это. – Он просто сказал, что придет к ужину. Но любой понял бы по его голосу, как он обрадовался.

Фиона с сомнением вглядывалась в нее.

– Он сказал: я приду! – добавила Мэгги.

Молчание.

– «Я приду прямо с работы, ма! Можешь на меня рассчитывать! Черт побери! Я не пропустил бы этого ни за что на свете!»

– Ну ладно, – наконец сдалась Фиона. И расстегнула молнию на сумке. – Если едешь куда-то одна, хватает и зубной щетки, – сказал она. – А с ребенком – сами знаете. Пижама, комиксы, сборники сказок, книжки-раскраски для машины... А Лерой еще бейсбольная перчатка требуется, ее вечная бейсбольная перчатка. Говорит, никогда не знаешь, где может игра подвернуться.

– Это верно, никогда не знаешь, – согласилась Мэгги и засмеялась – от чистого счастья.

Глава 2

Была у Айры такая особенность: если он слышал что-то по-настоящему поразительное, лицо его застывало. Мэгги боялась, что, выслушав ее, он рассердится, но нет, Айра лишь отступил на шаг и уперся в нее взглядом, оставив лицо пустым и гладким, словно вырезанным из жесткого дерева.

И спросил:

– Фиона – что?

– Едет к нам в гости, – сказала Мэгги. – Разве это не здорово?

Никакой реакции.

– Фиона и Лерой, обе, – добавила она.

По-прежнему никакой.

Может быть, лучше бы он рассердился.

Мэгги, продолжая улыбаться, обогнула его.

– Лерой, лапушка, тебя мама ждет, – сказала она. – Ты должна помочь ей собрать вещи.

По-видимому, удивить Лерой было не так легко, как Айру. Она сказала:

– А. Ладно. – И, умело метнув фрисби в Айру, вприпрыжку побежала к дому. Фрисби отскочил от левого колена Айры и упал на землю. Теперь Айра отсутствующе смотрел на него.

– Надо прибраться в машине, – сказала Мэгги. – Знала бы я, что у нас сегодня будет столько пассажиров...

Она подошла к «доджу», которому преградил выезд красный «мэверик», принадлежащий, надо полагать, миссис Стакки. Сразу было видно, что «додж» совсем недавно преодолел немалое расстояние. Он выглядел уставшим, запыленным. Она открыла заднюю дверцу и поцокала языком. По сиденью рассыпалась стопка библиотечных книг, там же лежал вязанный крючком свитер, который Мэгги искала вот уж несколько дней, – смятый, весь в морщинах, из-за того, конечно, что на нем сидел мистер Отис. Пол был словно вымощен матовыми крышечками от пластмассовых чашек с безалкогольными напитками. Она потянулась к книгам, серьезным романам Достоевского и Томаса Манна. В начале лета Мэгги, у

которой случился приступ благих намерений, набрала эти книги в библиотеке, но так и не прочитала, а срок их возврата давно истек.

– Открой багажник, ладно? – попросила она Айру.

Он медленно направился к багажнику, открыл, лицо Айры оставалось прежним. Мэгги свалила туда книги и вернулась за свитером.

– Как это могло случиться? – спросил он.

– Понимаешь, мы разговаривали о ее мыльнице и...

– О чем? Я хотел сказать, уж больно быстро все произошло. Внезапно. Я оставляю вас наедине, чтобы немного поиграть с фрисби, и даже глазом моргнуть не успеваю, как появляешься ты, и дышишь пивом, и сообщаем, что у нас будет полон дом неожиданных гостей.

– Знаешь, Айра, я думала, ты обрадуешься, – сказала она. И, сложив свитер, отправила в багажник и его.

– Похоже, как только я закрыл за собой дверь, вы обе принялись за дело, – ответил он. – Как тебе это удается?

Она начала собирать с пола крышечки.

– Багажник можешь закрыть, – сказала Мэгги.

Она отнесла полную пригоршню крышечек за дом и свалила их в помятый мусорный бак. Крышка у бака была чисто символическая, ободранный металлический берет, Мэгги криво нахлобучила его сверху. Боковую стену дома покрывала плесень, от другого бака, топливного, закрепленного под окном, тянулись вниз ржавые потеки.

– Надолго они к нам? – спросил, когда она вернулась, Айра.

– Только до завтра.

– Нам завтра Дэйзи в колледж везти, ты не забыла?

– Нет, не забыла.

– Ага, – сказал он. – Твой дьявольский замысел: оставить Джесси и Фиону наедине. Я тебя знаю, Мэгги Моран.

– А может, и не знаешь. Совершенно, – ответила она.

Если ее надежды на сегодняшний вечер оправдаются, завтра и замыслов никаких не понадобится.

Она открыла переднюю дверцу с пассажирской стороны, опустилась на сиденье. В машине дохнуть было нечем. Мэгги промокнула верхнюю губу подолом юбки.

– И как же мы это изобразим? – спросил Айра. – «Сюрприз, сюрприз, Джесси, мой мальчик! Неважно, что вы годы назад

расстались самым законным образом, мы решили, что вам пора воссоединиться».

– Ну, к твоему сведению, – ответила она, – я уже сказала ему, что они приезжают, и он придет к нам на ужин.

Айра наклонился к окну, чтобы посмотреть на нее.

– Сказала ему?

– Именно.

– Как? – спросил он.

– По телефону, конечно.

– Ты ему звонила? То есть вот сейчас?

– Именно.

– И он придет на ужин?

– Именно.

Айра выпрямился, прислонился к машине.

– Не понимаю, – помолчав, сказал он.

– Чего?

– Уж больно все просто.

Сейчас она видела только его живот – словно бы пустую внутри белую рубашку, вяло обвисшую над ремнем. Не обожжется ли он? Металл наверняка раскалился, как утюг. Хотя воздух уже не так горяч, и солнце начало соскальзывать к далекой заковыристой линии деревьев.

– Меня этот «мэверик» беспокоит, – сказала она пряжке Айриного ремня.

– Ммм?

– «Мэверик» миссис Стакки. Очень не хочется просить, чтобы она его переставила, а хватит ли нам места, чтобы объехать его, я не уверена.

Это его зацепило, как и надеялась Мэгги, – все-таки вопрос логистики. Он резко отступил от машины, Мэгги даже почувствовала, как та качнулась. Отошел, чтобы изучить расположение «мэверика», а она откинула голову и закрыла глаза.

Почему Айра так не расположен к Джесси? Почему, когда он говорит о сыне, его голос непременно становится скептическим? О, Джесси не совершенство – боже мой, нет, – но у него столько привлекательных качеств. Он такой щедрый, любящий. Конечно, он

легко теряет терпение, но так же легко и обретает его, а злость никогда не затаивает, чего об Айре никак уж не скажешь.

Может быть, тут просто зависть – обремененный обязанностями, скованный ими человек завидует тому, кто по природе своей беззаботен?

Когда Джесси был совсем малыш, Айра то и дело повторял: «Не бери его на руки каждый раз, как он заплачет. Не корми каждый раз, как проголодается. Ты его избалуешь». «Избалую? – спрашивала Мэгги. – Тем, что кормлю, когда он голоден?»

Впрочем, спрашивала с уверенностью, какой на самом деле не чувствовала. Может, она и правда баловала его? До той поры ей иметь дело с младенцами не приходилось. В своей семье она была младшенькой, с малышами из семей некоторых ее подруг даже мимолетно не сталкивалась. А Джесси был таким непонятным ребенком – взять те же его колики – и нисколько не походил на веселого мальчика, каким стал впоследствии. Он мог ни с того ни с сего поупунцоветь посреди ночи, забиться в крошечном припадке гнева. Мэгги приходилось бесконечно вышагивать с ним на руках, она даже дорожку на ковре столовой протоптала. Возможно ли, гадала она, чтобы малыш просто невзлюбил ее? Где написано, что ребенок обязательно должен ужиться со своими родителями? Ведь если вдуматься, просто поразительно, как много на свете семей, члены которых не ладят друг с другом. Остается надеяться лишь на везение – на то, что правильные личные гены лягут удачно, наподобие игральных костей. А в случае Джесси везение могло подкачать. Она просто чувствовала, как он злится на своих родителей. Таких узколобых, таких спокойных, таких консервативных.

Как-то раз Джесси раскричался в городском автобусе, Мэгги понесла его к двери и вдруг с удивлением почувствовала, что он притих у нее на руках. Замолк, и она заглянула ему в лицо. Джесси смотрел на принаряженную блондинку, которая занимала одно из сидений. Смотрел и улыбался. И тянулся к ней ручками. Вот, оказывается, тот, кто ему нужен! К сожалению, блондинка читала журнал и на Джесси даже не взглянула.

А потом он обнаружил, что существуют другие дети – все они мгновенно полюбили его, – и начал бегать по улицам, так что дома его почти и не видели. Айра и это ставил ему в вину, поскольку Джесси

забывал о комендантском, так сказать, часе, не появлялся к ужину, пренебрегал выполнением домашних заданий, чтобы поиграть на улице в бейсбол. Мистер Поминутный, так называл его Айра. И Мэгги пришлось признать, что это прозвище верно. Может быть, некоторые люди просто-напросто рождаются без способности связывать текущее мгновение со следующим? Если так, Джесси был одним из них: он не верил в последовательность, его ставило в тупик обыкновение других людей винить его в том, что он сделал – господи, да несколько часов назад! несколько дней! и даже на прошлой неделе! – и он чистосердечно не мог понять, как это можно сердиться на него за то, о чем сам он мгновенно забывал.

Однажды, ему было тогда лет одиннадцать или двенадцать, он резвился с Мэгги на кухне, тыкал в нее своей кетчерской перчаткой и доказывал, что готовить она не умеет. И тут зазвонил телефон, Джесси снял трубку и сказал: «Да? Мистер Банч?» Мистер Банч был учителем его класса, шестого, и Мэгги решила, что он позвонил Джесси, и вернулась к готовке. Джесси сказал: «А?» Сказал: «Минутку! Тут нет моей вины!» – и хлопнул трубкой по аппарату, а Мэгги, обернувшись, увидела под его глазами красноречивые темные круги. «Джесси? Милый? В чем дело?» – спросила она. «Ни в чем», – грубо ответил он и ушел. Перчатка осталась лежать на столе, потрепанная, изогнутая, на удивление живая. Кухня вдруг стала пустой и гулкой.

Но не прошло и десяти минут, как она увидела Джесси в переднем дворе, с Герби Олбрайтом, они, хохоча во все горло, продирались сквозь низкую самшитовую изгородь, что ему сто раз запрещали делать.

Да, думая о Джесси, она всегда вспоминала его смеющимся – горящие, пританцовывающие глаза, очень белые зубы, откинутаая назад голова, чистая линия загорелой шеи. (И почему это Мэгги вспоминает его смех, а Айра – вспышки раздражения?) В семье, почти начисто лишенной общения на стороне, Джесси казался чрезвычайно, едва ли не до нелепости общительным, буквально облепленным друзьями. Одноклассники что ни день приходили с ним из школы, иногда семеро-восьмеро из них ночевали в доме по уик-эндам, их спальные мешки устилали пол комнаты Джесси, сброшенные ими куртки, детали самолетных моделей и похожие на барабан револьвера набалдашники ручек управления валялись в коридоре. По утрам она приходила,

чтобы разбудить их и накормить оладьями, и мускусный, дикарский запах мальчишечьих тел висел в двери комнаты, как портьера, и Мэгги, поморгав, отступала и возвращалась на безопасную кухню, где маленькая Дэйзи, запеленутая до ступней в один из передников матери, стояла на стуле, старательно размешивая жидкое тесто.

В одну весну он увлекся бегом и бегал как маньяк, отдаваясь этому, как отдавался всему, что пробуждало в нем интерес, пусть даже недолгий. Ему было пятнадцать лет, водительские права он еще не получил и иногда просил Мэгги подвезти его до любимой беговой дорожки, что при Ролстонской школе к северу от Балтимора. Мэгги ждала его в машине, читая библиотечную книгу и время от времени поглядывая на дорожку. Ей неизменно удавалось отыскать Джесси, даже когда дорожку заполняли пожилые женщины в тренировочных костюмах и мальчишки из Ролстона в спортивной форме с номерами на спинах. Джесси был одет в драные джинсы и черную футболку с оторванными рукавами, однако узнавала она его не по одежде, но по характерной манере бега. По привольной, открытой поступи, создававшей впечатление, что он ничего не держит в запасе для следующего круга. Ноги Джесси летели вперед, руки словно пытались дотянуться до чего-то, захватывая пригоршнями встречный воздух. Всякий раз, как глаза Мэгги отыскивали сына, сердце ее сжималось от любви. Потом он исчезал на лесистом конце дорожки, а она возвращалась к книге.

Однако настал день, когда из леса Джесси не выбежал. Она ждала, а его все не было. Другие выбегали, даже самые медлительные, даже имевшие преглупый вид поклонники спортивной ходьбы, работавшие локтями, точно цыплята крыльями. В конце концов Мэгги вылезла из машины, подошла к овалу, ладонью прикрыла глаза от солнца. И пошла по изгибу дорожки в лес, ее рабочие туфли на гофрированной подошве утопали в стружке, отчего вскоре заныли икры. Люди с топотом пробегали мимо, бросая на нее мгновенные взгляды, – Мэгги стало казаться, что они обгоняют свои лица. Слева от нее в лесу что-то забелело. В листве лежала навзничь девушка в белой рубашке и шортах, а на ней лежал Джесси. Вполне одетый, да, но лежал на девушке и целовал ее, а она обвивала его шею белыми руками. «Джесси, мне пора домой», – крикнула Мэгги. Она повернулась и пошла к машине, чувствуя себя заурядной и нескладной. Мгновение

спустя за спиной захрустели стружки, Джесси обогнал ее и умчался; его на удивление длинные спортивные туфли проворно били по дорожке, плоп-плот, мускулистые загорелые руки загребали воздух.

Тут-то и началось – девушки, девушки и девушки, – парад теснившихся и толкавших друг дружку девушек, все светловолосые, худощавые и хорошенькие, с мягкими, еще не сформировавшимися лицами, опрятно одетые. Они звонили Джесси по телефону, присылали разящие духами письма, иногда просто приходили к двери дома, и все обращались с Мэгги почтительно, отчего она чувствовала себя древней старухой. Делали ей бойкие комплименты: «Ох, миссис Моран, как мне нравится ваша блузка!» – а между тем отыскивали глазами Джесси за ее спиной. Мэгги боролась с желанием ощетиниться, не пускать их в дом. Кто лучше нее мог знать, на какие хитрости горазды пускаться девчонки? Господи, да у мальчика нет ни малейших шансов отвертеться от них! Но тут неторопливо выходил Джесси, даже не пытаясь изобразить на лице приветливость, вообще никаких усилий не прилагая, футболка его испускала дрожжевой запах свежего пота, упавшие на лицо волосы прикрывали глаза. У девушек от его жизнерадостной надменности просто коленки слабели, и Мэгги понимала, что шансов-то нет как раз у них. Она ощущала печаль и гордость, обе сразу. Гордости она стыдилась и, чтобы искупить ее, была особенно добра с каждой такой гостьей. Иногда добра настолько, что они продолжали навещать ее месяцами и после того, как Джесси их бросал. Сидели на кухне и вели с ней доверительные беседы, не только о Джесси, но о многом – о своих проблемах с родителями и прочем. Мэгги это нравилось. Обычно там же сидела, склонившись над домашним заданием, Дэйзи, и они, все трое, представлялись Мэгги частью сердечного сообщества женщин, которого ей так не хватало, когда она росла, окруженная братьями.

Кажется, примерно в то время и началась музыка? Громкая музыка с тяжелыми ритмами. В один прекрасный день она просто наполнила дом, как будто переход Джесси в отрочество открыл дверь, сквозь которую внутрь неожиданно повалили барабаны и электрические гитары. Ему стоило лишь зайти на кухню за сэндвичем, и радиочасы принимались изрыгать «Лживые глаза»^[30]. Стоило взлететь по лестнице в свою комнату, чтобы прихватить оттуда кетчерскую перчатку, и его стерео выдавало «Вечернее

наслаждение»^[31]. И разумеется, включив что-либо, Джесси ничего никогда не выключал, и после того, как он покидал дом, там еще долго играла музыка. Может быть, так им и было задумано. То был автограф Джесси, отпечаток его ноги в их жизнях. «Я ухожу в мир, но вы меня не забывают», – говорил Джесси, а они, парочка скучных взрослых и строгая девочка, сидели и слушали, как в пустоте за их спинами бренчит «Когда меня полюбят»^[32].

Затем ему разонравилось то, что любили его одноклассники, он заявил, что хит-парад «Первые сорок» – это музыка для дантистов, попса. («О», – печально произнесла Мэгги; ей эта музыка нравилась – по крайней мере, некоторая.) Песни, которые теперь звучали в доме, стали более заунывными и уклончивыми, если не просто брюзгливыми, а исполнялись они дешевыми группами, набранными, судя по их виду, из битников, одетых в лохмотья с аксельбантами или в какие-то обноски военной формы. (Тем временем прежние альбомы спускались на первый этаж, чтобы выстроиться в гостиной на полке под хорошим проигрывателем; каждое новое увлечение Джесси добавляло отверженных к коллекции Мэгги, и временами, оставаясь в доме одна, она тайком слушала их.)

И наконец, Джесси начал сам писать песни со странными современными названиями вроде «Микроволновой квартет» и «Блюз кассетника». Некоторые он пел Мэгги, когда поблизости не было Айры. Пел гнусавым, лишенным эмоций голосом, – это походило скорее на разговор, чем на пение. По мнению Мэгги, звучали эти песни очень профессионально, очень похоже на то, что передавали по радио, но ведь она-то была всего лишь его матерью. Хотя на друзей Джесси они тоже производили впечатление, Мэгги это знала. Один из них, Дон Бернем (двоюродный брат которого едва-едва не стал разъездным администратором группы «Рамоунз»), сказал Джесси, что он достаточно хорош, чтобы создать собственную группу и выступить перед публикой.

Этот Дон Бернем был очень милым, хорошо воспитанным мальчиком, который появился в школе Джесси в начале одиннадцатого класса. Когда Джесси впервые привел его домой, Дон завел разговор с Мэгги (чего от мальчика его лет ожидать так уж наверняка не приходится) и вежливо выдержал устроенный Дэйзи показ ее коллекции почтовых открыток с фотографиями столиц штатов. «В

следующий раз, – ни с того ни с сего пообещал он Мэгги, – я принесу вам мой альбом с вырезками „Дунсбери“^[33]». – «О, конечно, буду ждать». Однако в следующий раз он принес акустическую гитару, и Джесси спел ему одну свою песню, а Дон подтренькал ему на струнах. *Похоже, наш старый мир перематывают вперед...* Тогда-то Дон и сказал, что Джесси следует петь перед публикой, и с того момента (так, во всяком случае, представляется задним числом) Джесси пропал, навсегда.

Он сколотил группу, которая получила название «Верти кота», – состояла она, кроме Джесси, из мальчиков постарше, главным образом недоучившихся старшекласников. Где он их набрал, Мэгги представления не имела. Одежду стал носить более тяжелую, слово бы боевую: черные джинсовые рубашки, черные джинсы, мотоциклетные башмаки из мятой кожи. Вернуться домой он теперь мог когда угодно, пахнувший пивом и табаком, а может быть, кто знает, и чем-то похуже табака. Девушки вокруг него стали увиваться совсем другие, более бойкие и броские, сближаться с Мэгги или сидеть с ней на кухне они и не думали. А весной выяснилось, что в школу он уже некоторое время не ходил и в следующий класс переведен не будет.

В семнадцать с половиной лет он выбросил свое будущее на помойку, так говорил Айра, и все из-за одного-единственного друга. Неважно, что Дон Бернем даже в группе Джесси не состоял и преспокойно перешел в следующий класс. По версии Айры, совет Дона попал в самую точку и – бац! – жизнь изменилась и прежней уже не станет. Дон оказался орудием провидения, посланцем судьбы. По версии Айры.

Берись за ум или выметайся из дома, сказал сыну Айра. Сдай в летней школе пропущенные тобой зачеты или найди работу, сними квартиру и перебирайся в нее. Джесси ответил, что школой он сыт по горло. Работу поищет, а случая перебраться в собственную квартиру давно уже ждет не дождется, там он сможет жить, как ему нравится, и в затылок ему никто дышать не будет. «Скатертью дорожка», – сказал Айра и, не произнеся больше ни слова, поднялся наверх. Джесси вышел из дома, протопал мотоциклетными башмаками по веранде. Мэгги заплакала.

Какой представлял себе Айра жизнь Джесси? Айра был из тех людей, которые рождаются компетентными. Ему все давалось легко.

Он просто не мог уразуметь, что чувствовал Джесси, которому приходилось каждое утро тащиться в школу, – плечи сгорблены в ожидании нового поражения, ворот куртки подняты и перекошены, руки засунуты глубоко в карманы. Чем это могло быть для Джесси? Иметь младшую сестру-паиньку и безукоризненного, непогрешимого отца! Единственным спасительным оправданием Джесси, говорила себе Мэгги, была мать, его безалаберная, нескладная мамаша. Тут она, конечно, шутила, но какая-то правда в этом присутствовала. Однако ей хотелось, чтобы он перенял у нее и нечто большее. Способность видеть во всем хорошую сторону, например. Умение все принимать, ко всему прилаживаться.

Но нет. Настороженно щурившийся, утративший всю прежнюю беззаботность Джесси рыскал по городу в поисках работы. Самые большие надежды он возлагал на магазин грамзаписей. У него даже карманных денег не было (в то время его группа выступала бесплатно – чтобы «подать себя», как они это называли), ему и на проезд в автобусе приходилось занимать у Мэгги. И каждый день он возвращался домой мрачнее вчерашнего, и каждый вечер ругался с Айрой.

– Если бы ты приходил на собеседования одетым, как все нормальные люди... – говорил Айра.

– Да я все равно не стал бы работать там, где придают такое значение внешности, – отвечал Джесси.

– Хорошо, но тогда тебе лучше научиться копать канавы, это единственная работа, при которой внешности никакого значения не придают.

И Джесси снова хлопал дверью, и как же тускнело все после его ухода! Каким казалось мелким, каким лишенным души! Мэгги с Айрой холодно смотрели друг на друга через гостиную. Мэгги винила Айру – он слишком резок. Айра винил Мэгги – она слишком мягка.

Иногда, в самой глубине души, Мэгги тоже винила себя. Она поняла наконец, что в каждом ее родительском решении присутствовала единственная основная мысль. Простой факт, что мои дети – это дети, они обречены годами чувствовать себя бессильными, сбитыми с толку, скованными, наполнял ее такой жалостью, что добавление к их жизни любых новых невзгод казалось ей попросту немислимым. Она могла извинить их за что угодно, простить им все.

Возможно, если бы она не помнила с такой ясностью, что чувствует ребенок, из нее получилась бы мать получше.

Однажды ей приснилось, что Джесси умер – умер годы тому назад, когда был еще веселым, шаловливым мальчиком, а она как-то не смогла это понять. Приснилось, что она безудержно рыдает, ведь пережить такую утрату невозможно. Потом она заметила среди толпившихся на палубе людей (потому что наконец-то отправилась в морской круиз) мальчика, похожего на Джесси, он стоял со своими родителями, которых Мэгги никогда прежде не видела. Мальчик посмотрел на нее и быстро отвел глаза, однако она поняла, что показалась ему знакомой. И улыбнулась ему. Он посмотрел еще раз и снова отвел глаза. Она придвинулась к мальчику на несколько дюймов, притворяясь, что всматривается в горизонт. Джесси родился снова, только в другой семье – так она объяснила себе увиденное. Он больше не принадлежал ей, но это не имело значения. Она могла начать все заново. Завоевать его доверие. Она еще раз почувствовала, как взгляд мальчика скользнул по ней, и ощутила его недоумение, ведь он наполовину вспомнил ее, наполовину не вспомнил, и поняла – в каких-то сокровенных своих глубинах они всегда будут любить друг друга.

Так вот, Дэйзи было в то время девять лет или почти девять – ее еще можно было считать ребенком, который требовал от Мэгги немалых забот. На самом же деле Дэйзи вбила себе в голову, что пора и ей становиться самостоятельной. Она всегда была развитой не по годам. Еще совсем девчушкой Айра называл ее Малышка Леди, потому что она и тогда была зрелой и замкнутой, а по маленькому личику Дэйзи было видно, что у нее обо всем имеется собственное мнение. В тринадцать месяцев Дэйзи сама научилась пользоваться горшком. Учась в первом классе, она вставала по будильнику на полчаса раньше всех в доме и каждое утро тихо спускалась вниз, чтобы покопаться в постиранной одежде и выбрать самую подходящую. Уже тогда она гладила лучше Мэгги, ей нравилось быть опрятной и носить тщательно подобранные цвета. Теперь же она словно перескочила в ту пору жизни, в которой внешний мир становится важнее семьи. Обзавелась четырьмя очень серьезными подругами-единомышленницами, и одной из них стала Лавиния Мерфи, чья мать была самым совершенством. Совершенная миссис Мерфи возглавляла школьный родительский комитет, проводила

кампании по сбору средств путем распродаж печенья домашней выпечки и (поскольку она нигде не работала) располагала временем, чтобы возить девочек по всякого рода культурным мероприятиям и устраивать чудесные «ночные девичники» с поисками сокровищ. Весной 78-го Дэйзи практически жила в доме Мерфи. Мэгги возвращалась с работы домой, звала: «Дэйзи?» – но дом молчал, а на книжной полке гостиной ее поджидала записка.

Впрочем, однажды она вернулась с работы и дом предстал перед ней не безмолвным, а шепчущим, точно заговорщик, Мэгги почувствовала это, едва войдя, а наверху дверь в спальню Джесси оказалась закрытой. Она постучала. После испуганной паузы Джесси отозвался: «Секунду». Мэгги услышала шорохи, шепоты. Он вышел, ведя за собой девушку. Ее длинные светлые волосы были растрепаны, губы казались помятыми. Не подняв глаз, она скользнула мимо Мэгги и пошла за Джесси вниз по лестнице. Мэгги услышала, как открылась парадная дверь, как Джесси негромко попрощался с девушкой. Когда он вернулся наверх (без всякого стыда направившись прямо к Мэгги), она сказала, что мать этой девушки, кем бы та ни была, ужаснулась бы, узнав, что ее дочь проводит время наедине с молодым человеком, да еще в его спальне. А Джесси ответил:

– Нет, ее мама живет где-то в Пенсильвании. Фиона остановилась здесь у своей старшей сестры, а у нее нет никаких возражений.

– Зато у меня есть, – сказала Мэгги.

Джесси спорить не стал, и девушка в доме больше не появлялась. По крайней мере, Мэгги, возвращаясь каждый вечер, ее не видела. Хотя кое-что чувствовала, определенные улики у нее имелись. Она заметила, что Джесси стал уходить чаще, что возвращается он, о чем-то думая, что его короткие побывки дома отмечены длинными конфиденциальными разговорами по телефону наверху, и, снимая трубку, Мэгги неизменно слышала один и тот же девичий голос – мягкий и вопрошающий.

Работу он в конце концов нашел – на оберточной фабрике, что-то связанное с транспортировкой – и принялся подыскивать квартиру. Главная беда состояла в том, что арендная плата была высокой, а его зарплата крошечной. Вот и хорошо, говорил Айра. Теперь ему, может быть, придется столкнуться с кое-какими суровыми фактами. Мэгги хотелось, чтобы Айра заткнулся. «Не волнуйся, – говорила она

Джесси, – что-нибудь да подвернется». Шел к концу июнь. В июле Джесси все еще жил дома. И в одну августовскую среду он, убедившись, что, кроме Мэгги, хлопотавшей на кухне, в доме никого нет, уведомил ее, очень спокойно и прямо, что, похоже, наградил одну свою знакомую неприятностями.

Воздух в комнате вдруг стал странно неподвижным. Мэгги вытерла руки о фартук. И спросила:

– Ты говоришь о той, о Фионе?

Он кивнул.

– И что теперь? – осведомилась Мэгги. Она была так же спокойна, как Джесси, – и сама себе удивлялась. Как будто все происходило с кем-то другим. А может быть, она бессознательно ожидала этого. Может быть, это давно уже подбиралось к ним, как ледник, надумавший обрушиться на их головы.

– Об этом мне и нужно поговорить с тобой, – сказал Джесси. – Понимаешь, я хочу одного, а она другого.

– Чего же ты хочешь? – спросила Мэгги, думая, что ответ ей известен.

– Я хочу, чтобы она сохранила ребенка.

Услышанное отложилось в ее сознании не сразу. Даже само слово «ребенок» казалось в устах Джесси неуместным. Почти претенциозным – на ужасный манер.

– Сохранила? – повторила она.

– Думаю, мне надо начать искать квартиру для нас троих.

– Ты хочешь жениться?

– Верно.

– Но тебе же нет восемнадцати, – сказала Мэгги. – И девушке, готова поспорить, тоже. Вы слишком молоды.

– У меня день рождения через две недели, ма, а у Фионы немного позже. В школе ей не нравится, она пропускает половину уроков и тусуется со мной. Кроме того, я всегда мечтал иметь малыша. Это в точности то, что мне нужно: получить что-то свое.

– Что-то твое?

– Просто надо найти работу, за которую больше платят, вот и все.

– Джесси, у тебя уже есть свое – целая семья! О чем ты говоришь?

– Это другое, – сказал Джесси. – Я никогда не чувствовал... не знаю. В общем, я начал искать работу, которая принесет больше денег.

Понимаешь, малышу необходимо много всякого снаряжения и так далее. Я составил список по доктору Споку.

Мэгги изумленно уставилась на него. Единственный пришедший ей в голову вопрос был таким:

– Где это ты раздобыл доктора Спока?

– В книжном магазине, где же еще?

– Ты пошел в книжный и купил книгу об уходе за малышами?

– Конечно.

Это был самый большой сюрприз из всех прочих. Она и представить себе такого не могла.

– Я много чего узнал, – сказал он. – По-моему, Фионе следует кормить ребенка грудью.

– Джесси...

– А еще я нашел в «Журнале домашнего хобби» чертежи, по которым можно сделать колыбельку.

– Милый, ты не знаешь, как это трудно. Вы и сами-то еще дети! Тебе нельзя брать на себя младенца.

– У меня к тебе просьба, ма. Серьезная, – сказал Джесси. Рот его словно заострился по углам, так бывало, когда что-то пробуждало в нем сильные чувства.

– Какая просьба? – спросила Мэгги.

– Мне нужно, чтобы ты поговорила с Фионой.

– Что? О чем?

– Скажи ей, что, по твоему мнению, ребенка необходимо сохранить.

– Ты о том, что она хочет отдать его на усыновление? Или... ммм... прервать беременность?

– Ну, она говорит об этом, однако...

– О чем именно? – спросила Мэгги.

– О втором.

– Ага.

– Но на самом деле она этого не хочет. Я знаю, что не хочет, – сказал он. – Все дело в том, что она упряма. И похоже, ждет от меня самого худшего. Уверена, что я непременно, ну, типа, брошу ее. Первое время она даже не говорила мне ничего – представляешь? Скрывала от меня! Несколько недель промучилась, а мне даже не намекнула ни о чем, хоть мы и виделись каждый день, почти каждый. А когда тест дал

положительный результат, что она сделала? Попросила у меня денег, чтобы избавиться от ребенка. Я говорю: «Ты не пропустила несколько обычных шагов? Куда подевалось „Что ты думаешь, Джесси?“ и „Какое решение нам с тобой следует принять?“ Ты не хочешь дать мне хоть какие-то шансы?» – спрашиваю я. А она отвечает: «Шансы на что?» «К примеру, на женитьбу, – говорю я. – Бога ради, как насчет того, чтобы я взял на себя положенную ответственность?» И она говорит: «Не надо оказывать мне услуг, Джесси Моран». Я говорю: «Услуг? Речь идет о моем сыне». А она: «О, тут у меня никаких иллюзий нет...» Вот так она начинает разговаривать, когда на нее высокомерие нападает. У меня нет иллюзий, говорит. Я поняла, что ты такое, как только тебя увидела. Сам себе господин, говорит, лидер хард-рок группы. Можешь не объяснять мне, кто ты. Как будто нарисовала мой портрет по трафарету. Я хочу сказать, откуда у нее такие представления обо мне? Не из чего-то, что произошло в нашей жизни, можешь мне поверить. Ну я и говорю: «Нет, денег я тебе не дам, нет, сэр, ни в коем разе», а она отвечает: «Этого мне и следовало ожидать» – как будто нарочно понять меня не хочет. Ненавижу, когда себя так ведут, нарочно изображают жертв да мучеников. Могла бы и догадаться, говорит, что от тебя даже такой мелочи, как плата за аборт, не дождешься. Вот и произнесла это слово, как будто хлестнула им по воздуху. Я несколько секунд даже сказать ничего не мог, ей-богу. А потом говорю: «Проклятье, Фиона...», а она: «Ладно, хорошо, отлично, можешь еще и проклясть меня ко всему в придачу», а я...

– Джесси, милый, – сказала Мэгги, потирая левый висок. Ей казалось, что она упустила какую-то важную нить. – Я правда считаю, что если Фиона приняла решение...

– Ей назначено на утро понедельника, в клинике на Уитсайд-авеню. По понедельникам ее сестра не работает и пойдет с ней. Понимаешь? Меня она с собой не позвала. А я ее уговаривал до посинения. Мне больше и сказать уже нечего. Вот я и прошу: поговори с ней. Съезди в клинику и останови ее.

– Я?

– Ты же всегда находила общий язык с моими девушками. Ты это умеешь, я знаю. Скажи ей про мою работу. С оберточной фабрики я ушел. Подал заявление в компьютерный магазин, там меня научат чинить компьютеры, оплатят время учебы. Они говорят, что у меня

хорошие шансы получить эту работу. И скажи про Дэйва из нашей группы, его матери принадлежит дом в Ваверли, рядом со стадионом, весь верхний этаж занимает квартира, которая к ноябрю освободится, Дэйв говорит, она дешевле дешевого и там даже есть комнатка для ребенка. Ребенок должен спать отдельно от родителей, я читал об этом. Ты поразишься, как много я знаю! Я и насчет соски решил, она должна быть пустышкой. Некоторым не нравится, как они выглядят, но если давать младенцу пустышку, он потом не будет сосать большой палец. Ну а насчет того, что из-за пустышек верхние зубы вперед выдаются, так это полное вранье.

Такого количества слов он не произносил уже несколько месяцев, но было в этом и одно грустное обстоятельство: чем больше он говорил, тем моложе казался. Волосы его спутались, оттого что он то и дело ерошил из пальцами, Джесси метался по кухне, и казалось, что его тело состоит из сплошных острых углов. Мэгги сказала:

– Джесси, милый, я знаю, когда-нибудь из тебя получится чудесный отец, но все дело в том, что решение должна принимать девушка. Ребенка-то вынашивать ей придется.

– Не в одиночку же. Я буду ей помогать. Поддерживать ее. Заботиться. Я хочу этого, ма.

Мэгги не знала, какие еще доводы привести, и Джесси, должно быть, понял это. Он перестал расхаживать по кухне. Остановился перед матерью и сказал:

– Послушай. Ты моя единственная надежда. Я прошу только об одном: расскажи ей, что я думаю и чувствую. А потом пусть решает сама. Вреда же такой разговор не принесет, верно?

– Но почему ты не можешь сам ей все рассказать? – спросила Мэгги.

– Думаешь, я не пытался? Я разговаривал с ней до посинения. Но все, что я говорил, оборачивалось к худу. Она обижалась, я обижался, мы как-то все запутали и узлами завязали. У нас уже и слова закончились. Договорились до изнеможения.

Что же, это чувство ей было знакомо.

– Ты хотя бы подумай об этом, ладно? – попросил он.

Она наклонила голову.

– Просто обдумай такую возможность.

– Ну да, – сказала она. – Возможность, наверное...

– Да! – воскликнул он. – Это все, о чем я прошу! Спасибо, ма. Огромное тебе спасибо.

– Но, Джесси...

– И папе пока не говори, хорошо?

– Нет, пока не буду, – запинаясь, пообещала она.

– Ты же знаешь, что он скажет.

И Джесси, быстро обняв ее, ушел.

Следующие несколько дней дались ей трудно, она колебалась. В голову лезли примеры непостоянства Джесси – как он (подобно большинству мальчиков его возраста) переходил от одного увлечения к другому и всегда с обновленным энтузиазмом, а старые оставлял позади. Но жену и ребенка позади оставить нельзя! А следом приходили другие картины – например, тот год, когда все они, кроме Джесси, заболели гриппом и ему пришлось их выхаживать. Она различала сквозь пелену жара его смутные очертания: Джесси сидел на краю кровати и кормил Мэгги куриным бульоном, подносил к ее губам ложку за ложкой, а если она засыпала между глотками, ждал, не жалуясь, когда она вздрогнет и проснется, и подносил новую ложку.

– Ты не забыла, нет? – спрашивал Джесси при каждой встрече с ней. – Ты ведь не откажешься от своего обещания, правда?

– Нет-нет... – отвечала она. И думала: какого обещания? Во что она позволила себя впутать?

Как-то вечером он сунул ей в ладонь листок бумаги с адресом дома на Уитсайд-авеню. Клиники, надо полагать. Мэгги опустила его в карман юбки. И сказала:

– Ты же понимаешь, я не могу...

Но Джесси уже испарился, проворный, как вор-домушник.

Айра в те дни был в хорошем настроении, поскольку услышал о компьютерной работе. Как и предвидел Джесси, его туда взяли, учеба должна была начаться в сентябре. «Вот это похоже на дело, – сказал Айра жене. – За компьютерами будущее. И как знать? Может быть, он вскоре надумает вернуться в школу. Уверен, прежде чем продвигать его по службе, они захотят, чтобы он закончил школу».

Мэгги промолчала, она думала.

В субботу она работала, пришлось выбросить размышления из головы, но в воскресенье Мэгги долгое время просидела на веранде. День был золотистый, жаркий, ей казалось, что все высыпали на

улицы, чтобы погулять с малыми детьми. Мимо нее проезжали коляски и ходунки, проходили люди с младенцами в рюкзаках. Мэгги прикинула, входит ли такой рюкзачок в состав «снаряжения», о котором говорил Джесси. Наверняка входит. Она повернула голову к дому, прислушалась. Айра смотрел по телевизору бейсбол, Дэйзи была у миссис Совершенство. Джесси все еще спал, вчера он играл на танцах в округе Говард и вернулся домой поздно. Чуть позже трех Мэгги слышала, как он, тихо напевая, поднимался по лестнице. «Девочка, если б я мог засунуть тебя в разморозку...»

– Музыка так изменилась, – однажды пожаловалась она Джесси. – Я привыкла к «Люби меня вечно», а теперь слышу все больше «Помоги мне прожить эту ночь».

– Ой, ма, – ответил он, – ты разве не поняла? Просто в прежние дни это умели лучше замазывать. На самом деле так всегда и было: «Помоги мне прожить эту ночь».

Мэгги вспомнила строчку из песни, популярной в те времена, когда Джесси был маленьким. «Я должен найти путь к твоему сердцу, – говорилось в ней, – деликатный и осторожный...»

Когда Джесси был маленьким, он любил рассказывать, пока Мэгги готовила еду, всякие истории – верил, видимо, что маму необходимо развлекать. «Жила-была леди, которая кормила своих детей только пончиками», – начинал он. Или: «Был когда-то человек, который жил на самой верхушке чертова колеса». Истории были странные, причудливые, и сейчас, вспоминая их, Мэгги понимала, что общей для них была тема радости, торжества чистой воды веселья над обыденностью. Одну из них Джесси растянул на несколько недель – речь в ней шла об умственно отсталом отце, который пошел в магазин за продуктами да и купил на все деньги электрический орган. Умственную отсталость Джесси позаимствовал, полагала Мэгги, у своей тетушки Дорри, однако в его рассказе недуг отца выглядел своего рода достоинством. Отец говорил: «Да зачем она нужна, еда-то? Пусть лучше мои дети слушают хорошую музыку». Пересказывая эту историю Айре, Мэгги смеялась, однако он никакого юмора в ней не обнаружил. И обиделся – во-первых, за Дорри (выражение «умственно отсталая» ему не нравилось), а во-вторых, за себя. «Почему это умственно отсталым оказался отец? Почему не мать?» – вероятно, хотел спросить он. С учетом всех изъяснов Мэгги история получилась

бы куда более реалистичной. А может быть, ничего он такого в виду не имел, однако Мэгги вообразила, что имеет, и дело кончилось ссорой.

Ныне ей казалось, что они ссорились из-за Джесси чуть ли не со дня его рождения, и всегда по одним и тем же поводам. Айра критиковал его, Мэгги оправдывала. Айра твердил, что Джесси не умеет прилично себя вести, что его лицо вечно выражает строптивость, что проку от него как от помощника в мастерской никакого. Просто ему нужно найти себя, говорила Мэгги. У одних на это уходит больше времени, чем у других. «На десятки лет больше?» – спрашивал он. А она отвечала: «Прояви немного терпения, Айра». (Перебор. Терпения Айре и так было не занимать. Это Мэгги отличалась опрометчивой поспешностью.)

Как получилось, что она не понимала силу молодости, когда и сама была молодой? Похоже, она упустила немало возможностей. В детстве ее было так легко приструнить. Ей и в голову не приходило, что дети могут создавать в семье настоящие бури.

Мэгги и Айра старались, чтобы эти бури оставались их частным делом, но Джесси, разумеется, слышал по меньшей мере отголоски. А может быть, и понимал, какие чувства питает к нему каждый из его родителей, поскольку, входя в подростковую пору, он все в большей мере удостаивал своих бесед только Мэгги, а от Айры все сильнее отдалялся. Когда он сказал ей о ребенке, Мэгги и сама почувствовала себя отдалившейся от мужа. Они столько спорили, столько раз – многие тысячи – обсуждали Джесси. Дело было не только в обещании Мэгги не говорить Айре о ребенке, но и в том, что она устала от перебранок. Айра же просто на стену полезет! И будет, разумеется, прав.

Она думала о том, как Джесси подносил к ее губам ложку с бульоном, как уговаривал ее поесть. Иногда, просыпаясь в жару, она слышала слабенькую, грустную, далекую музыку, которая доносилась из наушников на голове Джесси, и нисколько не сомневалась, что сумела наконец расслышать звучание его самых потаенных мыслей.

В понедельник Мэгги, как обычно, поехала в семь утра на работу, но без четверти девять сказала больно и отправилась на Уитсайд-авеню. Клиника находилась в переоборудованном магазине с занавешенной витриной. Мэгги отыскала ее не по номеру дома, а по стоящим перед ней пикетчикам. Три женщины, несколько детей и

маленький вертлявый мужчина. Один плакат гласил: В ЭТОЙ КЛИНИКЕ УБИВАЮТ НЕВИННЫХ, другим была увеличенная фотография очень красивого младенца с копной черных волос, по которой шла белая надпись: ДАЙТЕ ЕЙ ШАНС. Мэгги поставила свой «додж» рядом с клиникой, возле страхового агентства. Пикетчики осмотрели ее и вновь повернулись к клинике.

Появилась еще одна машина, из нее вышла девушка в джинсах, а за ней молодой человек. Девушка нагнулась, чтобы сказать что-то водителю, потом помахала ему рукой, и машина уехала. Пара быстро пошла к клинике, пикетчики окружили ее. «Бог видит, что вы собираетесь сделать!» – воскликнула одна из женщин и встала на пути девушки, однако та быстро обогнула ее. «Где ваша совесть?» – крикнул в спину девушке мужчина. Затем она и молодой человек скрылись за дверью, а пикетчики вразброд вернулись на свои прежние места. Они горячо обсуждали что-то – похоже, согласия среди них не было. У Мэгги создалось впечатление, что некоторые из них считают необходимым применение силы.

Несколько минут спустя подъехала в такси женщина. Примерно одних с Мэгги лет, очень хорошо одетая, без спутников. Пикетчики, судя по всему, решили отыгаться на ней за прежние поражения. Они окружили ее и затараторили все сразу, словно рой жужжащих пчел. Они протягивали женщине брошюры, самая крупная из пикетчиц обняла ее рукой за плечи. Пациентка, если она была пациенткой, воскликнула: «Отцепитесь!» – заехала локтем пикетчице по ребрам и тоже ушла в клинику. Пикетчица согнулась – от боли, поначалу решила Мэгги, однако та просто взяла на руки одного из детей. Все снова разошлись по местам. Было очень жарко, и двигались они так медленно, что их гнев казался натужным и поддельным.

Мэгги поискала в сумочке какую-нибудь бумажку, чтобы обмахнуть ею лицо. Она бы и вышла из машины, но где же тут можно постоять? Рядом с пикетчиками?

Она услышала шаги, обернулась и увидела Фиону, а с ней девушку постарше – должно быть, ее сестру.

Мэгги боялась, что не узнает Фиону, ведь они встречались всего один раз. Однако узнала сразу – длинные светлые волосы, бледное лицо, на котором ничего пока написано не было. В джинсах и яркой, креветочно-розовой футболке. Надо сказать, что Мэгги относилась к

этому цвету с предубеждением. Думала, что его носят лишь люди из низших слоев общества. (О, как странно вспоминать теперь, что когда-то она сочла Фиону принадлежащей к городским низам! Ей казалось, что в этой девушке есть что-то дешевое и мишурное, бледность ее лица не внушала Мэгги доверия. Она подозревала, что и сестра Фионы скрывает под толстым слоем косметики столь же нездоровую кожу. Узколобость в чистом виде! – готова была признать теперь Мэгги, успевшая увидеть и хорошие стороны Фионы.)

Так или иначе, из машины она вылезла. Подошла к девушкам и сказала:

– Фиона?

Сестра пробормотала:

– Говорила же я, они попытаются тебе помешать.

Должно быть, приняла Мэгги за пикетчицу. Фиона не сбавила хода, веки ее были опущены и походили на два белых полумесяца.

– Я мать Джесси, Фиона, – сказала Мэгги.

Фиона замедлила шаг, взглянула на нее. Сестра и вовсе остановилась.

– Я не стану мешать тебе, если ты понимаешь, что делаешь, и уверена в этом, – сказала Мэгги. – Но все ли ты обдумала?

– Тут и обдумывать особенно нечего, – резко заявила сестра. – Ей семнадцать лет.

Фиона позволила сестре повести ее дальше, но при этом оглядывалась на Мэгги.

– Поговорила ли ты с Джесси? – спросила Мэгги, семена за ними. – Джесси хочет ребенка! Он мне так и сказал.

Ей ответила сестра:

– Он сам его вынашивать будет? Будет вставать по ночам и менять ему пеленки?

– Да, будет! – сказала Мэгги. – Ну, не вынашивать, конечно...

Они уже подошли вплотную к пикетчикам. Женщина протянула им брошюру. На обложке красовалась цветная фотография не рожденного младенца, далеко уже не зародыша, почти готового, собственно говоря, к появлению на свет.

– Отстаньте от нее, – сказала женщине Мэгги. И следом: – Ты действительно небезразлична Джесси, Фиона. Поверь мне.

– Насмотрелась я на Джесси Морана, до конца жизни хватит, – сказала сестра.

Дорогу ей попыталась преградить толстая женщина с двумя только-только начавшими ходить карапузами и грудным младенцем в кенгурятнике.

– Вы говорите так потому, что сами придумали ему определенную роль, – ответила Мэгги. – Рок-музыканта, от которого забеременела ваша младшая сестра. Но все не так просто! Не так шаблонно! Джесси купил книгу доктора Спока, – он говорил тебе об этом, Фиона? Он изучил вопрос о сосках-пустышках и считает, что тебе следует кормить ребенка грудью.

Толстая женщина заявила Фионе:

– Все ангелы в небесах плачут, глядя на тебя.

– Послушайте, – сказала ей Мэгги, – если у вас слишком много детей, это еще не причина желать такой же неприятности всем остальным.

– Ангелы называют это убийством, – продолжала женщина.

Фиону передернуло.

– Разве вы не видите, что расстраиваете ее? – сказала Мэгги.

Они уже подошли к двери клиники, но дорогу им преградил вертлявый мужчина.

– Уйдите, – сказала ему Мэгги. – Фиона! Подумай еще раз! Это все, о чем я тебя прошу.

Мужчина никуда не ушел, и это позволило Фионе повернуться к Мэгги. В глазах девушки стояли слезы.

– Джесси все равно, – сказала она.

– Конечно, не все равно!

– Он говорит мне: «Не беспокойся, Фиона, я тебя не подведу». Как будто он мне чем-то обязан! Не нужна мне его благотворительность!

– Он совсем не это имел в виду. Ты его неправильно поняла. Он искренне хочет жениться на тебе.

– А жить они на какие шиши будут? – спросила сестра. Голос у нее был лающий, неприятный, куда более низкий, чем у Фионы. – У него даже работы приличной нет.

– Он получил работу! Компьютеры! Возможность роста! – Мэгги приходилось говорить в телеграфном стиле, поскольку сестре Фионы

как-то удалось отогнать пикетчиков и она уже тянула дверь на себя. Женщина сунула Фионе под нос открытку: очередной кудрявый младенец. Мэгги оттолкнула ее руку и сказала Фионе: – По крайней мере, съезди сейчас к нам домой, обсуди все с Джесси. Это тебя ни к чему не обяжет.

Фиона колебалась. Ее сестра сказала:

– Ради бога, Фиона.

Однако Мэгги уже воспользовалась ее колебаниями. Взяв Фиону за руку, она повела ее к машине, не замолкая ни на секунду:

– Он говорит, что соорудит колыбельку, уже и чертежи раздобыл. У меня просто сердце заболело, когда я это услышала. Оставьте ее в покое, черт возьми! Мне что, полицию вызвать? Кто дал вам право приставать к людям?

– А кто дал ей право убивать ребенка? – ответила женщина.

– Какие у всех людей права, такие и у нее! Он же прирожденная сиделка, Фиона! Если бы ты видела его во время гонконгского гриппа.

– Какого?

– Ну, бангкокского, или сингапурского, или еще какого... Во всяком случае, благотворительностью тут и не пахнет. Он хочет этого ребенка больше всего на свете.

Фиона заглянула ей в лицо. Сказала:

– И он делает...

– Он делает колыбельку. Прекрасную, с балдахином, – ответила Мэгги. Если балдахина не будет, она всегда сможет сказать, что ошиблась.

Их нагнала и пошла рядом, деловито пощелкивая каблучками, сестра Фионы.

– Фиона, – сказала она, – если ты сию же секунду не вернешься, я умываю руки, имей это в виду. Тебе же время назначено, Фиона!

Еще и пикетчики неуверенно тащились за ними, отставая всего на несколько шагов. Запястье у Фионы было гладкое и невероятно тонкое, как бамбуковый росток. Мэгги неохотно отпустила его, чтобы открыть дверцу машины.

– Залезай, – сказала она.

А пикетчикам:

– Отвалите!

И сестре:

– Приятно было познакомиться с вами.

Пикетчики отступили. Одна из них начала:

– Послушайте, ээ...

– К вашему сведению, конституция этого не запрещает, – заявила ей Мэгги. Женщина вроде бы смутилась.

– Я отыскала клинику, – сказала сестра Фионы. – Записала ее на тестирование. Потом на прием, я пожертвовала выходным, который собиралась провести с моим другом в Оушен-Сити...

– Вы еще сможете успеть туда, – сказала, взглянув на часы, Мэгги.

Она торопливо направилась к водительскому месту, боясь, что Фиона попытается сбежать, но девушка сидела, откинув голову назад и сомкнув веки. Сестра нагнулась к открытому окошку.

– Ты мне вот что скажи, Фиона, – попросила она, – если Джесси Моран так жаждет этого ребенка, почему он сам не пришел сюда за тобой?

Фиона приоткрыла глаза, посмотрела на Мэгги.

– Он же пытался, – сказала та. – Пытался в течение нескольких дней, ты сама знаешь, но вы почему-то никак не могли понять друг друга.

Фиона снова закрыла глаза, и Мэгги тронула машину с места.

Странно, одержав победу – по крайней мере, временную, – она не испытывала ни малейшего торжества. Только усталость. И, честно говоря, легкое замешательство. Почему все кончилось именно так, когда она то и дело повторяла Джесси, что он пока еще недостаточно взрослый? О господи. Что же это она учинила такое? Она украдкой покосилась на Фиону. Кожа девушки казалась скользкой, словно покрытой глазурью.

– Тебе нехорошо? – спросила Мэгги.

– По-моему, я могу блевануть, – ответила, едва шевеля губами, Фиона.

– Хочешь, я остановлюсь?

– Нет, давайте уж доедем до дома.

Дальше Мэгги вела машину так осторожно, словно корзинку с яйцами везла.

Она затормозила перед домом, вылезла, обошла машину, чтобы помочь Фионе выйти. Девушка показалась ей страшно тяжелой. Она грузно навалилась на Мэгги. Однако пахло от нее молодостью –

свежевыглаженным хлопком и той сладкой косметикой для начинающих, что продают в дешевых магазинах, – и запах этот немного подбодрил Мэгги. Что же, девушка-то она совсем неплохая! Лишь немногим старше Дэйзи, самый обычный ребенок с открытым лицом, запутавшийся в том, что с ним случилось.

Они медленно пересекли тротуар, поднялись на веранду.

– Посиди здесь, – сказала Мэгги, усаживая Фиону в то кресло, в котором сама провела половину вчерашнего дня. – Тебе нужен воздух. Дыши как можно глубже. А я схожу за Джесси.

Фиона закрыла глаза.

В доме было прохладно и сумрачно. Мэгги поднялась по лестнице к комнате Джесси, постучала в дверь. Сунула в комнату голову, позвала:

– Джесси?

Шторы на окне были опущены, Мэгги различала лишь очертания мебели и клубок перекрученных простыней на кровати.

– Я привезла Фиону, Джесси, – сказала она. – Ты спустишься на веранду?

– Как?

– Спустишься на веранду и поговоришь с Фионой?

Он зашевелился, поднял голову, и Мэгги поняла, что может его оставить. Она вернулась вниз, зашла на кухню, налила из стоявшего в холодильнике графина стакан ледяного чая. Поставила его на фарфоровую тарелочку, обложила солеными крекерами и отнесла Фионе.

– Вот, – сказала она. – Погрызи немного крекеров. И чаю попей, только маленькими глоточками.

Фиона, которая уже выглядела получше и сидела в кресле, выпрямившись, сказала, когда Мэгги опустила тарелочку ей на колени: «Спасибо». И откусила уголок печенья. Мэгги уселась рядом с ней в кресло-качалку.

– Когда я ждала Дэйзи, – сказала она, – то целых два месяца только чаем с солеными крекерами и кормилась. Просто чудо, что мы обе не заболели от недоедания. Мне было до того худо, что я помереть боялась, зато с Джесси – вообще никаких хлопот. Разве не смешно? Считается, что должно быть наоборот.

Фиона положила крекер на тарелочку и сказала:

– Лучше бы я в клинике осталась.

– Ох, милочка, – отозвалась Мэгги. Она вдруг приуныла. На миг перед ней с леденящей ясностью предстало лицо Айры, узнавшего, что она натворила. – Еще не слишком поздно, Фиона, – сказала она. – Ты приехала сюда только для того, чтобы все обсудить, ведь так? Никакими обязательствами себя не связала.

Впрочем, еще говоря это, Мэгги увидела, как клиника тает вдали. То же самое, что через скакалку прыгать, подумала она. Упусти правильную долю секунды – и все испортишь. Она склонилась к Фионе, тронула ее за руку:

– И в конце концов, вы же любите друг друга, так? Разве не любите?

– Да, но, может быть, если мы поженимся, он начнет корить меня, – сказала Фиона. – Он же лидер группы! После того как он прославится, ему, наверное, захочется съездить в Англию или в Австралию. Пока что его группа как раз начала зарабатывать небольшие, но все-таки деньги. И где мы будем жить? Как с этим-то быть?

– Для начала поживете у нас, – сказала Мэгги. – А в ноябре переедете на квартиру, которую Джесси нашел в Ваверли. У него все продумано.

Фиона смотрела на улицу.

– Если бы я осталась в клинике, все уже закончилось бы, – помолчав с минуту, сказала она.

– Ах, Фиона. Прошу тебя. Скажи мне, что я ничего не испортила! – попросила Мэгги. И оглянулась посмотреть, не идет ли Джесси. Что его так задерживает? Не может же она вечно сидеть тут и утешать Фиону. «Подожди немного», – сказала она, вставая, и торопливо вошла в дом. «Джесси!» Однако он не ответил, зато Мэгги услышала, как в душе льется вода. Даже если в доме пожар начнется, подумала она, этот мальчишка первым делом полезет под душ. Она взбежала наверх, пару раз ударила кулаком в дверь ванной комнаты. «Ты скоро, Джесси?»

Он выключил воду и спросил:

– Что?

– Выходи, говорю!

Ответа не было. Впрочем, Мэгги услышала, как заскрежетали кольца душевой занавески.

Она вошла в его комнату, подняла обе шторы. Ей хотелось найти книгу доктора Спока. Книга стала бы свидетельством в пользу Джесси и, во всяком случае, позволила бы дотянуть разговор до его появления. Однако отыскать ее Мэгги не смогла – везде только грязная одежда, картонные коробки из-под картошки фри, вынутые из конвертов пластинки. Ладно, а где чертежи колыбельки? Что они собой представляют – синьки? Их тоже нигде не видно. Хотя, конечно, он отнес синьки в подвал, туда, где Айра держит свои инструменты. Мэгги сбежала вниз, крикнула, минуя дверь на веранду: «Уже идет!» (Ей совсем не трудно было вообразить, как Фиона встает и уходит.) Кухня, узкая деревянная лестница вниз, верстак Айры. И здесь никаких чертежей не видно. Инструменты развешены по деревянному щиту, каждый перед своим цветным очертанием – верный признак того, что Джесси к ним и близко не подходил. На верстаке два квадратика наждачной бумаги и связка скрепленных круглой резинкой деревянных реек, предназначенных для бельевой сушиллки, которую Айра обещал поставить в углу задней веранды. Мэгги схватила их, торопливо поднялась из подвала.

– Смотри, – сказала она, распахнув сетчатую дверь на веранду. – Колыбелька Джесси.

Фиона спустила очки на кончик носа, приняла рейки, осмотрела их.

– Колыбелька? – с сомнением спросила она.

– У нее должны быть такие... стоечки, это как раз они, – сказала Мэгги. – Колыбелька в старинном стиле.

Можно было подумать, что на рейках написаны какие-то слова, так усердно изучала их Фиона.

Затем на веранду вышел пахнущий шампунем Джесси. Волосы влажные, нечесанные, но кожа просто светится. Он спросил:

– Фиона? Ты ведь еще ничего не сделала?

Она подняла к нему лицо и, держа рейки, как королевский скипетр, ответила:

– Ладно, Джесси, если ты хочешь. Наверное, мы можем пожениться, если тебе хочется.

Джесси обнял Фиону, положил голову ей на плечо, и что-то в этой картине – его темная голова рядом с ее светлой – напомнило Мэгги о том, какой она еще до замужества рисовала себе семейную жизнь. Далеко не той, что сложилась у нее. Мэгги думала тогда, что брак гораздо сильнее изменяет людей – две противоположности сходятся, чуть ли не с грохотом и треском. Она полагала, что, когда выйдет замуж, все ее проблемы точно рукой снимет, – вот так, собираясь в отпуск, ты оставляешь неразрешенными несколько запутанных задач, да еще и с легкостью, как будто никогда не вернешься назад и не столкнешься с ними снова. Ошибалась, разумеется. Однако, глядя в те мгновения на Джесси и Фиону, Мэгги почти поверила в справедливость своих давних представлений. Она ушла в дом, тихо закрыла за собой сетчатую дверь и решила, что все кончится хорошо.

Свадьбу сыграли в Картуиле, в гостиной дома миссис Стакки. Присутствовали только родственники. Айра был мрачен и молчалив, мать Мэгги сидела, оцепенев от гнева, отец выглядел сбитым с толку. Положенное праздничное настроение демонстрировала лишь миссис Стакки. Она была в вельветовом брючном костюме цвета фуксии с приколотым к корсажу большим, как ее голова, букетом и перед церемонией рассказывала всем, как ей жаль, что мистер Стакки не дожил до этого дня, а больше ей жалеть не о чем. Хотя, возможно, он и здесь – в виде духа; и следом она некоторое время излагала свою личную теорию призраков. (Они были завершениями того, что собирались, да не успели сделать умершие, завершением их не исполненных планов, – это чем-то походило на то, как приходишь на кухню и не можешь вспомнить зачем, потому изображаешь движение, поворот запястья, скажем, и оно напоминает тебе, что ты пришла завернуть капающий кран. Так не возможно ли, что мистер Стакки сейчас здесь, в гостиной, он же мечтал когда-нибудь провести своих любимых дочерей по проходу церкви?) А следом миссис Стакки объявила, что, по ее мнению, брак дает человеку образование, которое ничем не хуже школьного, а может, даже и лучше. «Я и сама бросила школу, – сообщила она, – и ни разу в жизни об этом не пожалела». Сестра Фионы закатила глаза к потолку. Впрочем, эти воззрения миссис Стакки следовало приветствовать, поскольку восемнадцать лет

Фионе должно было исполниться лишь в январе, и разрешение на брак она могла получить только с согласия родителей.

На самой Фионе было бежевое, свободное в талии платье, которое она и Мэгги купили вместе, а Джесси выглядел в костюме и при галстукe очень представительно. Выглядел совсем взрослым. Дэйзи, оказываясь с ним рядом, робела, она все цеплялась за руку Мэгги и оглядывалась на брата. «Что с тобой такое? Выпрямись», – говорила ей Мэгги. На нее напала непонятная раздражительность. Она опасалась, что Айра будет теперь сердиться на нее до окончания дней. Судя по всему, он считал, что во всей этой ситуации повинна только она.

После венчания Джесси и Фиона на неделю уехали в Оушен-Сити. Потом вернулись домой, в комнату Джесси, Мэгги добавила туда еще один стол и заменила старую койку сына купленной в магазине «Джей Си Пенни» двойной кроватью. В доме стало теснее, конечно, но то была приятная теснота, веселая, полная ожидания. Фиона прижилась прекрасно, она была такой покладистой, такой готовой позволить Мэгги распоряжаться всем – в мере даже большей, чем ее собственные дети. Радостный Джесси уходил каждое утро на свою компьютерную работу и каждый вечер возвращался, принося какое-нибудь новое приспособление для ухода за детьми – упаковку безопасных, сделанных в форме зайчиков булавок для крепления пеленок или замысловатый поильник. Он много читал о родах и продолжал увлекаться разными теориями, каждая новая была страннее предыдущей. Какое-то время даже предлагал устроить роды в воде, но не смог отыскать врача, который согласился бы на это.

Дэйзи и ее подруги даже думать забыли о миссис Совершенство, они переселились, можно сказать, в гостиную Мэгги. Пятерка онемевших, зачарованных девочек почтительно созерцала живот Фионы, и Фиона подыгрывала им, временами приглашая в свою комнату, чтобы показать разраставшееся приданое будущего младенца, а после усаживала одну из них перед зеркалом и экспериментировала с ее волосами. (Сестра Фионы была косметологом и научила ее, так она говорила, всему, что знала сама.) А вечером, если группа Джесси выступала где-то, он и Фиона уходили и возвращались не раньше двух или трех часов ночи, – наполовину проснувшаяся Мэгги слышала, как они перешептываются на лестнице, потом воровато щелкал замок их двери, и Мэгги удовлетворенно засыпала.

Даже Айра, пережив начальное потрясение, казалось, смирился. О, вначале он испытывал такое отвращение, что Мэгги боялась, как бы он не ушел из дома навсегда. Он целыми днями молчал, а когда Джесси входил в комнату, покидал ее. Но постепенно притерпелся. Уютнее всего, думала Мэгги, он чувствует себя, когда может изображать человека терпимого и многострадального, а тут у него безусловно появилась такая возможность. Все его дурные предчувствия оправдались: сын поставил девушку в аховое положение, жена непростительным образом влезла не в свое дело, в результате девушка живет в спальне Джесси, среди плакатов Игги Попа. Сам же он может вздыхать и повторять: «А что я говорил? Разве я тебя не предупреждал?» (По крайней мере, может создавать такое впечатление – так-то он помалкивал.) Каждое утро Фиона в махровом розовом халате, розовых же, похожих на большие пуховки для пудры домашних туфлях и с черепаховой мыльницей в руке проплывала мимо него в ванную комнату, и Айра вжимался в стену – так, точно девушка была в два раза больше, чем на самом деле. Впрочем, он был неизменно вежлив с ней. И даже научил Фиону раскладывать, когда скука постоянного сидения дома становилась для нее невыносимой, его любимый сложный пасьянс и выдавал ей книги из собранной им «Библиотеки Морехода» – череды воспоминаний тех, кто в одиночку обогнул под парусом земной шар и так далее. («По мне, – сказала Фиона Мэгги, – все они написаны на одну тему, которая так нравится мужчинам: „Как я прошел таким-то маршрутом“»). Однако Айре она этого не говорила.) И в ноябре, когда предположительно должна была освободиться квартира в Ваверли, Айра не стал спрашивать, почему они в нее не переезжают.

Как не стала и Мэгги, старательно избегавшая этой темы. Насколько она понимала, идея насчет квартиры оказалась несостоятельной. Может быть, у прежних ее жильцов переменились планы. Так или иначе, Джесси и Фиона о переезде больше и не заикались. Фиона ходила по пятам за Мэгги совершенно как дети, когда они были крошками, провожала ее из комнаты в комнату, задавая нелепые вопросы: «Почему мне кажется, что я отупела?» или «А лодыжки у меня потом снова появятся?» Она стала посещать курсы будущих матерей и хотела, чтобы в родовой палате с ней сидела Мэгги. Джесси, сказала она, может упасть в обморок или еще что. Мэгги

ответила: «Погоди, он же умирает от желания быть там с тобой», а Фиона ответила: «Я не хочу, чтобы он видел меня такой! Он мне даже не родственник».

Как и я, могла бы сказать Мэгги. Однако выглядело все так, точно она родственницей и была – в определенных смыслах.

Вообще Фиона начала разговаривать с Джесси придирчиво и недовольно. Жаловалась на несправедливость своего положения: Джесси каждый день отправляется на работу, а она сидит дома и толстеет. Она ведь могла бы и в школу ходить, говорила Фиона, по крайней мере осенью, – так нет же, нет, Джесси пожелал, чтобы все было по-его: раз ты жена, сиди дома и изображай «маленькую маму». Когда она заводила такие разговоры, в голосе ее проступали бабьи интонации, а Джесси отвечал ей угрюмо. «Ты хоть одно мое слово услышал?» – спрашивала Фиона, и Джесси говорил: «Услышал, услышал». Что в этом казалось Мэгги таким знакомым? Тон, наверное. Именно таким тоном Джесси препирался с родителями, вот в чем было дело. Джесси с Фионой больше походили на сына с матерью, чем на мужа с женой.

Впрочем, Фиона чувствовала себя плоховато, потому и брюзжала. Сонливость, которая сопровождает начало любой беременности, так ее и не покинула – даже на седьмом и восьмом месяце, когда большинство женщин обращаются в сгустки энергии. Джесси мог сказать ей: «Одевайся! Сегодня мы выступаем в „Гранитной Таверне“, нам платят настоящие деньги», а она отвечала: «Ну, не знаю, может, тебе лучше без меня пойти». «Без тебя? – удивлялся он. – Одному, что ли?» Лицо его становилось обиженным, удивленным. Но не пойти-то он не мог. Один раз он даже от ужина отказался – ушел, как только Фиона сказала, что останется дома, хотя времени было всего шесть вечера.

Собственно, и Фиона есть тоже не стала, сидела за столом, ковыряясь в еде, и время от времени по щеке ее сползала слеза, а потом надела ветровку с капюшоном, которая из-за ее живота больше не застегивалась, и отправилась на долгую, очень долгую прогулку. Может быть, решила навестить сестру, Мэгги ничего не знала. Около восьми позвонил Джесси, пришлось сказать ему, что Фионы нет.

– Что значит «нет»? – спросил он.

– Она ушла, Джесси. Уверена, скоро вернется.

– Она же говорила, что слишком устала, чтобы куда-то идти. И в «Гранитную Таверну» не пошла, потому что устала.

– Ну, может быть, она...

Однако Джесси уже повесил трубку – Мэгги услышала металлический щелчок.

Что же, такое случается. Мэгги ли этого не знать? На следующее утро Джесси с Фионой были очень милы – помирились ночью и вели себя так, точно полюбили друг друга еще сильнее прежнего. Выходило, что тревожилась Мэгги напрасно.

Ребенок должен был родиться в начале марта, однако первого февраля Фиона проснулась с болью в спине. Мэгги, услышав об этом, разволновалась.

– Могу об заклад побиться, началось, – сказала она Фионе.

– Не может быть! – ответила та. – Я еще не готова.

– Конечно, готова. Все приданое собрано, чемодан уложен...

– Но Джесси так и не сделал колыбельку.

Что правда, то правда. Какое бы «снаряжение» он ни запас, колыбельки среди этих вещей не было. Мэгги сказала:

– Ничего. Сделает, пока ты будешь в больнице.

– Это самая обычная боль в спине, – заявила Фиона. – Так часто бывало, даже до беременности.

Однако в полдень, когда Мэгги позвонила с работы, уверенности у нее поубавилось.

– Какие-то спазмы в животе начались, типа того, – сказала она. – Вы не могли бы приехать пораньше?

– Скоро буду, – сказала Мэгги. – Ты уже позвонила Джесси?

– Джесси? Нет.

– Так позвони, что же ты?

– Ладно, но вы обещаете приехать? Выезжайте сейчас.

– Считай, что уже еду.

Добравшись до дома, она обнаружила Джесси, который следил за схватками Фионы по секундомеру, именно с этой целью и купленному. Настроение у него было ликующее.

– Все идет, как положено! – сказал он Мэгги.

Фиона выглядела испуганной. И все постанывала – не во время схваток, а между ними.

– Лапа, по-моему, ты неправильно дышишь, – сказал ей Джесси.

Фиона ответила:

– Отстань ты от меня с этим дыханием! Как умею, так и дышу.

– Нет, я просто хочу, чтобы тебе удобно было. Тебе удобно?

Ребенок шевелится?

– Не знаю.

– Шевелится он или нет? Фиона? Ты же должна чувствовать.

– Говорю тебе, не знаю. Нет. Не шевелится.

– Ребенок не шевелится, – сказал Джесси Мэгги.

– Не волнуйся. Он просто собирается с силами, – ответила Мэгги.

– Наверное, что-то не так.

– Все так, Джесси. Поверь мне.

Но Джесси не поверил, и в результате они приехали в больницу слишком рано. Машину вела Мэгги. Джесси сказал, что если он сядет за руль, то может во что-нибудь врезаться, а после всю дорогу осуждал Мэгги, что бы та ни сделала.

– Что с тобой, почему ты прицепилась к этому автобусу? Смени полосу. Да не сейчас, о господи! Сначала в зеркальце посмотри. Боже, мы все погибнем, им придется делать ей кесарево посреди Франклин-стрит.

Фиона, услышав такие слова, взвизгнула, и это настолько подействовало Мэгги на нервы, что она ударила по тормозам, и всех троих бросило вперед. Джесси сказал:

– Выпусти нас! Мы лучше пешком пойдем! Пусть она рожает на тротуаре!

– Отлично, – ответила Мэгги. – Вылезайте.

– Что? – спросила Фиона.

– Ладно, ма, успокойся, – сказал Джесси. – Не закатывай истерику. Ма при любой неожиданности голову теряет, с гарантией, – объяснил он Фионе.

Дальше они ехали в молчании. Мэгги высадила их у входа в больницу и отправилась парковаться. А когда отыскала их в приемном покое, Фиону усаживали в кресло на колесиках.

– Я хочу, чтобы со мной пошла свекровь, – говорила она медицинской сестре.

– С вами может пойти только папа, – отвечала сестра. – Бабушке придется посидеть в комнате ожидания.

Бабушке?

– Я не хочу папу, я хочу бабушку! – закричала Фиона – совершенно как шестилетняя девочка.

– Ну, поехали, – сказала сестра. И увезла Фиону. Джесси пошел следом, лицо у него было оскорбленное и незащищенное, в последнее время Мэгги видела такое нередко.

Она отправилась в комнату ожидания, оказавшуюся большущей, размером с футбольное поле. Огромная, застланная бежевым ковровым покрытием пустота перебивалась кое-где скоплениями бежевых виниловых кушеток и кресел. Мэгги села на пустую кушетку, взяла с приставленного к ней бежевого деревянного столика потрепанный журнал. Первая статья называлась «Как добавить в ваш брак огоньку». Автор советовал быть непредсказуемой: встречать возвращающегося с работы мужа одетой в один лишь кружевной черный передник. Айра решил бы, что она спятила. Не говоря уж о Джесси с Фионой и пяти зачарованных девочках. Мэгги пожалела, что не прихватила с собой вязание. Вязальщицей она была не бог весть какой – на первых нескольких дюймах ее петли неслись вскачь, а потом налезали одна на другую, как столкнувшиеся машины, – тем не менее в последнее время она пыталась связать для малыша лиловую футбольную фуфайку. (Родиться должен был мальчик, все так считали, и имена обсуждались только мальчишечьи.)

Она отложила журнал и направилась к стене, на которой висели в ряд телефоны-автоматы. Сначала позвонила домой. Никто не ответил – даже Дэйзи, которая обычно возвращалась из школы к трем. Мэгги взглянула на свои часы и обнаружила, что времени всего два с минутами, а ей казалось, что намного больше. Набрала рабочий номер Айры.

– Багетная мастерская Сэма, – ответил он.

– Айра? – сказала она. – Догадайся, где я, – в больнице.

– В больнице? Что с тобой?

– Со мной ничего. Фиона рождает.

– А, – произнес Айра. – Я уж решил, что ты машину разбила.

– Не хочешь прийти, подождать со мной? Это займет какое-то время.

– Я лучше домой пойду, присмотрю за Дэйзи.

Мэгги вздохнула.

– Дэйзи в школе, – сказала она. – Да и присматривать за ней уже несколько лет как не нужно.

– Кто-то же должен приготовить ужин, – сказал Айра.

Она сдалась. Не дай бог умирать ей выпадет в больнице, он и туда, скорее всего, не придет.

– Хорошо, как знаешь, Айра, я думала, тебе захочется увидеть внука.

– Я его и так скоро увижу, разве нет? – спросил Айра.

Мэгги заметила, что в комнату ожидания вошел Джесси.

– Мне нужно идти, – сказала она и повесила трубку. – Джесси? – спросила она, подходя к сыну. – Что нового?

– Все хорошо. Так они, по крайней мере, говорят.

– А как Фиона?

– Испугана, – ответил он, – я пытаюсь успокоить ее, но эти больничные все время меня отгоняют. Как заявится кто-нибудь из их персонала, так меня сразу выставляют.

Вот тебе и современный подход, подумала Мэгги. Мужчин по-прежнему отстраняют от всего, что по-настоящему важно.

Джесси вернулся к Фионе, однако держал Мэгги в курсе событий, появляясь каждые полчаса, чтобы с видом знатока порассуждать о стадиях и симптомах.

– Теперь все пойдет быстро, – сказал он раз, а в другой: – Многие верят, что в восемь месяцев ребенок подвержен большему риску, чем в семь, но это бабьи сказки. Полная чушь.

Волосы Джесси топорщились густыми лохмами, как взерошенная ветром трава. Мэгги с трудом удерживалась, чтобы не пригладить их. Неожиданно он напомнил ей Айру. Как бы ни различались они в остальных отношениях, оба воображали, что, прочитав о чем-то побольше, вооружившись знаниями, ты сможешь чем угодно управлять.

Она прикинула, не съездить ли ей ненадолго домой (было почти пять), но поняла, что будет там лишь волноваться да бегать взад-вперед, поэтому осталась в больнице и звонила домой по телефону. Дэйзи сообщила, что Айра купил на ужин блинчики. «А зелень? – спросила Мэгги. – Как насчет овощей?» Айра взял трубку и заверил Мэгги, что добавил к блинчикам блюдо нарезанных кружочками яблок-кислиц, со специями. «Кислица не овощ, Айра», – сказала

Мэгги. Ей хотелось плакать. Она должна быть дома, кормить семью; должна прорваться в родильную палату и успокоить Фиону; должна взять Джесси на руки и укачивать его, он же еще ребенок и слишком юн для того, что с ним происходит. А она стоит под колпаком телефона-автомата, сжимая в руке не слишком чистую трубку. Собственный живот казался ей тугим, стянувшимся в узел. Не так уж давно и сама она лежала в родильной палате, и ее мышцы в подробностях помнили это.

Мэгги попрощалась с Айрой и прошла через двери, за которыми всякий раз исчезал Джесси. Прогулялась по коридору, надеясь увидеть, ох, ну по крайней мере полную новорожденных палату, которая поднимет ей настроение. А увидела еще одну комнату ожидания, маленькую, – возможно, приемную кого-то из врачей или предбанник некой лаборатории. У одной стены в пластиковых креслах сидела чета стариков, напротив них – дюжий мужчина в забрызганном краской рабочем комбинезоне. Когда Мэгги замедлила шаг, чтобы приглядеться к ним, медсестра позвала: «Мистер Плум?» Старик встал и удалился во внутреннюю комнату, оставив на кресле новехонький журнал. Мэгги непринужденно – с таким видом, точно она имеет полное право здесь находиться, – прошла в комнатку, взяла журнал, одновременно присев перед старой женщиной в неловком полуреверансе, дабы дать понять, что никому свою компанию не навязывает, и уселась рядом с мужчиной в комбинезоне. Неважно, что это был заурядный женский журнал, но от страниц его еще исходил манящий запах новизны, а волосы делившихся своими секретами кинозвезд были уложены по последней моде. Мэгги просмотрела статью о суперэффективной диете. Ты выбираешь любимую еду и потребляешь ее в каких угодно количествах трижды в день – но только ее и ничего другого. Что до Мэгги, она выбрала бы говяжьи буррито с бобами, которые продают на Лексингтон-Маркет.

В смежной комнате медсестра сказала:

– Итак, мистер Плум, вот вам банка для мочи.

– Для чего?

– Для мочи.

– Как-как?

– Для мочи!

– Говорите громче, я вас не слышу.

– Я говорю – для мочи! Отнесите банку домой! Соберите в нее всю вашу мочу! За двадцать четыре часа! А потом принесите сюда!

Его жена, сидящая в кресле напротив Мэгги, смущенно хихикнула.

– Глух как дверная ручка, – сказала она. – Чтобы он тебя расслышал, приходится вопить во все горло.

Мэгги улыбнулась, покачала головой, не зная, чем еще можно ответить на такое признание. Мужчина в комбинезоне пошевелился. Положил на колени огромные мохнатые кулаки. Кашлянул.

– Знаете, что смешно? – сказал он. – Я вот отлично слышу голос сестры, а ни одного ее слова разобрать не могу.

Глаза Мэгги наполнились слезами. Она уронила журнал и полезла в сумочку за «клинексом», а мужчина спросил:

– Леди? Вам плохо?

Не могла же она объяснить, что растрогана его чуткостью, – такая деликатность, совершенно неожиданная при его внешности, – и потому сказала:

– Мой сын, он сейчас рождает. Вернее, жена сына.

Мужчина и старушка ждали продолжения, их лица выражали готовность к потрясению и жалости, которые они испытывают, услышав самое дурное. А сказать им: «Это я во всем виновата, всех запутала, ни разу не подумав о последствиях» – Мэгги тоже не могла и сказала взамен:

– Рождает на многие, многие месяцы раньше, до правильной даты еще вон сколько осталось...

Мужчина поцокал языком. Лоб его покрылся складками, совсем как кусок ткани. А старушка сказала:

– Ох, бог ты мой, у вас, наверное, душа не на месте. Но не теряйте надежды, потому что жена моего племянника Брейди, Анджела...

Вот так и получилось, что Джесси, который несколько минут спустя шел по коридору из родильной палаты, обнаружил в боковой клетушке свою мать, окруженную какими-то незнакомцами. Они гладили ее по плечам, бормотали слова утешения – старушка, кто-то вроде рабочего, медицинская сестра с планшеткой, сутулый старик, обнимавший гигантскую стеклянную банку.

– Ма? – произнес, вступая в комнатку, Джесси. – Ребенок родился, чувствуют они себя хорошо.

– Восславим Иисуса! – вскричала старушка, воздев руки к потолку.

– Единственная накладка, – сказал, с сомнением глядя на старушку, Джесси, – родилась девочка. Я как-то на девочку не рассчитывал.

– И вы позволяете себе беспокоиться по таким поводам? – спросила старушка. – В такое мгновение? Когда ребенка вырвали из когтей смерти!

– Из когтей?.. – удивился Джесси. – Нет, просто некоторые считают, что восьмимесячный...

– Пошли отсюда, – прервала его Мэгги. Она растолкала обступивших ее людей, схватила Джесси за руку и потащила прочь.

Как же эта малышка все переменяла в их доме! Ее гневные крики и голубиное утреннее воркование, ее запахи – смесь талька с аммиаком, ее вертлявые ручки и ножки. Светленькая, как Фиона, духом она пошла в Джесси с его живостью (какая уж тут Малышка Леди). Ее маленькое, красивое личико словно сминалось книзу, и когда Фиона собирала волосики Лерой в подобие торчащего из макушки ростка, та становилась похожей на пупса. Зачарованные девочки катали ее по всему дому, точно куклу, пропуская, если им позволялось, занятия в школе, чтобы приподнимать ребеночка, ухватывая под мышки, тряхти погремушкой перед ее носиком и, тяжело дыша, нависать над Лерой, пока Фиона купала ее. Даже Айра начал проявлять к внучке интерес, хоть и не желал в этом признаваться. «Дайте мне знать, когда она дорастет до бейсбола», – говорил он, однако уже на второй неделе Мэгги застала его бочком подбирившимся к ящику стола, в котором спала Лерой, а когда та научилась сидеть, они начали вести понятные только им разговоры.

А Джесси? Джесси был любящим отцом, он всегда предлагал свою помощь, временами даже навязывая ее, если верить Фионе. Когда Лерой начинала капризничать, он отправлялся с ней на прогулку, вылезал после ночного двухчасового кормления из теплой постели, брал дочку на руки, чтобы она отрыгнула, и потом возвращал ее в комнату Мэгги. А как-то раз, Мэгги тогда повезла Фиону по магазинам, провел все субботнее утро, ухаживая за Лерой, и вернул ее с прогулки в целостности и сохранности, хоть и одел неправильно – лямки

комбинезончика перетянули воротник и сильно помяли двойные складочки на шее девочки, – почему-то опечалив этим Мэгги. Джесси уверял, что и не хотел никакого мальчика, а если хотел, так не может припомнить теперь почему.

– Девочки совершенны, – говорил он. – И Лерой само совершенство. Но только, знаешь...

– Но только?

– Ну, просто... черт, перед ее рождением у меня были всякие, типа, предвкушения. А теперь мне предвкушать нечего, понимаешь?

– О, это пройдет, – ответила ему Мэгги. – Не беспокойся.

Однако чуть позже сказала Айре:

– Никогда не слышала, что у отцов бывает послеродовая депрессия.

Неужели если мать от нее не страдает, так страдает отец? Потому что Фиона-то была веселой и словно ничего вокруг себя не замечала. Часто, беря малышку на руки, она походила скорее на одну из зачарованных девочек, чем на мать. И еще Мэгги считала, что она уделяет слишком много внимания внешности Лерой – всем этим оборочкам, кружавчикам и ленточкам. А может быть, ей это лишь казалось. Может быть, Мэгги ревновала. И то сказать, каждое утро расставаться с малышкой, уходя на работу, было для Мэгги мукой.

– Как я могу ее оставить? – жаловалась она Айре. – Фиона же не имеет ни малейшего понятия об уходе за ребенком.

– Что же, только так она этими понятиями обзавестись и сможет, – отвечал Айра.

И Мэгги уезжала, как ни тянуло ее назад, и по нескольку раз на дню звонила домой узнать, как там идут дела. И они всегда шли хорошо.

Как-то раз под вечер она услышала в доме престарелых разговор немолодого посетителя с его матерью – сидящей в инвалидной коляске бессмысленной женщиной с отвисшей челюстью. Он рассказал ей о жене, о детях. Женщина разглаживала подол своего халата. Рассказал о работе. Женщина выдернула из подола нитку и бросила ее на пол. Рассказал об открытке на ее имя, присланной ему на дом. Церковь устраивала пасхальный благотворительный базар и желала узнать, за какую работу на нем она готова взяться. Сыну это показалось смешным – из-за немощи матери. «Они предложили тебе выбор, –

сказал он, усмехаясь. – Ты могла бы распоряжаться лотком с вышивками или присматривать за малышами». Руки женщины остались неподвижными. Но голову она подняла. Лицо ее засветилось, порозовело. «Ох! – тихо вскрикнула она. – За малышами!»

Мэгги хорошо знала, что она чувствует.

Девочкой Лерой была долговязой, худенькой, Фиона боялась, что она вот-вот вырастет из ящика стола, в котором спала.

– Когда же ты займешься колыбелькой? – спрашивала она у Джесси.

И тот отвечал:

– Со дня на день.

Мэгги говорила:

– Может быть, нам кроватку купить? Колыбель хороша только для новорожденных. Надолго ее не хватит.

Но Фиона возражала:

– Нет, я хочу колыбель. – И снова к Джесси: – Ты же обещал.

– Что-то не помню.

– Обещал, – настаивала она.

– Ну ладно! Сделаю! Я же сказал – сделаю!

– Не кричи на меня, – требовала Фиона.

– Я не кричу.

– Кричишь.

– Ничего я не кричу.

– Еще как кричишь.

– Нет.

– Да.

– Дети! Дети! – говорила якобы в шутку Мэгги.

Хотя какие уж тут шутки.

Однажды Фиона, поссорившись с Джесси, выскочила из дома, прихватив с собой малышку, и заночевала у сестры. И ссоры-то не было, просто небольшая размолвка: группа Джесси играла в клубе в центре Балтимора, Фиона собиралась, как обычно, пойти туда, но Джесси решил, что Лерой простужена и оставлять ее без присмотра нельзя. Фиона сказала, что с ней и Мэгги справится, а Джесси ответил, что больному ребенку нужна мать, а Фиона заявила, что ее поражает, до чего он заботится о малышке и совсем не заботится о ее матери, а Джесси ответил...

Ну ладно.

Фиона ушла и вернулась только утром, Мэгги боялась, что она ушла насовсем, подвергнув опасности несчастного больного ребенка, нуждающегося в уходе, обеспечить который Фиона попросту не могла. Вполне возможно, что она с самого начала собиралась их бросить. Нет, правда, взять ту же ее мыльницу! Разве не странно, что почти целый год она дважды в день отправлялась в ванную комнату, неся с собой черепаховую мыльницу, тубик с зубной пастой «Эйм» (Мораны такой не пользовались) и зубную щетку в пластмассовом цилиндрике? И хранила все свои туалетные принадлежности в виниловом дорожном чехольчике, который стоял на ее столе? Как будто погостить приехала! Она и не думала поселиться у них навсегда.

– Сходи за ней, – сказала Мэгги сыну, а он ответил:

– С чего это? Я ее не гнал, сама ушла.

Когда на следующий день Фиона вернулась, бледная, с припухшими глазами, он был на работе. Пряди ее нерасчесанных волос перепутались с искусственным мехом на капюшоне куртки, Лерой была небрежно завернута в вязанный крючком цветастый плед, взятый, надо полагать, у сестры.

Правду говорила мать Мэгги: в их семье каждое новое поколение скатывается все ниже. Во всех отношениях, не просто в смысле профессий и образования, но и в том, как воспитываются дети и содержится дом. («Почему ты позволяешь себе так опускаться?» – снова и снова звучало в памяти Мэгги.) Миссис Дейли стояла, неодобрительно поджав губы, над спавшей Лерой. «Они держат девочку в ящике стола? Бросают ее на тебя и Айру? О чем они думают? Это все Фиона, наверное. Право же, Мэгги, она такая... Она ведь даже не из Балтимора! Она из тех, кто называет Вайкомико Вико-Мико!^[34] И что это за грохот?»

Мэгги наклонила голову, прислушалась.

– Наверное, «Кэнд Хит», – решила она.

– Кандид? Я не спрашиваю, как это называется, мне не понятно, зачем оно играет. Когда вы были маленькими, я ставила вам Бетховена и Брамса, вы у меня все оперы Вагнера прослушали!

Ну еще бы, Мэгги и поныне помнила неодолимую скуку, которую нагоняла на нее гроыхавшая по всему дому увесистая музыка Вагнера. И собственное отчаяние, когда она пыталась рассказать нечто

важное: «Я и Эмма пошли в...» – а мать перебивала ее: «Мы с Эммой, будь так добра». Она поклялась тогда, что со своими детьми так обходиться не будет, уж лучше послушает, что им хочется рассказать, а грамматика пусть сама о себе позаботится. Не то чтобы ей удалось соблюсти этот обет, во всяком случае, не в отношении Джесси.

А может быть, сама она скатилась вниз намеренно. И если так, за что же ей винить Джесси? Возможно, он всего лишь выполняет ее тайные революционные замыслы, а иначе стал бы – как знать? – адвокатом вроде отца миссис Дейли.

Ладно, об этом говорить уже поздно.

Научившись ползать, Лерой выбралась из ящика стола, и на следующий день Айра принес домой кроватку. И собрал ее, не говоря ни слова, в их с Мэгги спальне. А Фиона стояла, не говоря ни слова, в дверном проеме и наблюдала за ним. Кожа у нее под глазами выглядела землистой, грязноватой.

В сентябре, в субботу, праздновался день рождения отца Айры. По установленной Мэгги традиции, они отправлялись для этого на ипподром «Пимлико» – все вместе, пусть Айре и приходилось закрывать мастерскую. Брели с собой кучу еды в плетеных пикниковых корзинах и по десять долларов на каждого, чтобы делать ставки. В прошлом все семейство затискивалось в машину Айры, но, разумеется, теперь это было невозможно. В том году к ним прибавились Джесси с Фионой (годом раньше они отсутствовали – медовый месяц) и Лерой, и даже сестра Айры Джуни решила поехать. Поэтому Джесси позаимствовал фургончик, в котором его группа перевозила инструменты. По боку его тянулась надпись: ВЕРТИ КОТА, «В» и «О» были полосатыми, как тигриные хвосты. Они загрузили в фургончик корзины с провизией, детские вещи и поехали к мастерской, чтобы забрать отца и сестер. Джуни была в ее обычном выходном костюме, скроенном по косой линии, и с зонтом от солнца, который не складывался, отчего в фургончик она забралась не без затруднений. А Дорри прижимала к груди свой «чемодан», хлопот с которым было еще больше. Впрочем, вели себя все доброжелательно – даже отец Айры, всегда твердивший, что он слишком стар, чтобы суетиться по поводу дней рождения.

День выдался прекрасный, из тех, что начинают с прохлады, но затем солнце прогревает тебя снаружи, а там и внутри. Дэйзи пыталась уговорить всех спеть «Скачки в Кэмптауне», отец Айры улыбался, скупно и смущенно. Вот так и должна выглядеть семья, думала Мэгги. В автобусе, на котором они ехали от парковки, – наполовину заполненном их семейством, если считать сиденья, занятые корзинами и пакетом с пеленками, а также перегородившую проход складную прогулочную коляску, – Мэгги даже прониклась жалостью к другим пассажирам, едущим парами, а то и в одиночку. Выглядели они как-то буднично: практичная одежда, серьезные лица – эти люди направлялись на ипподром, чтобы выигрывать деньги. А Мораны ехали праздновать.

На ипподроме они заняли целый ряд дешевых мест, поставив коляску с Лерой у торца скамьи. Мистер Моран, считавший себя знатоком лошадей, пошел к паддоку посмотреть, на кого сегодня следует ставить, Айра отправился с ним, для компании. Джесси увидел знакомую парочку – парня в байкерском облачении и девушку в кожаных брючках с бахромой – и ушел с ними: азартным лошадиником он не был. Женщины остались выбирать лошадей по звучанию их имен – метод, который работал ничуть не хуже прочих. Мэгги отдала предпочтение кобыле по имени Бесконечное Милосердие, но Джунни заявила, что у лошади с такой кличкой наверняка не хватает боевого духа.

Малышка немного капризничала – то ли зубки резались, то ли по другой какой причине, – поэтому женщины разделились: первыми пошли делать ставки Фиона и сестры Айры, а когда они вернулись, к окошкам тотализатора отправились Мэгги и Дэйзи, из которой так и перли премудрые советы. «Самое безопасное, – заявила она, – поставить два доллара на то, что твоя лошадь придет в первой тройке». Однако Мэгги ответила: «Если бы мне нужна была безопасность, я бы сидела дома» – и поставила всю свою десятку на победу четвертого номера. (В прошлом она пыталась уговорить семейство скинуться и отправиться напрямиком к окошку, где принимались ставки от пятидесяти долларов и выше, – месту опасному и волнующему, Мэгги к нему так ни разу и не приблизилась, но теперь уже знала, что с ним и связываться не стоит.) По пути они встретили Айру с отцом, которые беседовали о статистике: какой жокей сколько весит, какие у кого

прежние достижения, когда и какое лучшее время было показано лошадей, – понимающему человеку тут было о чем подумать. Мэгги поставила свои десять долларов и ушла, а Дэйзи осталась с мужчинами, которые застряли у окошка и никак не могли принять окончательное решение.

– Этот ребенок меня умучает, – сказала Фиона вернувшейся Мэгги.

Лерой явно не желала оставаться на руках матери и все тянулась к земле, усыпанной окурками и язычками от пивных банок. Дорри, которой полагалось вроде бы помогать Фионе, раскрыла вместо этого свою одежную коробку и ровным рядом раскладывала зефирины с одного конца скамьи до другого. Мэгги сказала: «Давай я ее подержу, овечку бедную» – и отнесла Лерой к изгороди, чтобы девочка посмотрела на лошадей, которые уже подходили мелкими, резвыми шажками к стартовым воротам. «А как говорят лошадки? – спросила Мэгги и подсказала: – И-го-го!» Айра с отцом вернулись, продолжая спорить. Теперь их предметом был список наиболее вероятных победителей, купленный мистером Мораном у какого-то беззубого мошенника.

– Так за кого вы проголосовали? – спросила Мэгги.

– Здесь не голосуют, Мэгги, – ответил Айра.

Заезд начался, лошади казались такими изящными, словно игрушечными. Они пронеслись мимо Мэгги со звуком, напомнившим ей хлопки флага на ветру. И все сразу закончилось.

– Как быстро! – пожаловалась Мэгги. Никак ей не удавалось привыкнуть к скоротечности заездов; в них и смотреть-то было почти не на что. – Все-таки, – сказала она малышке, – бейсбол дает лучшие представления о времени.

На электрическом табло зажглись имена победителей, и четвертого номера среди них не оказалось. Мэгги даже почувствовала облегчение: делать еще раз выбор ей не придется. Единственным, кто оказался с прибытком, был мистер Моран. Он выиграл шесть долларов, поставив на рекомендованный в его списке восьмой номер. «Вот видишь?» – сказал он Айре. Дэйзи и вовсе ничего не ставила, сэкономила деньги для заезда, в результатах которого была более-менее уверена.

Мэгги отдала ей малышку и начала распаковывать еду.

– У нас есть ветчина на ржаном хлебе, индюшка на белом, ростбиф на черном, – объявила она. – А к ним куриный салат, яйца по-русски, картофельный салат и овощной. Еще персики, свежая клубника и дынные шарики. Да, и оставьте место для торта, день рождения все-таки.

Люди вокруг жевали всякую ерунду, купленную с лотков здесь же, на ипподроме, и с любопытством посматривали на корзины, каждую из которых Дэйзи накрыла крахмаленной клетчатой тканью, заткнув ее по краям в переплетения прутьев. Мэгги раздала салфетки.

– А где Джесси? – спросила она, оглядывая толпу.

– Понятия не имею, – ответила Фиона.

Лерой почему-то снова оказалась у нее на руках. Фиона быстро перебрала ее себе на плечо, Лерой сморщилась и недовольно запищала. Что же, этого и следовало ожидать. Дети не любят резких движений, неужели Фиона этого еще не поняла? Да тут и простого инстинкта достаточно. У Мэгги от раздражения даже в пояснице что-то слегка закололо. Хотя, говоря по совести, раздражала ее не столько Фиона, сколько недовольные «эк, эк» Лерой. Если бы руки Мэгги не были заняты бумажными тарелками, она забрала бы девочку у Фионы, а так смогла только предложить:

– Попробуй посадить ее в коляску, Фиона. Может, она заснет.

– Не заснет. Просто вылезет из нее снова, – ответила Фиона. – Господи, ну где же Джесси?

– Дэйзи, пойдй поищи брата, – велела Мэгги.

– Не могу, я ем.

– Все равно пойдй. Ради бога, не заниматься же мне всем сразу.

– Разве я виновата, что он уперся куда-то со своими дурацкими дружками? – спросила Дэйзи. – Я только-только бутерброд надкусила.

– Послушай, юная леди... Айра?

Однако Айра с отцом снова ушли к окошку тотализатора. И Мэгги сказала:

– Что за... Дорри, будь так добра, сходи поищи Джесси, ладно?

– Я же зефир раскладываю, – ответила Дорри.

Зефирины лежали на их скамейке ровной, идеальной, похожей на пунктирную линию. Вот только сидеть всем стало негде. Некоторые люди направлялись к этой скамье, собираясь присесть, но, увидев зефирины, шли дальше. За спиной Мэгги поплыл в чистом, спокойном

воздухе звук горна, однако она вертела головой, пыталась отыскать в толпе Джесси. И тут Джуни отпихнула в сторону несколько зефирин и торопливо села, держа обеими руками зонт.

– Мэгги, – пробормотала она, – мне что-то не по себе стало, не знаю, ни с того ни с сего...

– Дыши поглубже, – быстро ответила Мэгги. Такое случилось время от времени. – И не забывай, ты здесь не ты, а кто-то другой.

– По-моему, я сейчас в обморок упаду, – объявила Джуни и вдруг, без какого-либо предупреждения, забросила на скамью ноги в туфлях на высоком каблуке и легла. Зонт торчал из рук, сложенных на груди Джуни, точно растение. Дорри смятенно засуетилась вокруг сестры, пытаясь спасти зефирины.

– Дэйзи, это не твой брат стоит вон там с какими-то людьми? – спросила Мэгги.

– Где? – заозиралась Дэйзи, однако Фиона оказалась быстрее. Она резко повернулась и подтвердила:

– Ну точно, он. – А затем во все горло закричала: – Джесси Моран! Тащи сюда свою задницу!

Голос у нее был тягучий, пронзительный. Все вокруг обернулись. Мэгги сказала:

– Ой, ну, я бы не...

– Ты слышишь? – провизжала Фиона, и Лерой расплакалась.

– Не надо так кричать, Фиона, – сказала Мэгги.

– Что? – опешила Фиона.

Она гневно уставилась на Мэгги, игнорируя вопящую малышку. Наступило одно из тех мгновений, когда Мэгги хотелось отойти во времени назад и начать разговор сначала. (В присутствии разгневанной женщины на Мэгги всегда нападало что-то вроде столбняка.) Между тем Джесси, который не мог, конечно, не услышать собственного имени, начал проталкиваться к ним.

– Ну вот он и идет! – сказала Мэгги.

– Вы приказываете мне не кричать на моего собственного мужа? – спросила Фиона.

Проорала на самом-то деле. Пришлось – из-за вопящего ребенка. Личико Лерой побагровело, колоски мокрых волос прилипли ко лбу. Выглядела она, по правде сказать, некрасиво. Мэгги захотелось отойти

в сторону, притвориться, что к ней вся эта компания отношения не имеет, но вместо этого она тоном по возможности легким ответила:

– Нет, я имела в виду, что он не так уж и далеко от нас, понимаешь, и...

– Ничего вы в виду не имели, – заявила Фиона, слишком крепко прижав к себе ребенка. – Вы пытаетесь, как всегда, управлять нами, лезете в нашу жизнь.

– Но, право же, Фиона...

– Что случилось? – беззаботно поинтересовался подошедший Джесси.

– Ма и Фиона ругаются, – ответила Дэйзи. И не без изящества откусила от бутерброда.

– Мы не ругаемся! – воскликнула Мэгги. – Просто я предложила...

– Ругаетесь? – спросил Айра. – Из-за чего? – Он и мистер Моран уже стояли в проходе за спиной Джесси. – Что происходит? – еще раз спросил Айра, тоже стараясь перекричать Лерой.

– Ничего не происходит! – ответила Мэгги. – Боже ты мой, я всего лишь сказала...

– Вас, девушки, и на минуту одних оставить нельзя? – спросил он. – И почему Джуни по скамье разлеглась? Как быстро у вас все меняется.

Нечестно, нечестно. Послушав его, можно подумать, что они каждый день такие сцены устраивают. А сам он стоит в очереди за Нобелевской премией мира.

– К твоему сведению, – сказала ему Мэгги, – я всего лишь занималась здесь своим делом...

– За все время, что я вас знаю, вы ни разу только своим делом не занимались, – заявила Фиона.

– Поостынь, Фиона, – сказал Джесси.

– А ты! – взвизгнула, разворачиваясь к нему, Фиона. – По-твоему, это только мой ребенок? С какой стати я вечно сижу с ней как приклеенная, пока ты развлекаешься со своими друзьями, ответь мне!

– Они мне не дружки, они всего лишь...

– Он еще и пил с ними, – пробормотала Дэйзи, не сводя глаз с бутерброда.

– Подумаешь, великое дело, – ответил Джесси.

– Пил из серебристой плоской бутылочки, которую ему та девушка дала.

– Ну и что с того, мисс Добродетель?

– Послушайте, – сказал Айра, – давайте-ка присядем на минутку и успокоимся. Мы людям поле загораживаем.

И, подавая пример, сел.

– Мой зефир! – жалобно завопила Дорри.

– Не надо его здесь раскладывать, Дорри. Сидеть же негде стало.

– Ты раздавил мой зефир!

– По-моему, меня сейчас стошнит, – сказала спицам своего зонтика Джунни.

Лерой заходила в крике так, что ей не хватало дыхания.

Айра встал, отряхнул сзади брюки. И сказал:

– Послушайте, девушки...

– Перестаньте называть нас девушками! – потребовала Фиона.

Айра испуганно замер.

Мэгги, почувствовав, что ее тянут за рукав, обернулась. Это был мистер Моран, как-то успевший зайти ей за спину. Он держал перед собой билетик.

– Что? – спросила она.

– Я выиграл.

– Что выиграла?

– Выиграл в последнем заезде! Моя лошадь пришла первой.

– А, в заезде, – сказала Мэгги. – Ну, разве это не...

Однако ее внимание отвлекла Фиона, перечисляющая свои обиды, список которых, она, похоже, составляла для Джесси все эти месяцы.

– ...С самого начала знала, надо быть дурой, чтобы выйти за тебя, так и говорила. Но ты же настаивал, ты, с твоими сосками и твоим доктором Споком...

Люди на соседних скамьях старались смотреть куда-нибудь в сторону, но обменивались понимающими взглядами и тайными улыбочками. Мораны устроили целый спектакль. Мэгги не могла это вынести.

– Пожалуйста! – взмолилась она. – Давайте просто посидим.

– Ты и твоя знаменитая колыбель, – продолжала Фиона, – ради которой ты пальцем не пошевелил, хоть и обещал мне, клялся...

– Ничего я не клялся! Что ты все время лезешь ко мне с этой колыбелью?

– На Библии клялся! – заявила Фиона.

– Да господи боже ты мой! Может, и была у меня такая мысль, дурацкая, как я теперь понимаю. Папа все время стоял бы рядом, критикуя каждый сделанный мной удар молотком, объясняя, какой я безнадежный болван, а когда я закончил бы, ты бы с ним, как всегда, согласилась. Нет уж, я в такую историю ни за что не полезу!

– Но деревяшки-то ты купил, разве нет?

– Какие еще деревяшки?

– Такие длинные деревянные палки.

– Палки? Для колыбели? Никаких палок я не покупал.

– Мне твоя мать сказала...

– Из каких это палок я мог сколотить колыбель?

– Стоечки, так она их назвала.

Оба уставились на Мэгги. И даже малышка примолкла – икала, набирая воздуха в грудь. Густой бас объявил через громкоговоритель, что Растрату сняли с заезда.

Тут Айра, откашлявшись, сказал:

– Вы говорите о рейках? Так они были моими.

– Нет, Айра! – взмолилась Мэгги, потому что все еще могло уладиться, если он не станет лезть со своими мелкими, занудными фактами.

– Стоечки для твоей колыбели, – сказала она Джесси. – У тебя и синьки были. Верно?

– Да какие синьки? Я только и сказал, что...

– Если я правильно помню, – перебил его занудливый Айра, – эти рейки были куплены для сушилки, которую я поставил на задней веранде. Вы все ее видели.

– Для сушилки, – повторила Фиона, впившись глазами в Мэгги.

– Ну ладно, – сказала Мэгги, – вся эта история с колыбелькой попросту глупа, ведь так? Что-то вроде дешевеньких бус, из-за которых родственники начинают ругаться после похорон. Это просто... И потом, Лерой уже и колыбелька-то не нужна! У нее есть хорошая, купленная Айрой кровать.

Лерой больше не кричала, но продолжала икать, пристально глядя на Мэгги.

– Я ради этой колыбельки за тебя и вышла, – сказала Фиона Джесси.

– Ну, это уже смешно! – заявила Мэгги. – Ради колыбельки! Никогда не слыхала такой...

– Хватит, Мэгги, – сказал Айра.

Мэгги умолкла, забыв закрыть рот.

– Если ты вышла за Джесси ради колыбельки, – сказал Айра, – то прискорбным образом ошиблась.

– Айра! – вскричала Мэгги.

– Заткнись, Мэгги. Зря она рассказала тебе о колыбельке, – продолжал Айра, обращаясь к Фионе. – Есть у Мэгги такая слабость: она верит, что изменять человеку жизнь – это хорошо и правильно. Считает людей, которых она любит, лучшими, чем они есть на самом деле, и в угоду этим своим представлениям пытается изменить все, что их окружает.

– Ну ни словечка правды, – сказала Мэгги.

– Однако факт остается фактом, – спокойно продолжал Айра, – Джесси ничего не способен довести до конца, даже простенькой колыбельки. Это его недостаток. Я понимаю, что он мой сын, однако у него имеются недостатки, о которых тебе следует знать. Он лишен упорства. Месяц назад он потерял работу, но вместо того, чтобы искать другую, каждый день болтается где-то со своими приятелями.

Мэгги с Фионой в один голос спросили:

– Что?!

– Там узнали, что он не закончил школу, – объяснил им Айра. И добавил, словно только что вспомнив: – Он еще и с другой девушкой встречается.

– О чем ты говоришь?! – воскликнул Джесси. – Она просто мой друг.

– Имени ее я не знаю, – сказал Айра, – но она состоит в рок-группе под названием «Малышки в беде».

– Говорю же тебе, мы просто друзья! И вообще она – девушка Дэйва!

Фиона казалась сделанной из фарфора. Смертельно бледное спокойное лицо; зрачки как черные игольные острия.

– Если ты давно это знал, – спросила Мэгги у мужа, – почему ничего не сказал?

– Не считал себя вправе. Я не из тех, кто норовит изменять окружающий людей мир, – ответил он. А затем (как раз когда Мэгги приготовилась возненавидеть его) лицо Айры словно обвисло и он, устало опустившись на скамью, добавил: – Да и сейчас ничего говорить не стоило.

Опустившись, он сбросил со скамьи целый ряд зефирин, однако Дорри, умевшая чувствовать обстановку, не возмутилась, а молча нагнулась и собрала их.

Фиона протянула к Джесси раскрытую ладонь:

– Дай ключи.

– Что?

– Ключи от машины. Давай их сюда.

– Куда ты поедешь? – спросил Джесси.

– Не знаю! Откуда мне знать? Просто хочу убраться отсюда.

– Фиона, я разговаривал с той девушкой только потому, что она не считала меня болваном, как все остальные. Поверь мне.

– Ключи!

– Отдай ей ключи, Джесси, – сказал Айра.

– Но...

– Мы поедем автобусом.

Джесси полез в задний карман джинсов. Вытащил связку ключей, прикрепленную к миниатюрному кеду из черной резины.

– Так ты будешь дома? – спросил он. – Или где?

– Не имею понятия, – ответила Фиона и вырвала ключи из его пальцев.

– Но где же? У сестры?

– Где угодно. Не твое дело. Не знаю где. Я уж как-нибудь сама распоряжусь своей жизнью.

Пристроила малышку на бедро и ушла, оставив пакет с пеленками, прогулочную коляску и бумажную тарелку с картофельным салатом, уже подернувшимся налетом цвета слоновой кости.

– Все обойдется, – сказала Мэгги сыну. А затем мужу: – Этого я тебе никогда не прощу, Айра Моран.

Ее опять подергали за рукав, она обернулась. Отец Айры так и стоял с билетиком в поднятой руке.

– Не зря я тот списочек-то купил, – сказал он. – Айра, что он может понимать в таких списках?

– Ничего! – яростно ответила Мэгги и принялась заново заворачивать бутерброд Фионы.

И услышала вокруг бормотание, расходящееся, как круги по воде:

– Что он сказал?

– Чего-то про списочек.

– А она что?

– Ничего.

– Она что-то сказала, я видела, как у нее губы шевелятся.

– Вот это и сказала: «Ничего».

– Но я же видела...

Мэгги распрямилась, повернулась к людям на соседней скамейке.

– Я сказала «Ничего», вот что я сказала, – отчетливо произнесла она.

Кто-то шумно втянул в грудь воздух. На нее никто не смотрел.

Просто поразительно, нередко говорил Айра, как людям удается одурачить себя и поверить в то, что им по душе. (Как *Мэгги* удается одурачить себя, вот что он имел в виду.) Он сказал так, когда Мэгги грозилась после ареста Джесси за пьянство в общественном месте засудить Управление полиции. Сказал, когда она поклялась, что «Верти кота» звучит лучше «Битлз». И сказал снова, когда она не желала поверить, что Фиона ушла навсегда.

В вечер после бегов Мэгги допоздна просидела с Джесси, притворяясь, что вяжет, хотя рядов она распускала больше, чем добавляла. Джесси постукивал пальцами по подлокотнику своего кресла.

– Ты не можешь посидеть какое-то время спокойно? – попросила Мэгги и после паузы добавила: – Может, попробовать еще позвонить сестре?

– Господи боже, да я уж три раза звонил. Они, наверное, трубку не берут, вот и все.

– Тогда сходи к ней.

– Еще хуже получится. Я буду колотить в дверь, а они – сидеть за ней и слушать. И как пить дать, смеяться, переглядываться и глаза закатывать.

– Не станут они так делать!

– Я, пожалуй, фургончик Дэйву верну, – сказал Джесси. И поднялся из кресла.

Мэгги не пыталась остановить его, поскольку сразу поняла, что он все же надумал тайком съездить к сестре Фионы.

Когда они вернулись с ипподрома, фургончик стоял перед домом. На один утешительный миг все решили, что Фиона дома. И ключи лежали на книжной полке сразу за дверью, где все оставляли их, как и найденные перчатки, записки о том, кто когда вернется домой. Однако записки от Фионы там не было. Постель в ее и Джесси комнате была не заправлена и казалась замерзшей. Каждая складка простыней выглядела отвердевшей. А в комнате Мэгги и Айры стояла пустая, покинутая кроватка. Однако такое отсутствие не могло быть вечным. Вещи не исчезли. Даже дорожный чехольчик с туалетными принадлежностями Фионы, как обычно, лежал на столе.

– Видишь? – сказала Мэгги, показав на них Джесси, она же понимала, как он расстроен.

– О... Точно, – с облегчением выдохнул он.

Мэгги перешла через коридор в ванную комнату и обнаружила на своем месте флотилию резиновых уточек и буксирчиков.

– Ну, народ! – счастливо прошептала она. А выйдя из ванной и минув дверь в комнату Джесси, увидела, что он стоит перед столом, закрыв глаза и уткнув нос в мыльницу Фионы. Вот это она понимала прекрасно. Запахи способны воссоздавать облик человека гораздо вернее, чем даже фотографии; уж ей ли этого не знать?

Ночь тянулась, Джесси не возвращался, и Мэгги сказала себе, что он, должно быть, нашел Фиону и сейчас они ведут длинный, задумчивый разговор. Она распустила связанные кривые ряды, смотала шерсть обратно в клубок и пошла спать. Айра пробормотал из темноты:

– Джесси еще нет?

– Ни его, ни Фионы, – ответила Мэгги.

– А, ну... Фиона. Фиона ушла навсегда.

Сказал он это голосом неожиданно ясным. Голосом человека, говорящего во сне, отчего произносимые им слова кажутся пророческими и окончательными. Мэгги передернуло от гнева. Ему-то легко говорить! Он умеет походя отбрасывать людей.

И Мэгги пришла в голову поразившая ее мысль: а ведь в том, что Айру так увлекают бесконечные книги о людях, которые в полном одиночестве пересекали Атлантический океан, содержится очень серьезный смысл.

Впрочем, он был прав: настало утро, а Фиона так и не появилась. Когда Джесси спустился к завтраку, у него было лицо человека оглушенного. Мэгги очень не хотелось спрашивать его, но в конце концов она все же спросила:

– Милый? Ты не нашел ее?

– Нет, – коротко ответил он и попросил передать ему мармелад – тоном, отвергающим все дальнейшие вопросы.

И только после полудня Мэгги сообразила, что тут не обошлось без преступного мира. И как они до сих пор не догадались об этом? Конечно. Никто же не уезжает с младенцем, оставив дома все, что оставила Фиона, – пакет с пеленками, колясочку, розовую пластмассовую бутылочку, из которой Лерой любила пить сок. Кто-то наверняка похитил их, а то и хуже – убил во время уличной перестрелки. Необходимо немедленно поставить в известность полицию. Она объяснила все это Айре, но тот даже взгляда не оторвал от воскресной газеты, а всего лишь спокойно сказал:

– Не выставляй себя посмешищем, Мэгги.

– Посмешищем?

– Она ушла из дома по собственной доброй воле. Незачем допекать этим полицию.

– Айра, молодые матери не уходят из дома с одними сумочками. Они сначала вещи укладывают. Иначе и быть не может! Подумай сам. Вспомни, сколько всего она взяла с собой в простую поездку до «Пимлико». Знаешь, что я подозреваю? Она вернулась сюда, поставила фургон и пошла с Лерой в магазин купить печенье для детей, у которых режутся зубки, – я вчера слышала, как она говорила, что их осталось мало, – а там наткнулась на грабителя. Ты же читаешь в газетах, как бандиты вечно берут в заложники женщин и детей! У них это в порядке вещей. Дает наилучшие результаты.

Айра почти рассеянно, так, точно она представляла для него лишь косвенный интерес, взглянул на жену поверх газеты.

– Но она даже мыло свое здесь оставила! И зубную щетку! – вскричала Мэгги.

– В дорожном чехольчике, – подсказал Айра.

– Да, а если бы она ушла по собственной воле...

– Дорожными чехольчиками, Мэгги, принято пользоваться в отелях. А Фиона вернулась... не знаю... к сестре или к матери, туда, где хранятся ее постоянные вещи, и дорожный чехольчик ей ни к чему.

– Ох, какие глупости, – ответила Мэгги. – Ты бы хоть в платяной шкаф ее заглянул. Там полно одежды.

– Ты в этом уверена?

– Конечно. Я его первым делом проверила.

– Ты уверена, что оттуда ничего не исчезло? Ее любимый свитер? Куртка, которую она так обожала?

Мэгги задумалась. А после встала и направилась в комнату Джесси.

Он лежал на кровати, полностью одетый, сцепив под затылком ладони. Когда Мэгги вошла, он окинул ее взглядом.

– Извини, я на минутку. – Она открыла дверцу платяного шкафа.

Все правильно, одежда Фионы там висела, однако куртки нет и большого полосатого халата, в котором она любила разгуливать по дому, тоже. Остались две юбки (юбок Фиона почти не носила), несколько блузок и плиссированное платье, которое толстило ее, как она всегда уверяла. Мэгги повернулась и подошла к комоду. Джесси следил за ней с кровати. Она рывком выдвинула ящик и увидела единственную пару синих джинсов («варенок», вышедших из моды), под ними два свитера, которые Фиона носила прошлой зимой, а под свитерами слаксы для беременных с эластичным передом. Это походило на культурные слои археологической раскопки. В голове Мэгги мелькнула фантастическая мысль: если она углубится дальше, то найдет свитерки болельщицы нескольких школьных команд, потом фартучки начальной школы, а потом младенческие распашонки Фионы. Мэгги снова разгладила слои и задвинула ящик.

– Но где же она?

Джесси молчал так долго, что Мэгги едва не решила: он не ответит. Но в конце концов он ответил:

– Думаю, у сестры.

– Ты же сказал, что не нашел ее там.

– Я там не был.

Это следовало обдумать. Обдумав, Мэгги сказала:

– Ах, Джесси.
– И хрен ли я стану изображать придурка.
– Джесси, милый...
– Если ее нужно упрашивать, так я лучше без нее обойдусь, – заявил он.

И повернулся лицом к стене, давая понять, что разговор окончен.

А через два-три дня позвонила сестра Фионы.

– Миссис Моран? – Этот лающий голос Мэгги узнала мгновенно. – Говорит Кристал Стакки, сестра Фионы.

– Да!

– Я хочу узнать, будете вы в ближайшее время дома? Мы могли бы заехать за ее вещами.

– Да, конечно, приезжайте хоть сейчас, – ответила Мэгги.

Поскольку Джесси, как на заказ, тоже был дома – снова валялся на кровати, – Мэгги, положив трубку, сразу пошла к нему.

– Позвонила сестра Фионы. Кристина?

Джесси скосил на нее глаза:

– Кристал.

– Кристал. Они сейчас приедут за ее вещами.

Он медленно сел, спустил на пол ноги в ботинках.

– Мне нужно сходить, купить кое-что, – сказала Мэгги.

– Что? Нет, погоди.

– Дом останется в полном вашем распоряжении.

– Постой, не уходи. Как же я буду... Вдруг ты нам понадобишься.

– Понадоблюсь? Зачем?

– Я могу сказать ей что-нибудь неправильное, – пояснил Джесси.

– Милый, уверена, ничего неправильного ты не скажешь.

– Ма. Пожалуйста.

И Мэгги осталась, но скрылась, чтобы не путаться под ногами, в своей комнате. Окно там выходило на улицу, поэтому, когда у дома остановилась машина, Мэгги смогла из-за шторы подсмотреть, кто приехал. Кристал и здоровенный парень – несомненно, знаменитый «друг» сестры, на которого вечно ссылалась Фиона. Вот, значит, что подразумевала Кристал под «мы»; Фиона не явилась. Мэгги уронила штору. Она услышала дверной звонок, потом крик Джесси: «Иду!» Услышала, как он, перепрыгивая ступеньки, сбегает по лестнице. Затем пауза, короткое бормотание. Входная дверь снова хлопнула.

Прогнал он их, что ли? Мэгги еще раз приподняла штору, посмотрела вниз, но увидела не гостей, а Джесси, который почти бежал по тротуару, влезая на ходу в свою черную кожаную куртку. Кристал позвала снизу: «Миссис Моран!» – уже не таким лающим, скорее нерешительным голосом.

– Минуточку, – ответила Мэгги.

Кристал и ее «друг» купили в винном магазине картонные коробки, Мэгги помогла наполнить их. Или попыталась помочь. Стянула с плечиков блузку и медленно, с сожалением складывала ее, однако Кристал сказала:

– Эти блузки можете отдать бедным. Фиона попросила никакую синтетику не брать. Она теперь живет дома, а стенной шкаф там маленький.

Мэгги протянула: «А-а-а...» – и отложила блузку. Ей стало завидно. Разве это не чудесно – сохранить только первоклассные, настоящие, чистые вещи, а все остальное бросить! Когда Кристал с «другом» уехали, в доме осталась лишь всякая ерунда.

Вскоре Джесси устроился работать в магазин грамзаписей и перестал целыми днями валяться на кровати, а Дэйзи и зачарованные девочки вернулись к миссис Совершенство. Мэгги снова оказалась предоставлена самой себе. Именно так: не было больше ни свежих слухов, ни сведений о событиях в мире, ни наблюдений за другими семьями – всего того, что проникает в дом с детьми. Тогда-то и начались ее шпионские вылазки в Картуил; впрочем, и они большого удовлетворения не приносили. А иногда после работы она, не желая сидеть в пустом доме, отправлялась в багетную мастерскую и после сама удивлялась – зачем пришла? Айра говорил обычно, что слишком занят для пустой болтовни с ней или с кем-либо еще, он же все равно скоро домой придет, ведь так? Ради чего она тут топчется?

И она поднималась наверх, в фамильную берлогу, и какое-то время сидела там, слушая сестер, которые пересказывали ей последние серии мыльной оперы, или внимая жалобам их отца на хвори и немочи. В добавление к так называемому слабому сердцу мистер Моран обзавелся артритом, да еще и зрение у него слабело. И то сказать, ему было за восемьдесят. Мужчины в этой семье отчего-то обзаводились детьми в таком зрелом возрасте, что, рассказывая о

своём прадеде, мистер Моран говорил о человеке, который родился еще в восемнадцатом веке. Раньше это Мэгги как-то не удивляло, но теперь казалось попросту жутковатым. В какой стариковской, призрачной атмосфере она жила! Утро в доме престарелых, предвечерние часы у Моранов, вечера с раскладывающим пасьянс Айрой... Она одергивала на себе свитер и, сочувственно кивая, выслушивала свежие новости о несварении у свекра. «Раньше-то я все мог съесть, – говорил он. – А теперь что?» И смотрел на нее мутноватыми глазами, словно ожидая ответа. Веки у мистера Морана набрякли тяжелыми складками, год за годом в его внешности все яснее проступала бабка из племени чероки. «Рона о таких делах и знать не знала, – говорил он (Ронной звали мать Айры). – Умерла, не дожив до них. Морщины, наросты, треск в суставах, сердечные боли – все мимо нее прошло».

– Что же, ей выпали другие страдания, – напоминала ему Мэгги. – Может, и похуже даже.

– Она как будто и жизни-то настоящей не прожила, – продолжал он, не слушая. – Ну, то есть полной жизни, со всей дрянью, которая нам под конец выпадает.

Говорил он это сварливо, как будто упрекал жену за то, что ей удалось увильнуть от чего-то. Мэгги неопределенно хмыкала и похлопывала его по ладони. На ощупь ладонь полностью отвечала представлениям Мэгги об орлиной лапе.

В конце концов она спускалась вниз, к Айре, уговаривала его закрыть мастерскую на несколько минут раньше и пойти с ней домой. Он тяжело, как большой темный пес, вышагивал с ней рядом, взгляд Айры, казалось, был обращен внутрь него. Минуя дом сестер Ларкин, Мэгги всегда бросала на него взгляд и быстро отводила глаза в сторону. В прежние дни, прогуливаясь здесь с Лерой, она видела на передней веранде Ларкинов коня-качалку, с надеждой ожидавшего там чего-то. Он словно по волшебству возникал на верхней ступеньке ровно в тот момент, когда коляска с Лерой появлялась напротив дома, – маленькое, выцветшее деревянное животное с робкой улыбкой и опущенными длинными черными ресницами. Теперь от него не осталось и следа; даже две эти старушки как-то узнали, что Моранам не удалось сохранить семью.

Откуда, позвольте спросить, возьмется у Фионы постоянная бдительность, которой требует ребенок? Просто кормить и переодевать его мало. Лерой принадлежала к числу тех бесстрашных малышей, что не задумываясь бросаются вниз с лестничных площадок или стульев, не сомневаясь: кто-нибудь их непременно подхватит. А чтобы Фиона да всегда была настороже? Куда там. К тому же Мэгги заметила, что она едва-едва чувствует запахи. Вот Мэгги могла унюхать пожар чуть ли не до того, как он начнется. В торговом центре Мэгги безошибочно определяла неправильно упакованную еду – затхлый, резкий, как у эфира, запах, немного похожий на тот, что исходит от охваченного жаром ребенка. Никто его не замечал, однако – «Стоп! – говорила Мэгги, поднимая ладонь, когда все прочие сворачивали к прилавок с сэндвичами. – Не здесь! Где угодно, только не здесь!»

Она могла столько всего предложить, да некому было.

Приготовление настоящих ужинов ныне казалось бессмысленным. Джесси вечно отсутствовал, Дэйзи чаще всего кормилась у миссис Совершенство, а если ее заставляли поесть дома, дулась так, что лучше было и не связываться. Поэтому Мэгги всего лишь разогревала пару готовых замороженных обедов или банку супа. Иногда и этого не делала. Как-то вечером, когда она, вместо того чтобы зайти в багетную мастерскую, пришла домой и два часа просидела, глядя в пустоту, за кухонным столом, вошел Айра.

– Что у нас на ужин?

А она ответила:

– Я не готовила ужин! Ты только посмотри на это! – и ткнула пальцем в стоящую перед ней банку супа. – «Две и три четверти порции!» – прочитала она. – Они ожидают, что я буду кормить двоих с тремя четвертями людей? Или троих, только одному налью поменьше? Или думают, может, что я сохраню остаток до другого раза, но знаешь, сколько мне придется ждать, пока не получится целое число порций? Сначала у меня будет три четверти порции, потом шесть четвертей, потом девять. Чтобы получить целый, не дробный остаток, мне придется открыть четыре банки. Четыре! Четыре банки с одним и тем же супом!

И Мэгги заплакала, слезы обильно покатались по ее щекам. Чувствовала она себя как в детстве, когда знала, что поведение ее неразумно, знала, что возмущает взрослых, что просто ужасна, и все

равно жаждала вести себя неразумно и даже удовольствие от этого получала.

Айра мог просто повернуться и уйти, этого она почти и ждала. А он сел в кресло напротив нее, уперся локтями в колени и спрятал лицо в ладонях.

Мэгги плакать перестала. Сказала:

– Айра?

Он не ответил.

– Ты чего, Айра?

Она встала, подошла к нему и обняла. Потом присела рядом на корточки, попыталась заглянуть ему в лицо. Уж не случилось ли чего с отцом? Или с кем-то из сестер? А может быть, она, Мэгги, стала ему до того противна, что у него сил не осталось терпеть ее? Что же?

Ответ она получила от его спины – от подрагивания узловатых позвонков сутулой, теплой, узкой спины Айры. И первыми ответ почувствовали ее пальцы.

Ему тяжело, так же как Мэгги и по тем же самым причинам. Он одинок, устал, лишился надежды, у сына ничего не ладится, дочь держится о нем невысокого мнения, а он никак не может понять, где свернул на неправильный путь.

Айра опустил голову ей на плечо. Волосы у него были густые, жесткие, прошитые нитями седины, которых она прежде не замечала, и они так кольнули ее в сердце, как никогда не удавалось нескольким ее седым волосам. Мэгги крепко обняла мужа, прижалась лбом к его скуле. И сказала:

– Все образуется. Все образуется.

И ведь образовалось – со временем. А почему – это вы у нее не спрашивайте. Ну, во-первых, Джесси понравилась его новая работа и начало казаться, что мало-помалу он приходит в себя. А потом и Дэйзи объявила, что миссис Совершенство «помешалась на теннисе», и вернулась в семью. А Мэгги забросила свои шпионские вылазки, как будто смирившись с исчезновением Лерой и Фионы. Но это все были причины не самые главные. Главной, не сомневалась она, был Айра – те мгновения с Айрой на кухне. Хотя они никогда об этом не упоминали, да и Айра вел себя совсем по-прежнему. Вообще жизнь продолжала идти как всегда.

Мэгги села попрямее, взглянула сквозь ветровое стекло, отыскивая остальных. Пора бы уж им и собраться. Да, вот и Лерой – выходит из дома, пятясь и волоча чемодан, который больше нее. Айра роется в багажнике, насвистывая что-то веселое. «Король дороги»^[35], вот что. Мэгги вылезла из машины, чтобы открыть заднюю дверцу. Теперь ей казалось, что она, сама того не зная, с раннего утра шла вот к этой, единственной цели: привезти наконец Лерой и Фиону домой.

Глава 3

Машина миссис Стакки стояла за их «доджем», но места, чтобы объехать ее, хватало. Так, во всяком случае, полагал Айра. Мэгги думала иначе.

– Хватало бы, если бы не почтовый ящик, – сказала она. – Однако он – вот он, и, когда будешь заворачивать, ты в него врежешься.

– Врежусь, если вдруг стану глухим, немым и слепым, – ответил Айра.

На заднем сиденье тихо вздохнула Фиона.

– Послушай, – сказал Айра жене, – ты встанешь у почтового ящика. Если я подъеду слишком близко, скажешь. Все, что мне нужно, это заехать на несколько футов во двор и круто свернуть направо, на подъездную дорожку...

– Я за это отвечать не хочу! Ты собьешь почтовый ящик, а вину свалишь на меня.

– Может, мы попросим маму убрать «маверик»? – предложила Фиона.

Мэгги:

– Ох, ну...

Айра:

– Нет, я уверен, у нас получится.

Обоим не хотелось видеть оскорбленную физиономию миссис Стакки.

– Хорошо, тогда садись за руль ты, – предложил Айра, – а я буду тебя направлять.

– То есть почтовый ящик собью я и опять окажусь кругом виноватой.

– Мэгги. Между ящиком и «мавериком» добрых десять футов. Значит, миновав «маверик», нужно будет только выскочить на дорожку – и ты чиста и свободна. А когда выскакивать, я тебе скажу.

Мэгги подумала, потом попросила:

– Пообещай не вопить, если я зацеплю почтовый ящик.

– Не зацепишь.

– Пообещай, Айра.

– Царь небесный! Хорошо, обещаю.

– И ты не будешь закатывать глаза к небу или шипеть сквозь зубы...

– Может, я все-таки позову маму? – сказала Фиона.

– Нет, тут дело верное, – ответил ей Айра. – Любой идиот справится, поверь.

Мэгги эти слова не понравились.

Айра выбрался из машины, подошел к почтовому ящику, встал рядом. Мэгги переползла на его сиденье, стиснула обеими руками руль, посмотрела в зеркальце заднего вида. Оно было наклонено под углом, который годился для Айры, но не для нее, и Мэгги его поправила. В зеркальце мелькнула макушка Лерой, светившаяся тускло, как оборотная сторона наручных часов, затем показалась тощая фигура Айры, который стоял, растопырив локти и засунув ладони в задние карманы брюк. Рядом с ним почтовый ящик – домик из волнистого железа.

Водительское сиденье тоже размещалось так, как было удобно Айре, слишком далеко от руля, но Мэгги решила потерпеть, много разъезжать ей не придется. Она переключилась на задний ход. Айра крикнул:

– Ладно, резко сдай ее влево...

Почему он, говоря о трудной задаче, всегда использует женский род? Пока от «доджа» не требовалось выполнения сложного маневра, он был не «она». То же относилось к неподатливым винтам, туго закрученным крышкам банок и крупной мебели, когда ее приходилось передвигать.

Мэгги выехала на утрамбованную землю двора, обогнула «маверик» – может быть, немного быстрее, чем требовалось, но «додж» слушался ее хорошо. Затем выжала педаль тормоза. Однако педали не оказалось. Вернее сказать, она была, но совсем не там, где следовало – Мэгги забыла, что сиденье сдвинуто назад. Вместо педали ступня ткнулась в ее основание, а машина и не подумала затормозить. Айра завопил: «Какого?..» По-прежнему смотревшая в зеркальце Мэгги увидела, как он смутным пятном нырнул за ящик. Блям! – сказал ящик, когда она врезалась в него.

– Обалдеть! – благоговейно выдохнула Лерой.

Мэгги поставила машину на ручной тормоз и высунулась в окошко. Айра поднялся с земли. Отряхнул ладони. И сказал:

– Тебе очень хотелось доказать, что ты была права насчет ящика, так, Мэгги?

– Ты же обещал, Айра!

– Левый задний полетел к чертям, – сообщил он, нагнувшись, чтобы осмотреть повреждение. И ткнул во что-то пальцем. Это что-то звякнуло.

Мэгги вернула голову в машину и сидела, глядя вперед.

– Обещал ведь ничего не говорить, – пожаловалась она Фионе и Лерой. – И сразу отказался от своих слов.

Фиона рассеянно похлопала Лерой по коленке.

– Разбит вдребезги, – сказал Айра.

– Ты обещал не поднимать шума!

Айра закричал – это он выправлял почтовый ящик. Отсюда ящик даже помятым не выглядел.

– Думаю, нам не стоит рассказывать об этом твоей матери, – сказала Мэгги Фионе.

– Она и так знает, – сказала Лерой. – Смотрела на нас из окна.

И правда, щели на одном венецианском жалюзи имели какой-то подозрительный наклон. Мэгги сказала:

– Ох, этот день кажется каким-то... не знаю... – И соскользнула вниз, оказавшись в итоге едва ли не лежащей на сиденье.

В окошке появился Айра.

– Попробуй включить огни задние.

– Что?

– Фары задние. Я хочу посмотреть, работает она или нет.

Опять «она». Мэгги, не потрудившись сесть как следует, послушно потянула на себя головку выключателя.

– Так я и думал, – сказал сзади Айра. – Левая не работает.

– Слышать ничего не хочу, – объявила потолку Мэгги.

Айра опять появился в окошке, жестом попросил ее перебраться на пассажирское место.

– Оштрафуют нас за это – спорим? – сказал он, открывая дверцу и усаживаясь.

– Вот уж что меня совсем не волнует, – ответила Мэгги.

– Время довольно позднее, – сказал он, – мы половину пути не проедем, как стемнеет, и полиция штата сцапает нас за езду без задних огней.

– Так остановись где-нибудь для ремонта, – сказала Мэгги.

– Ага, как же, а то ты не знаешь, что такое станции обслуживания на скоростных магистралях. – Айра подергал ручку передач, проехал немного вперед и гладенько выбрался задним ходом на подъездную дорожку. Не испытал, по-видимому, никаких затруднений. – Они там руку и ногу у тебя отхватят за работу, которую в мастерской Руди выполняют почти бесплатно. Я уж лучше рискну.

– Зато сможешь объяснить, что жена у тебя – полная идиотка.

С этим он спорить не стал.

Когда они выезжали на улицу, Мэгги осмотрела почтовый ящик. Покопался немного, но в остальном выглядит прилично. Она повернулась на сиденье, чтобы взглянуть на Лерой и Фиону, – их бледные большеглазые лица обрели пугающее сходство.

– Вы целы? – спросила Мэгги.

– Конечно, – ответила за обеих Лерой. Она крепко прижимала к груди бейсбольную перчатку.

– Спорим, вы не ожидали, что мы попадем в аварию, еще не съехав с вашей подъездной дорожки, а? – сказал Айра.

– Того, что вы сами на нее напроситесь, мы тоже не ожидали, – ответила Фиона.

Айра, приподняв брови, глянул на Мэгги.

Солнце уже село, небо потускнело. Невесть откуда прилетевший ветерок пригибал траву на пастбищах так, что можно было разглядеть основания стеблей.

– А нам долго ехать? – спросила Лерой.

– Час с небольшим, – ответила Фиона. – Ты же помнишь дорогу до Балтимора.

Мэгги спросила:

– Лерой помнит Балтимор?

– Мы навещали мою сестру.

– О. Ну конечно, – сказала Мэгги.

Некоторое время она вглядывалась в окрестный пейзаж. Тускнеющий свет придавал маленьким домикам вид смирившихся с

поражением неудачников. В конце концов Мэгги заставила себя спросить:

– А как твоя сестра, Фиона?

– Хорошо – для ее обстоятельств, – ответила Фиона. – Вы же знаете, она потеряла мужа.

– Я не знала даже, что она замужем.

– Ну да, откуда же, – согласилась Фиона. – Она вышла за своего друга. За Эйвери. А через шесть недель он погиб при аварии на стройке.

– Ох, бедная Кристал, – сказала Мэгги. – И что это происходит? Все теряют мужей. Я ведь говорила тебе, что мы возвращаемся с похорон Макса Гилла?

– Да, но, по-моему, я его не знала, – ответила Фиона.

– Должна была знать! Муж моей подруги Серины, я с ней в одном классе училась. Гиллы. Уверена, ты была с ними знакома.

– Ладно, они люди старые, – сказала Фиона. – Вернее, может, и не старые... ну вы понимаете. А Кристал с Эйвери едва-едва вернулись после медового месяца. Когда ты замужем только шесть недель, все еще выглядит идеальным.

А потом не выглядит, вот что она подразумевала. С этим Мэгги спорить не могла. И все-таки как грустно сознавать, что все считают это само собой разумеющимся.

Впереди показался знак остановки, Айра сбросил скорость и вскоре свернул на Первое шоссе. После сельских дорог оно производило впечатление особенно внушительное. Навстречу неслись грузовики, некоторые уже с включенными фарами. На веранде маленького кафе стояла доска со сделанной от руки надписью: ПОДАЕМ УЖИН. Хорошая фермерская еда, и сомневаться нечего, – вареная кукуруза, кексы. Мэгги сказала:

– Надо будет по дороге домой продуктов купить. Ты проголодалась, Лерой?

Лерой решительно покивала.

– У меня с утра ничего во рту не было, кроме чипсов да сушек, – сказала Мэгги.

– И пива посреди дня, – напомнил Айра.

Мэгги сделала вид, что не услышала.

– Лерой, – спросила она, – ты что больше всего любишь?

– Ой, не знаю, – ответила Лерой.

– Ну что-то должно же быть.

Лерой пристукнула кулачком по бейсбольной рукавице.

– Гамбургеры? Хот-доги? Мясо на углях? А может, кислицу?

– Кислицу? – повторила Лерой. – Фу!

Мэгги не понимала, что еще предложить.

– Жареную курицу она любит, – сказала Фиона. – Все время просит маму ее приготовить. Так, Лерой?

– Жареную курицу! Отлично! – воскликнула Мэгги. – Как въедем в город, купим все, что для нее требуется. Очень мило получится, верно?

Лерой промолчала – и неудивительно. Мэгги понимала, что выглядит чересчур оживленной, фальшивой – старухой, которая слишком тужится. Но если бы Лерой знала, что под этой старушечьей маской скрывается все еще молодая Мэгги!

Айра ни с того ни с сего откашлялся. Мэгги насторожилась.

– Э-э... – начал Айра. – Фиона, Лерой... вам известно, что завтра мы везем Дэйзи в колледж?

– Да. Мэгги мне говорила, – ответила Фиона. – Поверить не могу, крошка Дэйзи.

– Я к тому, что мы повезем ее вдвоем. Ранним утром.

– Не таким уж и ранним, – сразу сказала Мэгги.

– Ну, в восемь, в девять, Мэгги.

– О чем вы говорите? – спросила Фиона. – Вы думаете, что нам не стоит вас навещать?

– Боже милостивый, нет, конечно! – всполошилась Мэгги. – Он имел в виду вовсе не это.

– По-моему, как раз это, – возразила Фиона.

– Я всего лишь хотел убедиться, что вы понимаете, чего вам ждать, – сказал Айра. – Вы прогостите у нас очень недолго, вот о чем я говорю.

– И ничего страшного, Айра, – заверила его Мэгги. – Она сможет с утра отправиться к сестре, если захочет.

– Ну хорошо, однако начинает темнеть, а мы пока и половину пути не проехали. Вот я и подумал...

– Что, может быть, нам лучше бросить это и вернуться откуда пришли, – сказала Фиона.

– О нет, Фиона! – воскликнула Мэгги. – Мы же обо всем договорились!

– Я уже и не помню, почему захотела поехать к вам, – сказала Фиона. – Господи! О чем я только думала?

Мэгги отстегнула ремень безопасности и развернулась, чтобы видеть лицо Фионы.

– Фиона, пожалуйста. Это же ненадолго, а мы так давно не видели Лерой. Я ей столько всего хочу показать. Хочу познакомить ее с Дэйзи, сводить к сестрам Ларкин, они глазам своим не поверят, увидев, как она выросла.

– Кто такие сестры Ларкин? – спросила Лерой.

– Две старушки. Они выставляли для тебя коня-качалку, чтобы ты покаталась.

– Я такого не помню, – заявила Фиона.

– Мы проходили мимо их веранды, пустой, а когда поворачивали назад и возвращались домой, нас поджидал конь.

– Ничего такого не помню, – повторила Фиона.

– Я тоже, – подтвердила Лерой.

– Конечно, не помнишь, – сказала Фиона. – Ты была совсем маленькая. Да и прожила там всего ничего.

А вот это показалось Мэгги нечестным.

– Господи боже, Фиона, ей был почти год, когда вы ушли.

– Не было ей года! От силы семь месяцев.

– Неправильно. Ей было, наверное... о, по крайней мере восемь месяцев. Если вы ушли в сентябре...

– Семь месяцев, восемь, какая разница? – спросил Айра. – Зачем делать из мухи слона? – И он, глядя в зеркальце, обратился к Лерой: – Спорим, ты не помнишь и того, как бабушка пыталась научить тебя говорить «папа».

– Я? – удивилась Мэгги.

– Хотела поднести ему сюрприз ко дню рождения, – объяснил Айра. – Она должна была хлопнуть в ладоши, а ты – сказать по этому сигналу: «Папа». Но когда она хлопнула, ты только засмеялась. Подумала, что с тобой во что-то играют.

Мэгги попыталась вообразить это. Почему ее воспоминания никогда не совпадают с Айриными? Воспоминания у них словно чередуются: один момент хранится в памяти Айры, а следующий – в

ее, как будто они договорились поделить между собой кусочки своей совместной жизни. (Нелогично, разумеется, но ее всегда беспокоило – правильно ли она вела себя в тех кусочках, о которых забыла.)

– Так вышло что-нибудь или нет? – спросила Лерой.

– Вышло?

– Я научилась говорить «папа»?

– Ну, в общем-то, нет, – ответил Айра. – Ты была слишком мала, чтобы говорить.

– А.

Судя по всему, Лерой сумела переварить эту информацию не сразу. А переварив, склонилась вперед, оказавшись почти нос к носу с Мэгги, и та различила в глазах девочки темно-синие крапинки. Похоже, у нее и глаза были веснушчатые.

– Я ведь увижусь с ним, правда? – спросила Лерой. – У него нет сегодня концерта или чего другого. Так?

– У кого? – спросила Мэгги, хоть и знала, конечно, ответ.

– У моего... у Джесси.

– Обязательно увидишься. За ужином, он придет к нам после работы. Он, как и ты, любит жареную курицу. Должно быть, это у вас генетическое.

– Дело в том... – начал Айра.

Мэгги спросила:

– Что ты любишь на сладкое, Лерой?

– Дело в том, – сказал Айра, – что сегодня суббота. А вдруг у Джесси были другие планы и он не сможет прийти на ужин?

– Он сможет, Айра, я тебе уже говорила.

– Или ему придется уйти сразу после ужина? Я спрашиваю, что мы тогда будем делать, Мэгги? Игрушек и какого-либо спортивного оборудования у нас нет, телевизор не работает. Ребенка нам занять нечем. И будь добра, повернись лицом вперед и пристегни ремень. Ты действуешь мне на нервы.

– Я всего лишь пытаюсь сообразить, что нам купить на сладкое, – сказала Мэгги. Но все-таки повернулась и протянула руку к ремню. – Твой папа больше всего любит мороженое, посыпанное мятым шоколадом, – сообщила она Лерой.

– Ой, я тоже, – обрадовалась та.

Фиона сказала:

– Ну что ты плетешь? Ты же ненавидишь мятный шоколад.
– Нет, люблю, – заявила Лерой.
– Ни капельки ты его не любишь!
– А вот люблю, ма. Я его только маленькой не любила.
– Тогда выходит, мисс, что вы были маленькой еще на прошлой неделе.

Мэгги поспешила спросить:

– А что еще ты любишь из сладкого?
– Ну, мороженое со сливочной помадкой, – ответила Лерой.
– О, какое совпадение! Джесси тоже от него без ума.
Фиона закатила глаза. А Лерой спросила:
– Правда? По-моему, лучше мороженого не бывает.
– Я не раз видела, как ты вообще обходилась без сладкого, если тебе предлагали только мороженое с мятным шоколадом, – сказала Фиона.

– Не думай, что ты обо мне все-все-все знаешь! – крикнула Лерой.
– Господи, Лерой, – сказала Фиона и обмякла на сиденье, скрестив на груди руки.

Они уже ехали по Мэриленду, пейзаж вокруг казался Мэгги другим – более пышным. Пустые, свободные от скота склоны холмов обрели сочный, идеально зеленый оттенок, длинные белые изгороди мерцали в тускневшем свете, как под луной. Айра насвистывал «Сонную девчужку». Почему, Мэгги поняла не сразу. Означает ли это, что он устал – или нечто иное? А потом сообразила: скорее всего, он вспомнил те дни, когда Лерой была совсем маленькой. Эту песню они напевали, убаюкивая ее, – он и Мэгги, на два голоса. Мэгги откинула голову на спинку сиденья и стала повторять про себя строчки, которые высвистывал Айра.

«Когда ты играешь дома, засыпая к восьми...»

Она взглянула себе на запястье и увидела сразу двое часов. Одни – ее обычные, маленькие «Таймекс», другие – большие, старые, увесистые мужские часы на широком кожаном ремешке. Собственно говоря, они принадлежали ее отцу и не то потерялись, не то сломались многие годы назад. Циферблат у них был прямоугольный, красноватый со светло-синими цифрами, которые светились в темноте. Она прикрыла запястье ладонью, наклонилась, чтобы увидеть, как

загораются в маленькой пещерке сумрака цифры. От пальцев пахло жевательной резинкой. Сидевшая рядом Серина сказала: «Еще пять минут, о большем не прошу. Если за это время ничего не произойдет, мы уйдем, обещаю».

Мэгги подняла голову, посмотрела сквозь листву на двух каменных львов по другую сторону улицы. От них, изгибаясь, уходила по безупречной лужайке дорожка к старинному кирпичному дому в колониальном стиле, в этом доме жил отец Серины. Парадная дверь была сплошной, даже без маленьких стеклянных окошек, которые размещают слишком высоко, чтобы от них был какой-то прок. Мэгги не понимала, как может Серина с таким напряжением вглядываться во что-то настолько невыразительное и неприступное. Они сидели, неудобно скорчившись, среди переплетенных ветвей рододендрона. Мэгги сказала: «Ты то же самое полчаса назад говорила. Никто оттуда не выйдет».

Серина положила ей на руку ладонь: тише! Дверь распахнулась. Мистер Барретт вышел из нее, повернулся, что-то сказал. Появилась, натягивая перчатки, его жена в узком платье с длинными рукавами – коричневым, почти того же оттенка, что костюм мистера Барретта. Ни Мэгги, ни Серина ни разу, даже по уик-эндам, не видели его одетым во что-либо кроме костюма. Он похож на обитателя кукольного домика, думала Мэгги, на пластмассового человечка в нарисованной и неснимаемой одежде, с короткой стрижкой и бесцветным лицом. Он закрыл дверь, взял жену под локоток, и они двинулись по скрипевшему под их ногами песку. Проходя между каменными львами, они смотрели, казалось, прямо на Мэгги с Сериной; Мэгги различила в коротких волосах мистера Барретта серебристые иголки. Но его лицо не сказало ей ничего, как и лицо его супруги. Оба круто повернули налево и направились к стоявшему у бордюра длинному синему «кадиллаку». Серина затаила дыхание. Мэгги же почувствовала почти удушающее разочарование. До чего же непроницаемы эти люди! Их можно разглядывать целый день и ничего о них не узнать. (Да скорее всего, и о других супружеских парах тоже.) А ведь были же и у них мгновения, о которых не ведал ни один человек на свете, – скажем, когда они впервые любили друг друга или когда разговаривали однажды, среди ночи, после того, как кто-то из них проснулся в испуге.

Мэгги, повернувшись к Серине, сказала: «Ах, Серина, я так сожалею о твоей утрате». Одета в красное похоронное платье Серина промокала слезы бахромой черной шали. «Так сожалею, душа моя», – сказала Мэгги и проснулась, тоже плача. Она подумала, что лежит дома в постели, а рядом спит Айра, дыша так ровно, как шуршат по асфальту покрышки машин; его теплая, голая рука покоится под ее головой. Однако то была не рука, а подголовник автомобильного сиденья. Мэгги выпрямилась, кончиками пальцев смахнула с ресниц слезы.

Свет притушили еще на одно деление шкалы, которая завершается темнотой, они уже ехали по протяженному, запутанному торговому району, что раскинулся прямо над Балтимором. Мелькали сверкающие вывески: КАЧЕСТВЕННАЯ САНТЕХНИКА, и ГРИЛЬ СЕСИЛИ, и ЕШЬ, ЕШЬ, ЕШЬ. От Айры остался лишь серый профиль, а повернувшись назад, Мэгги увидела, что лица Лерой и Фионы обесцветились, красочными на них остались лишь отблески неона.

– Далеко еще? – спросила она у Айры.

– Да минут пятнадцать. Мы уже внутри Кольцевой.

– Не забудь остановиться у магазина.

Она сердилась на себя за то, что пропустила часть разговора. (А может, его и не было? Это еще хуже.) Голова словно ватой набита, ничто не выглядит по-настоящему реальным. Они проехали мимо дома, на освещенной застекленной веранде которого были пирамидой выставлены барабаны – большие, на них поменьше и так далее, некоторые в золотистых блесках, точно вечернее платье из ламе, и все в проблесках хрома, – и Мэгги подумала, не заснула ли она снова. Поворачивая голову, она провожала дом глазами, барабаны уменьшались, но оставались жутковато яркими, точно рыбки в аквариуме.

– Мне такой непонятный сон привиделся, – помолчав, сказала она.

– А я там была? – пожелала узнать Лерой.

– Вообще-то не помню. Но могла быть.

– Моей подруге Валери на прошлой неделе приснилось, что я умерла, – сказала Лерой.

– Оох, такого даже говорить не следует!

– Ей приснилось, что меня тракторный прицеп задавил, – довольно сообщила Лерой.

Мэгги повернулась, чтобы встретиться глазами с Фионой. Следовало заверить ее, что подобные сны ничего не значат, а может быть, получить эти заверения от нее. Однако Фиона их разговора не слышала. Она вглядывалась в скопление круглосуточных магазинов и пиццерий.

– Супермаркет «Достойная цена», – сказал Айра и щелкнул выключателем левого поворотника.

– Достойная чего? – спросила Мэгги. – Никогда о таком не слышала.

– Зато он под рукой, вот что главное, – сказал Айра. Он постоял, пропуская встречные машины, дождался окошка в потоке и проскочил через улицу на парковку, замусоренную брошенными тележками для покупок. Остановился рядом с грузовым фургоном и выключил двигатель.

Лерой сказала, что тоже хочет пойти в магазин. Мэгги согласилась: «Ну конечно», после чего и ссутулившийся над рулем Айра выпрямился и открыл свою дверцу, по-видимому надумав отправиться с ними. Это вызвало у Мэгги улыбку. (И не пытайтесь уверить меня, что он равнодушен к своей внучке!) Фиона сказала: «Ладно, я не хочу сидеть тут одна» – и вылезла из машины. По воспоминаниям Мэгги, большой любительницей походов по продуктовым магазинам она не была.

«Достойная цена» оказалась одним из огромных, прохладных, белых, сверкающих магазинов с рядами и рядами кассовых аппаратов, большая часть которых не обслуживалась. Из динамиков текла какая-то слащавая любовная песня. Мэгги невольно замедлила шаг, приноровясь к ритму музыки. Мечтательно помахивая сумочкой, она плыла мимо фруктов с овощами, все остальные ушли вперед. Лерой разбежалась с пустой тележкой, заскочила на подножку и катила, пока не поравнялась с Айрой, который уже достиг стойки с курятиной. Он обернулся, улыбнулся девочке. Мэгги увидела его профиль, острый и словно бы волчий (голодный на самом деле). Было что-то непонятное в том, как его лицо тянулось к Лерой. Мэгги обогнала Фиону и подошла к нему. Взяла мужа под руку, легко провела щекой по его плечу.

– Темное мясо или белое? – спросил Айра у Лерой.

– Темное, – сразу ответила Лерой. – Мы с ма ножки любим.

– Мы тоже, – сказал Айра и, выбрав упаковку, опустил ее в тележку.

– Мы иногда и бедрышки едим, а про крылышки думаем, что они не стоят возни, – сказала Лерой.

«Мы с ма» то, «мы с ма» это... Давно ли и сама Мэгги была центром чьего-то мира? А ведь эта «ма» – всего лишь Фиона, хрупкая Фиона, идущая в обрезанных шортах по проходу.

Айра, напевая вместе с динамиками, уложил поверх ножек упаковку бедрышек.

– Теперь пошли за мороженым, – сказал он.

Лерой поехала на тележке, Мэгги и Айра последовали за ней. Рука Мэгги так и осталась просунутой под руку Айры. Фиона плелась позади.

Добравшись до замороженных продуктов, они единогласно остановились на мороженом со сливочной помадкой, однако обилие его разновидностей затруднило выбор. Тут имелась собственная марка «Достойной цены», марки стандартные и марки замысловатые, с заграничными названиями, Айра называл их «дизайнерскими десертами», а дизайнерские десерты он не одобрял в принципе. Фиона, обнаружившая отдел «Уход за волосами», мнения своего по части мороженого не высказала, а Лерой объявила, что они с ма всегда любят «Брейерс». Мэгги была за то, чтобы взять да и купить что-нибудь заграничное. Спор на этот счет мог продолжаться целую вечность, но тут динамики заиграли «Сегодня ночью ты моя», и на середине песни Айра начал негромко подпевать. «Там, внизу, у реки...» – с отсутствующим видом рокотал он. Тут уж и Мэгги не устояла перед соблазном присоединить к его пению маленькую сопрановую партию: «Как же сладко, посмотри...»

Поначалу это было пародией, но затем они распелись не на шутку. «Повторим, так нам будет о чем помечтать при луне!» В припеве их голоса переплелись и разошлись, чтобы воссоединиться и снова обвиться один вокруг другого. Фиона даже забыла про коробочку с краской для волос, которую изучала; Лерой восторженно сжала ладони под подбородком; пожилая женщина остановилась в проходе, чтобы улыбнуться им. Она-то и вернула Мэгги на землю. И Мэгги вмиг представилось, что в этой сцене присутствует какой-то обман, некая ложь есть в том, как они с Айрой уступчиво стараются достигнуть

гармонии, в романтическую дымку которой они облачают друг друга. И оборвала свое соло.

– «Пейшэнс и Пруденс», – коротко проинформировала она Лерой. – Пятьдесят седьмой год.

– Пятьдесят шестой, – поправил ее Айра.

– Как скажешь, – согласилась Мэгги.

И они вернулись к мороженому.

В конце концов выбрали все-таки «Брейерс» и к нему шоколадный соус, банки которого стояли над холодильником.

– «Херши» или «Нестле»? – спросил Айра.

– Решайте сами.

– А то еще есть «Достойная цена». Что ты скажешь, если мы его возьмем?

– Лишь бы не «Бурую коровку», – ответила Лерой. – Я ее ненавижу.

– Определенно не «Бурую коровку», – сказал Айра.

– От нее восковыми свечками пахнет, – объяснила Лерой, повернувшись к Мэгги.

– Ой, – сказала Мэгги. Она смотрела на остренькое личико Лерой и улыбалась.

Тут раздался голос Фионы:

– Вы никогда не думали попробовать пенку?

– Что?

– Пенку для укладки волос. Попробовать на себе.

– А, для волос. – Она решила, что речь идет о подливке для мороженого. – Нет, по-моему, не думала.

– Ее рекомендуют многие косметологи.

То есть Фиона рекомендует ее Мэгги? Или она это говорит так, вообще?

– А что она дает? – спросил Мэгги.

– Ну, в вашем случае она придаст волосам форму. Вроде как организует их.

– Надо купить, – решила Мэгги.

Она сняла с полки серебристый баллончик, а заодно и бутылочку шампуня «Близость» – купон-то еще был при ней. («Возвращает волосам былую пышность», – обещала надпись на бутылочке.) Затем все направились к кассе, и Мэгги подгоняла своих спутников, потому

что ее часики показывали шесть с минутами, а Джесси она сказала: в половине седьмого.

– У тебя денег хватит? – спросил Айра. – Я бы подогнал машину, пока ты расплачиваешься.

Мэгги кивнула, и он ушел. Лерой аккуратно разложила покупки по прилавку. Стоящий перед ними мужчина покупал один только хлеб. Ржаной, белый, сухари, булочки из обойной муки. Может, он старается жену раскормить. Допустим, он ревнивец, а жена его стройна и прекрасна. Мужчина с хлебом ушел. Лерой повелительным голосом опытной женщины распорядилась:

– Двойные пакеты, пожалуйста.

Молодой человек за кассой хмыкнул, не взглянув на нее. Мускулистый такой, красивый, с густым загаром, за открытым воротом рубашки виднелось золотое лезвие на цепочке. Что бы это значило, интересно? Тыкая пальцем в клавиши, он быстро выбивал чек. Шампунь шел последним. Мэгги порылась в сумочке, достала и протянула кассиру купон.

– Вот, – сказала она, – это вам.

Юноша принял купон, перевернул. Внимательно прочитал, почти не шевеля губами. И возвратил купон Мэгги, сказав:

– Да, ээ, спасибо. – И добавил: – Шестнадцать сорок три.

Мэгги смутилась, но отсчитала деньги и сняла со стойки пакет. А отходя от кассы, спросила у Фионы:

– Разве «Достойная цена» не принимает купоны?

– Купоны? Не знаю, – ответила Фиона.

– Может, у него срок вышел, – сказала Мэгги и поискала на купоне срок годности. Однако поперек печатного текста шел другой, темно-синий, записанный Дервудом Клеггом: «Обними и покрепче прижмись ко мне...»

Мэгги покраснела.

– Так! Нашла что предложить!

– Пардон? – спросила Фиона, но Мэгги ей не ответила. Смяла купон и бросила его в пакет с продуктами.

Снаружи смеркалось. Воздух наполнила густая, прозрачная синева, насекомые проносились мимо высоко подвешенных над парковкой ламп. Айра стоял, прислонясь к ждавшей у бордюра машине.

– Продукты в багажник? – спросил он у Мэгги, и она ответила:

– Нет, подержу на коленях.

Мэгги вдруг почувствовала себя старой и усталой. Похоже, они никогда до дома не доберутся. Она влезла в машину, рухнула на сиденье, и пакет начал мотаться туда-сюда на ее коленях.

Храм Святого Михаила Архангела, «Изысканные вина Чарли». Продавцы подержанных автомобилей, один за другим. Мемориальная церковь Гатча. Рыбный ресторан «Клешня краба». «Веселая ночка» – красные и синие неоновые пузырьки играют в неоновом бокале для коктейля. Кладбища, ветхие каркасные дома, ресторанчики быстрого питания, пустые спортивные площадки. Они свернули с Белэр-роуд направо – наконец-то, наконец-то покинув Первое шоссе – и покатали по своей улице. Каркасные дома встречались здесь все чаще. Прямоугольники желтого света – окна, одни занавешены, другие выставляют напоказ внутренность дома: чересчур изукрашенные декоративные светильники, педантично расставленные по подоконникам фарфоровые фигурки. Безо всякой на то причины Мэгги вспомнила автомобильные прогулки с Айрой в первую пору его ухаживания – они проезжали мимо таких домов, и им казалось, что у каждой пары на свете, кроме них, есть где уединиться. Чего бы она не отдала тогда за самый маленький из них, да просто за четыре стены и кровать! От воспоминаний об этих давних-давних мучениях грудь ее наполнилась сладкой печалью.

Проехали хиромантический салон «Всевидящее око» – на самом деле обычный частный дом с вывеской в окне гостинной. На ступеньках сидела девушка – наверное, ждала своей очереди; личико сердечком, вся в черном, если не считать красных замшевых туфель, ясно видных в падающем с веранды свете. По тротуару устало шагал мужчина с девочкой на плечах, она обеими руками цеплялась за его волосы. Все вокруг словно бы становилось более задушевным, более определенным. Мэгги повернулась к Лерой и сказала:

– Тебе, я думаю, эти места не знакомы.

– Нет, я их видела.

– Видела?

– Мельком, – поспешила уточнить Фиона.

– Когда же?

Лерой посмотрела на Фиону, та ответила:

– Мы могли проезжать здесь раз или два.

– Вот как, – сказала Мэгги.

Айра остановился перед их домом. Дом был из тех, что поначалу кажутся, по крайней мере с улицы, состоящими по большей части из веранды, – приземистый, простоватый, далеко не впечатляющий, Мэгги готова была признать это первой. Если бы еще внутри свет горел, тогда дом выглядел бы гостеприимнее. Но в окнах было темно.

– Ну вот! – с преувеличенным энтузиазмом сказала она. Открыла дверцу и, прижимая к себе пакет с продуктами, вылезла из машины. – Входим все!

В том, как они топтались на тротуаре, присутствовала некоторая неловкость. Слишком долгое время провели они в пути. Поднимаясь по ступенькам, Айра случайно ударил чемоданом Фионы по перилам, а потом как-то суетливо возился с ключом, прежде чем дверь открылась.

Затхлый, тесный сумрак прихожей. Айра щелкнул выключателем. Мэгги позвала: «Дэйзи?» – нисколько не надеясь на ответ. Ясно было, что дом пуст. Она перенесла пакет на левое бедро, сняла с книжной полки блокнот. «Пошла попрощаться с Лавинией», – безупречным почерком написала Дэйзи.

– Она у миссис Совершенство, – сообщила Мэгги мужу. – Ладно, скоро вернется! Много ли времени нужно, чтобы сказать «до свидания»? Вернется с минуты на минуту!

Говорилось это для Лерой, нужно было уверить девочку, что Дэйзи существует на самом деле, что в доме живут не одни старики.

Лерой, держа бейсбольную перчатку под мышкой, кружила по прихожей. Разглядывала, щурясь, фотографии на стенах.

– Это кто? – спросила она, указав на одну.

Айра, молодой отец, стоял под крапчатым солнечным светом, неуклюже держа на руках младенца.

– Это твой дедушка, а на руках у него твой папа, – объяснила Мэгги.

– А, – произнесла Лерой и сразу отошла к другим снимкам. Вероятно, она надеялась, что это Джесси, держащий ее, Лерой. Мэгги обвела взглядом прихожую, пытаясь сообразить, есть ли тут такое фото. За развешенными по стене фотографиями, профессионально обрамленными Айрой самыми разными багетами и по-разному матированными, точно образчики чего-то, обоев было почти не

разглядеть. Здесь имелся Джесси, едва начавший ходить, маленький Джесси на самокате, общая фотография пятого класса – лицо Джесси размером с ноготок среди других лиц. Но ни одного снимка Джесси постарше, вдруг поняла Мэгги, даже подростка. И уж тем более отца. К тому времени на стене просто не осталось места. А кроме того, мать Мэгги вечно талдычила, что выставлять семейные фотографии за пределами супружеской спальни – пошло.

Фиона начала толкать свой чемодан к лестнице, оставляя на половицах две длинные тонкие царапины.

– Ой, не возись с ним, – сказала ей Мэгги. – Айра попозже его отнесет.

Как она должна себя чувствовать, вернувшись сюда после долгой отлучки, – пройдя по веранде, на которой она приняла решение сохранить ребенка, миновав переднюю дверь, которой так часто хлопала, выбегая из дома обиженной? Фиона выглядела осунувшейся, подавленной. Внезапно вспыхнувший в прихожей свет словно смял кожу вокруг ее глаз. Оставив в покое чемодан, Фиона ткнула пальцем в снимок, висевший высоко на стене.

– А там, между прочим, я, – сказала она дочери. – Если тебе интересно.

Это было свадебное фото, Мэгги про него и забыла. Фото подарила им Кристал, которая купила к церемонии камеру, на снимке была игривая юная девчушка в помятом платье. Рамка черная, пластмассовая, в такие дипломы вставляют, куплена, скорее всего, в «Вулвортсе». Лерой разглядывала фотографию без всякого выражения на лице. А затем перешла в гостиную, где Айра включал лампы.

Мэгги потащила продукты на кухню, Фиона шла следом.

– Так где же он? – негромко спросила она.

Мэгги щелкнула выключателем верхнего света, посмотрела на часы.

– Я ему сказала, что мы сядем за стол в половине седьмого, сейчас почти столько и есть, но ты же знаешь, как он иногда утрачивает представление о времени, поэтому не волнуйся...

– Я и не волнуюсь! – прервала ее Фиона. – Кто сказал, что я волнуюсь? Мне все равно, придет он или нет.

– Ну конечно, не все равно, – умиротворяюще произнесла Мэгги.

– Я привезла Лерой к вам, вот и все. А придет ли он, мне без разницы.

– Да ладно тебе, разумеется, не без разницы.

Фиона тяжело опустилась на табуретку, бросила на стол сумочку. Она всегда вела себя будто официальная гостья – таскала сумочку из комнаты в комнату; некоторые привычки никогда не меняются. Мэгги вздохнула и принялась возиться с продуктами. Отправила мороженое в морозилку, вскрыла обе упаковки курятины и свалила их содержимое в большую чашу.

– Лерой какие овощи любит?

– Хм, – отозвалась Фиона. – Овощи?

Похоже, вопрос до нее не дошел. Она смотрела на настенный календарь, который все еще показывал август. Да, быт у них не очень отлаженный, впрочем, уж не Фионе на это жаловаться. На кухонных столах сама собой скапливается всякая всячина, до уборки которой ни у кого не доходят руки. В шкафчиках – запыленные бутылочки специй, коробки с хлопьями, разрозненные тарелки. Просевшие ящики не закрываются, выставля напоказ содержимое. Мэгги попался на глаза один приоткрытый ящик, она склонилась, перебирая затиснутые в него бумажки.

– Где-то здесь... – говорила она. – Я почти готова поклясться...

Под руку подвернулось извещение родительского комитета. Оторванный от чего-то рецепт «Изумительного изюмного пирога». Пакетик открыток с пожеланием скорейшего выздоровления, который она искала с самого дня его покупки. И наконец...

– Ага, – сказала она, показывая Фионе рекламную листовку.

– Что это?

– Фотография взрослого Джесси. Для Лерой.

Это была темноватая фотокопия снимка рок-группы. Впереди сидел Лоример с его барабанами, а Джесси стоял за ним, положив руки на шею двух других музыкантов – Дэйва и как его? Все были в черном. Брови Джесси сведены в намеренно хмурой гримасе. Под снимком сделанная мохнатыми, в тигровую полоску буквами надпись ВЕРТИ КОТА, а ниже оставлено пустое место для записи даты и времени.

– Конечно, фото не отдает ему должное, – сказала Мэгги. – Все рок-группы стараются выглядеть такими, не знаю, такими мрачными,

ты замечала? Может, лучше показать ей снимок, который я ношу в бумажнике? Там он тоже не улыбается, но хотя бы волком не смотрит.

Фиона разглядывала листовку.

– Забавно. Все остались теми же.

– Теми же?

– Я о том, что они всегда собирались стать другими, помните? Строили всякие заносчивые планы. И все время менялись, то есть менялось их мнение о музыке. Лерой как-то спросила меня, какую музыку играет ее папа – новую волну, или панк, или тяжелый металл, какую? Думаю, ей хотелось чем-то поразить подружек, но я сказала: «Господи, теперь она может быть какой угодно, я даже самых туманных представлений не имею». И вот посмотрите на них.

– Да? И что? – спросила Мэгги. – На что смотреть-то?

– Лоример все такой же лохматый и с хвостиком, мне всегда хотелось его отрезать. И одеты они по-прежнему. Все тот же старомодный стиль «Ангелов Ада».

– Старомодный? – удивилась Мэгги.

– Мне не трудно представить их сорокалетними. Так и будут все вместе играть по уик-эндам, когда жены позволят, – на сборищах «Ротари-клуба» и тому подобное.

Слушать ее Мэгги было неприятно, однако она этого не показала. Просто повернулась к чаше с курятиной.

Фиона спросила:

– Кого он приводил к ужину?

– Прости?

– Вы говорили, как-то он привел к ужину женщину.

Мэгги обернулась. Фиона по-прежнему держала снимок в руке, недоуменно глядя на него.

– Она ничего не значила, – сказала Мэгги.

– Так кого же?

– Просто женщину, с которой где-то познакомился, мало ли мы их видели? Надолго ни одна не задерживалась.

Фиона положила снимок на стол, но продолжала поглядывать на него время от времени.

В гостиной заиграла дерганая музыка. Видимо, Лерой поставила на проигрыватель одну из отвергнутых Джесси пластинок. Мэгги услышала «Трень-брень», и «Каждый день», и знакомый перебор

струн, хоть и не взялась бы сказать, кто играет. Она вынула из холодильника пакет с пахтой, полила ею курятину. Головная боль стягивала кожу на лбу. Если как следует вспомнить, эта боль донимала ее уже довольно давно.

– Я позвоню Джесси, – вдруг сказала она, подошла к настенному телефону и сняла трубку. Гудка не было. Лишь какой-то ритмичный треск. – Должно быть, Айра с другого аппарата звонит, – сказала она и повесила трубку. – Да, ну так вот. Овощи. Какие овощи ест Лерой?

– Она зеленый салат любит.

– О господи, надо было купить латук.

– Мэгги, – сказал, входя в кухню, Айра, – что ты сделала с моим автоответчиком?

– Я? Ничего не сделала.

– Сделала, уверяю тебя.

– Не делала я ничего! Я тебе уже говорила, вчера у меня с ним неприятность случилась, но потом я записала новое сообщение.

Он согнутым пальцем указал на телефон и попросил:

– Попробуй-ка.

– Чего это ради?

– Попробуй позвонить в мастерскую.

Мэгги пожала плечами, подошла к телефону. Набрала номер, услышала три сигнала. Что-то щелкнуло.

«Значит, так, – произнес ее голос, далекий и тонкий. – Посмотрим: нажать кнопку А, подождать, пока загорится красный... о черт».

Мэгги заморгала.

«Похоже, я что-то неправильно нажала, – продолжал голос. И перешел на фальцет, к которому она часто прибегала, валяя дурака с детьми: – Кто, я? Неправильно? Такая идеальная девочка? Даже представить себе невозможно!»

Писк, с каким перематывается вперед лента, «биип». Мэгги повесила трубку. И пробормотала:

– Ну... ээ...

– Могу вообразить, что подумали мои клиенты, – сказал Айра.

– Может, никто и не звонил, – с надеждой ответила она.

– Я просто не понимаю, как тебе это удалось! Предполагается, что у этой машинки есть «защита от дурака».

– А это лишь доказывает, что нынче нельзя доверять даже самым простым приборам, – назидательно заметила Мэгги.

Она снова сняла трубку и набрала номер Джесси. Телефон звонил и звонил, Мэгги нервно перекручивала пальцами провод, понимая, что Фиона, которая сидела за столом, подперев подбородок ладонью, наблюдает за ней.

– Ты куда звонишь? – спросил Айра.

Она притворилась, будто не услышала вопроса.

– Кому она звонит, Фиона?

– Я думаю, Джесси.

– Ты забыла, что у него телефон не работает?

Мэгги подняла на него взгляд:

– Ой!

И повесила трубку, и некоторое время с сожалением смотрела на нее.

– Ладно, – сказала Фиона, – может, он уже едет. В конце концов, сегодня суббота. До скольких он работает?

– Отнюдь не допоздна, – ответил Айра.

– И кстати, где?

– В «Мотоциклетном магазине Чика». Продает мотоциклы.

– Разве они еще не закрылись?

– Конечно, закрылись. Они заканчивают в пять.

– Тогда зачем ему было звонить?

– А это она в его квартиру звонила, – сказал Айра.

– В его... – начала Фиона.

Мэгги вернулась к курятине. Перемешала ее вместе с пахтой. Вынула из ящика плоский пакет бурой бумаги, насыпала в него немного муки.

– Так у Джесси есть квартира? – спросила Фиона.

– Да, а что?

Мэгги отмеряла соль, перец, пересыпая их в пакет.

– Собственная?

– Ну да, на Калвер-стрит.

Фиона задумалась.

– Вот о чем я всегда хотела спросить тебя, Фиона! – заговорила Мэгги. Опять этот чересчур оживленный тон. – Помнишь, через несколько месяцев после твоего ухода Джесси позвонил тебе и сказал,

что ты позвонила первой, а ты ответила, что не звонила? Так вот, было это или не было? Ты позвонила сюда, я сказала: «Фиона?» – а ты повесила трубку, так?

– О господи... – непонятно ответила Фиона.

– Я хочу сказать, это была ты, потому что зачем же кому-то вешать трубку, услышав твое имя?

– Я правда не помню, – сказала Фиона, а затем сняла со стола сумочку и встала. И, ступая легко, бесцельно, словно не замечая, что уходит, покинула кухню, крикнув уже в коридоре: – Лерой? Чем ты там занимаешься?

– Вот видишь? – сказала мужу Мэгги.

– Что?

– Это была она. Я всегда знала.

– Она в этом не призналась.

– Ох, Айра, каким ты иногда бываешь упрямым.

Она сжала горловину пакета, потрясла им, перемешивая приправы. Надо было сказать Фионе: невозможно получить все сразу. Нельзя смеяться над ним за то, что он остался прежним, и при этом возражать против перемен в нем. Ну конечно, он переехал отсюда! А Фиона думала, что он так и будет сидеть здесь годами, дожидаясь ее?

И все же ее чувства почему-то были понятны Мэгги. Ты рисуешь для себя портрет человека и ставишь его на одну из полок у себя в голове.

Мэгги еще раз взглянула на фото группы, что осталось лежать на столе. Какой энтузиазм переполнял их когда-то. Сколько сил потратили. Она помнила их первые репетиции в гараже родителей Лоримера, месяцы и месяцы, когда они с восторгом играли бесплатно, даже так, и ту ночь, когда Джесси вернулся домой, торжественно потрясая десяткой – его долей их первого заработка.

– Это Дэйзи? – спросил Айра.

– Что?

– По-моему, я слышал, как хлопнула дверь.

– Ох! Может, Джесси пришел.

– На него не рассчитывай.

Но только Джесси мог толкнуть дверь так, что она ударилась о книжную полку. Мэгги отряхнула руки.

– Джесси? – позвала она.

– Я здесь.

Она выскочила в прихожую, Айра куда более медленно последовал за ней. Джесси стоял в проеме двери. И смотрел в сторону гостиной, где замерла, как испуганный зверек, сжав перед собой ладони и отведя ногу назад, Лерой.

– Ну, привет, – сказал Джесси.

– Привет, – сказала Лерой.

– Как поживаешь?

– Хорошо.

Он посмотрел на Мэгги:

– Подросла, правда?

Миндалевидные черные глаза Джесси снова обратились к Лерой.

Мэгги подошла к нему, ей хотелось завести его в дом, поглубже. (Он всегда создавал впечатление, что того и гляди сбежит.) Взяла его за руку.

– У меня там курица жарится, четверть часа – и все готово. Вы пока посидите здесь, познакомьтесь поближе.

Однако затащить Джесси куда-либо всегда было делом нелегким. Сегодня на нем была вязанная фуфайка, и под этой тонкой оболочкой Мэгги ощутила сопротивление – мускулы над локтем стали словно стальными. И ноги как будто вросли в пол.

– Что ты слушаешь? – спросил он.

– Да так, пластинку.

– Ты поклонница «Мертвецов»? [\[36\]](#)

– «Мертвецов»? Э-э... конечно.

– Тогда тебе стоит выбрать альбом получше, – сказал он. – Этот слишком уж простоватый.

– Ага, точно, – сказала Лерой. – Я сама только что так подумала.

Джесси оглянулся на Мэгги. Подбородок у него был немного выпячен – совсем как у Айры, когда тот пытается сдержать улыбку.

– Она еще и спортсменка, – сказала Мэгги. – Прихватила с собой бейсбольную перчатку.

– Правда? – спросил он у Лерой.

Та кивнула. Теперь носок ее приподнятой ноги изящно указывал в пол, как у балерины.

Наверху что-то грохнуло, и Фиона крикнула оттуда:

– Мэгги, а где...

Она возникла вверху лестницы. Все посмотрели на нее.

– О... – И начала спускаться, очень плавно и быстро, скользя ладонью по перилам. Звук раздавался только один – шлепки ее сандалий по босым ступням.

– Рад тебя видеть, Фиона, – сказал Джесси.

Она сошла с последней ступени, посмотрела ему в лицо и ответила:

– И я тебя.

– Ты сделала что-то новое с волосами, верно?

Фиона подняла руку и, не сводя глаз с его лица, коснулась кончиков волос.

– О... Может быть.

Мэгги проговорила:

– Ладно, я, пожалуй, пойду на кухню...

И Айра спросил:

– Тебе нужна помощь, Мэгги?

– Да, конечно! – радостно пропела она.

Фиона сообщила:

– Я искала наверху мою мыльницу.

Мэгги остановилась.

– Мыльницу? – переспросил Джесси.

– Залезла в ящик твоего стола, но там пусто. Только шарики нафталина. Ты забрал ее, когда переезжал в свою квартиру?

– О какой мыльнице ты говоришь?

– О моей черепаховой мыльнице! Которую ты хранил.

Джесси взглянул на Мэгги. Она сказала:

– Ты же помнишь ее мыльницу.

– Вообще-то нет, не очень, – ответил Джесси и ухватился за клочок волос, который спадал ему на лоб. Он всегда так делал, недоумевая.

– Ты хранил ее после ухода Фионы, – сказала Мэгги. – Я видела ее у тебя. В ней лежал кусочек мыла, помнишь? Такого прозрачного.

– Ах да, – сказал Джесси и отпустил клочок.

– Так ты помнишь ее?

– Конечно.

Мэгги стало легче. Она ободряюще улыбнулась Лерой, уже опустившей ступню на пол и неуверенно смотревшей на взрослых.

– Так где же она? – спросила Фиона. – Где моя мыльница, Джесси?

– Ну, ээ, разве твоя сестра ее не забрала?

– Нет.

– Я думал, она увезла ее вместе с твоими вещами.

– Не увезла, – сказала Фиона. – Мыльница лежала в твоём столе.

– Господи, Фиона. Тогда я ее, наверное, выбросил. Но послушай, если она так много для тебя значит, я с радостью...

– Но ведь ты хранил ее, потому что она была памятью обо мне, – сказала ему Фиона. – Пахла мной! Ты закрывал глаза и подносил мою мыльницу к носу.

Взгляд Джесси переметнулся к Мэгги.

– Ма? – спросил он. – Это ты ей наговорила?

– Выходит, это неправда? – спросила Фиона.

– Ты уверила ее, что я расхаживал по дому, нюхая мыльницы, ма?

– Так ты же нюхал! – ответила Мэгги, хоть ей и неприятно было повторять это прямо ему в лицо. Она повернулась к Айре (обнаружив на его физиономии в точности то выражение – шокированное и неодобрительное, – какое ожидала увидеть) и сказала: – Он держал ее в верхнем ящике.

– В ящике с твоими сокровищами, – подхватила Фиона. – Думаешь, я притащилась бы в такую даль, как самая обыкновенная... девчонка-поклонница, если бы твоя мать не рассказала мне об этом? Мне незачем было приезжать! У меня и так все хорошо! Но твоя мать рассказала мне, как ты вцепился в мою мыльницу и не позволил Кристал забрать ее, как закрыл глаза и впитывал ее запах! Ты хранишь ее по сей день, сказала она, никогда с ней не расстаешься, а на ночь под подушку кладешь!

Мэгги воскликнула:

– Я не говорила, что...

– По-твоему, я кто? – спросил Джесси. – Лузер какой-нибудь?

– Так, послушайте, – вмешался Айра.

Фиона, похоже, только рада была послушать.

– Давайте я изложу это простыми словами. Вы говорите о пластмассовой мыльнице.

– О моей пластмассовой мыльнице, – подтвердила Фиона, – с которой Джесси спит каждую ночь.

– Ну, тут какая-то ошибка, – сказал Айра. – Откуда Мэгги может об этом знать? Джесси теперь живет в своей квартире. И по дошедшим до меня слухам, если он с кем-то и спит, так с инспектором автосалона.

– Что?

– Ладно, не суть важно.

– С каким инспектором?

Пауза. Затем Айра:

– С тем, которого встречаешь в дверях салона, когда заходишь туда, чтобы купить машину. Она записывает твое имя и адрес, а потом вызывает продавца.

– Она? Так это женщина?

– Верно.

– Джесси спит с женщиной?

– Верно.

Мэгги сказала:

– Ты просто не можешь не испортить все, Айра, так?

– Не так, – ответил Айра. – Все портит самая обычная правда, Мэгги, а правда в том, что Джесси в настоящее время кем-то увлечен.

– Но эта женщина ничего не значит! Я хочу сказать, они же не помолвлены, не женаты, ничего! Она не та, о ком он все время думает!

Мэгги повернулась за поддержкой к Джесси, однако тот внимательно изучал носок своего левого ботинка.

– Ах, Мэгги, – сказал Айра, – ну признай очевидное. Так уж все сложилось. И Джесси каким был, таким и останется. Муж из него не получится, он не из того материала сделан! Он перебирает девушку за девушкой и, похоже, не способен продержаться ни на одной работе дольше нескольких месяцев, а когда теряет очередную, виноватым неизменно оказывается кто-то другой. Либо босс у него козел, либо покупатели козлы, либо сотрудники...

– Нет, постой... – начал Джесси, но Мэгги уже говорила:

– Ох, почему ты всегда, всегда преувеличиваешь, Айра? Он целый год проработал в магазине грамзаписей, ты об этом забыл?

– Каждый, с кем знакомится Джесси, – спокойно закончил Айра, – по какому-то магическому совпадению оказывается козлом.

Джесси повернулся и вышел.

Оттого, что он не хлопнул дверью, а позволил ей с тихим щелчком закрыться, почему-то стало лишь хуже.

Мэгги сказала:

– Он вернется. – Предназначалось это Фионе, но, поскольку та не ответила (лицо ее стало чуть ли не деревянным, она смотрела вслед Джесси), Мэгги обратилась к Лерой: – Ты заметила, как он обрадовался, когда увидел тебя, правда?

Лерой молчала, приоткрыв рот.

– Его расстроило то, что сказал о нем дедушка, вот и все, – объяснила ей Мэгги. И следом: – Этого я тебе никогда не прощу, Айра.

– Мне! – отозвался Айра.

– Хватит! – сказала Фиона. Все повернулись к ней. – Замолчите, оба, – продолжала она. – Я до смерти устала. Устала от Джесси Морана, устала от вас, от того, как вы повторяете одни и те же дурацкие доводы, цепляетесь к мелочам и препираетесь, и Айра всегда прав, а Мэгги всегда готова соврать.

– Но... Фиона? – удивилась Мэгги. Ей было обидно. Может, это и глупо, но она всегда втайне верила, что люди смотрят на ее брак с завистью. – Мы не препираемся, мы просто разговариваем, – сказала она. – Стараемся согласовать наши взгляды.

– Ладно, забудьте, – сказал Фиона. – Не понимаю, с чего я решила, что здесь могли произойти какие-то изменения.

Она вошла в гостиную, обняла Лерой, так и стоявшую с широко распахнутыми, испуганными глазами.

– Ну все, все, лапа. – И уткнулась лбом между шеей и плечом дочери. Ясно было, что и сама Фиона нуждается в утешениях.

Мэгги посмотрела на Айру. Обвела взглядом прихожую.

– Мыльница? – спросил Айра. – Как это ты умудрилась сочинить такую историю?

Она не ответила (любой ее ответ выглядел бы как препирательство), просто отошла от него и в достойном, как она надеялась, молчании отправилась на кухню. Однако Айра увязался за ней, продолжая говорить:

– Послушай, Мэгги, нельзя же вот так перелицовывать жизни людей. Смотри правде в глаза! Проснись и услышь запах кофе!

Любимая фразочка Энн Ландерс: проснись и услышь запах кофе. Мэгги ненавидела его цитаты из Энн Ландерс. Она подошла к разделочному столу и начала складывать куски курятины в бумажный пакет.

– Мыльница! – продолжал удивляться Айра.

– Ты что хочешь к курице – горох или зеленую фасоль? – спросила Мэгги.

Однако Айра сказал:

– Пойду-ка я ополоснусь.

И ушел.

Вот она и осталась одна. Ладно! Мэгги смахнула с ресниц слезу. Все в этом доме взъелись на нее – и поделом: она, как обычно, вела себя бесцеремонно, лезла не в свое дело. Да, но пока все происходило, ей отнюдь не казалось, что она куда-то лезет. Ей казалось только, что мир чуть-чуть сбился с наводки на резкость, краски его немного вылезли из отведенных им контуров – как в плохо напечатанной газете, – и если она произведет самую маленькую подстройку, все встанет на свои места.

– Дура! – сказала она себе, тряся пакетом с курятиной. – Глупая старая проныра!

Она пристукнула сковородкой по плите, налила в нее масло – слишком много. Яростно повернула ручку, отступила на шаг, чтобы подождать, когда масло прогреется. Ну вот, полюбуйся: капли масла усеяли перед твоего лучшего платья, особенно на животе. Неуклюжая, толстопузая, тебе даже надеть перед готовкой передник ума не хватает. И заплатила ты у «Гехта» за это платье слишком много, шестьдесят четыре доллара, Айра возмущился бы, узнай он об этом. Вот почему ты такая ненасытная? Она прижала ладонь к носу. Глубоко вздохнула. Ладно. Чего уж теперь.

Масло прогрелось недостаточно, однако Мэгги все равно начала опускать в него куски курицы. К сожалению, их было многовато. Слишком много, как теперь выяснилось. (Если не удастся все же заманить Джесси на ужин.) Последние ножки буквально впихивать пришлось.

Так горох или зеленая фасоль? Пора уже что-то решить. Мэгги вытерла руки посудным полотенцем и вышла в гостиную.

– Лерой, что ты...

Однако гостиная была пуста. Поставленная Лерой пластинка шипела, как будто ее проигрывали второй или третий раз подряд. «Забирай мои деньги, водила...» – мрачно пели мужские голоса. Ни на кушетке, ни в креслах никого.

Мэгги пересекла прихожую, выглянула на веранду, позвала:

– Лерой? Фиона?

Никакого ответа. Четыре пустых кресла-качалки смотрели на уличные огни.

– Айра?

– Наверху я, – донесся глухой голос.

Она обернулась. Чемодан Фионы так и стоял, слава богу, у подножия лестницы, значит, далеко она уйти не могла.

– Айра, Лерой у тебя? – крикнула Мэгги.

Он появился вверху лестницы, шея обмотана полотенцем. Продолжая вытирать лицо, уставился на Мэгги.

– Не могу ее найти, – сказала она. – Обоих найти не могу.

– На веранде смотрела?

– Да.

Взяв полотенце в руки, Айра начал спускаться по лестнице.

– Тогда, может, они за домом.

Она прошла следом за ним в парадную дверь, затем вокруг дома. Ночной воздух был тепл и влажен. Какая-то мошка заныла у ее уха, она отмахнулась ладонью. Кто станет прогуливаться здесь в такой час? Уж только не Лерой или Фиона. Задний двор, куда она и Айра вышли, был маленьким пустым квадратом темноты.

– Ушли, – сказал Айра.

– Ушли? Ты хочешь сказать – совсем?

– Должно быть.

– Но чемодан так и стоит в прихожей.

– Он тяжелый, – ответил Айра и, взяв ее за руку, повел к задней веранде. – Если они пошли пешком, им вряд ли была охота тащить его.

– Пешком, – повторила Мэгги.

На кухне шипели и потрескивали куски курятины. Мэгги не обратила на них внимания, но Айра горелку выключил.

– Если пешком, мы сможем нагнать их, – сказала Мэгги.

– Подожди, Мэгги...

Поздно, она уже выскочила из кухни. Снова пронеслась через прихожую, вылетела в дверь, сбегала по ступенькам на улицу. Сестра Фионы жила где-то к западу отсюда, рядом с Бродвеем. Значит, они должны были пойти налево. Прикрывшись ладонью от уличного света, Мэгги вгляделась в пустынный простор тротуара. И увидела белого

кота, который шел неуверенно, слегка припадая к земле, как все они ходят в незнакомых местах. Миг спустя из поперечного проулка выбежала девушка с длинными темными волосами, крикнула: «Тупица! Вот ты где!» – подхватила кота и, взмахнув юбкой, исчезла. Проехала машина, оставив после себя обрывок репортажа о бейсбольном матче: «...без аутов и кражи баз, этим вечером на Тридцать третьей жарко, ребята...» Небо над промышленной зоной было красновато-серым.

Подошел Айра, положил ей на плечо ладонь.

– Мэгги, милая.

Она стряхнула его руку и побрела к дому.

Расстраиваясь, Мэгги напрочь теряла чувство направления и потому сосредоточилась теперь, точно слепая, на пути, который ей предстояло пройти, – неуверенно касалась самшитовой ограды, дважды споткнулась, поднимаясь по ступенькам веранды. «Лапушка», – произнес за ее спиной Айра. Она пересекла прихожую, подошла к подножию лестницы. Положила на пол чемодан Фионы и опустила на колени, чтобы открыть его запоры.

В чемодане обнаружили ночная рубашка из розовой хлопковой ткани, детская пижамная пара и короткие кружевные трусики – все это было не сложено, а скомкано, походило на отжатые кухонные мочалки. Под ними – косметичка на молнии, две стопки потрепанных книг с комиксами, с полдюжины женских журналов, коробка с костяшками домино и огромный, поблекший том с рассказами о лошадях. Без всего этого Фиона и Лерой могли легко обойтись. А то, без чего не могли, – сумочка Фионы и бейсбольная перчатка Лерой – исчезло вместе с ними.

Роясь в вещах (Айра молча стоял за ее спиной), Мэгги внезапно увидела свою жизнь как круг. Вечные повторения – и никакой надежды.

Глава 4

В доме престарелых был старик, который верил, что, едва попав на небо, он получит назад все, чего лишился в жизни. «О да, идея хорошая!» – сказала ему Мэгги, когда он рассказал ей об этом. Она полагала, что старик говорит о вещах неосязаемых – о юношеской энергии, например, или о способности молодых людей забывать про все на свете, увлекаться страстями. Но старик продолжал рассказывать, и она поняла, что у него на уме вещи вполне осязаемые. Прямо у жемчужных врат, сказал он, святой Петр вручит мне большой мешок и там будет все: красный свитер, который мама связала перед самой смертью и который он, когда учился в четвертом классе, забыл в автобусе – и с тех пор скучает по нему всей душой; совсем особенный карманный ножик, по злобе заброшенный его старшим братом в кукурузное поле; колечко с бриллиантом, которое его первая возлюбленная не вернула, после того как разорвала помолвку и сбежала с сыном священника.

Мэгги тогда задумалась – а что она найдет в *своем* мешке? Засунутые куда-то пудреницы, осиротевшие сережки, зонтики, которые она теряла, не заметив того, а через несколько недель или месяцев вспоминала о них: «Разве у меня не было?..» или «А куда подевался мой?..» Вещи, которые она раздавала не задумываясь, а после проникалась желанием вернуть их, – к примеру, те юбки 1950-х, которые она пожертвовала «Доброй воле», а теперь их длина снова вошла в моду. И она еще раз сказала старику: «О, да», но с чуть меньшей уверенностью, потому что собственные потери вроде бы не огорчали ее так сильно, как старика – его.

Впрочем, сейчас (раскладывая куски жареной курицы по пластиковым коробочкам, которые Айра будет брать с собой в мастерскую) она думала о том, что ее мешок окажется все же набитым посильнее. Она вспомнила зеленое платье, которое вдруг ужасно понравилось Натали, жене ее брата Джоша. Мэгги сказала ей: «Бери, оно идет к твоим глазам», это была чистая правда, и она радовалась, что Натали взяла платье, Мэгги любила ее как сестру. Но после Джош и Натали развелись, Натали куда-то уехала и не стала звонить и

писать, как будто она развелась и с ней, и теперь Мэгги хотелось вернуть платье. Оно так и струилось при ходьбе! Одно из тех платьев, в которых можно пойти куда угодно, они на любой случай годятся.

А еще ей хотелось вернуть котенка, Пушинку, которого Айра подарил ей (самый первый подарок!) в пору ухаживания. Такая была веселая, озорная кошечка, она все время сражалась острыми, как иголки, зубками и мягкими серыми лапками с воображаемыми врагами, Мэгги и Айра могли играть с ней часами. Но Мэгги ненароком убила бедняжку, когда включила мамину сушильную машину, не проверив, что у нее внутри, – стала потом вынимать одежду, а там она, обмякшая, вонючая, словно бескостная, точно настоящая пушинка. Как же Мэгги плакала, остановиться не могла. После у нее были и другие кошечки – Люси, Честер, Тыквик, – но сейчас Мэгги вдруг страшно захотелось вернуть Пушинку. Конечно, святой Петр разрешит поместить в ее мешок животных, ведь так? А поместит ли он туда всех тощих, нисколько не приставучих собак Малтрени-стрит, беспородных дворняг, под далекий лай которых она засыпала в каждую ночь детства? Поместит хомячка детей, который годы назад неустанно метался по своей проволочной тюрьме, и Мэгги из жалости выпустила его, а Тыквик поймал да и съел?

И тот банальный брелок для ключей, который у нее был, вращающийся на оси металлический диск, на одной его стороне было вытиснено ЛЮБИТ, а на другой – НЕ ЛЮБИТ. Подарок Бориса Драмма. Когда Джесси получил водительские права, она сентиментально отдала брелок ему. Везла Джесси домой после экзамена и опустила брелок в его ладонь, но, к сожалению, забыла выключить двигатель, и, когда вылезла из машины, та поехала. «Отлично, ма», – сказал Джесси и потянулся к ручке тормоза, и что-то в его надменном веселье заставило Мэгги впервые увидеть в нем мужчину. Ныне Джесси носит ключи в чехольчике из змеиной, полагала она, кожи. А ей хотелось бы, чтобы тот брелок вернулся к ней, она даже чувствовала его пальцами – легкий дешевый металл, рельефные буквы – и помнила, как покручивала его, разговаривая с Борисом. Любит – не любит. И снова увидела Бориса, выскочившего перед автомобилем, когда она училась тормозить. Господи, да он только одно и пытался сказать: «Я здесь! Удели мне немного внимания!»

А еще у нее были такие прозрачные коричневые бусы, похожие на темный янтарь. Антикварная пластмасса, сказала продавщица комиссионного магазина. Пожалуй, тут есть логическое противоречие, но Мэгги эти бусы очень любила. Как и Дэйзи, в детстве она часто брала их поносить, вместе с парой туфелек Мэгги на высоких каблуках, и в конце концов потеряла в переулке за домом. Порвала скакалкой, через которую прыгала, и вернулась домой в слезах, потому что бусы просто исчезли. Они-то уж точно в тот мешок попадут. А заодно и летний вечер, почему бы и нет, – пахнувшие потом дети, светляки, теплые половицы веранды, к которым слегка прилипают кресла-качалки, звенящие в проулке голоса: «По-твоему, это удар?» и «Мисс Мэри Мак, Мак, Мак, вся одетая в черняк, няк, няк...»

Она поставила коробочки с курицей на полку холодильника – впереди всего остального, чтобы Айра их не проглядел, – и вообразила изумление святого Петра, увидевшего, что там вываливается из мешка: бутылочка ветра, коробочка свежего снега, смутное, освещенное луной облачко – из тех, что проплывали в небе, как дирижабли, когда Айра провожал ее домой с хоровых занятий.

Тарелки в сушилке уже высохли, Мэгги собрала их стопкой и перенесла в буфет. А потом наложила себе большую чашку мороженого. Нужно было все же купить шоколадную стружку, у сливочной помадки слишком бесцветный вкус. Поднялась по лестнице, черпая мороженое чайной ложкой. Остановилась у двери Дэйзи. Девочка стояла на коленях, запихивая книги в картонную коробку.

– Мороженого хочешь? – спросила Мэгги.

Дэйзи подняла на нее взгляд:

– Нет, спасибо.

– Ты на ужин всего одну куриную ножку съела.

– Я не голодна, – ответила Дэйзи и смела со лба локон. Одета она была в то, что брать с собой не собиралась, – обвислые джинсы, блузка с надорванной петлицей. Комната ее уже выглядела как нежилая, стоявшие прежде на полках безделушки были упакованы не одну неделю назад.

– А где же твои плюшевые зверушки? – спросила Мэгги.

– В чемодане.

– Мне казалось, ты хотела оставить их дома.

– Хотела, а потом передумала, – сказала Дэйзи.

За ужином она была такой тихой. Мэгги видела, что Дэйзи беспокоится о завтрашнем дне. Хотя она ничего об этом не говорила – вполне в ее духе. Все приходилось угадывать по косвенным признакам – по отсутствию аппетита, по решению взять с собой зверушек. Мэгги сказала:

– Ладно, голубчик, если потребуется помощь, позови меня.

– Спасибо, мам.

Мэгги прошла коридором в спальню, которую делила с Айрой. Он сидел, скрестив ноги, на кровати и раскладывал пасьянс. Туфли сняты, рукава рубашки закатаны.

– Ты не хочешь мороженого? – спросила Мэгги.

– Нет, спасибо.

– И мне бы его есть не стоило, – сказала она. – Но эти разъезды почему-то так тяжело мне даются. По-моему, всего лишь сидя в машине, я миллион калорий пережгла.

Впрочем, если верить зеркалу над столом, не пережгла – толстуха толстухой. Мэгги опустила мороженое на туалетный столик, наклонилась, чтобы осмотреть свое лицо, втянула щеки. Бесполезно. Она вздохнула и пошла в ванную комнату за ночной рубашкой.

– Айра, – позвала она оттуда, плитка на стенах откликнулась эхом. – Как по-твоему, Серина еще злится на нас?

Чтобы увидеть его ответ – он пожал плечами, – пришлось выглянуть в дверь.

– Я подумала – может, позвонить ей, узнать, как она, – сказала ему Мэгги, – но, боюсь, Серина бросит трубку.

Она растегнула платье, стянула его через голову, кинула на крышку унитаза. Сняла туфли.

– Помнишь, как я помогла устроить ее мать в дом престарелых? В тот раз Серина со мной несколько месяцев разговаривать не желала, а когда я звонила, брякала трубкой об аппарат. Так было неприятно. Этот удар на другом конце линии. Я чувствовала себя какой-то маленькой девочкой. Как будто мы опять в третьем классе учились.

– А это потому, что она вела себя, как третьеклассница, – сказал Айра.

Мэгги вышла из ванной в одной комбинации, чтобы зачерпнуть еще ложку мороженого.

– Я даже не понимала, что с ней такое, – сказала она отражению Айры в зеркале. – Ну да, я ошиблась, но это была честная ошибка! Намерения у меня были самые лучшие! Я сказала ее матери: «Послушайте, хотите произвести впечатление на всех обитателей дома? И персоналу показать с самого начала, что вы не просто еще одна банальная старушка?» Это же Анита была! Она когда-то тореадорские красные брюки носила! Не могла же я позволить, чтобы ее там недооценивали, правда? Вот и сказала Серине, что ее примут только в субботу вечером, на Хэллоуин, и сшила ей на моей швейной машинке клоунский костюм, и съездила на Восточную авеню в этот, как его... Как он называется?

– Театральный магазин, – сказал Айра, выкладывая еще один ряд карт.

– В театральный магазин, за гримом. Откуда мне было знать, что костюмированный вечер в ту субботу отменили?

Она принесла мороженое к кровати, прислонила подушку к изголовью и поставила рядом чашку. Айра, наморщив лоб, разглядывал только что выложенные карты.

– Можно подумать, я нарочно выставила ее посмешищем, – продолжала Мэгги, – а ведь Серина так и решила.

Впрочем, в эти мгновения в голове у нее вертелась не Серина, но Анита: размалеванное лицо, пучки рыжих волос, треугольники, которые Мэгги нарисовала губной помадой под ее глазами, отчего они стали казаться неестественно яркими и даже полными слез, как у настоящего циркового клоуна. И ее дрожащий, как будто вдавленный подбородок, когда она сидела в инвалидной коляске и смотрела, как Мэгги уходит.

– Я тогда струсила, – внезапно сказала Мэгги, ставя чашку на кровать. – Надо было остаться, помочь Серине переодеть ее. Но я почувствовала себя такой дурой, поняла, что все испортила. Поэтому просто сказала: «Ну, пока!» – и ушла, а последним, что я видела, была Анита, которая сидела там в жутком парике, точно какая-нибудь... ни на что не похожая, пришибленная старческим маразмом, жалкая, а вокруг – нормально одетые люди.

– Ладно, милая, в конце концов она замечательно там прижилась, – сказал Айра. – К чему раздувать из этого целую историю?

– К тому, что ты не видел, как она выглядела, Айра. На ней же еще и тот корсет был, понимаешь? Ограничительный, без которого она уже не могла сидеть прямо. Клоунский костюм и корсет! Говорю тебе, я была полной дурой.

Мэгги надеялась, что Айра поспорит с ней и на этот счет, однако он всего лишь положил валета треф на даму.

– Не знаю, почему я морочу себя надеждой попасть на небеса, – сказала Мэгги.

Молчание.

– Так позвонить ей или нет?

– Кому?

– Серине, Айра. О ком мы с тобой разговариваем?

– Конечно, если тебе хочется.

– А вдруг она трубку бросит?

– Тогда вспомни, сколько ты сэкономишь на телефонном счете.

Мэгги скорчила ему гримасу, сняла с тумбочки телефон, поставила себе на колени. С минуту помешкала. Подняла трубку. Айра тактично склонился над картами и начал насвистывать. (Он всегда так уважительно относился к личным тайнам, хотя Мэгги по опыту знала, что и притворяясь поглощенной, ну, скажем, какой-то песней, можно подслушать очень многое.) Она набрала номер Серины – медленно, как будто это могло помочь ей в разговоре с подругой.

Телефонный аппарат Серины выдал два коротких звонка вместе одного длинного. Мэгги подумала, что это признак отсталости – вот что значит глухая провинция. «Брип-брип». «Брип-брип».

Голос Серины:

– Алло.

– Серина?

– Да?

– Это я.

– А, привет.

Может, она не поняла, кто такая эта «я». Мэгги откашлялась. Сказала:

– Это Мэгги.

– Привет, Мэгги.

Она успокоилась, прилегла на подушку, вытянула ноги. И сказала:

– Звоню, чтобы узнать, как ты.

– Очень хорошо! – ответила Серина. – Или, ну, не знаю. По правде сказать, не ахти. Хожу по дому из комнаты в комнату. Не могу усидеть на одном месте.

– Линда с тобой?

– Я ее выставила.

– За что?

– Она мне на нервы действовала.

– На нервы! Чем?

– Да то одним, то другим. Забыла. Они повезли меня обедать и... Вообще-то я отчасти сама была виновата. Нарочно все им назло делала. Ресторан мне не понравился, другие посетители показались невыносимыми. И я все думала, как хорошо побыть одной, чтобы весь дом был в моем распоряжении. Ну вот, теперь я дома, и уж больно здесь тихо. Как будто меня в вату завернули. Я как услышала, что телефон звонит, обрадовалась точно ненормальная.

– Жаль, что мы не живем поближе друг к другу, – сказала Мэгги.

– Мне теперь некому рассказывать о всяких мелочах, о фокусах водопровода, о том, что на кухне опять появились красные муравьи.

– Мне можешь рассказывать, – предложила Мэгги.

– Так это же не твои красные муравьи, понимаешь? Ну то есть мы не вместе от них страдаем.

– А, – промолвила Мэгги.

Наступила пауза.

Что там насвистывает Айра? Что-то с пластинки, которую Лерой ставила вечером, слова так и вертелись у Мэгги на кончике языка. Он собрал бубновые карты и переложил их к королю.

– Знаешь, – сказала Серина, – всякий раз, как Макс возвращался из деловой поездки, мы столько всего друг другу рассказывали. Он говорил и говорил, я говорила и говорила, и угадай, что происходило потом?

– Что?

– Мы с ним переругивались вдрызг.

Мэгги засмеялась.

– А после мирились и вместе отправлялись в постель, – сказала Серина. – Сумасшедшие, верно? А теперь я все думаю: если бы Макс сию минуту воскрес, мы бы опять поругались самым жутким образом?

– Пожалуй, да, поругались, – ответила Мэгги.

И попыталась представить, что это такое – знать, что Айру она видит на этой земле в последний раз. Наверное, ей было бы трудно поверить в это. Она несколько месяцев ожидала бы, что сейчас он придет к ней, как пришел на занятия хора в тот первый весенний день, тридцать лет назад.

– И вот еще что, Серина, – сказала она. – Я хочу извиниться за то, что произошло после похорон.

– Ой, да забудь.

– Нет, правда, мы потом так ужасно себя чувствовали, оба.

Оставалось надеяться, что Серина не слышит свиста Айры, который делал эти извинения какими-то неискренними. Лишь потом до меня и дошло, весело высвистывал он, как долог и странен был этот путь...

– Забудь. Не знаю, с чего я так раскипятилась, – сказала Серина. – Вдовья нервозность, что-то в этом роде. Полная дурь. Я уже вышла из возраста, когда можно бездумно разбрасываться друзьями, мне это не по карману.

– Ой, не говори так!

– То есть ты хочешь, чтобы я тебя отбросила?

– Нет, нет...

– Да я шучу, – сказала Серина. – Спасибо, что позвонила, Мэгги. Серьезно. Хорошо было услышать твой голос.

– Всегда готова, – сказала Мэгги.

– Ну, пока.

– Пока.

Серина положила трубку. А миг спустя то же сделала и Мэгги.

Мороженое было уже несъедобным. Супчик, а не мороженое. Да Мэгги и чувствовала себя переешшей. Она окинула свое тело взглядом – лифчик просто-напросто впивался в груди.

– Я слониха, – сказала она.

– Опять двадцать пять, – ответил Айра.

– Seriously.

Он вглядывался в карты, постукивая себя указательным пальцем по верхней губе.

Ладно. Она встала, прошла, раздеваясь на ходу, в ванную комнату, сняла с крючка ночную рубашку. Надела ее через голову, дальше рубашка опала сама, свободная, прохладная, невесомая. «Вот так!» –

сказала Мэгги. Из спальни в ванную тянулась дорожка из ее белья; Мэгги собрала его и сунула в плетеную корзину.

Временами, после особенно трудного дня, ее охватывало желание сжечь все, что она в тот день носила. Но сейчас, пока она пристраивала платье на плечики, ее посетила новая мысль. Она оглянулась на Айру. Отвела взгляд. Повесила платье в платяной шкаф, рядом с шелковой блузкой.

– Господи, – сказала она, снова повернувшись к нему, – какая все-таки дыра этот Картуил.

– Мм...

– Я уж и забыла, какая это дыра.

– Угу.

– И школа там наверняка дрянная.

Нет ответа.

– Как по-твоему, способна тамошняя школа дать хорошее образование?

– Не могу знать, – ответил Айра.

Мэгги плотно закрыла дверцу платяного шкафа и сказала:

– Зато я могу. Она, должно быть, на год от балтиморских отстаёт, а то и на два.

– А в Балтиморе школы, естественно, великолепные, – сказал Айра.

– Да уж получше, чем в Картуиле.

Он посмотрел на нее, приподнял бровь.

– Ну, скорее всего, – поправилась Мэгги.

Айра взял карту, положил ее на другую, но передумал и вернул назад.

– Мы вот что могли бы сделать, – сказала Мэгги. – Написать Фионе, спросить, что она думает насчет образования Лерой. Предложить устроить Лерой в здешнюю школу, и пусть она девять месяцев в году живет у нас.

– Нет, – ответил Айра.

– А то и двенадцать, если понадобится. Ты же знаешь, как дети привязываются к своим одноклассникам, ну и так далее. Может, ей и не захочется от нас уезжать.

– Посмотри на меня, Мэгги.

Она посмотрела, подбоченившись.

– Нет, – сказал он.

Она могла бы привести ему множество доводов, любых!

Но почему-то не стала. Опустила руки и отошла к окну.

Ночь стояла теплая, темная, тихая, ветерок лишь едва-едва покачивал штору. Мэгги подняла ее повыше, высунулась в окно, прижавшись лбом к мелкой сетке. Воздух пах резиновыми крышками и травой. Из дома соседей, Локесов, доносились обрывки телевизионной музыки. По другую сторону улицы поднимались на свою веранду Симмонсы, муж позвякивал ключами. Ложиться спать они пока не собирались, что нет, то нет. Симмонсы были одной из тех счастливых бездетных молодых пар, что никого вокруг, кроме друг друга, не видят, сейчас они, несомненно, вернулись домой, поужинав в ресторане, и теперь займутся... чем? Поставят какую-нибудь романтическую музыку, может быть скрипичную, и будут сидеть на безупречно белом двухместном диванчике, держа в руках винные прямые, не расширяющиеся к краям бокалы из тонкого, очень хрупкого хрусталя и чинно беседуя. А возможно – танцевать. Она как-то видела их танцующими на передней веранде: жена была в туфлях на высоком каблуке, с волосами, собранными вверх в похожую на купол прическу, муж держал ее на некотором расстоянии от себя, формально, обожаяще.

Мэгги отошла от окна, вернулась к кровати.

– Ах, Айра, – сказала она, плюхнувшись рядом с ним, – ради чего мы с тобой будем жить всю остальную жизнь?

Сядясь, она сдвинула колоду карт, однако добрый Айра не стал ее поправлять, а вместо этого одной рукой притянул Мэгги к себе.

– Ладно, милая, ладно, – сказал он, поудобнее устроивая Мэгги рядом с собой. Продолжая обнимать ее, он перенес четверку пик к пятерке, а Мэгги положила голову ему на грудь и окинула взглядом пасьянс. Айра уже добрался до самого интересного. Миновал раннюю, несерьезную стадию, когда еще представляются возможными любые ходы, и сейчас выбор у него сузился, ему следует проявлять настоящую искусность и осмотрительность. Мэгги почувствовала, как что-то шевельнулось в ней, пронизало ее, словно внезапный прилив внутренней жизненной силы, и подняла лицо, чтобы поцеловать теплый выступ его скулы. А затем выскользнула из-под руки Айры и

перебралась на свою сторону кровати: назавтра их ожидала дальняя поездка, перед которой следовало основательно выспаться.

notes

СНОСКИ

1

Песня американского дуэта «Эверли Бразерс», имевшего огромный успех в 50–60-х гг. прошлого века. – Здесь и далее примеч. перев. и ред.

«Старый дом» – песня британского поп-певца Рика Этли, пик популярности которого пришелся на 1980-е; «Монтер из Вичито» – песня Джимми Уэбба (1968), впервые исполненная кантри-певцом Гленом Кэмпбеллом (р. 1936); «Колдуй, колдуй, вуду...» – песня, ставшая известной в исполнении британского актера Рона Муди (1924–2015).

«Спроси у Энн Ландерс» – так называлась созданная в 1943 году газетой «Чикаго сан-таймс», продержавшаяся 56 лет и публиковавшаяся во многих других изданиях коллективная колонка ответов на вопросы читателей. Реальной Энн Ландерс никогда не существовало.

4

AAA – Американская автомобильная ассоциация.

Британская хеви-метал группа, оказавшая огромное влияние на развитие как стиля хеви-метал, так и в целом тяжелого рока.

6

Американский комедийный сериал (1951–1957).

Джебран Халиль Джебран (1883–1931) – арабский философ, писатель и поэт, с 1895 г. живший в Америке и писавший по-английски. Самая известная его книга – «Пророк» (1923).

Популярная песня Реджинальда де Ковена на стихи Клементы Скотта, опубликована в 1889 г.

Имеется в виду фильм режиссера Майкла Гордона «Интимный разговор» (1959), получивший «Оскара» за сценарий.

Популярная песня С. Фейна и П. Ф. Уэбстера, впервые прозвучавшая в одноименном фильме (1955), которая позднее исполнялась Фрэнком Синатрой, Нэтом Кингом Коуллом и многими другими.

Чесапикский залив на побережье Атлантического океана.

Нет ничего прекрасней любви на земле,
Это розы бутон – он весной рожден,
В апрельском тепле.
Природа дает нам знак, что живем мы не просто так,
Золотым венцом превращая нас в королей.
Однажды двое влюбленных
На холме, где ветер и высь,
В поцелуе слились,
И замер мир изумленно.
Мое сердце безмолвное ты пальцами тронул
И петь научил его:
Нет на свете прекрасней любви ничего.

(перев. Е. Калявиной)

Нарицательное имя бессовестного совратителя, изначально – персонаж вставной новеллы в романе «Дон Кихот».

Строчки из песен «Рожденная быть с тобой» и «Дружеское увещание» (из одноименного фильма, 1956).

Эстрадная песня, написанная К. Портером и спетая Бингом Кросби и Грейс Келли в 1956 г.

Песня, впервые исполненная вокальной группой The Platters в 1955 г. Слова и музыка Б. Рам.

«Баллада о Дэйви Крокетте» (1954) – популярная песня Д. Брюнса и Т. У. Блэкберна в стиле «фолк»; «Желтая роза Техаса» – традиционная американская фольклорная песня, входившая в репертуар Элвиса Пресли и Митча Миллера; «Гончий пес» – очень популярный рок-н-ролл 1950-х, авторства Дж. Либера и М. Столлера, наиболее известным исполнителем был Элвис Пресли; «Папа любит мамбо» – песня А. Хоффмана и Д. Мэннинга (1954); «Отель разбитых сердец» – песня Т. Дердена и М. Б. Эксто, с которой в 1956-м Элвис Пресли прославился на всю Америку.

Минни Перл (настоящее имя Сара Кэннон, р. 1932) – американская комедийная актриса, стала известной благодаря образу простоватой чудачки в старых одежках и нелепой шляпке, говорившей с ужасным акцентом.

«Обними меня крепче» – песня Вилли Нельсона.

Старинная песня (1808) – положенные на традиционную ирландскую мелодию стихи ирландского поэта Томаса Мура (1779–1852), перевод С. Б. Болотина.

Что будет, то будет (фр.).

Популярный в Америке порошковый желатин со вкусовыми добавками, который используют для приготовления десертов, пудингов и прочего.

Гаучер-колледж (Goucher College) – колледж в США, расположенный в городке Таусон, пригороде Балтимора, в штате Мэриленд. Колледж был основан в 1885 г. по решению конференции методистских епископов США как Женский колледж Балтимора.

База морской пехоты в Джексонвилле, штат Северная Каролина.

«Тряпичная Энн» – фирменное название куклы, сделанной из ткани. У нее обычно рыжие волосы и красные щеки. Аналогичную куклу-мальчика зовут «Тряпичный Энди».

Открывшийся в 1980 г. развлекательный и торговый центр в Балтиморе.

«Лайм Спайдерс» – австралийская панк-рок-группа, популярная в начале 1980-х.

Британская тепловая единица.

Песня американской рок-группы «Канзас» (1977).

Песня рок-группы «Иглз» (1975).

Песня поп-группы «Старлэнд Вокал Бэнд» (1976).

Хит «Эверли Бразерс» (1960).

Газетный комикс художника Гарри Трюдо, начал печататься в 1970-м.

Округ на Восточном берегу штата Мэриленд.

Песня в стиле кантри Роджера Миллера (1964).

«Благодарные мертвецы», американская психоделическая рок-группа.